This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Acquired through the

HOOVER INSTITUTION

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

Acquired through the

HOOVER INSTITUTION

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

(160)

Vyazemskiy, P. A.

ФОНЪ-ВИЗИНЪ.

СОЧИНЕНІЕ

Князя Петра Вяземскаго.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА ВНѢШНЕЙ ТОРГОВЛИ.

1848.

ВН

PG 3313
F6Z96

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

С. Петербургъ.

1835 года, Января 3-го дня.

Цензоръ *П. Корсаковъ*.

1848 года, Февраля 5-го дня.

Цензоръ *А. Никитенко*.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА I.

Значеніе Исторіи литтературы вообще. Двойственный ея характеръ. Русская литтература: Ломоносовъ, Державинъ, Богдановичъ, Карамзинъ, Дмитріевъ, Озеровъ, Крыловъ, Жуковскій, Пушкинъ. Имѣетъ ли Русская литтература свою оригинальность? литтература наша выражаетъ ли вполнѣ наше общество, его нравственную самобытность? Подъ какими условіями литтература можетъ имѣть вліяніе на народъ. Одностороннее направленіе Русской литтературы, выразившееся въ Лирической поэзіи. Оригинальное образованіе нашего общества (побѣдами) Явленіе Ломоносова, Петрова, Державина и другихъ, какъ поэтовъ народа — побѣдителя.

Вѣкъ Екатерины Великой. Новое побужденіе къ продолженію лирическаго направленія нашей поэзіи. Любовь Императрицы къ Французской литтературѣ. Вліяніе Французской литтературы на Русскую. Посредничество въ этомъ Ив. Ив. Шувалова. Борисъ Михайловичъ Солтыковъ. Его литтературный агентъ въ Женевѣ. Сношеніе Сумарокова съ Вольтеромъ. Дидеротъ, Альфіери, Бернарденъ-де-Сенъ-Пьеръ и другіе литтераторы въ С Петербургѣ. Вліяніе образованности Двора на наше общество. Общія замѣчанія о Фонъ-Визинѣ. Оригинальность его. Эпоха покровительства талантовъ Дворомъ и вельможами. Фонъ-Визинъ, дѣйствующее лице на сценѣ Петербургской, и какъ писатель драматическій и сатирическій. Кругъ наблюденій Фонъ-Визина, ограничивающійся единственно обществомъ провинціяльнымъ. Различіе между Фонъ-Визинымъ и Моліеромъ. О жизни и литтературныхъ трудахъ Фонъ-Визина вообще. Скудость матеріаловъ для его Біогра-

фіи. Бумаги, оставшіяся послѣ него. Исповѣдь. Письма къ родственникамъ и пріятелямъ. Письма къ нему отъ нѣкоторыхъ замѣчательныхъ лицъ. Разныя бумаги: дѣловыя, политическія и семейныя.

стр. 1—21.

ГЛАВА II.

Генеалогія Фонъ-Визиныхъ. Баронъ Петръ Володиміровъ Фонъ-Визинъ. Денисъ Фонъ-Визинъ. Грамота Царя, Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича, пожалованная Денису Фонъ-Визину. Иванъ Андреевичъ Фонъ-Визинъ (отецъ автора). Павелъ Ивановичъ (братъ его). Сестра Фонъ-Визина, вышедшая за Аргамакова, и ея сынъ. Нравственность родителей Фонъ-Визина. Рожденіе его. Дѣтство. Вліяніе стариннаго образа воспитанія на способъ выражаться, а слѣдовательно и на слогъ Фонъ-Визина. Славянизмы и галлицызмы главный недостатокъ его слога. Хорошая сторона прежняго домашняго воспитанія. Мнѣніе Карамзина о народности. Фонъ-Визинъ въ Московскомъ Университетѣ. Иванъ Ивановичъ Мелиссино отправляетъ Фонъ-Визина съ братомъ, въ числѣ 10 лучшихъ воспитанниковъ, для представленія куратору Университета Ивану Ивановичу Шувалову, въ С. Петербургъ. Потемкинъ, Встрѣча съ Ломоносовымъ въ домѣ Шувалова. Впечатлѣнія Двора и театра на умъ Фонъ-Визина. Первый литтературный трудъ его, переводъ басень *Гольберга*. Награда за него, состоявшая въ платежѣ соблазнительными книгами. Вторый переводъ его: *Жизнь Сиѳа, Царя Египетскаго*. Замѣчанія о содержаніи этого сочиненія и переводѣ. *Превращенія Овидіевы*. Политическіи произведеніи Фонъ-Визина: *Посланіе къ слугамъ моимъ* и басня *Лисица Казнокій*. Отсутствіе въ Фонъ-Визинѣ поэтическаго таланта. Переводъ *Альзиры*. Сатирическое посланіе А. С Хвостова. Конецъ перваго періода жизни Фонъ-Визина. Взглядъ на тогдашнее время.

22—38.

ГЛАВА III.

Вступленіе Фонъ-Визина, въ 1762 году, въ службу. Вице-Канцлеръ К. Голицынъ опредѣляетъ его въ Иностранную

Коллегію. Первое время службы. Отправка его въ *Шверинъ*. Расположеніе къ нему Кабинетъ Министра Ив. П. *Елагина*. Замѣчаніе объ Елагинѣ. Романъ: *Приключенія Маркиза Г.* Порошинъ. Вражда съ Лукинымъ. Тогдашнее вольнодумство. Москва и Петербургъ. Дружба съ Тепловымъ. Замѣчаніе о Тепловѣ. Непоколебимость въ Вѣрѣ. Переводъ сочиненія *Самуила Кларка* «Доказательство бытія Божія». Взглядъ на роль Кутейкина (въ комедіи Недоросль), какъ вывѣску тогдашней эпохи. Раскаяніе Фонъ-Визина. Нѣкоторыя извѣстія о посланіи къ слугамъ моимъ. Объ успѣхѣ комедіи: *Бригадиръ*. Фонъ-Визинъ читаетъ свою комедію Императрицѣ. Конецъ записокъ его «Исповѣди.» Недостатокъ матеріаловъ для дальнѣйшаго продолженія его Біографіи.

39—53.

ГЛАВА IV.

О сочиненіяхъ Фонъ-Визина, написанныхъ въ предъидущемъ періодѣ его жизни. Переводъ повѣсти: *Іосифъ*, сочиненіе *Битобе*. Разборъ этого перевода. Объ употребленіи Славянскихъ словъ въ смѣшеніи съ Русскими. О недостаткахъ Русскаго Языка того времени. Пристрастіе къ Славянскому Языку Ломоносова. О славянизмахъ Фонъ-Визина, въ переводѣ повѣсти: *Іосифъ*. Слогъ Фонъ-Визина. Переводъ: *Торгующее дворянство, противуположное дворянству военному*.

54—61.

ГЛАВА V.

О службѣ Фонъ-Визина. Начало его политическаго поприща со времени поступленія подъ начальство Графа Никиты Ивановича Панина. Важность тогдашней эпохи, въ политическомъ и дипломатическомъ отношеніяхъ. Значеніе Графа Панина въ Исторіи Русской Дипломатіи. Участіе Фонъ-Визина въ дѣлахъ государственныхъ. О перепискѣ его съ главнѣйшими современными Русскими дипломатами и другими замѣчательными лицами. Значеніе писемъ ихъ къ Фонъ-Визину. Отношеніе его къ Графу Н. И. Панину. Дружба съ А. Ил. Бибиковымъ. Достоинство Бибикова и успѣхи его въ Польшѣ и противъ Пугачева. Письма его изъ Варшавы и Казани къ Фонъ-Визину. Як. Ив. Булгаковъ. Литтературные

труды его. Политическая дѣятельность. Письма его къ Фонъ-Визину. Марковъ. Сальдернъ. Письма Маркова. Ал. Мих. Обрѣсковъ. Сношенія его съ Фонъ-Визинымъ. Гр. Стакельбергъ. Письма его. Гр. Петръ Ив. Панинъ. Мнѣніе о немъ Императрицы Екатерины II. Сношенія съ нимъ Фонъ-Визина. Письма Фонъ-Визина къ Гр. Панину, заключающія въ себѣ дѣла внутренней и внѣшней политики того времени. Письма Гр. П. И. Панина къ Фонъ-Визину. Отношенія Фонъ-Визина къ Князю Потемкину.

62—113.

ГЛАВА VI.

Путешествія Фонъ-Визина въ чужіе краи. Второе путешествіе. Пребываніе въ Парижѣ. Третіе путешествіе. Ударъ паралича. Четвертое путешествіе. Заграничныя наблюденія его. Одностороннее направленіе Фонъ-Визина. Разборъ писемъ его, писанныхъ изъ-за границы къ Гр. П. И. Панину. Дидеротъ и Мармонтель. Пріѣздъ Вольтера въ Парижъ во время пребыванія въ немъ Фонъ-Визина. Мнѣніе иностранныхъ писателей о тогдашнемъ духѣ Французовъ. Письмо Гиббона. Свидѣтельство Кн. Дашковой о состояніи *Парижскаго общества*. Дидеротъ у Кн. Дашковой въ Парижѣ. Г-жа Жофрень-Рюльеръ. Мнѣніе Кн. Дашковой о Дидеротѣ. Многое въ письмахъ Фонъ-Визина, писанныхъ изъ Парижа къ Гр. П. И. Панину, заимствовано изъ сочиненія *Дюкло* «Considérations sur les moeurs de ce siècle»; въ комедіяхъ же изъ сочиненій *Лабрюйера*, *Ларошфуко* и *Лабомеля*. Анекдотъ о Дидеротѣ и Майковѣ. Ученыя занятія Фонъ-Визина въ Парижѣ и кругъ его знакомства. Франклинъ. Сенъ-Жермень. Прощальное письмо Гр. П. И. Панина, передъ отъѣздомъ Фонъ-Визина за границу. Фонъ-Визинъ оставляетъ службу. Связи его съ Клостерманомъ. Пребываніе Фонъ-Визина въ Италіи. Замѣчанія его о художествахъ. Поѣздка въ Лукку. Письма Фонъ-Визина изъ Вѣны. Пріѣздъ его въ Россію и начало страдальческой жизни. Намѣреніе Фонъ-Визина опять отправиться за границу. Ложные слухи о желаніи жены развестись съ нимъ. Послѣдняя поѣздка за границу. Письма изъ Вѣны. Выписки изъ журнала пребыванія въ Карлсбадѣ. Выписки изъ журнала путешествія въ Ригу, Бальдонъ и Митаву.

114—170.

ГЛАВА VII.

Есть ли у насъ театръ? О старой Русской комедіи. Представляетъли наше общество матеріалы для драмы? Необходимъ ли у насъ театръ? Сумароковъ. Комедіи его. Замѣчаніе на комедію: *Опекунъ*. Триссотиніусъ. Комедія Жукина «*Мотъ, любовью исправленный*.» Веревкинъ. Содержаніе его комедіи «*Такъ и должно*.» Роль Доблестина. Творенія Екатерины Великой. Комедія Кн. Дашковой «*Тоисековъ*.» Княжнинъ, комедіи его «*Хвастунъ*, *Чудаки*.» Клушинъ. Ефимьевъ. Заключеніе о старой комедіи.

171—203.

ГЛАВА VIII.

Фонъ-Визинъ, какъ драматическій писатель. *Бригадиръ*. Разборъ его Замѣчанія на комедію «*Недоросль*.» Успѣхъ Недоросля. Слова Потемкина. Общее заключеніе о характерѣ комедій Фонъ-Визина. *Горе отъ ума*. Роль Софіи, Чацкаго. Отзывъ Пушкина о Чацкомъ. Фамусовъ. Особенное достоинство твореній Грибоѣдова и Фонъ-Визина. *Вѣсти или убитой живой*, комедія Гр. Ростопчина.

204—225,

ГЛАВА IX.

Невозможность соблюденія строгой послѣдовательности въ Біографіи Фонъ-Визина. Необходимость отступленій отъ главнаго предмета. Нѣкоторыя частности изъ жизни Фонъ-Визина. Одиночество его въ Петербургѣ. Письма его изъ С. Петербурга къ сестрѣ. О домѣ Мятлевой. Знакомство Фонъ-Визина съ Херасковымъ, Майковымъ, Богдановичемъ, Барковымъ и Волковымъ. Любовь его къ А. И. Приклонской. Знакомство съ молодою вдовою Хлоповою. Первое ея замужество. Тяжба ея. Фонъ-Визинъ разбираетъ это дѣло. Женитьба Фонъ-Визина. Состояніе отца Фонъ-Визина. Подарокъ Гр. Панина своимъ тремъ секретарямъ изъ пожалованныхъ ему помѣстій. Со-

ОГЛАВЛЕНІЕ ПРИЛОЖЕНІЙ.

Число прил. *Стр.*

I. Четыре письма Бориса Солтыкова къ И. И. Шувалову 303
Письмо Графа А. Воронцова къ нему же 305
II. Письмо Графа Разумовскаго къ нему же 307
Дидеротъ въ Петербургѣ 310
III. Альфіери въ Петербургѣ 318
IV. Басни нравоучительныя Барона Гольберга (перев. Д. Фонъ-Визина) 320
V. Выписка изъ книги: Геройская добродѣтель или жизнь Сиоа Царя Египетскаго, изъ таинственныхъ свидѣтельствъ древняго Египта взятая. (Перев. Д. Фонъ-Визина) 326
VI. Посланіе къ творцу Посланія или копія къ оригиналу. (Соч. А. С. Хвостова) 330
VII. Выписки изъ Елагина: Приношеніе премудрости и Извлеченіе изъ введенія къ Русской Исторіи . 334

Письма къ Фонъ-Визину:

VIII. Сальдерна (три) 337
Графа Стакельберга (пять) 340
Прусскаго Посланника Сольмса (два) 344
С. Зиновьева (осемь) 346
А. Мусина-Пушкина (шесть) 353
Князя Н. Рѣпнина (три) 360
Н. Хотинскаго (три) 362
А. Обрѣскова (четыре) 365
Мальцова (одно) 370
А. Сумарокова (одно) 371
Графа Остермана (одно) . . . . . —
Княгини Дашковой (одно) 372
П. Левашева (одно) 374
А. Стахіева (три) 375
Письма Фонъ-Визина къ Графу Петру Ивановичу Панину, о военныхъ и политическихъ происшествіяхъ, съ приложеніемъ разныхъ офиціяльныхъ бумагъ и документовъ 337

Число прил. *Стр.*

IX. Начертаніе для составленія Толковаго Словаря Словяно-Россійскаго Языка 433

Способъ, коимъ работа Толковаго Словаря Словяно-Російскаго Языка скорѣе и удобнѣе производиться можетъ 442

X. Смерть Авеля, отрывокъ изъ поэмы Геснера (перев. Фонъ-Визина) 447

I. XI. Копіи съ справокъ Разряднаго Архива, съ родословныхъ росписей и списковъ съ грамотъ Фамиліи *Фонвисиныхъ* 450

II. Краткая записка о службѣ Фонъ-Визина, извлеченная изъ офиціяльныхъ бумагъ 465

III. Копія съ Высочайшаго Указа, о прикомандированіи Фонъ-Визина къ Ст. Сов. Елагину 466

Представляемая мною въ 1848 г., на судъ читателей, книга начата лѣтъ за двадцать предъ симъ и окончена въ 1830 году. Въ 1835 году, была она процензирована и готовилась къ печати. Въ продолженіе столь долгаго времени, многія изъ главъ ея напечатаны были въ разныхъ журналахъ и альманахахъ: въ Литтературной Газетѣ Барона Дельвига, въ Современникѣ, въ Утренней Зарѣ, и въ другихъ Литтературныхъ сборникахъ. Самая рукопись читана была многими литтераторами. Въ разныхъ журналахъ и книгахъ встрѣчались о ней отзывы, частію благосклонные, частію нѣтъ. Эта метрическая справка, о лѣтахъ являющагося нынѣ въ свѣтъ сочиненія, показалась мнѣ неизлишнею, для предупрежденія недоразумѣній, и для правильнаго заключенія

объ относительномъ достоинствѣ и объ относительныхъ недостаткахъ предлагаемой книги. Такія метрическія и, такъ сказать, личныя указанія, равно нужны какъ въ оцѣнкѣ книгъ, такъ и въ оцѣнкѣ людей. Въ сужденіи о тѣхъ и другихъ, не должно никогда терять изъ вида, въ какое время книга была написана или человѣкъ дѣйствовалъ. Можетъ быть, спросятъ: почему же книга, имѣющая уже столько лѣтъ отъ рода, такъ поздно является въ свѣтъ? Объясненіе этого вопроса не доставитъ никакихъ свѣдѣній, которыя могли бы имѣть какую нибудь занимательность для читателей. Впрочемъ, любопытнѣйшихъ изъ нихъ отсылаю къ статьѣ, напечатанной мною въ 3-й книжкѣ Современника, на 1837 годъ (стран. 373). Знаю, что объявляя о возрастѣ книги моей, подвергаю ее предварительному подозрѣнію и осужденію нѣкоторыхъ критиковъ. Они рѣшили, что книги стараго поколѣнія никуда не годятся, и что, въ послѣднее пятнадцатилѣтіе, Литтература наша такъ далеко ушла, что все прежнее должно быть предано забвенію или равнодушно принято къ свѣдѣнію. Но опасеніе

съ этой стороны на меня нисколько не дѣйствуетъ. Мнѣ никакъ не вѣрится, что послѣдній періодъ литтературной дѣятельности Карамзина и Пушкина долженъ быть признанъ за младенчество, а нынѣшній періодъ за періодъ возмужалости и совершеннолѣтія Литтературы нашей. Каюсь въ невѣріи своемъ, и откровенно и смѣло выставляю годъ рожденія книги моей.

Позволю себѣ еще нѣсколько дополнить эти свѣдѣнія біографическими подробностями о самой книгѣ. По первоначальной смѣтѣ, сочиненіе мое о Фонъ-Визинѣ должно было ограничиться предѣлами статьи, то есть, краткаго введенія къ твореніямъ его. Отъ обстоятельствъ, статья разрослась въ книгу. Холера, свирѣпствовавшая въ 1830 году, застигла и заперла меня съ семействомъ въ подмосковной моей. Послѣ первыхъ опасеній и безпокойствъ въ виду роковой посѣтительницы, для развлеченія и успокоенія своего, я почувствовалъ потребность въ постоянномъ занятіи. Фонъ-Визинъ явился мнѣ тогда на помощь и въ отраду. Подъ руками моими была обширная библіотека, много рукописей, записокъ и

ГЛАВА I.

Исторія литтературы народа должна быть вмѣстѣ исторіею и его общежитія. Только въ соединеніи съ нею можетъ она имѣть для насъ нравственное достоинство и поучительную занимательность. Если на литтературѣ, разсматриваемой вами, не отражаются мнѣнія, страсти, оттѣнки, самые предразсудки современнаго общества; если общество, предстоящее наблюденію вашему, чуждо господству и вліянію современной литтературы: то можете заключить безошибочно, что въ эпохѣ, изучаемой вами, нѣтъ литтературы истинной, живой, которая не безъ причины названа выраженіемъ общества. Можно еще допустить, что въ нѣкоторомъ отношеніи литтература бываетъ двоякая: одна для народа то, что даръ слова для человѣка; то, чѣмъ передаетъ онъ себя ближнимъ и потомству; то, чѣмъ онъ человѣкъ, то есть, существо мыслящее и чувствующее. Человѣкъ безъ сего способа выражать себя

и народъ, неимѣющій сей литтературы, существа неполныя, недостигающія цѣли бытія своего. Другую литтературу можно причислить къ искусствамъ изящнымъ: къ ваянію, къ живописи, къ музыкѣ. Она — въ разрядѣ вспомогательныхъ, уже благопріобрѣтенныхъ способностей, коими умъ человѣческій прихотливо выражаетъ мысль свою, коими народъ образующійся честолюбиво знаменуетъ успѣхи свои на поприщѣ гражданственности и умственнаго усовершенствованія. Посреди безмолвія, оцѣпенѣнія, царствующаго при отсутствіи первой изъ сихъ литтературъ, можетъ возвыситься иногда голосъ автора, который сильно подѣйствуетъ на вниманіе общества, его окружающаго: общество отвѣчаетъ ему съ силою и быстротою потрясеннаго сочувствія; но сіе дѣйствіе случайно, скоропостижно и недолговременно: не имѣвъ предыдущаго, оно едва объемлетъ стѣсненные предѣлы настоящаго и теряется вмѣстѣ съ минутнымъ впечатлѣніемъ. Такъ сладкозвучный Ромбергъ или молніеносный смычекъ Паганини зажигаютъ восторгъ и оковываютъ вниманіе слушателей. Въ раздраженіи сокровеннѣйшихъ нервовъ своихъ, они сочувствуютъ, соотвѣтствуютъ гармоническимъ изліяніямъ повелительнаго чародѣя; но сіе сочувствіе, сія взаимность въ ощущеніяхъ, въ сотрясеніяхъ сокровенныхъ, были только насильственныя или по крайней мѣрѣ не естественныя, а искусственныя. Пора баснословныхъ чудесъ Орфея миновалась:

ни горы не тронутся съ мѣста; ни львы, ни люди не преобразуются. Звуки замолкли, раздраженныя нервы утихли, и между виртуозомъ и слушателями его уже нѣтъ никакого нравственнаго соотвѣтствія. Литтература также имѣетъ своихъ виртуозовъ. Равно и между твореніемъ отличнымъ и народомъ, коего общество еще не готово для литтературы, или литтература еще не дозрѣла для общества, нѣтъ также обоюдности глубокой и постоянной. Концертъ отслушанъ, книга прочтена, и тотъ и другая возбудили нѣсколько изящныхъ ощущеній, можетъ быть, нѣсколько благородныхъ соревнованій, но тѣмъ все и кончилось. — Обратимся теперь къ намъ: повѣримъ наше предположеніе добросовѣстно и внимательно, и выведемъ заключеніе. Нѣкоторыя наши явленія литтературныя: великолѣпныя оды Ломоносова; воспламененные, философическіе и сатирическіе гимны Державина; граціозныя шутки Богдановича; утонченности взыскательнаго общежитія, европеизмы, введенные въ прозу и стихи наши Карамзинымъ и Дмитріевымъ; опыты Озерова, который умѣлъ иногда сочетать блескъ трагическихъ формъ Вольтера съ благозвучіемъ поэзіи Расина; лукавое простосердечіе и черты Русской насмѣшливости и замысловатости, ярко оттѣнившія произведенія Крылова; оригинальность заимствованій или завоеваній Жуковскаго, положившаго свою печать на подражанія, которыя въ свое время были смѣлыми новизнами; въ

Пушкинѣ тотъ-же духъ, тѣ-же пріемы поэтической притяжательности, еще болѣе принаровленные къ характеру времени и характеру Русскаго ума, и гораздо болѣе разнообразные въ своихъ движеніяхъ — всѣ сіи явленія, болѣе или менѣе, продолжительнѣе или кратковременнѣе, наносили рѣзкія впечатлѣнія на вниманіе общества нашего и возбуждали повсемѣстное сочувствіе. Со всѣмъ тѣмъ, кажется, не страшась нареканія въ неблагодарности и несправедливости къ литтературѣ отечественной, можно примѣнить ее ко второму разряду изъ двухъ описанныхъ выше. Такъ, она не есть жизнь народа нашего, а развѣ одна изъ блистательныхъ отраслей общежитія его: она не народный даръ слова, не народный глаголъ, а одно изящное выраженіе народа, какъ музыка или живопись.

Въ Русскомъ обществѣ и въ литтературѣ Русской не было и нѣтъ понынѣ сего обратнаго дѣйствія, сего перелива оттѣнковъ съ одного на другую, сей жизни, такъ сказать, общей въ двухъ тѣлахъ, сей взаимности, отъ коей литтературы другихъ народовъ являются намъ столь исполненными движенія, страстей и личности. Нѣтъ сомнѣнія, Русское общество еще вполнѣ не выразилось литтературою. Русскій народъ сильнѣе, плечистѣе, громогласнѣе своей литтературы. Въ сравненіи съ нимъ она нѣсколько щедушна. Мѣсто, занимаемое имъ въ литтературномъ мірѣ, не соотвѣтствуетъ тому, коимъ

завладѣлъ онъ въ мірѣ политическомъ. Вы должны искать Русскихъ слѣдовъ въ исторіи Двора, въ исторіи походовъ, въ исторіи успѣховъ гражданственности: блестящія страницы могутъ здѣсь удовольствовать требованію честолюбія народнаго и явить, что сіе общество, хотя еще мало говорливое, имѣетъ во многихъ чертахъ свою физіогномію, свою нравственную самобытность. Одно книжное знакомство съ нимъ увлекло-бы васъ къ заключенію, что нѣтъ общества, а есть только народонаселеніе. Русское общество не воспитано на чтеніи отечественныхъ книгъ: вы не можете найти людей, которые чувствовали-бы по Державину, мыслили-бы по Княжнину, коихъ мнѣнія развились-бы и созрѣли подъ вліяніемъ такихъ-то или другихъ Русскихъ авторовъ. Это неоспоримо. Какое можетъ быть на народъ вліяніе литтературы, неимѣющей эпопеи, театра, романовъ, философовъ, публицистовъ, моралистовъ, историковъ? ибо одинъ историкъ, и то историкъ давнопрошедшихъ столѣтій, историкъ отечества своего, какъ ни сильно выразилъ онъ умъ свой въ твореніи своемъ, какъ ни вѣрно воскресилъ онъ въ немъ наше прошедшее, но дѣйствіе его все-же должно быть одностороннее и ограничено самыми предѣлами предначертаннаго ему круга. Если-же захотѣть найти непремѣнно господствующую черту нашей литтературы, то должно остановиться на поэзіи лирической. Сіе сообра-

женіе можетъ привести насъ къ заключенію, что и у насъ литтература, или то, что изъ литтературы имѣемъ, есть также однозвучное выраженіе общества. Общество наше, гражданственность наша образовались побѣдами. Не постепенными, не медленными успѣхами на поприщѣ образованности; не долговременными, постоянными, трудными заслугами въ дѣлѣ человѣчества и просвѣщенія; — нѣтъ: быстро и вооруженною рукою заняли мы почетное мѣсто въ числѣ Европейскихъ державъ. На поляхъ сраженій купили мы свою граммату дворянства. Громы Полтавской побѣды провозгласили наше уже безспорное водвореніе въ семейство Европейское. Сіи громы, сіи торжественныя, побѣдныя молебствія отозвались въ поэзіи нашей и дали ей направленіе. Слѣдующія эпохи, болѣе или менѣе ознаменованныя завоеваніями, войнами блестящими, питали въ ней сей духъ воинственный, сію торжественность, которая, можетъ быть, въ послѣдствіи времени была уже болѣе привычка и подражаніе, и потому неудовлетворительна; но на первую пору была она точно истинная, живая, и выражала совершенно главный характеръ нашего политическаго быта. Воинственная слава была лучшимъ достояніемъ Русскаго народа: упоенные, ослѣпленные ею, радѣли мы мало о другихъ родахъ славы. Военное достоинство было почти единою цѣлью, единымъ упованіемъ и средствомъ для высшаго званія

народа, которое должно было въ началѣ сосредоточивать въ себѣ исключительно лучи просвѣщенія, медленно разливавшагося по нижнимъ ступенямъ общества. Военная дѣятельность удовлетворяла честолюбію народному и потребностямъ возникающаго гражданства. Торжественныя оды были плодами сего воинственнаго вдохновенія. Лира Ломоносова была отголоскомъ Полтавскихъ пушекъ. Напряженіе лирическаго восторга сдѣлалось послѣ него, и безъ сомнѣнія отъ него, общимъ характеромъ нашей поэзіи. Поэзіи философической, прозѣ умѣренной, которая болѣе размышляетъ, нежели чувствуетъ, болѣе способна хладнокровно судить, нежели пламенно пристраститься, тутъ не было мѣста. Ломоносовъ, Петровъ, Державинъ были бардами народа, почти всегда стоявшаго подъ ружьемъ, — народа, праздновавшаго побѣды, или готовившагося къ новымъ. «Тебя Бога хвалимъ!» была тема ихъ воинственныхъ пѣснопѣній. Они поэты присяжные, поэты-лауреаты — побѣды еще болѣе, нежели Двора. Сію поэзію, такъ сказать, офиціальную, должно приписывать не столько характеру ихъ, сколько характеру эпохъ, въ которыя они жили. Ничего нѣтъ общаго въ нравственныхъ свойствахъ, въ образованіи, въ частныхъ обстоятельствахъ жизни трехъ нашихъ лириковъ, но лира ихъ настроена почти на одинъ ладъ. Кажется, слышишь одни и тѣ-же звуки, за исключеніемъ особенныхъ переливовъ и оттѣнковъ,

которые образуютъ неминуемую принадлежность каждаго самостоятельнаго дарованія. Почему Кантеміръ, также поэтъ съ великимъ дарованіемъ, неимѣлъ послѣдователей, а лирическій нашъ тріумвиратъ подѣйствовалъ такъ сильно на склонности поэтовъ и второстепенныхъ? Потому, что для сатиры, для изслѣдованія, для суда—общество не было еще готово. Кровь и умы тогда еще не довольно остыли и осѣлись. Это была пора молодости, волненія и восторженности. Кто и не имѣлъ на лирѣ своей могучихъ и звучныхъ струнъ, а туда-же карабкался и хотѣлъ *пиндарить*. Въ этомъ отношеніи сатира Чужой толкъ» не только прекрасное литтературное произведеніе, но и нравственное свидѣтельство и замѣчательная обличительная ссылка для поясненія современныхъ обстоятельствъ.

Лирическое, торжественное, хвалебное направленіе, данное поэзіи нашей, не измѣнилось совершенно и въ новѣйшія времена, когда другія потребности, другія усилія власти и гражданственности означились въ явленіяхъ болѣе миролюбивыхъ, но не менѣе сильныхъ для честолюбія народа могущественнаго и повелительнаго. Торжественность, на которую была настроена лира Ломоносова, отзывается иногда и въ лирѣ Жуковскаго, который изъ міра созерцанія и мечтательности вызываемъ бывалъ шумомъ побѣды и кликами празднующаго народа на торжество дѣйствительности; отзывается и въ лирѣ

самаго Пушкина, коего геній своенравный, казалось-бы, долженъ быть столь независимъ отъ господства, удручающаго другихъ. Въ эпилогѣ «Кавказскаго плѣнника» вы найдете краски, пріемы поэзіи, ему исключительно свойственной; но въ духѣ восторга, оживляющаго сію воинственную поэзію, вы поддадитесь какому-то обратному влеченію, вознесшему столь высоко въ свое время поэзію Ломоносова и Державина. Предупреждая всякія превратныя истолкованія изложеннаго здѣсь мнѣнія, спѣшу заявить, что замѣчаніе мое вовсе не есть критическое, или порицательное: я просто хотѣлъ опереть свое предположеніе на свидѣтельства, и долженъ былъ для оправданія своего предпочесть хотя изысканное, но яркое, другимъ свидѣтельствамъ, болѣе общимъ, но и менѣе убѣдительнымъ.

Царствованіе Екатерины Великой, или *Великаго*, по счастливому выраженію Принца де-Линь, должно было служить новымъ и сильнымъ побужденіемъ къ направленію поэзіи нашей, замѣченному выше. Сіе царствованіе громкое, великолѣпное, восторженное, имѣло въ себѣ много лирическаго. Его можно назвать высокимъ, торжественнымъ гимномъ въ исторіи отечественной. Все въ немъ способствовало къ возвышенію и славолюбію духа народнаго. Первенствующія лица, явившіяся на сценѣ его, были размѣра исполинскаго, героическаго: они рисуются предъ глазами нашими, озаренныя лучами какой-то

чудесности, баснословности, напоминающихъ намъ дѣйствующія лица Гомеровскія. Это живые выходцы изъ Иліады. Предоставляя исторіи оцѣнивать каждаго по достоинству, нельзя не сознаться, что Орловы, Потемкины, Румянцовы, Суворовы имѣли въ себѣ что-то поэтическое и лирическое въ особенности. Стройныя имена ихъ придавали какое-то благозвучіе Русскому стиху. Нѣтъ сомнѣнія, есть поэзія и въ собственныхъ именахъ. Державинъ это зналъ и оставилъ свидѣтельство тому въ одной изъ строфъ «Водопада». Поэтъ взываетъ къ умершему Потемкину:

Потухъ лавровый твой вѣнокъ,
Гранена булава упала,
Мечъ въ полножны войти чуть могъ,
Екатерина возрыдала!

Въ стихѣ, составленномъ изъ собственнаго имени и глагола, есть не одно вѣрноподданническое, но и высокое поэтическое чувство. Этотъ стихъ — безъ сомнѣнія исключительно Русскій стихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ и Русская картина. Счастливъ поэтъ, умѣвшій пользоваться средствами, угадывать впечатлѣнія и высѣкать пламень поэзіи изъ сочетанія двухъ словъ; но счастливѣе Государь, который умѣлъ облечь имя свое красками и очарованіемъ поэзіи. Счастливъ онъ, когда имя его, священное въ лѣтописяхъ признательной исторіи, даритъ сильные звуки и лирѣ поэтовъ, которые дорожатъ истиною только тогда, когда она всемогуща надъ воображеніемъ. Но властолюбіе

и слава побѣдъ не были едиными страстями, можно сказать, едиными добродѣтелями Екатерины. Въ мужественной душѣ своей она цѣнила высоко храбрость и воинственный героизмъ. Однажды въ приближенномъ обществѣ своемъ спросила она, шутя, Сегюра, Принца де-Линь и другихъ: Еслибъ я родилась мужчиною, какъ думаете вы, до какого военнаго чина дослужилась-бы я?» Легко отгадать отвѣтъ: фельдмаршальскій чинъ, достоинство отличнаго полководца, были единыя мѣты, которыя поставляли честолюбію могущественной Монархини. — «Ошибаетесь,» прервала она: «въ чинѣ подпоручика нашла-бы я смерть въ первомъ сраженіи.» Такой отвѣтъ обнаруживаетъ душу: но душа, но умъ Екатерины были доступны и другимъ впечатлѣніямъ. Душа ея вмѣщала въ себѣ всѣ отрасли человѣческаго славолюбія; умъ ея былъ отверзтъ для всего возвышеннаго и способенъ на всѣ усилія. Въ числѣ предметовъ, занимавшихъ дѣятельность его, успѣхи образованности и просвѣщенія были цѣлью Ея особенной заботливости. Она не только уважала умъ, но любила, не только не чуждалась его, но снисходила къ нему, но, такъ сказать, баловала и щадила неизбѣжныя его уклоненія. Самая современная эпоха благопріятствовала сему царственному пристрастію. Франція, униженная въ политическомъ достоинствѣ своемъ, сошедшая съ повелительной чреды, на которую возвела ее рука, нѣкогда всемогущая, Людовика XIV, ста-

ралась развитіемъ умственныхъ способностей вновь захватить на другомъ поприщѣ утраченное владычество свое. Усилія ея увѣнчаны были совершеннымъ успѣхомъ. Версальскій кабинетъ не имѣлъ въ себѣ другаго Ришелье, другаго Мазарина; политика Европы неполучала уже направленія своего изъ Франціи: но Фернейскій кабинетъ имѣлъ своего Ришелье, который съ иными средствами едва-ли былъ не могущественнѣе перваго. Вольтеръ, представитель, органъ, душа и глава сего новаго рода властолюбія, коего алкала надменная Франція, распространялъ во имя свое и собратій или учениковъ своихъ, владычество генія своего и новыхъ мнѣній на умы Европы, все еще покорнойгосподству Франціи. Екатерина съ самыхъ молодыхъ лѣтъ полюбила Французскій языкъ и Французскую литтературу, которая тогда уже изторглась изъограниченнаго круга *изящныхъ письменъ* и мѣрнаго великолѣпія, прославившаго ее во дни Людовика XIV. При Дворѣ Елисаветы посвящала Она лучшіе уединенные часы свои на чтеніе авторовъ, раскрывшихъ умъ Ея, рано созрѣвшій для глубокомысленныхъ соображеній философіи и политики. Вступивъ на престолъ, воцарила Она съ собою правила, которыя почерпнула въ ученіи. Гласнымъ покровительствомъ, всѣми обольстительными изъявленіями благоволенія, свойственными власти Монарха и утонченности женщины, содѣйствовала Она торжеству Вольтера и соучастниковъ его во

всемірномъ правленіи умовъ и мнѣній. По справедливости должно однакожъ замѣтить, что и до Екатерины Правительство и Дворъ признавали у насъ власть просвѣщенія Европейскаго и не пренебрегали союзомъ съ умственными знаменитостями современными. Вольтеръ уже въ царствованіе Елисаветы былъ, такъ сказать, союзникомъ на жалованьи у Двора нашего; и если «Исторія Петра Великаго», подвигъ, совершенный имъ въ силу дипломатико-литтературныхъ сдѣлокъ, не отвѣчаетъ достоинству ни героя, ни писателя, то должно видѣть въ немъ новое доказательство, что наемный союзникъ бываетъ обыкновенно мало надеженъ для пользы назначеннаго предпріятія. Шуваловъ—не тотъ, который въ царствованіе Екатерины писалъ Французскіе стихи, принимаемые въ Парижѣ за произведеніе Французской почвы—но Шуваловъ, писавшій и самъ Русскіе стихи, а болѣе извѣстный и достойный извѣстности потому, что онъ едва-ли не первый почувствовалъ красоту стиховъ Ломоносова, покровительствовалъ ему и умѣлъ отъ него выслушивать рѣзкія истины и благородные упреки; Шуваловъ, вельможа Двора Елисаветы и любимецъ Ея, былъ уже посредникомъ между нами и Европейскою литтературою. Онъ имѣлъ въ Женевѣ агента, Бориса Михайловича Солтыкова, кажется, имъ уполномоченнаго для сношеній съ Вольтеромъ по предмету исторіи, имъ сочиняемой. Письма его къ Шувалову — настоящія депеши о томъ, что дѣлается въ

Делисахъ, тогдашнемъ мѣстопребываніи Вольтера. Вообще изъ переписокъ того времени, которыя удалось намъ прочитать, видно, какое постоянное участіе принимали вельможи наши въ движеніяхъ современной литтературной дѣятельности. Новыя понятія, смѣло провозглашаемыя во Франціи, имѣли тогда отголоски въ Петербургѣ. Мы нашли въ запискахъ, оставленныхъ княгинею Дашковою, что до 15-лѣтняго возраста прочла она въ домѣ дяди своего, графа Воронцова, сочиненія Беля, Вольтера, Монтескье, Гельвеція: правда, прибавляетъ она, что кромѣ Екатерины, тогда еще Великой Княгини, и также въ лѣтахъ весьма молодыхъ, и ея, никто изъ женщинъ въ Петербургѣ не занимался подобнымъ чтеніемъ. Легко повѣрить тому и едва-ли можно жалѣть о томъ. Подобное чтеніе, нельзя не сознаться, было нѣсколько преждевременно, и просвѣщеніе, за нимъ слѣдовавшее, должно было походить на то, въ которомъ вообще обвиняютъ насъ нѣкоторые иностранцы: насильственно-прививное, скороспѣлое и потому ненадежное. Но между тѣмъ сіе свидѣтельство, въ числѣ прочихъ, доказываетъ, что отраженіе лучей, бросаемыхъ Франціею, было не чуждо и вершинамъ нашего общества.

Замѣчательно, что сношенія, завязавшіяся между Россіею и представителями Европейскаго просвѣщенія, не были начаты и продолжаемы равными съ обѣихъ сторонъ договаривающимися

лицами: съ одной видимъ литтераторовъ, съ другой Дворъ и вельможъ. Представители нашей литтературы не были участниками въ дѣлѣ, которое, казалось, могло быть ближе къ нимъ, нежели къ тѣмъ, которые дѣйствовали. Литтература и литтераторы наши оставались въ сторонѣ. Одинъ дѣятельный Сумароковъ умѣлъ какъ-то выманить письма Вольтера и заставить его заочно и наслово похвалить его трагедіи. Даже въ то время, когда одинъ изъ полномочныхъ посланниковъ энциклопедическаго двора, Дидеротъ, пріѣзжалъ въ Россію, непослѣдовало никакаго сближенія между имъ и нашими авторами. По крайней мѣрѣ, не отыскиваемъ ни одного слѣда тому ни въ сочиненіяхъ Дидерота, ни въ сочиненіяхъ соотечественниковъ нашихъ. То-же можно замѣтить и относительно къ пребываніямъ Альфіери, Бернарденъ-де-Сенъ-Пьера и другихъ извѣстныхъ писателей, посѣщавшихъ Россію въ то время. Все это подтверждаетъ доказательство, что между литтературою нашею и нашимъ обществомъ не было ничего взаимнаго; что на нее не дѣйствовали обыкновенные приливы и отливы общежитія; что, подобно Русскому или Азовскому морю, чуждому движенія, общаго другимъ морямъ, и литтература Русская, неподверженная повсемѣстному закону, пребываетъ до времени въ тишинѣ бездѣйствія, стихіею отдѣльною и неподвижною; что если могли мы замѣтить, какъ указали выше, нѣкоторое дѣйствіе, сотрясеніе,

нѣкоторое преходчивое впечатлѣніе, произведенное обществомъ, или почти исключительно Дворомъ, въ явленіяхъ литтературы нашей, или, вѣрнѣе сказать, поэзіи, то въ самомъ обществѣ не найдемъ мы признаковъ, что литтература отечественная входитъ въ составъ гражданскаго быта нашего, въ число богатствъ нашего нравственнаго достоянія. Изыскать и означить причины явленія сего, вовлечетъ въ изслѣдованіе слишкомъ глубокое и многостороннее. Довольно указать на иныя, которыя болѣе другихъ на виду и едва-ли не богатѣе въ послѣдствіяхъ. Недостатокъ въ основательномъ ученіи, недостатокъ въ званіи, которое по мѣсту своему въ чиноположеніи гражданскомъ могло-бы исключительно посвящать себя трудамъ ума и видѣло-бы въ нихъ единую цѣль, доступную честолюбію, свойственному всѣмъ званіямъ; обязанность дворянства, болѣе, или менѣе, но вообще грамотнаго, служить, и алчная нетерпѣливость достигнуть офицерскаго чина въ лѣта, когда еще нестыдно быть слушателемъ университетскихъ лекцій — вотъ, безъ сомнѣнія, однѣ изъ главныхъ причинъ застоя нашего въ движеніяхъ мысли и творческой дѣятельности. Отъ сихъ причинъ, не смотря на исполинское движеніе, данное Россіи Петромъ, поощренное Екатериною и покровительствуемое Преемниками Ихъ, нѣтъ у насъ донынѣ литтературы истинной, полной, коренной; литтературы, которая была-бы живою отраслью государственна-

го благоденствія и непосредственнымъ существованіемъ людей, служащихъ отечеству трудами ума своего, какъ воинъ служитъ ему на полѣ брани, судія въ храминахъ закона, торговецъ на поприщѣ промышленности.

Сіи соображенія, сіи примѣненія наблюденій общихъ къ положенію частному, въ которомъ находимся, родились въ умѣ моемъ при мысли обозрѣть жизнь и труды Фонъ-Визина. Готовясь къ сему начертанію, я хотѣлъ вникнуть въ свой предметъ, обойти его со всѣхъ сторонъ и коснуться до предѣловъ, ему соприкосновенныхъ. Не боюсь протяженія и плодовитости, можетъ быть, отъ того, что не умѣю быть краткимъ. Любя видѣть въ литтературѣ не одну науку словъ, но и науку жизни, не науку, дѣйствующую въ обведенномъ очеркѣ и одиноко служащую себѣ средствомъ и цѣлью, но науку всеобъемлющую и вездѣсущую; помня, что если, по выраженію Бюффона, въ слогѣ весь человѣкъ (le style c'est l'homme), то въ литтературѣ весь народъ: я долженъ былъ рѣшительно приступить къ изслѣдованію предлежащаго вопроса, не стѣсняясь схоластическими формами и этикетомъ академическаго благочинія.

Вотъ, такъ сказать, оглавленіе соображеній, которыя должны были служить мнѣ руководствами въ моихъ изысканіяхъ и въ согласованіи оныхъ.

Фонъ-Визинъ одинъ изъ малаго числа писа-

телей нашихъ, которые выразили себя въ сочиненіяхъ своихъ; сочиненій его немного, это правда, но онъ умѣлъ быть оригинальнымъ посреди подражателей. Главныя творенія его имѣли много успѣха въ свое время; они носятъ на себѣ отпечатокъ ума и эпохи его, не утратили и нынѣ ходячей цѣны и сохранились въ народномъ обращеніи.

Фонъ-Визинъ жилъ въ царствованіе Екатерины. Она любила умъ не только за границею, но и у себя дома; покровительствуя ему въ чужихъ земляхъ, благодѣтельствовала ему въ отечествѣ. Примѣры покровительства, оказываемаго Царями дарованіямъ и отличіямъ природнымъ, нерѣдки: въ самой власти, потому что она есть держава и могущество, есть и должно быть обыкновенно тайное начало великодушія, возвышенное сочувствіе, которыя понимаютъ всякую возвышенность и готовы сблизиться съ нею; но Дворъ Екатерины представляетъ намъ еще одну черту, особенно ему свойственную. Многіе изъ вельможъ, любимцевъ власти, раздѣляли съ Екатериною благоволеніе Ея къ людямъ, кои соперничествовали имъ на поприщѣ вовсе отдѣльномъ, и противопоставляли аристократіи породы и чиновъ отступную, непокорную аристократію ума и дарованій. За границею ѣздили они на поклонъ къ Фернейскому отшельнику, отшельнику новаго рода, который имѣлъ свой дворъ и своихъ ласкателей; предупреждали учтивостя-

ми и ласками всѣхъ чужестранныхъ баловней литтературной молвы, и въ своемъ отечествѣ не чуждались сообщества, а, напротивъ, искали пріязни людей, заслужившихъ извѣстность умомъ и нѣсколькими остроумными страницами или счастливыми стихами.

Фонъ-Визинъ былъ современникомъ эпохи благопріятной, былъ дѣйствующимъ лицемъ на сценѣ Петербургской, въ сей сферѣ дѣятельности Русской, въ семъ средоточіи Русской гражданственности; онъ былъ преимущественно писатель драматическій и сатирическій, слѣдовательно живописецъ и поучитель нравовъ.

Обозрѣвая сіи указательныя черты, я говорилъ себѣ, что изъ біографическаго портрета Фонъ-Визина можетъ выйти историческая картина общества; но, послѣ многихъ изслѣдованій и примѣненій, не нашелъ ни связи, ни полноты въ предметѣ своемъ, раскрытомъ на всѣ стороны. Въ обществѣ не дознался я отголоска Фонъ-Визина и въ самомъ Фонъ-Визинѣ отыскалъ мало отпечатковъ общества. Напримѣръ, комедіи его — не картина нравовъ, господствовавшихъ въ обществѣ ему предстоящемъ; онъ жилъ въ столицѣ, а описывалъ провинцію; изображенныя имъ лица вѣрны и подсмотрѣны съ природы, но сходство ихъ было почти отвлеченное, безъ живаго примѣненія къ лицамъ, предъ коими онѣ были выведены. Комедіи Фонъ-Визина были читаны и играны въ Петербургѣ

и въ Москвѣ: театровъ по губернскимъ городамъ, домашнихъ театровъ, тогда, если и было, то весьма немного: слѣдовательно настоящіе Простаковы въ глуши губерній и деревень, вѣроятно, и не знали, что Дворъ смѣется надъ ними, глядя на ихъ изображенія. Вѣроятно, были *недоросли* и *бригадиры* и въ числѣ зрителей комическихъ картинъ Фонъ-Визина; но комикъ кололъ не ихъ глаза. Смѣхъ ихъ былъ отъ того свободнѣе, но менѣе было и пользы. Слѣдовательно и здѣсь авторъ и публика его не были въ борьбѣ лицемъ къ лицу и рука съ рукою. Это не то что Моліеръ, который списывалъ съ натуры знакомыхъ тартюфовъ, маркизовъ, жеманокъ, и призывалъ оригиналовъ своихъ на очную ставку съ уличительными портретами. Но довольно: къ комедіямъ Фонъ-Визина обратимся въ свое время.

Послѣ продолжительнаго введенія, пора приступить къ самому предмету, подлежащему разсмотрѣнію нашему: жизни и литтературнымъ трудамъ Фонъ-Визина. И здѣсь придется намъ сѣтовать о скудости способовъ и средствъ примѣнять жизнь дѣйствительную къ явленіямъ жизни умственной. Біографическіе матеріалы у насъ такъ недостаточны, что, при неимѣніи принадлежностей и красокъ для написанія исторической картины, едва-ли можемъ написать и портретъ во весь ростъ. Наша народная память незаботлива и неблагодарна. Поглощаясь суета-

ми и сплетнями нынѣшняго дня, она не имѣетъ въ себѣ мѣста для преданій вчерашняго.

Лишенные чужихъ вспомогательныхъ источниковъ, мы можемъ, по крайней мѣрѣ, черпать въ источникѣ, оставленномъ намъ самимъ Фонъ-Визинымъ. Онъ нѣсколько облегчилъ трудъ біографа своего. Сверхъ сочиненій, въ которыхъ, какъ замѣтили мы выше, выразилъ онъ умъ свой и образъ мыслей въ чертахъ довольно оригинальныхъ, имѣемъ въ виду еще и другія пособія: часть «Исповѣди» его, письма къ родственникамъ и пріятелямъ, письма къ нему отъ нѣкоторыхъ замѣчательныхъ лицъ, разныя бумаги дѣловыя, политическія и совершенно домашнія, которыя не менѣе другихъ любопытны въ своемъ родѣ и носятъ на себѣ живые слѣды обычаевъ его и частной жизни.

ГЛАВА II.

Изысканія родословныя не нужны въ біографіи литтератора: дарованіе не маіоратъ. Но здѣсь любопытство возбуждается генеалогическою странностью. Почетная частица *фонъ* кажется столь неумѣстною предъ именемъ творца «Недоросля» и «Посланія къ Шумилову», что заслуживаетъ она нѣкотораго поясненія. Родъ Фонъ-Визиныхъ, или по прежнему правописанію Ѳанъ-Ѳисиныхъ, какъ видно изъ законныхъ документовъ, происходитъ отъ знаменитыхъ предковъ, бывшихъ въ разныхъ земляхъ владѣтелями городовъ. Въ царствованіе Іоанна Васильевича, во время войны противъ Ливоніи, взятъ былъ въ плѣнъ рыцарь братства меченосцевъ, Петръ баронъ Володиміровъ сынъ Фонъ-Визинъ, съ сыномъ его Денисомъ. Въ царствованіе Царя Алексѣя Михайловича внукъ его принялъ Греко-Россійское исповѣданіе, по крещеніи названъ Аѳанасіемъ и пожалованъ въ Стольники. Грамма-

тою Царя и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича родъ Фонъ-Визиныхъ причисляется къ родамъ, возвышающимъ достоинство свое историческими воспоминаніями. Въ ней сказано, что во время осады Москвы Владиславомъ, «Денисъ «Фонъ-Визинъ, помня Бога и Пречистую Богородицу, и православную Христіанскую вѣру и «наше крестное цѣлованіе, съ нами, Великимъ «Государемъ, въ осадѣ сидѣлъ, и за православную Христіанскую вѣру, и за святыя Божіи «церкви, и за насъ, Великаго Государя, Царя «и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича всея «Руссіи, на Москвѣ противъ Королевича Владиславa и Польскихъ и Литовскихъ, и Нѣмецкихъ людей и Черкасъ стоялъ крѣпко и мужественно, и на боѣхъ и на приступѣхъ бился, «не щадя головы своей, и ни на какія Королевичевы прелести не прельстился, и многую свою «службу и правду къ намъ и ко всему Московскому Государству показалъ, и будучи въ осадѣ, во всемъ оскудѣніе и нужду терпѣлъ.» Слѣдовательно, потомокъ и соименникъ его—Русскій не однимъ перомъ своимъ.

Отецъ автора нашего, Иванъ Андреевичъ Фонъ-Визинъ, служилъ въ ревизіонъ-коллегіи членомъ въ чинѣ коллежскаго совѣтника; уволенъ былъ статскимъ совѣтникомъ; жилъ въ Москвѣ, въ собственномъ домѣ близъ Московскаго университета. Но въ этомъ-ли домѣ родился творецъ «Недоросля», о томъ мы узнать не

могли. Для дополненія скажемъ, что въ лѣтописяхъ литтературы нашей извѣстно имя и другаго сына его, Павла Ивановича, оставившаго по себѣ нѣкоторыя стихотворенія и переводы, напечатанные въ ежемѣсячномъ сочиненіи «Доброе намѣреніе», изданномъ въ Москвѣ 1764 года. Одна изъ сестеръ автора нашего, по замужству своему Аргамакова, упражнялась также въ литтературныхъ занятіяхъ и перевела нѣсколько повѣстей Мармонтеля. Сынъ ея, бывшій послѣ Преображенскаго полка полковникомъ, товарищъ и другъ Марина, былъ также поэтомъ въ кругу однополчанъ и пріятелей. Фонъ-Визинъ сохранилъ намъ въ «Исповѣди» своей прекрасныя воспоминанія о нравственности родителей своихъ, и въ особенности объ отцѣ, коего характеръ являетъ черты рѣдкой твердости и великодушія. Замѣчательно, что въ старину, при недостаткѣ знанія въ иностранныхъ языкахъ, люди, одаренные умомъ любопытствующимъ, могли почерпать нѣкоторую образованность въ современныхъ Русскихъ переводахъ, которые тогда были гораздо разнообразнѣе и удовлетворительнѣе, нежели въ наше время. Нынѣ, безъ помощи иностраннаго языка, почти читать у насъ нечего: переводчиковъ нѣтъ, или труды ихъ обращены на книги, или, лучше сказать, заглавія книгъ въ чести у книгопродавцевъ, которые часто не питаютъ, а отравляютъ вкусъ читающей публики; исключенія рѣдки. Повѣрьте, напримѣръ,

итоги переводовъ, вышедшихъ отъ семидесятыхъ годовъ до нашего столѣтія, съ итогами нашего тридцатилѣтія, и вы убѣдитесь, что наша литтература переводная упала противъ прежняго. Тогда всѣ, или почти всѣ, замѣчательныя творенія древности и совершенной эпохи имѣли у насъ переводчиковъ: нынѣ знаменитѣйшіе писатели нашего времени знакомы намъ по однѣмъ журнальнымъ перекличкамъ. При тогдашнихъ пособіяхъ и не удивительно, что отецъ Фонъ-Визина, хотя и лишенный выгодъ образованнаго воспитанія, любилъ чтеніе историческихъ и нравоучительныхъ сочиненій и могъ удовольствовать свои наклонности. Старыя книги наши уже не въ ходу: съ одной стороны, ихъ нѣтъ въ обращеніи книжной торговли, съ другой, обветшалый языкъ ихъ, тяжелый слогъ, пугаютъ новыхъ читателей: такимъ образомъ провинціялы, губернскіе и столичные, требующіе пищи умственной, должны довольствоваться малосочною и скороспѣлою пищею журналовъ и альманаховъ.

Годъ рожденія автора нашего не былъ донынѣ достовѣрно опредѣленъ. Въ «Исповѣди» не означаетъ онъ эпохи рожденія своего, и въ «Опытѣ историческаго словаря о Россійскихъ писателяхъ», изданномъ Новиковымъ, при жизни Фонъ-Визина о томъ умолчено. По біографическимъ свѣдѣніямъ о немъ, собраннымъ преосвященнымъ Евгеніемъ въ журналѣ «Другъ просвѣ-

щенія» и въ «Опытѣ краткой исторіи Русской литтературы», Греча, показано, что онъ родился 1745 года; по по другимъ указаніямъ и соображеніямъ можно предполагать утвердительнѣе, что онъ родился въ 1744 году. Авторъ нашъ, говоря о дѣтствѣ своемъ, показываетъ, что оно было означено рѣзкими чертами характера пылкаго и рѣшительнаго. Авторскія склонности обнаружились въ малолѣтствѣ его раннею чувствительностію, раздражительнымъ воображеніемъ и жадностію, съ которою вслушивался онъ въ разсказы, пробуждавшіе его ребяческое вниманіе. Тогдашнее воспитаніе, при недостаткахъ своихъ, имѣло и свойственныя ему выгоды: ребенокъ оставался долѣе на Русскихъ рукахъ, долѣе окруженъ былъ Русскою атмосферою, въ которой знакомился ранѣе и болѣе съ языкомъ и обычаями Русскими. Европейское воспитаніе, которое уже въ возмужаломъ возрастѣ довершало воспитаніе домашнее, исправляло предразсудки, просвѣщало умъ, не искореняло впечатлѣній первоначальныхъ, которыя были преимущественно отечественныя. Укажемъ на одно свидѣтельство: большая часть переписки государственныхъ людей царствованія Екатерины велась на Русскомъ языкѣ, не смотря на господство языка Французскаго и нравовъ иноплеменныхъ. Послѣ видимъ мы совершенно противное: первые звуки, первыя понятія, кои передавали дѣтству другаго поколѣнія, были исключительно иностранные, потому что ребенокъ

съ груди кормилицы Русской обыкновенно ввѣряемъ былъ рукамъ чужеземцевъ. Уже только позднѣе въ лѣтахъ юношества, а часто и въ возрастѣ, уже перезрѣломъ для исправленія погрѣшностей вкоренившихся, Русскій гражданинъ, по собственному обратному влеченію и какъ будто по уязвленію пробудившейся совѣсти, обращался къ изученію отечественнаго. Болѣе домосѣдства въ жизни родителей, болѣе приверженности къ исправленію частныхъ обязанностей и соблюденію обрядовъ Русскаго православія, можетъ быть, менѣе суетности, но въ семейственномъ кругу болѣе живаго участія въ дѣлахъ общественныхъ и между тѣмъ болѣе независимости въ нравахъ, способствовали тогда къ нѣкоторому практическому гражданскому воспитанію: оно имѣло свои недостатки и весьма важные; но, какъ замѣчено выше, имѣло въ себѣ что-то положительное, дѣйствовавшее въ народномъ смыслѣ. Нынѣ воспитаніе наше слишкомъ отвлеченно и, пущенное въ ростъ, ни на чемъ не упирается въ коренномъ основаніи. Напримѣръ, мы видимъ, что старикъ отецъ Фонъ-Визинъ заставлялъ сына читать у крестовъ во время всенощныхъ бдѣній, которыя часто отправлялись у нихъ дома; позднѣе, дѣтей другаго поколѣнія заставляли прежде всего вытвердить наизусть

La cigale ayant chanté
Tout l'été .....

Не соглашаюсь съ авторомъ, который приписываетъ упомянутымъ благочестивымъ упражненіямъ знаніе свое въ Русскомъ языкѣ. Дьячки и семинаристы, которые вѣрно болѣе его читали священныя книги, не почитаются-же у насъ знатоками въ языкѣ и правильнѣйшими грамотѣями. Помощь Славянскаго языка, вопреки мнѣнію его собственному и мнѣнію многихъ литтераторовъ нашихъ, была не только не полезна, но можетъ быть и вредна Фонъ-Визину: онъ безъ размышленія пользовался ею и не умѣлъ справиться въ согласованіи языка церковнаго съ языкомъ общества, когда покушался на такое сочетаніе. Слогъ Фонъ-Визина—слогъ мыслящаго писателя; но неумѣстная пестрота галлицизмовъ и славянизмовъ, встрѣчающаяся въ твореніяхъ его, не позволяетъ изучать его въ отношеніи искусства какъ писателя образцоваго. Къ тому-же, если слова и обороты славянскіе и могли-бы иногда пригодиться ему въ переводѣ твореній, подобныхъ «Іосифу» и «Похвальному слову Марку Аврелію», то могъ-ли онъ употреблять ихъ съ успѣхомъ въ языкѣ комедій, сатирическихъ и философическихъ статей, и въ слогѣ письменномъ, въ которыхъ преимущественно выразились жизнь и сила дарованія его? Не менѣе того я готовъ признать, что самыя сіи упражненія имѣли безъ сомнѣнія вліяніе и на развитіе способностей будущаго писателя, но не въ художественномъ, а болѣе въ нравственномъ образованіи. Я не исключительный

поклонникъ старины; не ослѣпляюсь предразсудками, которые силятся удерживать поколѣнія неподвижно, какъ часовыхъ, поочередно смѣняющихся на одномъ и томъ-же мѣстѣ; не раздѣляю безусловно страха людей, которые пугаются смѣлыми движеніями времени и просвѣщенія; но притомъ жалѣю, что новое воспитаніе, омногосложивъ обязанности и требованія юношества, не умѣло тѣснѣе согласовать необходимыя условія Русскаго происхожденія съ независимостью Европейскаго космополитства. Карамзинъ, защищая Петра Великаго отъ обвиненій, что онъ лишилъ насъ Русской нравственной физіогномій (а впрочемъ и физической, обривъ намъ бороды), говоритъ: «Все народное ничто предъ человѣческимъ. Главное дѣло быть людьми, а не Славянами.» Истина возвышенная и прекрасное правило политической мудрости, которое можно пополнить и пояснить тѣмъ, что должно быть прежде или болѣе гражданиномъ, нежели семьяниномъ. Но въ примѣненіи къ воспитанію частному, т. е. личному, а не народному, не должно терять изъ виду, что именно для того, чтобы быть Европейцемъ, должно начать быть Русскимъ. Россія, подобно другимъ государствамъ, соучастница въ общемъ дѣлѣ Европейскомъ, и слѣдовательно должна въ сынахъ своихъ имѣть полномочныхъ представителей за себя. Русскій, перерожденный во Француза, Французъ въ Англичанина, и такъ далѣе, останутся всегда сиротами на родинѣ и не усыновленными чужбиною.

При самомъ основаніи Московскаго университета, Фонъ-Визинъ поступилъ въ число воспитанниковъ его. Университетъ съ гордостію можетъ выставить имя сіе въ началѣ лѣтописей своихъ и правъ на благодарность отечества. Съ другой стороны, можетъ онъ и сослаться на него, какъ на свидѣтельство счастія. Въ самомъ дѣлѣ, то, что авторъ разсказываетъ самъ о нравственномъ и учебномъ состояніи сего заведенія, хотя очень забавно, но мало назидательно. И если вспомнить, что онъ получилъ въ награжденіе медаль на экзаменѣ за то, что на вопросъ: куда впадаетъ Волга? отвѣчалъ онъ «незнаю», когда изъ товарищей его одинъ назвалъ Бѣлое, а другой Черное море, то легко убѣдиться, что дарованія Фонъ-Визина образовались не только независимо отъ университета, но, можетъ быть, и вопреки ему. Въ одной изъ программъ диспутовъ и разсужденій, назначенныхъ для университетскаго собранія, находимъ слѣдующее: «Денисъ Фонъ-Визинъ стараться будетъ показать щедрость и прозорливость Ея Императорскаго Величества, всещедрой Музъ Основательницы и Покровительницы». И въ другихъ свидѣтельствахъ университетскихъ встрѣчается послѣ неоднократно имя его, упомянутое съ похвалою. Наконецъ, позднѣе видимъ, что природныя способности воспитанника были столь блестящи, или директоръ Московскаго университета, Иванъ Ивановичъ Мелиссино былъ одаренъ такою прозорливостью, что когда должно

было представить въ Петербургъ выставку новаго заведенія на показъ къ куратору (и кто же былъ сей кураторъ? Иванъ Ивановичъ Шуваловъ!), то Фонъ-Визинъ и братъ его были въ числѣ десяти избранныхъ воспитанниковъ. Между ними встрѣчаемъ и другое имя, которое нѣкогда должно было заимствовать столько блеска и громкой звучности отъ прилагательнаго «Таврическій». Въ числѣ разительнѣйшихъ впечатлѣній, пробудившихъ вниманіе 14-лѣтняго отрока въ пріѣздъ его въ Петербургъ, была встрѣча у Шувалова и знакомство съ человѣкомъ, который могъ-бы одинъ служить выраженіемъ Русской образованности, столь-же внезапной, какъ и онъ, съ человѣкомъ, неприготовленнымъ событіями и ознаменовавшимся въ ученомъ мірѣ явленіемъ столь-же самовластнымъ, какъ и Петръ Великій въ мірѣ государственномъ,—съ Ломоносовымъ! Блескъ и великолѣпіе Двора, коему представлены были воспитанники, и новость театральныхъ зрѣлищъ, оставили также живые слѣды въ чуткомъ и наблюдательномъ умѣ его. Можетъ быть, встрѣчѣ съ Ломоносовымъ и смѣху, порожденному игрою актера Шумскаго, обязаны мы наиболѣе, что въ Фонъ-Визинѣ имѣемъ писателя, а отъ него хорошія комедіи. Дарованія не врождаются, но часто развертываются случаемъ. Посѣщеніямъ театра обязанъ онъ былъ и оскорбленіемъ самолюбія, обратившимся въ пользу его. Молодой баричъ, столк-

нувшійся съ нимъ въ партерѣ, началъ, послѣ ласковыхъ привѣтствій, трунить надъ нимъ, узнавъ что онъ не говоритъ по-Французски. По возвращеніи своемъ въ Москву, Фонъ-Визинъ обратился съ прилежаніемъ къ изученію языка сего и, вѣроятно, ревностнѣе принялся и за другія науки. Между тѣмъ, если Фонъ-Визинъ не былъ еще тогда писателемъ, то по крайней мѣрѣ былъ уже работникомъ на книгопродавцевъ. Въ 1761 году уже напечатанъ переводъ его басней Гольберга, и для тогдашняго времени языкъ перевода замѣчательно чистъ и свободенъ. Сей первый трудъ оставилъ по себѣ пагубные слѣды въ жизни его. Книгопродавецъ, заказавшій эту работу, далъ ему за нее на пятьдесять рублей книгъ соблазнительныхъ, которыя расшалили молодое воображеніе. По самому признанію Фонъ-Визина, сіи первыя впечатлѣнія отозвались на всю жизнь въ здоровьи его и, можетъ быть, приготовили преждевременный и болѣзненный ея конецъ. Сіе самое соглашается и съ изустными преданіями, которыя, если они достовѣрны, поясняютъ слова «Исповѣди». За первымъ переводомъ слѣдовалъ скоро и другой: «Жизнь Сиоа, царя Египетскаго». Подлинникъ написанъ на Французскомъ языкѣ аббатомъ Терассономъ; но Фонъ-Визинъ перевелъ его съ Нѣмецкаго перевода. Сей нравственный, или классическо-нравоучительный романъ (называемый въ подлинникѣ Séthos), написанъ, вѣроятно, въ

подражаніе «Телемаку» и пользовался въ свое время уваженіемъ. Въ особенности славилась въ семъ сочиненіи рѣчь главнаго Мемфисскаго жреца, произнесенная при погребеніи царицы, матери Сиѳовой. Въ сей рѣчи, подъ видомъ похвалы усопшей, ясно изложены правила чистой политической нравственности. По словамъ Даламберта, Платонъ присовѣтовалъ-бы ихъ читать въ назиданіе царямъ; онъ же говоритъ, что Тацитъ восхитился-бы сею рѣчью. Французскіе философы того вѣка любили, какъ смѣлыя новизны, истины, впрочемъ весьма почтенныя, но которыя нынѣ показались-бы или излишне напряженными, или слишкомъ обыкновенными. Къ подтвержденію сего довольно упомянуть о всеобщемъ успѣхѣ «Велизарія». Мы не можемъ въ наше время присвоить себѣ заднимъ числомъ благопріятныхъ предубѣжденій другаго вѣка; но все и въ нашъ было-бы неблагодарно судить съ неумѣстною строгостью творенія, которыя первыя распространили владычество практической философіи и терпимости отъ чертоговъ царей до нижнихъ степеней общества. Нельзя не замѣтить, что сей родъ нравоучительныхъ романовъ, довольно скучныхъ (не на зло нравственности будь сказано), былъ особенно во вкусѣ читателей нашихъ протекшаго столѣтія. Сверхъ переводовъ, имѣемъ мы и въ оригинальныхъ твореніяхъ той эпохи свидѣтельства сей нравственной наклонности умовъ нашихъ. Укажемъ

на «Арфаксада», «Кадма и Гармонію», «Полидора». И въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ явленіяхъ нашей словесности найдемъ, можетъ быть, слѣды сего поучительнаго направленія. Читатели наши не боятся скуки, и многіе изъ Русскихъ авторовъ пользуются сею народною безбоязненностію. Комики, повѣствователи наши, мало заботятся о занимательности, разнообразіи и живой веселости твореній своихъ: быть нравоучительными достаточно для ихъ назидательнаго смиренномудрія. Можно-бы замѣтить, что авторъ, который, по заглавію своего романа, обязывается быть сатирическимъ и нравоучительнымъ, уже самымъ обязательствомъ своимъ охлаждаетъ любопытство читателя; онъ похожъ на говоруна, который, начиная разсказъ, говоритъ: «Я вамъ разскажу уморительный анекдотъ», и самъ хохочетъ въ задатокъ, такъ что предисловіемъ и предварительнымъ хохотомъ обдаетъ онъ холодомъ и онѣмѣніемъ своихъ слушателей. Можно-бы замѣтить, что ничего нѣтъ менѣе комическаго, *комическаго романа*, писаннаго Скарономъ, и менѣе историческаго — *историческихъ романовъ* г-жи Жанлисъ; но объясненія сихъ замѣчаній завлекли-бы насъ въ разсужденія, постороннія предмету нашему. Мы хотѣли единственно, въ слѣдствіе принятаго нами правила, оглядываться кругомъ, слѣдуя по дорогѣ, намъ предлежащей, и указать мимоходомъ на отличительныя примѣты литтературы нашей. Рус-

скій переводъ «Сиѳа» пользовался при самомъ появленіи своемъ честью, которой удостоились немногія Русскія книги и въ наше время. Въ періодическомъ изданіи, подъ названіемъ «Собраніе лучшихъ сочиненій» и проч., коего редакторомъ въ 1762 году былъ профессоръ Рейхель, есть весьма замѣчательное извѣстіе о семъ переводѣ. Не въ укоръ журналистамъ новѣйшимъ будь сказано, мало найдется у нихъ критическихъ статей, столь Европейскихъ по изложенію, мыслямъ и общимъ свѣдѣніямъ. Въ семъ извѣстіи, между похвальными отзывами о способностяхъ и заслугахъ молодаго переводчика, упоминается и о переведенныхъ имъ «Превращеніяхъ Овидіевыхъ». Нѣтъ слѣдовъ къ повѣркѣ, что сдѣлалось съ симъ переводомъ; но Рейхель долженъ былъ знать о немъ достовѣрно: ибо Фонъ-Визинъ былъ однимъ изъ дѣятельныхъ участниковъ въ семъ періодическомъ изданіи, содержащемъ нѣсколько переводовъ его.

Къ этому-же времени относится первое покушеніе его на поприщѣ поэзіи. Онъ не былъ рожденъ поэтомъ, ни даже искуснымъ стихотворцемъ, хотя и оставилъ нѣсколько хорошихъ сатирическихъ стиховъ въ «Посланія къ слугамъ» и въ баснѣ «Лисица-кознодѣй». Въ одномъ письмѣ къ Елагину онъ самъ говоритъ: «Пишу стихи, которые стоютъ мнѣ не только неизреченнаго труда, но и головной болѣзни, такъ что лекарь мой предписалъ мнѣ въ діэтѣ, отнюдь не пить Ан-

глійскаго пива и не писать стиховъ.» Переводъ его «Альзиры» долженъ быть признанъ болѣе за упражненіе ученическое въ стихотворствѣ и Французскомъ языкѣ, нежели за произведеніе поэтическое. Переводчикъ говоритъ и самъ въ «Исповѣди» своей: «Сей переводъ есть не что иное, какъ грѣхъ юности моей; но со всѣмъ тѣмъ встрѣчаются и въ немъ хорошіе стихи.» Признаемся, должно имѣть родительское сочувствіе для подобной встрѣчи. Намъ со стороны не удалось встрѣтить ни одного хорошаго стиха. Насмѣшники стараго вѣка, и между ними А. С. Хвостовъ, смѣялись надъ неудачею перевода. Вотъ нѣкоторые стихи изъ сатирическаго посланія его къ Фонъ-Визину:

Не ты-ль у старика Вольтера отнялъ честь,
Какъ удалось тебѣ Альзиру перевесть?
Что муза у тебя душею покривила,
Напавъ въ иныхъ мѣстахъ на смыслъ Волтеровъ
съ тыла;
Что съ мыслью автора разъѣхался въ другихъ,
И что межъ прочими въ трагедіи есть стихъ,
Котораго она совсѣмъ не разумѣла,
Не ты въ томъ виноватъ: чего она смотрѣла!
Нельзя, чтобъ ты меча съ пескомъ не разпозналъ,
Ни столько мудрыми очами захворалъ.

Сіе посланіе, отличающееся болѣе личностями, нежели язвительнымъ остроуміемъ, можетъ служить доказательствомъ, что авторскія перебранки и у насъ не со вчерашняго дня. Наши новѣйшіе ратоборцы имѣютъ также свои рыцар-

скія преданія, пергаменты и родословныя. Впрочемъ замѣтить должно, что упомянутое посланіе не было въ свое время напечатано.

Кажется, здѣсь кончается первый періодъ жизни Фонъ-Визина, періодъ приготовительныхъ лѣтъ предъ вступленіемъ на сцену дѣйствія въ общежитіи и въ литтературѣ. Сіи годы искуса не совсѣмъ безцвѣтны. Въ младенчествѣ общежитія нашего и люди начинали жить ранѣе. Общество дорожило всѣми признаками разцвѣтающихъ надеждъ. Мы видѣли, что авторъ нашъ, почти еще ребенкомъ, обращалъ на себя вниманіе, выставленъ былъ на показъ заботливымъ начальствомъ, отысканъ кригопродавцами и, однимъ словомъ, былъ уже на виду въ лѣта, въ кои нынѣ было-бы трудно отдѣлиться отъ толпы сверстниковъ. Правда, что нынѣ и требованія взыскательнѣе; но со всѣмъ тѣмъ, вѣроятно, и старѣйшины тогдашняго общества были внимательнѣе къ новымъ поступающимъ членамъ. О многихъ доказательствахъ, оправдывающихъ мое предположеніе,

Молчу:
Два вѣка ссорить не хочу.

Но по крайней мѣрѣ, чтобъ не поссориться съ своимъ вѣкомъ, ограждаюсь слѣдующимъ объясненіемъ. Въ старину менѣе могли надѣяться на силу событій, на силу нравственную, еще не обдержанную, еще мало утвердившуюся: тяжба просвѣщенія и образованности тогда не была еще рѣшена временемъ; нужны были едино-

мышленники, и каждое лице надежное было на примѣтѣ, завербовано и задобрено отличіями. Тогда просвѣщеніе образовало расколъ: а въ каждомъ расколѣ обнаруживаются жаръ, пристрастіе, дѣятельность. Нынѣ просвѣщеніе — господствующая вѣра въ нравственномъ мірѣ, и потому оно спокойнѣе. Эпохи, подобныя прежней, благопріятны для личнаго честолюбія. По крайней мѣрѣ мы видимъ, что авторъ нашъ вышелъ въ люди самъ собою: кажется, ни родственныя связи, ни счастливыя случайности не проложили ему попутныхъ слѣдовъ.

ГЛАВА III.

Въ 1762 году находимъ Фонъ-Визина въ службѣ, а по пріѣздѣ Двора въ Москву уже извѣстнымъ вице-канцлеру князю Голицыну, который перевелъ его въ Иностранную Коллегію. Тутъ удостоенъ онъ былъ вниманія канцлера, поручавшаго ему переводъ важнѣйшихъ бумагъ. Другое порученіе, лестное для самолюбія и пріятное для любопытства молодаго человѣка, было наградою за труды по службѣ, замѣченные начальствомъ: онъ въ томъ же году посланъ былъ къ Шверинскому двору и возвратился съ свидѣтельствами уваженія, заслуженнаго имъ въ поѣздкѣ своей. На другой годъ сблизился по службѣ, а потомъ и по пріязни, съ Иваномъ Перфильевичемъ Елагинымъ, бывшимъ тогда кабинетъ-министромъ и пользовавшимся въ свое время славою умнаго человѣка и отличнаго писателя. Нынѣ слава его въ послѣднемъ отношеніи значительно убавилась. Наше поколѣніе знаетъ его болѣе по наслышкѣ, а романъ, имъ переве-

денный, «Приключеніе Маркиза Г.», по забавной шуткѣ Крылова въ комедіи « Урокъ дочкамъ ». Что-жъ касается до сего перевода, то по нѣкоторымъ преданіямъ, подкрѣпленнымъ очевиднымъ различіемъ въ слогѣ романа и на примѣръ «Опыта повѣствованія о Россіи», и разностью въ слогѣ самаго перевода, кажется, что переводъ сей, выданный подъ его именемъ, одолженъ бытіемъ первыхъ четырехъ томовъ Порошину, находившемуся при Великомъ Князѣ Павлѣ Петровичѣ, а послѣдняго Лукину, который былъ секретаремъ кабинетъ-министра. Теперь лучшею похвалою Елагину остается мнѣніе, которое Фонъ-Визинъ изложилъ о немъ въ «Исповѣди». Мы не подтвердимъ за нимъ, что онъ прославился своимъ витійствомъ на Русскомъ языкѣ; но будемъ помнить съ признательностію, что онъ покровительствовалъ молодымъ писателямъ въ то время, когда покровительство было еще нужно. Въ Елагинѣ сія благосклонность къ отечественнымъ дарованіямъ тѣмъ болѣе достойна уваженія, что смиреніе духа не было отличительною его примѣтою. Ему приписываютъ слѣдующій отзывъ: «Незнаю, чему дивятся въ Вольтерѣ: я не простилъ-бы себѣ, еслибъ усомнился сравниться съ нимъ въ чемъ-бы то ни было.» Къ сожалѣнію, покровительство вышнихъ не всегда бываетъ безъ примѣси неудовольствій для лицъ, взысканныхъ покровительствомъ. Елагинъ, благопріятствуя Фонъ-Визину, былъ отмѣнно хорошо

расположенъ и къ Лукину. Будущій комикъ нашъ никакъ не могъ ужиться съ авторомъ комедій, нынѣ неизвѣстныхъ, но имѣвшихъ нѣкогда свою цвѣтущую эпоху. Лукинъ былъ, видно, прозорливъ и старался задаткомъ мстить при начальникѣ сопернику, еще невѣдомому, который послѣ долженъ былъ выжить успѣхи его съ другаго поприща. Фонъ-Визинъ въ «Исповѣди» говоритъ довольно подробно и съ чувствомъ живѣйшаго оскорбленія о неудовольствіяхъ, нанесенныхъ ему Лукинымъ въ домѣ Елагина. Въ письмахъ его отыскиваемъ и другія свидѣтельства сей непріязни. Лукинъ не былъ въ миролюбивомъ сношеніи съ совмѣстниками, въ которыхъ видѣлъ онъ опасныхъ соперниковъ. По другимъ указаніямъ знаемъ мы, что онъ въ спорѣ былъ и съ Сумароковымъ («Записки Порошина»).

Съ просвѣщеніемъ Европейскимъ переходили къ намъ и современныя заблужденія, неизбѣжныя для ума человѣческаго во всѣхъ его переломахъ. Въ движеніяхъ своихъ умъ всегда какимъ нибудь концемъ, но впадаетъ въ крайность: ему не дается равновѣсіе. Каждая эпоха бытія человѣческаго ознаменована была одною господствующею мыслію, однимъ исключительнымъ пристрастіемъ, которыя общимъ влеченіемъ и частными препятствіями возрастали до иступленія страсти: ибо страсть не что иное, какъ мысль, или чувство, превозмогающее всѣ другія и всепоглощающее. Эпохи религіозныхъ вдохнове-

ній были омрачены суевѣріемъ и окровавлены жертвоприношеніями фанатизма. Можно сказать, что эпоха, современная молодости Фонъ-Визина, носитъ на себѣ признаки противуположнаго фанатизма — фанатизма свободы мыслящей, неограниченныхъ изслѣдованій, нетерпѣливыхъ покушеній ума разрѣшить себя отъ узъ тягостной опеки давности и вступить со дня на день въ права и независимость совершеннолѣтія. Съ одной стороны, излишество собственной силы и самонадѣянности, съ другой, притязанія противниковъ, и здѣсь совращали умъ съ стези, равно отстоящей отъ крайностей. Запальчивое поколѣніе, опираясь на права свои, пренебрегало вѣрнымъ, но медленнымъ содѣйствіемъ времени и хотѣло удержать побѣду свою въ возникшей тяжбѣ не порядкомъ судебнаго производства, но силою и съ боя. Мы видѣли, какъ Русское общество, или, по крайней мѣрѣ, верхнія оконечности онаго, были подъ вліяніемъ Французскимъ. Вольнодумство въ предметахъ религіи должно было и у насъ имѣть своихъ послѣдователей и скорѣе, нежели политическое: ибо оно отвлеченнѣе другаго и не требуетъ ни размышленій, ни приготовленныхъ событій, ни предварительныхъ свѣдѣній. Можетъ быть, у насъ умы и особенно были способны къ впечатлѣніямъ новаго образа мыслей и къ самымъ излишествамъ его. Рука могущаго Петра должна была, для созиданія новаго устройства, потрясти и совершенно иско-

ренить много старыхъ предразсудковъ, преданій, повѣрій, привычекъ гражданственныхъ и народныхъ. Общество наше, пересажденное со старой почвы на новую, было сначала неминуемо зыбко и подвержено вліяніямъ внѣшнимъ. Великіе переломы въ жизни народа, хотя полезные и способствующіе къ полному развитію нравственныхъ силъ его, походятъ на переломы въ жизни человѣка, сопровождающіе перехожденіе его изъ возраста въ возрастъ, пока онъ не совершенно возмужаетъ. Они родъ недуговъ, въ которыхъ организмъ не имѣетъ надлежащихъ силъ и согласія, и въ которыхъ тѣло болѣе способно къ принятію заразительныхъ болѣзней, господствующихъ въ атмосферѣ. Мы слышимъ и нынѣ отъ нѣкоторыхъ эмпириковъ политическихъ и нравственныхъ, что нашъ вѣкъ есть вѣкъ больной. Положимъ; но въ такомъ случаѣ понадѣемся, что болѣзнь его есть болѣзнь къ росту. Оставимъ Провидѣнію развивать силы человѣческаго организма по предначертаннымъ правиламъ, и не станемъ, подобно слѣпымъ врачамъ, часто противурѣчить природѣ и прикладывать, на-обумъ или упрямо, свои искусственныя пособія тамъ, гдѣ она сама умѣетъ врачевать недуги, которые допускаетъ. Что сказали-бы мы о врачѣ, который, для облегченія страданій младенца, захотѣлъ-бы вырвать прорѣзывающіеся у него зубы? Такимъ образомъ повѣтріе Французскаго религіознаго вольнодумства по-

дѣйствовало и у насъ на людей, кои находились въ упомянутомъ кризисѣ и по выдавшемуся впередъ мѣсту своему въ обществѣ были ближе къ давленію внѣшнему.

Молодой Фонъ-Визинъ, перенесенный изъ благочестиваго дома родителей, отъ набожныхъ упражненій въ чтеніи молитвъ и священныхъ книгъ, очутился вдругъ посреди круга людей, которые образомъ мыслей своихъ были столѣтіемъ впереди отъ тѣхъ, коихъ онъ оставилъ въ Москвѣ. И нынѣ Москва, въ нѣкоторомъ отношеніи, все еще метрополія старины: при всѣхъ измѣненіяхъ новаго общежитія, въ ней еще устоялъ древній капитолій Русскаго быта. Сей капитолій, такъ сказать, упраздненъ; можно сказать, и вовсе не эпиграмматически, что и священныя стражи не спасли его отъ нашествія новыхъ понятій и подоспѣвшихъ поколѣній: но святыня, хотя и въ упадкѣ, все еще существуетъ; она все еще доступна благоговѣйному чувству и въ то время, когда уже утратила свое прежнее благолѣпіе. Прежде различіе между обѣими столицами было еще разительнѣе. Любопытно видѣть въ «Исповѣди» автора нашего, какъ онъ бывалъ смущаемъ рѣзкостью мнѣній, свободно разглашаемыхъ въ бесѣдахъ Петербургскихъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ онъ и самъ поддавался общему потоку и принесъ дань ему «Посланіемъ» къ слугамъ своимъ. Жаль, что записки его прекращаются около этого времени. Сіи Петербургскіе философическіе обѣды у ка-

кого-то князя ***, подобіе Парижскихъ обѣдовъ барона Гольбаха; этотъ Чеб...., другой Нежонъ, Дидеротовскій пріятель, который, встрѣтясь съ гвардейскимъ унтеръ-офицеромъ на гостинномъ дворѣ, привѣтствуетъ его словомъ, которымъ самъ Дидеротъ, сказываютъ, въ бытность свою въ Петербургѣ, послѣ жаркаго обѣда, привѣтствовалъ преосвященнаго Платона — все это кидаетъ живыя краски на эпоху и отцвѣчиваетъ общество наше самымъ любопытнымъ образомъ. Вскорѣ, однакожъ, молодой Фонъ-Визинъ, уже и до того, какъ видимъ изъ словъ его, недовольный сомнѣніями, испуганный безнадежностью разглашаемаго ученія и тоскующій по изысканіи истины болѣе отрадной, нашелъ въ Тепловѣ вожатаго, который подкрѣпилъ испытываемыя усилія его и обратилъ ихъ къ цѣли, обѣщающей въ награду по крайней мѣрѣ упованіе. Сей Тепловъ, начавшій свое гражданское поприще учеными занятіями въ званіи адъюнкта при Императорской Академіи Наукъ, былъ послѣ сенаторомъ и оставилъ по себѣ нравственныя сочиненія: «Знанія вообще до философіи касающіяся» и «Наставленія сыну». Онъ познакомилъ Фонъ-Визина съ твореніемъ Самуила Кларка «Доказательства бытія Божія», которое сей послѣдній и перевелъ. Сіе упражненіе было, кажется, переломъ въ образѣ мыслей его. Впрочемъ, если обратить вниманіе на раскаяніе его въ соблазнѣ, который

могъ онъ нанести шутками, разсыпанными въ «Посланія къ слугамъ» и въ нѣкоторыхъ сценахъ «Бригадира», то должно замѣтить, что и въ позднѣйшемъ твореніи его: «Недоросль», роль Кутейкина могла-бы также смутить православіе нѣсколько строгихъ читателей. Роль сія замѣчательна какъ вывѣска эпохи: здѣсь вспомнишь опредѣленіе Этьеня, комика Французскаго «комедія-исторія народовъ». Нынѣ комическій писатель не осмѣлился-бы выставить подобное лице на посмѣшище зрителей; а въ то время Фонъ-Визинъ, даже и по обращеніи своемъ, нарисовалъ его шутливымъ перомъ и вывелъ на сцену, не боясь ни цензуры совѣсти, ни совѣстливости цензуры. Другія комедіи той-же эпохи показываютъ подобное направленіе умовъ. Въ числѣ прочихъ замѣчательна въ этомъ отношеніи комедія «О, время!» особенно-же, если вспомнишь, кѣмъ она писана.

Между тѣмъ, какъ ни любопытны указанія, ярко обозначающія общество тогдашняго времени и сохранившіяся для насъ едва-ли не въ однѣхъ запискахъ Фонъ-Визина, однако нельзя предаваться вовсе безъ оглядки изліяніямъ смиренія, которое отзывается въ поздней «Исповѣди» его. Писавъ ее незадолго до кончины своей, онъ имѣлъ въ виду одно христіанское раскаяніе, какъ и самъ говоритъ. Нѣсколько ударовъ паралича, постигнувшихъ его въ разныя времена, должны были лишить его бодрости и свѣжести ума,

потребныхъ для яснаго изображенія себя и для заключенія приговора надъ собою, независимаго отъ немощи природы нашей. По крайней мѣрѣ мы не признаемъ въ сочиненіяхъ его никакихъ признаковъ непозволительнаго кощунства. Какъ раскаяніе его ни назидательно и ни почтенно, если оно произвольное изліяніе сердца, но все можно защитить его отъ него самого и отъ упрековъ слишкомъ пугливой совѣсти. Само собою разумѣется, что мы судимъ о «Исповѣди» его не въ Христіанскомъ отношеніи, неподлежащемъ дерзкому изслѣдованію ума. По Христіанской оцѣнкѣ, кто изъ людей не грѣшенъ и кто не имѣетъ нужды въ исповѣди?

Касательно «Посланія къ слугамъ моимъ» любопытно свѣдѣніе, приведенное сочинителемъ «Новаго опыта историческаго словаря о Россійскихъ писателяхъ», который печаталъ драгоцѣнные біографическіе матеріалы свои въ журналѣ «Другъ просвѣщенія». Онъ говоритъ, что оно было въ первый разъ напечатано въ Москвѣ «во время даннаго отъ Двора народу публичнаго на сырной недѣлѣ маскерада, когда на три дня во всѣхъ Московскихъ типографіяхъ позволена была свобода печатанія.» Наши старанія удостовѣриться въ существованіи сихъ замѣчательныхъ литтературныхъ сатурналій и въ истинѣ упомянутаго показанія остались безуспѣшны. Предоставляемъ библіографическимъ изыскателямъ рѣшительную повѣрку запроса, столь

любопытнымъ въ лѣтописяхъ гражданства и литтературы въ Россіи. Буде сіи сомнѣнія разрѣшатся положительно, то не менѣе достойно вниманія и розысканіе, не были-ли и другія, и какія именно, сочиненія напечатаны въ то-же время.

Въ разсужденіи наблюденія нравовъ и духа времени весьма важенъ успѣхъ, увѣнчавшій комедію «Бригадиръ» въ избранномъ кругу именитостей тогдашняго общества. Фонъ-Визинъ подробно разсказываетъ о томъ въ своей «Исповѣди». Начиная отъ Государыни и молодаго Наслѣдника, всѣ первѣйшія лица въ Петербургѣ наперерывъ приглашали автора и слушали чтеніе комедіи его. Можетъ быть, не въ первый-ли разъ случилось тогда Русскому автору быть въ модѣ. Ломоносовъ и Сумароковъ пользовались уваженіемъ и славою; но едва-ли честолюбію ихъ приносимы были сіи мелочныя, но соблазнительныя дани, которыя, такъ сказать, ручнѣе и употребительнѣе. Къ тому-же Ломоносовъ самымъ свойствомъ дарованій и занятій своихъ не могъ быть свѣтскимъ человѣкомъ; Сумароковъ по уму своему, напротивъ, хотя и могъ играть блестящее лице въ обществѣ, но неуживчивость его и, вѣроятно, другія несообразности въ нравѣ, вредили ему въ удержаніи за собою мѣста, на которое онъ по другимъ отношеніямъ имѣлъ неоспоримыя права. Слава, награды, утверждаемыя временемъ, похожи на недвижимыя

имущества, которыми пользуемся медленно и продолжительно; молва, упоенія тщеславія похожи на реализированные капиталы, которые скорѣе уплываютъ, но за то проживаются веселѣе. Можно сказать въ этомъ отношеніи, что Фонъ-Визинъ пожилъ на своемъ вѣку. Русскій авторъ, который съ бала во Дворцѣ приглашается Екатериною въ приближенное общество Ея, читаетъ передъ Нею свою комедію, заслуживаетъ одобреніе Высокой Слушательницы, есть событіе, которое авторское поколѣніе можетъ внести въ лѣтопись своихъ блестящихъ воспоминаній. Бываютъ эпохи, когда знаки отличія необходимы для возбужденія гражданскаго честолюбія: времена совершенно героическія, или совершенно философическія рѣдки, если и вовсе не баснословны. Монтескьё сказалъ, что честь — душа монархическаго правленія; можно прибавить — и почести. Когда обратишь вниманіе на содержаніе и красоты комедіи, о которой идетъ рѣчь, то удача ея еще замѣчательнѣе. Оцѣнка Двора сему произведенію была безкорыстная. Мы уже замѣтили, что картина нравовъ, въ ней выставленная, есть картина совершенно чуждая обществу, которому она была представлена. Дѣло въ томъ, что истина и естественная веселость, и безъ особеннаго примѣненія, дѣйствуютъ на чувство. Такъ хорошій портретъ, если и не знаешь подлинника, носитъ на себѣ свидѣтельства сходства своего; такъ природное дарованіе и все, что

есть задушевнаго въ игрѣ великаго актера, постигается просвѣщеннымъ зрителемъ и незнающимъ языка, на которомъ говоритъ актеръ; такъ смѣемся часто чуждому смѣху, когда онъ отъ души, хотя и не знаемъ причины онаго. Какъ-бы то ни было, счастіе-ли Фонъ-Визина, истинали дарованія его, врожденная-ли смѣтливость его слушателей, пробужденная благопріятнымъ направленіемъ тогдашнихъ умовъ, соединеніе-ли всѣхъ сихъ соображеній,— но комедія «Бригадиръ» имѣла успѣхъ блистательный. Къ чести сихъ державныхъ и аристократическихъ судей можно вспомнить, что «Гоѳолія» не понравилась блестящему двору Людовика XIV. Отъ чего удача Фонъ-Визина рѣдко была повторяема въ послѣдствіи? Отъ чего, съ легкой руки Екатерины и Фонъ-Визина, не тѣснѣе, не безпрерывнѣе сблизились сношенія авторовъ нашихъ съ избранными читателями? Кто виноватъ въ охлажденіи, которое послѣдовало за такимъ жаркимъ началомъ? Авторы, или читатели, или однѣ событія, которыя независимою силою своею разрѣшили успѣхи литтературы отъ условій нѣкогда необходимаго покровительства? Съ другой стороны, можетъ-ли литтература наша, какъ и другія отрасли промышленности народной, обойтись безъ поощренія, безъ попеченій меценатовскихъ, довольствуясь покровомъ общихъ законовъ, въ числѣ прочихъ ремеслъ, искусствъ и промысловъ позволенныхъ? Литтература наша имѣетъ-ли въ

себѣ достаточную силу, чтобы, подобно пароходу, движимому внутреннимъ и независимымъ дѣйствіемъ, плыть безпрепятственно къ цѣли, безъ пособія попутнаго, а часто и на-перекоръ противнаго вѣтра? Вотъ задачи, коихъ рѣшенія стало-бы на цѣлую книгу, и кои по этому самому не подлежатъ теперь нашему изслѣдованію.

Отнынѣ біографъ Фонъ-Визина лишается руководства его и, слѣдуя за нимъ далѣе, долженъ довольствоваться рѣдкими, невѣрными указателями на поприщѣ, имъ пройденномъ. Жаль, что авторъ не успѣлъ докончить свои записки и что прекращаются онѣ почти до вступленія его въ новую сферу—въ сферу разнообразнѣйшей дѣятельности. Можетъ быть однакожъ, и самое полное исполненіе плана, предначертаннаго имъ себѣ въ составленіи оныхъ, не удовлетворило-бы совершенно всѣмъ требованіямъ любопытства нашего. Во вступленіи своемъ онъ говоритъ, что раздѣлитъ «Исповѣдь» свою на четыре книги; слѣдовательно, судя по двумъ первымъ книгамъ дописаннымъ, едва-ли болѣе полуторы книги оставалось ему для повѣствованія о жизни своей въ лѣта, которыя безъ сомнѣнія были полнѣе предыдущихъ. Но не смотря на сокращенія, на многія изъятія и вообще на какую-то совѣстливость и цѣломудріе, свойственныя Русскимъ писателямъ, никогда ничего недоговаривающимъ, не смотря на всѣ сіи недостатки, которые

вероятно, сохранили-бы записки его многихъ запасовъ, драгоцѣнныхъ для исторіи гражданства, общежитія и литтературы въ Россіи, мы должны, дорожа тѣмъ, что есть, жалѣть о томъ, что не было дописано. Мы не имѣемъ среднихъ нравовъ ни въ государственномъ, ни въ общежительскомъ бытіи. Въ первомъ наша давность не заходитъ за царствованіе Петра и во многомъ начинается отъ Екатерины. Въ другомъ отношеніи, все еще вчерашнее, все сегодняшнее, а еще болѣе все завтрашнее. Житницы преданій нашихъ пусты, и если надѣяться на жатву для нашихъ романовъ, историческихъ комедій, біографій лицъ и общества, то развѣ на ту, которая зеленѣетъ еще въ глазахъ нашихъ. Теперь никакъ не свяжешь настоящаго съ прошедшимъ, упованій съ преданіями; никакъ не сведешь концевъ съ концами. Личности такъ мало отдѣляется у насъ отъ толпы, все такъ уравнено, или такъ изглажено, что мы должны дорожить и малѣйшими оконечностями, которыя выдаются наружу. На голой степи и мелкая лоза служитъ внимательному путнику указательною вѣхою и отрадою праздному зрѣнію. Признаюсь, большую часть такъ-называемой изящной словесности нашей отдалъ-бы я за нѣсколько томовъ записокъ, за нѣсколько Несторскихъ лѣтописей тѣхъ событій, нравовъ и лицъ, коими пренебрегаетъ исторія. Нашъ языкъ, можетъ быть, не былъ-бы столь обработанъ, стихъ

нашъ столь звученъ; но тогда была-бы у насъ не одна изящная, но за то и голословная, а была-бы живая литтература фактовъ, со всѣми своими богатыми послѣдствіями.

ГЛАВА IV.

Между литтературными трудами, обозначившими періодъ жизни, разсмотрѣнный нами, переводъ «Іосифа», повѣсти сочиненія Битобе, заслуживаетъ особенную отмѣтку. Онъ и нынѣ еще находится въ книжной торговлѣ и перепечатанъ былъ въ 1819 году. Въ предисловіи переводчикъ излагаетъ мысли о затрудненіяхъ, встрѣтившихся въ трудѣ, имъ совершенномъ. Любопытно остановиться на нихъ, ибо онѣ касаются до запроса, который много разъ рѣшали и который донынѣ еще не рѣшенъ. Оно тѣмъ болѣе любопытно, что, по какимъ-то преданіямъ, Фонъ-Визинъ почитается у насъ, послѣ Ломоносова, первымъ писателемъ, умѣвшимъ сочетать языки Славянскій и Русскій. Новиковъ сказалъ о семъ переводѣ, что переводчикъ держался въ немъ важности Славянскаго и чистоты Россійскаго языка. Съ его словъ, всѣ повторили то-же. Во первыхъ, кажется, должно-бы обозначить, о какомъ

сочетаніи идетъ здѣсь дѣло, ибо [illegible] опредѣлить, что въ Русскомъ языкѣ нѣтъ [illegible]жности, или въ Славянскомъ чистоты, ему свойственной. Есть сочетаніе однихъ словъ, и есть сочетаніе формъ, оборотовъ, свойствъ двухъ языковъ, или даже одного и того-же языка, но изменившагося въ постепенныхъ своихъ возрастахъ. Первое сочетаніе полезно и даже необходимо. Нѣтъ ни единаго языка, родившагося во весь ростъ и во всеоружіи, какъ Минерва изъ головы Юпитера. Каждый языкъ разростался отраслями, листьями и плодами при содѣйствіи времени, трудовъ и прививокъ. Второе сочетаніе несбыточно и нежелательно: оно не можетъ быть естественно и слѣдовательно не будетъ изящно. Въ языкахъ не бываетъ двуглавыхъ созданій, или сростшихся Сіамцевъ; и тѣмъ лучше: ибо такой языкъ былъ-бы уродъ. Перваго сочетанія держались и держатся всѣ писатели наши, втораго не нахожу нигдѣ, ни у Ломоносова, ни у Кострова, ни у самаго Петрова, который всѣхъ откровеннѣе порабощался Славянскому игу. Говорю нигдѣ; ибо не признаю за сочетаніе то, въ чемъ нѣтъ согласія. Можно найти во многихъ писателяхъ нашихъ насильственное и частное сопряженіе двухъ языковъ, но тогда вспомнишь стихи баснописца:

Диковинка-ль всегда въ упряжкѣ быть одной,
А розно жить душой.

Народный языкъ Ломоносова—тѣло, оживленное не Германскимъ, то Латинскимъ духомъ, коему даны въ пособіе Славянскія слова. Языкъ Фонъ-Визина при тѣхъ-же пособіяхъ часто сбивается на галлицизмы. Ни въ томъ, ни въ другомъ, нѣтъ чисто Русскаго, ни чисто Славянскаго, ни даже чисто Славяно-Русскаго языка, если чистота можетъ быть при подобной пестротѣ.

Одинъ изъ лучшихъ критиковъ нашихъ, Мерзляковъ, восхищался въ Ломоносовѣ очаровательнымъ соединеніемъ словъ Славянскихъ съ Россійскими. Признаюсь, не постигаю, какое можетъ быть тутъ очарованіе. Слова Славянскія хороши, когда онѣ нужны и необходимы, когда онѣ замѣняютъ недостатокъ Русскихъ: они даже тогда законны; ибо на нѣтъ и суда нѣтъ. Въ языкѣ стихотворномъ они хороши, какъ синонимы, какъ пособія, допускаемыя поэтическою вольностію и служащія иногда благозвучію стиха, риѳмѣ, или стопосложенію. Вотъ и все. Но между тѣмъ нельзя не жалѣть о томъ, что какая-то почетная именитость, данная Славянскимъ словамъ предъ Русскими, вытѣснила многія изъ нихъ изъ языка стихотворнаго, какъ будто низкія. Теперь въ стихахъ почти не рѣшишься сказать «лобъ, ротъ, губы», хотя въ разговорѣ, и самомъ правильномъ, не скажешь о знакомой красавицѣ: «всего правильнѣе въ ней чело и уста». Вотъ до чего довело насъ очаровательное соединеніе словъ Славянскихъ съ Россійскими! Языкъ Славянскій

имѣлъ у насъ двухъ ходатаевъ за себя—Ломоносова и Карамзина. Поэтическое чувство и музыкальное ухо перваго не могли сносить терпѣливо нестройность языка, который господствовалъ между современниками его. Смѣсь Малороссійскихъ, Польскихъ и Нѣмецкихъ словъ дико звучала въ тогдашнемъ книжномъ нарѣчіи. Поэтъ и ораторъ, Ломоносовъ долженъ былъ предпочесть ему на первый случай языкъ священныхъ книгъ нашихъ и началъ проповѣдывать ученіе его, которое впрочемъ полезно и необходимо; но притомъ не должно однако-же слѣпо и исключительно держаться словъ его. Повторять за нимъ безусловно то, что говорилъ онъ о пользѣ Славянскихъ книгъ — то-же, что ограничиться чтеніемъ псалтыри и арифметики Магницкаго потому, что онъ называлъ ихъ вратами учености своей. Но всегда оставаться въ воротахъ—значитъ никогда не войти. Карамзинъ другими, почти противоположными средствами, пробудилъ старинную тяжбу: онъ понялъ, что для размноженія читателей должно образовать языкъ общежитія, не допуская существованія языка книжнаго отдѣльно отъ перваго, доступнаго только малому числу посвященныхъ въ таинства его; онъ уразумѣлъ, что писатели народа образованнаго не должны походить на жрецовъ древняго Египта: имъ, можетъ статься, была выгода быть загадками для народа, но писателямъ нѣтъ выгоды морочить читателей, имѣющихъ полное право понимать то,

что для нихъ пишется. Во всѣхъ явленіяхъ физическаго и нравственнаго міра есть дѣйствіе и противодѣйствіе. Ломоносовъ наткнулся на Тредьяковскаго, который противоборствовалъ, сколько силы было, нововведеніямъ его. Карамзинъ породилъ въ противоборникахъ своихъ опасность за цѣлость и святость природнаго языка, угрожаемаго вторженіемъ въ него нововведеній и прихотей общежитія. Сія ошибка мнѣній образуетъ замѣчательный періодъ въ исторіи нашей литтературы. Появленіе «Исторіи Государства Россійскаго» прекратило распрю. Оно разсѣяло неосновательный страхъ и объяснило настоящее положеніе дѣла. Самые противники Карамзина — говоримъ объ однихъ добросовѣстныхъ — убѣдились, что испытанный талантъ, знаетъ какимъ языкомъ можно писать «Бѣдную Лизу» и какимъ должно писать исторію.

Впрочемъ, обращаясь опять къ Фонъ-Визину, спросимъ: въ чемъ заключаются такъ-называемые славянизмы Фонъ-Визина въ переводѣ «Іосифа»? Въ словахъ «паче, паки» и другихъ имъ подобныхъ, въ сохраненіи буквы *и* въ неокончательныхъ наклоненіяхъ глаголовъ: вотъ и все. Эти славянизмы напоминаютъ каррикатурныя лица Французскихъ водевилей, которыя, поддѣлываясь подъ Итальянцевъ, пестрятъ свой Французскій разговоръ словами perche, ogio, и такъ далѣе. Въ отношеніи къ слогу можно замѣтить, что, вѣроятно, отъ сего перевода Фонъ-Визинъ при-

выкъ къ мѣрной прозѣ, которая [illegible] у него и въ другихъ твореніяхъ. Подлинникъ его, Битобе, долженъ былъ въ этомъ случаѣ служить ему образцемъ, ибо и въ его прозѣ встрѣчаются александрійскіе и обломленные стихи, коими, кажется, любилъ щеголять и Фонъ-Визинъ. Въ началѣ повѣсти переводчикъ говоритъ: «Свободное слово мое возвышеннымъ стихотворства языкомъ вѣщати будетъ.» Эти слова, кажется, вставка переводчика: по крайной мѣрѣ не отыскалъ я ихъ въ подлинникѣ, напечатанномъ въ полныхъ твореніяхъ Битобе. Во всякомъ случаѣ страненъ эпитетъ *свободное*, приданный рѣчи прозаической, которую хотятъ поработить насильственно нѣкоторымъ условіямъ стихосложенія.

Къ сей эпохѣ можно отнести и переводъ его «Торгующее дворянство, противуположенное дворянству военному». Книга переведена, вѣроятно, съ Нѣмецкаго, хотя сочиненіе и Французское. Въ немъ съ искусствомъ и силою выведены причины, почему желательно для благосостоянія Франціи, чтобы одна часть дворянства Французскаго обратилась къ торговлѣ, вопреки предразсудкамъ, осуждавшимъ членовъ онаго или на пожертвованія расточительнаго честолюбія, или на нищету спесивой праздности. Сочиненіе сіе было написано въ то время, когда политическія и экономическія понятія начинали развиваться и обращать на себя вниманіе, которое овладѣло

послѣ людей просвѣщенными и благонамѣренными умами. Въ Фонѣ-Визинѣ, къ его чести, нельзя не замѣтить того: наклонность къ посѣянію истинъ сего рода оказывается вездѣ, и въ комедіяхъ и мелкихъ шуточныхъ отрывкахъ, и тамъ, гдѣ могли-бы онѣ казаться неумѣстными по правиламъ строгой риторики и исключительной эстетики. Но таковъ былъ вѣкъ: политическая философія, если можно такъ выразиться, была необходимою приправою всякаго сочиненія. Можетъ быть, нѣкоторыя соображенія, имѣющія отношеніе и къ нашему дворянству, еще болѣе рѣшили выборъ переводчика въ предпринятомъ трудѣ. Вотъ, напримѣръ, одно изъ подобныхъ мѣстъ: «Но я забываю уже то, что вы въ «купечество вступили, сами о томъ не вѣдая. «Торгъ вашъ для того малъ, что вамъ великой «противенъ. Вы торгуете виномъ и хлѣбомъ; но «есть-ли въ томъ великая разность, чтобъ «брать товары въ собственной своей землѣ, или «покупать оные на продажу? Вообще сказать, «кто-бы не долженъ былъ вступить въ купечество? Спиціонъ, Кареагенскій разоритель, похвалялся тѣмъ, что онъ никогда не продавалъ «и не покупалъ. Лучше-бы было то, еслибъ «онъ похвалиться могъ тѣмъ, что не имѣлъ «участія въ невѣрности Римскаго сената противъ «Кареагенцевъ. Купечество есть душа всѣхъ «сообществъ. Ораторъ продаетъ свое краснорѣчіе; «писатель духъ свой; воинъ кровь; политикъ

«свои намѣренія. Дворянинъ, ни въ чемъ-ономъ «участія не пріемлющій, могъ-бы продавать «плоды нашихъ мануфактуръ и художествъ. Онъ «продаетъ-же ленъ непряденный: для чего не «продавать ему пряжи?»

ГЛАВА V.

Если смотрѣть на чинъ и почести, до коихъ дослужился Фонъ-Визинъ, то нельзя назвать блестящимъ служебное поприще его. Впрочемъ должно замѣтить, что за исключеніемъ нѣкоторыхъ примѣровъ и особенныхъ случаевъ, служба въ его время, а тѣмъ болѣе гражданская, подвигалась медленнѣе, нежели въ слѣдующія эпохи. Тогда государственное заведеніе было если не менѣе дѣятельно, то гораздо малосложнѣе. Съ размноженіемъ мѣстъ должны были возрастать отличія и награжденія, а съ ними и требованія честолюбія. Въ чинахъ и въ наградахъ можетъ быть роскошь, такъ же какъ и въ другихъ отрасляхъ общежитія. Тогда излишество становится необходимостію. То, что за пятьдесять лѣтъ было умѣреннымъ благосостояніемъ и златою посредственностію чиновничества, нынѣ было-бы почитаемо за безпокровное убожество. Въ этомъ отношеніи, смиренный по нынѣшнимъ понятіямъ жребій статскаго совѣтника могъ

казаться довольно удовлетворительнымъ, который, находясь въ довѣренности у начальника своего, кабинетъ-министра Елагина, писалъ въ 1766 году къ отцу своему съ нѣкоторымъ элегическимъ уныніемъ, что, ему надобно сдѣлать себѣ шинель, и что, въ теченіе слишкомъ пяти мѣсяцевъ, жилъ онъ 165 рублями, полученными имъ въ счетъ жалованья. Между тѣмъ онъ не былъ въ нуждѣ и пользовался нѣкоторыми пріятностями общежитія: имѣлъ карету, услугу, ѣздилъ во Дворецъ. Вѣкъ на вѣкъ не приходитъ; но пріятность службы для человѣка благомыслящаго, съ видами возвышеннаго честолюбія, измѣряется не годовыми итогами полученныхъ награжденій. Занятія, доставляющія пищу дѣятельности ума, открытая сфера для дѣйствій, согласныхъ со склонностями и совѣстью, отрада, или, лучше сказать, необходимая потребность имѣть въ начальникѣ человѣка, котораго уважаешь, и которымъ ты самъ уваженъ, — вотъ что можно почитать счастіемъ въ службѣ. Въ этомъ отношеніи, Фонъ-Визинъ счастливо служилъ. Можно предположить, что безъ сего счастія онъ и служить-бы не могъ. Мы видѣли, что первые шаги его обратили вниманіе канцлера графа Воронцова, что при самомъ вступленіи въ службу было возложено на него дипломатическое порученіе, которое онъ исполнилъ съ успѣхомъ. Послѣ поступилъ онъ къ Елагину подъ начальство. Если сначала встрѣтили его нѣкоторыя

непріятности, то въ послѣдствіи дѣла имѣли лучшій оборотъ и мѣсто побѣды осталось за нимъ. Родъ занятій его по службѣ при этомъ начальникѣ намъ неизвѣстенъ; но, судя по званіи оберъ-гофмейстера, которое исправлялъ Елагинъ, нельзя предполагать въ нихъ особенной занимательности для Фонъ-Визина. Но знаемъ изъ писемъ его, что онъ любилъ и уважалъ начальника своего.

Политическое поприще Фонъ-Визина начинается по-настоящему съ поступленія его подъ начальство графа Никиты Ивановича Панина, управлявшаго министерствомъ внѣшнихъ дѣлъ въ эпоху событій, столь важныхъ и блестящихъ въ исторіи политики нашей. Дѣла Польши и Швеціи, войны Турецкія, въ которыхъ должно было не менѣе сражаться съ оружіемъ въ рукахъ противъ полевыхъ непріятелей, сколько и съ перомъ противъ кабинетныхъ враговъ и Европейской политики, пугавшейся исполинскаго возрастанія нашего; вожди дипломатической конфедераціи, гораздо искуснѣйшей и опаснѣйшей, нежели Польская, Кауницъ и Шуазель, главы Вѣнскаго и Версальскаго кабинетовъ, намъ недоброжелательствовавшихъ, и самое дружество Фридриха Великаго, напоминающее въ дипломатическихъ двуличностяхъ своихъ стихъ поэта.

Ихъ дружество, почти на ненависть похожее, озабочивали важными соображеніями и бдительностію всегда на-сторожѣ воинственный

кабинетъ Панина. «Исторія его негоціацій, говоритъ Фонъ-Визинъ въ жизнеописаніи сего министра: будетъ въ послѣдующія времена служить руководствомъ въ дѣлахъ политическихъ, и представитъ свѣту великость души его и дарованій.» Екатерина, столь проницательно и положительно умѣвшая судить о достоинствахъ людей, оказала все уваженіе, которое питала къ уму и нравственному характеру Панина: она ввѣрила ему воспитаніе Наслѣдника и управленіе внѣшними дѣлами государства, возложивъ на него такимъ образомъ, можно сказать, не только жребій настоящей, но и будущей Россіи. Графъ Панинъ, съ своей стороны, совершенно оправдалъ сію высокую довѣренность. Россія, въ министерство его, не одною физическою силою оружія, но и умственною силою политики, достигла цѣли, указанной ей Петромъ; а Царственный Воспитанникъ Панина, путешествуя по Европѣ, явился достойнымъ ея просвѣщенія и образованности. Ревностный исполнитель повелѣній Государыни, сей министръ не былъ однако-же предъ нею безмолвнымъ и безусловнымъ орудіемъ. Онъ былъ мыслящій и самостоятельный министръ, умѣлъ въ дѣлахъ имѣть свое мнѣніе и безбоязненно открывать его Государынѣ, умѣвшей выслушивать истину и противорѣчіе. И мнѣніе его въ подобныхъ случаяхъ не было плодомъ какихъ нибудь личныхъ выгодъ или предубѣжденій въ пользу или во вредъ другой

державы, какъ то часто замѣчается въ исторіи многихъ министерствъ, рѣшавшихъ по тайнымъ пристрастіямъ судьбы народовъ и государствъ: въ немъ оно проистекало изъ совѣстнаго убѣжденія, почерпавшаго силу свою изъ началъ нравственной политики, изъ общей и частной пользы государства, которыя нераздѣльно сопряжены между собою къ поученію властителей и къ оправданію Провидѣнія. Напрасно говоритъ Мирабо о какой-то враждѣ между нравственностію общею и частною. Нѣтъ ни двухъ нравственностей ни двухъ политикъ. Каждая безнравственность есть не только преступленіе, но и ошибка. Всякая несправедливость въ политикѣ есть такая-же безнравственность. Екатерина была столь увѣрена въ пользѣ заслугъ, приносимыхъ графомъ Панинымъ Ей и Отечеству, что, не смотря на волненія, свойственныя стихіи придворной, не смотря на многихъ могущественныхъ недоброжелателей, покушавшихся низвергнуть его, Она всегда отстаивала министра своего и новыми милостями возвышала его болѣе и болѣе. Таковъ былъ человѣкъ, подъ начальствомъ коего Фонъ-Визинъ имѣлъ неоцѣненное счастіе служить, пользуясь неограниченною его довѣренностію. По оставшимся послѣ него бумагамъ, мы не можемъ заключить, имѣлъ-ли онъ какой нибудь политическій голосъ въ совѣтахъ и рѣшеніяхъ министра, но видимъ достовѣрно, что всѣ письменныя дѣла переходили чрезъ его руки и что онъ былъ

постояннымъ посредникомъ между имъ и главнѣйшими изъ современныхъ Русскихъ дипломатовъ. Впрочемъ, если по нѣкоторымъ указаніямъ вѣрить, что графъ Панинъ былъ нѣсколько лѣнивъ и медленъ въ работѣ, то непосредственное участіе Фонъ-Визина въ дѣлахъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Переписка его со многими значительными лицами нашей дипломаціи убѣждаетъ насъ еще въ другомъ утѣшительномъ свидѣтельствѣ: она служитъ доказательствомъ не только пріятнаго положенія, въ которомъ онъ находился, но и уваженія, которое онъ умѣлъ снискать независимо отъ мѣста своего. Въ томъ, что сохранилось изъ обширной и многолѣтней переписки его, находимъ письма къ нему Александра Ильича Бибикова, начальствовавшаго войсками нашими въ Польшѣ противъ конфедератовъ; Сальдерна, Барона Стакельберга, министровъ нашихъ въ Варшавѣ; Мусина-Пушкина, посла въ Лондонѣ; Зиновьева, въ Мадритѣ; графа И. А. Остермана, министра въ Стокгольмѣ; Обрѣскова, посла въ Царьградѣ; Якова Ивановича Булгакова, Аркадія Ивановича Маркова; княгини Екатерины Романовны Дашковой, родственницы графа Панина; князя Николая Васильевича Рѣпнина, и другихъ. Всѣ сіи письма, болѣе или менѣе, показываютъ степень довѣренности, которая общимъ мнѣніемъ приписана была сношеніямъ подчиненнаго съ начальникомъ его, и вмѣстѣ съ нею неограниченную довѣренность,

полагаемую на прямодушіе Фонъ-Визина, на усердіе его къ общей и частной пользѣ. Многія изъ сихъ писемъ служатъ свидѣтельствами лестныхъ и почтенныхъ дружескихъ связей, которыя онъ умѣлъ заключить и поддержать. Жаль, что изъ сей переписки сохранились одни отдѣльные отрывки. Собраніе полу-офиціальныхъ писемъ, полученныхъ и писанныхъ имъ, составилобы любопытный памятникъ людямъ и событіямъ того времени. Странно и прискорбно видѣть, какъ мало дорожили и дорожатъ у насъ понынѣ слѣдами умственнаго бытія, съ какою младенческою безпечностію предается у насъ забвенію и тлѣнію все то, что должно-бы со тщаніемъ и набожнымъ чувствомъ быть хранимо въ архивахъ семейныхъ! Переписки, сіи очевидныя дѣянія, сіи, такъ сказать, снимки съ жизни, ее переживающіе, всегда драгоцѣнны или въ домашнемъ, или въ общественномъ отношеніи; еще драгоцѣннѣе, когда въ обоихъ. Счастливъ, кто въ перепискѣ предка находитъ пищу для семейнаго любопытства и поучительные примѣры для своего гражданскаго поведенія. Почему каждой фамиліи не имѣть-бы частнаго архива своего? Къ чему это равнодушное самоотверженіе личности, обрекающее лица и самые роды оставаться ничтожными частями цѣлаго, непримѣтными волнами, теряющимися въ пучинѣ, которая только въ совокупности имѣетъ право на образъ, имя и мѣсто во вниманіи людей? И это желаніе

—эгоизмъ, но по крайней мѣрѣ облагороженный и согрѣтый святостію воспоминаній и вѣрою надеждъ, потребностію начать, такъ сказать, и на землѣ безсмертіе, къ которому временная жизнь наша прицѣпилась-бы звѣномъ соединенія и залога.

Имѣя мало фактовъ, раскрывающихъ предъ нами жизнь Фонъ-Визина, должны мы дорожить свидѣтельствами связей его, въ которыхъ можетъ отсвѣчиваться и его характеръ. Связи сіи послужатъ намъ средствомъ, изъ извѣстныхъ данныхъ, вывесть опредѣленіе неизвѣстной характеристики. Слѣдуя сему указанію, кажется, не излишнимъ будетъ обойти кругъ общежитія, въ которомъ Фонъ-Визинъ занималъ столь почетное мѣсто.

Мы уже видѣли, въ какихъ сношеніяхъ былъ онъ съ графомъ Никитою Ивановичемъ Панинымъ. Сношенія сіи сблизились при самомъ началѣ ихъ знакомства и постоянно укрѣплялись взаимнымъ уваженіемъ и довѣренностію до самой кончины министра. Въ исчисленіи ближайшихъ пріятелей его должно начать съ Александра Ильича Бибикова. Это одна изъ блестящихъ именитостей царствованія Екатерины II, столь богатаго отличными людьми на всѣхъ поприщахъ, столь живописнаго разнообразіемъ и выразительностію лицъ, отдѣляющихся въ общей картинѣ. Сей Бибиковъ, еще въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ, успѣлъ заслужить военное имя въ семилѣтнюю

войну. Возвратясь въ Россію, обратилъ онъ на себя вниманіе Екатерины, уже вступившей на престолъ. Разныя важныя порученія, истинно государственныя должности, на него возложенныя, свидѣтельствуютъ о довѣренности, которую Государыня имѣла къ способностямъ и душевной твердости его. Избранный въ предводители депутатской коммиссіи, собранной для составленія проекта новаго уложенія, онъ, можно сказать, увѣковѣчилъ имя свое вмѣстѣ съ памятью мгновенія, столь важнаго въ лѣтописяхъ нашего политическаго гражданства. Если внѣшнія обстоятельства, слившіяся со внутренними препятствіями, и не дали созрѣть сей великой мысли Законодательницы нашей, то не менѣе имена призванныхъ Ею участвовать въ исполненіи оной, и въ особенности имя удостоеннаго довѣренностію народа и Государыни, принадлежатъ исторіи. Послѣ, въ важную эпоху для нашей внѣшней политики, видимъ мы его въ Польшѣ начальствующаго Русскими войсками противъ Польскихъ конфедератовъ. Въ сей войнѣ, требовавшей отъ начальника не одного искусства воинскаго, но и проницательныхъ соображеній политика, администратора и, такъ сказать, проконсула, Бибиковъ, покоряя непокорныхъ не одною силою оружія, но и убѣжденіемъ силы нравственной, одерживаетъ побѣды на полѣ сраженій и заслуживаетъ характеромъ своимъ уваженіе самыхъ патріотовъ Польскихъ. Наконецъ, когда удачи

Пугачева начали придавать безумію частнаго покушенія всю важность государственнаго событія, угрожавшаго благосостоянію Имперіи, тотъ-же Бибиковъ, всегда на примѣтѣ у Екатерины, избирается Ею для пресѣченія зла, уже утомившаго многія надежды. Принявъ начальство надъ войсками, назначенными дѣйствовать противъ мятежниковъ, онъ оказалъ то-же государственное мужество, тѣ-же государственныя добродѣтели, которыя и прежде содѣйствовали ему въ успѣхахъ военныхъ. Присутствіемъ своимъ, благоразумными мѣрами, неутомимою дѣятельностію, развитіемъ патріотическихъ чувствъ, смятыхъ уныніемъ и оцѣпенѣвшихъ отъ ужаса, оживляетъ онъ упавшій духъ губерній, сосредоточиваетъ и направляетъ силы. Наконецъ обстоятельства ему подвластны: онъ наноситъ первые и рѣшительные удары мятежу и еще разъ вписываетъ имя свое на скрижаляхъ внимательнаго и благодарнаго Отечества. Но здѣсь пресѣкается поприще военнаго и гражданскаго героя. Завистливая судьба не даетъ ему и здѣсь довершить начатый подвигъ. На 44. году жизни блестящей, краткой, но богатой дѣлами, смерть, послѣ нѣсколькихъ дней болѣзни, настигаетъ его въ бѣдномъ Татарскомъ селеніи, вдали семейства и друзей. И возвышенный знакъ благоволенія, посланный ему Екатериною въ награду новыхъ заслугъ, уже не заставъ его въ живыхъ, обращается ему въ одну почесть погребальную. Не на него, а на гробъ его, возложена

звѣзда Св. Андрея Первозваннаго. Для довершенія изображенія его прибавимъ, что онъ былъ другъ Суворову, уваженъ Фридрихомъ Великимъ и воспѣтъ Державинымъ. Дѣятельная и полезная жизнь сего знаменитаго человѣка описана сыномъ его, и сіи біографическія записки составляютъ одну изъ занимательнѣйшихъ нашихъ книгъ. Дружба, связывавшая его съ Фонъ-Визинымъ, не измѣнилась до конца. Онъ и самъ нѣсколько занимался Русскою словесностію, или по крайней мѣрѣ переводами. Переписка его съ нашимъ авторомъ свидѣтельствуетъ, что если онъ писалъ и не совсѣмъ правильно, то владѣлъ языкомъ какъ человѣкъ умный и придавалъ слогу веселую живость, откровенность и выразительность характера своего. Сообщаемъ изъ нея нѣсколько отрывковъ, жалѣя, что не можемъ выдать всего:

«Сынъ мой (писалъ онъ къ нему изъ Варшавы, Іюня $\frac{6}{17}$ дня, 1772) ко мнѣ доѣхалъ и привезъ между прочимъ дружеское и пріятное ваше, любезный Денисъ Ивановичъ, письмо, а прямую и нелицемѣрную дружбу дополнилъ онъ словами, пересказавъ все, что отъ васъ слышалъ. Чувствъ сердечныхъ, какъ я вами одолжаюсь, описать не могу, ибо и лучшіе писатели, имѣя время и знаніе, не всегда объясняютъ ихъ удачно; а мнѣ, въ суетахъ и досадахъ бывши, есть-ли къ тому удобность? Оставьте вы и не взыскивайте порядка слога и силы объясненій; доволь-

ствуйтесь тѣмъ, что я отъ сердца васъ люблю и любить буду. А одолженія чувствуетъ и братъ отъ брата: такъ, въ прибавокъ моей къ вамъ любви, знайте, что чувствую и дружескія ваши одолженія.

« Перемиріе (съ Турками) мы здѣсь получили: надобно думать, что оно дошло уже теперь и до васъ, съ чѣмъ отъ сердца поздравляю. Я, по содержанію договорныхъ пунктовъ, считаю добрымъ его быть основаніемъ къ желаемому миру, и тѣмъ болѣе, что гавани Крымскія остались Туркамъ загражденными. Что Русскій Богъ великъ, то видѣли мы и въ нашъ вѣкъ не одиножды. Согласенъ я совершенно съ вами въ томъ, что лучшая на Него должна быть и надежда.

« Поспѣшайте, чтобъ недозрѣлое созрѣло. Крайне опасно, и при теплой моей вѣрѣ на Бога нашего, чтобъ не произошло какихъ либо новыхъ замѣшательствъ. Но пусть будетъ что хочетъ; пришло держаться Панглосовой системы: Tout va pour le mieux.»

(Изъ Варшавы, 28 Февраля, 1773.)

« Вѣсти со всѣхъ сторонъ, не отъ однихъ васъ, о Турецкомъ мирѣ часъ отъ часу хуже становятся. И мы почти ежедневно ожидаемъ подлиннаго о Бухарестскаго конгресса разрывѣ извѣстія. По обстоятельствамъ, чудесамъ быть надобно, коли, вмѣсто ожидаемой войны, услышимъ

мы вѣсти о вожделѣнномъ мирѣ. Да творитъ Богъ волю свою! Пока руки есть, драться станемъ. Хотя впрочемъ и то истина, что православной Руси не худо-бы и отдохнуть: черпаютъ ее во многіе поливники. На долго-ли станетъ? Конечно надобно Шведовъ укачивать, доколѣ съ Турками не помиримся. А ежели и ихъ Французы подобьютъ, то кажется не въ мочь.... Слышно, что и у самихъ друзей нашихъ глазъ ведетъ отъ плаванія на Средиземномъ морѣ. О себѣ, мой другъ, я уже не говорю. Пусть тамъ буду, гдѣ судьбѣ угодно: только къ вамъ не хочу. О васъ, и здѣсь живучи, слышать непріятно. Долго-ли пиву бродить, пора уставиться. Лестны для меня отзывы его сіятельства графа Никиты Ивановича Панина, о которыхъ вы пишите. Я истинно его душевно и самъ почитаю. Поздненько вы къ намъ прислали планъ будущихъ здѣшнихъ дѣлъ. Врядъ успѣютъ-ли три патріарха къ собору сдѣлать свои приготовленія. А другу нашему Ѳедору Ѳедоровичу (Фридриху Великому) то и надобно, чтобъ помутилъ Богъ миръ и накормилъ Богъ воеводу. Прости.»

(Изъ Варшавы, Марта 23, 1773.)

«Здѣсь сеймики иные развили, а иные развиваются, и по извѣстіямъ столько уже ихъ есть, что сеймъ составить можно. Но чѣмъ все это кончится, по гадательной книжкѣ не угадаешь. А Гренадскій епископъ (бискупъ Краковскій)

много пакоститъ. Штакельбергъ думаетъ его вести исправнѣе, нежели Жилблазъ; но врядъ будетъ-ли успѣхъ. Ничто такъ на Жилблазова епископа не похоже, какъ сей святитель. Только тотъ помѣшался на сказаніяхъ, а сей на тщеславіи. Онъ говоритъ кстати и не кстати: Car je suis prince-évêque de Cracovie et duc de Sévérie et mon chancelier, и тому подобное.»

(Изъ Варшавы, Апрѣля 26, 1773.)

«Здѣшнія дѣла пошли, только все съ угрозами. Сила и солому ломитъ, какъ пословица говоритъ. Только прочно-ли? о семъ настоитъ вопросъ. Подлинно порадовался, что адскій извергъ демаскированъ, и честный и препочтенный человѣкъ вышелъ изъ заблужденія; только о томъ жалѣю, что поздно. Успѣлъ этотъ злоехидный адвокатъ многимъ своими кознями сдѣлать вредъ. Я знаю это по себѣ; да быть такъ! что пролито, того не подхватишь.

«Миръ нашъ подлинно къ чорту. Жаль, что мы конгрессами дали себя провести, и отъ угара, наведеннаго Туркамъ, оправиться. Вѣдь война имѣетъ свои обороты. Сохрани, Боже, отъ неудачи! то-то будетъ дурно. Пора, пора мириться, и друзьямъ нашимъ объ этомъ посерьезнѣе поговорить. Нигдѣ они доброхотствомъ своимъ такъ не примѣтны, какъ здѣсь. Дивлюсь, что вамъ не видны. Сіе все однакоже между нами.»

(Варшава, Августа 7, 1773.)

«Командированіе мое въ армію съ полками вашъ не можетъ быть неизвѣстно. Не знаю, къ худу-ли это, или къ добру. Только я, слѣдуя моей судьбинѣ, ѣду туда безъ всякаго огорченія и покидаю съ охотою прескучную и разорительную для кармана Польшу, въ которой много я положилъ труда и здоровья безъ всякаго по ремеслу и званію блеска. По счастью-ли моему, или подлинно отъ старанія, войска получили другой видъ, и въ томъ самъ себѣ отдаю справедливость, съ засвидѣтельствованіемъ всей Польши, что они порядкомъ и изрядствомъ своимъ стыда намъ не сдѣлаютъ; а что грабежи унялись, и они скромнѣе Пруссаковъ и Австрійцевъ, о томъ вся Польша свидѣтель. Уповаю, дошло и до васъ засвидѣтельствованіе, сдѣланное канцлеромъ въ письмѣ къ барону Штакельбергу. Конфедераты, въ мое время, нигдѣ ни малѣйшимъ образомъ авантажа не имѣли: вездѣ побиты, даже до исчезанія совершеннаго. За все это, мой другъ Денисъ Ивановичъ, хотя-бы комплиментъ при концѣ сказали, отправляя меня на службу. Скажутъ, можетъ быть, что я произведенъ: правда, но произведенъ тогда, когда и моложе меня въ тѣ-же чины вступили. А обойтить меня безъ прослуги, кажется, было не за что.

«Огорчительно и преогорчительно видѣть, что прямая служба не производитъ на себя и вниманія. Пусть хотя то-бы въ меритъ поста-

вили, что я не нажился какъ Др... и ему подобные, да нажилъ долгу двадцать тысячъ рублей, за который теперь рискую потерять все, что имѣю. Ты, мой другъ, читая это, подумаешь, на что-де онъ ко мнѣ пишетъ? вѣдь я помочь не могу. Но облегчительно и то, когда можно, какъ говорится, сдать съ души другу то, что насъ угнѣтаетъ. Ежели отпустятъ меня (паче чаянія), то буду я самолично тебя благодарить за всѣ твои дружескія мнѣ въ бытность здѣсь одолженія.

«Прими, мой другъ, здѣсь мою искреннюю благодарность, какъ чистѣйшую жертву, отъ нелицемѣрной дружбы приносимую, и будь увѣренъ, что я, доколѣ живъ, остаюсь твой вѣрный и истинный слуга.»

(Изъ Казани 29 Января, 1774.)

«Благодарю тебя, мой любезный Денисъ Ивановичъ, за дружеское и пріятнѣйшее письмо отъ 16 Января и за всѣ сдѣланныя вами увѣдомленія. Лестно слышать полагаемую отъ всѣхъ на меня надежду въ успѣхѣ моего нынѣшняго дѣла. Отвѣчаю за себя, что употреблю всѣ способы и забочусь ежечасно, чтобъ истребить на толикомъ пространствѣ разлившійся духъ мятежа и бунта. Бить мы вездѣ начали злодѣевъ, да только сей саранчи умножилось до невѣроятнаго числа. Побить ихъ я не отчаяваюсь, да успокоить почти всеобщаго черни волнованія великія предстоятъ трудности. Болѣе-же всего неудоб-

нымъ дѣлаетъ-то великая обширность сего зла. Но буди воля Господня! дѣлаю и буду дѣлать что могу. Не уже-ли-то проклятая сволочь не образумится? Вѣдь не Пугачевъ важенъ, да важно всеобще негодованіе; а Пугачевъ — чучела, которою воры Яицкіе казаки играютъ. — Увѣдомляй, мой другъ, сколь можно чаще, о дѣлахъ внѣшнихъ. Не уже-ли теперь о мирѣ не думаете? Эй, пора! право, пора! Газеты я получилъ; надѣюсь, что по твоей дружбѣ и впередъ получать буду. J'avais diaboliquement peur de mes soldats qu'ils ne fassent pas comme ceux de garnison: de mettre les armes bas vis-à-vis des rebelles. Mais non, ils les battent comme il faut et les traitent en rebelles. Ceci me donne du courage (Я дьявольски боялся, чтобы солдаты мои не поступили подобно гарнизоннымъ и не положили оружія предъ мятежниками. Но нѣтъ, они бьютъ ихъ порядкомъ и обходятся съ ними какъ съ мятежниками. Это придаетъ мнѣ бодрости). Да та бѣда, какъ нарочно все противу насъ: и снѣга, и мятели, и бездорожица. Но все однако-же одолѣвать будемъ. Прости, мой другъ! будь увѣренъ, что я тебя сердцемъ и душею люблю.

«Напомни, мой другъ, графу Никитѣ Ивановичу о баронѣ Ашѣ: онъ обѣщался ему по крайней мѣрѣ хотя для сейма что ни есть исходатайствовать. Ты меня очень одолжишь, ежели сему честному человѣку поможешь.»

Сіи выписки кажутся намъ весьма замѣча-

тельными и по общимъ отношеніямъ и по частнымъ, лично касающимся до Фонъ-Визина. Въ сихъ отдѣльныхъ чертахъ живо изображается Бибиковъ: какъ общественный человѣкъ, онъ ревностный исполнитель возлагаемыхъ на него должностей, на дѣлѣ вѣрноподданный, готовый не щадитъ ни трудовъ, ни крови своей, *драться пока велятъ и пока руки есть*; какъ частный человѣкъ, онъ съ свойственными Русскому уму, и особенно-же той эпохѣ, ясною логикою и нѣкоторою наклонностію къ порицанію, всегда умолкающему предъ голосомъ обязанности и призваніемъ власти на новые труды и новыя опасности. Сей характеръ благородный, истинно Русскій, долженъ былъ имѣть сочувствіе въ характерѣ Фонъ-Визина: ибо нѣтъ дружества безъ сочувствія.

Сюда принадлежитъ также имя Якова Ивановича Булгакова, извѣстнаго въ исторіи дипломатики и словесности нашей. Нельзя безъ уваженія обратить вниманія на литтературные труды его, служившіе ему дѣятельнымъ отдохновеніемъ отъ разнообразныхъ и, по важности политическихъ событій, весьма многосложныхъ государственныхъ занятій. При обширности офиціальнаго письмоводства, успѣлъ онъ еще выдать до тридцати томовъ переводовъ своихъ. Такой подвигъ можетъ показаться сверхъ-естественнымъ въ наше время, которое будто сократило сутки половиною: такъ много торопимся мы, и такъ

мало успѣваемъ! Не говоря уже о людяхъ, занятыхъ государственными должностями, сколько и между присяжными писателями найдется такихъ, которыхъ-бы стало на тридцать томовъ даже и переводовъ? Жаль, что примѣръ Булгакова имѣлъ мало послѣдователей; а еще достойнѣе сожалѣнія, что немногіе были-бы и способны послѣдовать ему. Правда и то, что султанъ Ахметъ много способствовалъ ученымъ досугамъ его, заключивъ его, предъ начатіемъ войны въ 1787 году, въ Семибашенный Замокъ, въ коемъ просидѣлъ онъ 27 мѣсяцевъ. Въ семъ заточеніи перевелъ онъ огромное сочиненіе аббата де-ла-Порта «Всемірный путешественникъ», состоящее въ 27 томахъ,—по одному тому на мѣсяцъ. Впрочемъ занятія его въ тюрьмѣ были не одни литтературныя, но и политическія. Не смотря на строгость надзора за нимъ, онъ находилъ способъ переписываться съ Императрицею, съ княземъ Потемкинымъ и графомъ Безбородкою. Сохранивъ всѣ свои сношенія съ преданными ему людьми въ Константинополѣ, Булгаковъ, изъ тюрьмы своей, нерѣдко сообщалъ князю Потемкину, стоявшему предъ Очаковымъ, любопытныя свѣдѣнія о тайныхъ предположеніяхъ верховнаго визиря. Разсказываютъ, что, при назначеніи своемъ посланникомъ въ Царьградъ, пришелъ онъ къ Фонъ-Визину и спрашивалъ о содержаніи готовимой ему инструкціи. «Вотъ въ чемъ вся инструкція, отвѣчалъ ему, смѣясь, Фонъ-Визинъ

«У насъ дѣтей пугаютъ Турками: должно это перемѣнить и сдѣлать такъ, чтобы впередъ самъ Султанъ въ Царьградѣ дрожалъ имени Русскаго; а прочее, при помощи Божіей и вашихъ стараніяхъ, придетъ уже само собою.» Письма его къ Фонъ-Визину отличаются веселою и остроумною шутливостію. По малымъ отрывкамъ, дошедшимъ до насъ, можно заключить, что переписка ихъ была очень откровенна и нѣсколько настроена на ладъ философическаго XVIII вѣка.

«Будьте увѣрены (писалъ Булгаковъ изъ Варшавы, отъ $\frac{12}{23}$ Января, 1771), что все мое стараніе обращу заслужить вашу довѣренность и вселить въ васъ мнѣніе, что и въ глуши есть люди, кои умѣютъ отдавать справедливость имѣющимъ достоинства; если-жъ мнѣ того не удастся, то я во весь голосъ, котораго однако у меня отъ частаго кашля очень мало, закричу съ Сумароковымъ: «Бодливому быку судьба не ставитъ роги!»

«Коммиссію, на меня наложенную, я, коль скоро можно будетъ, исполню и уже бы исполнилъ, если-бы отъ меня зависѣло. Но Варшава теперь походитъ на пустой овинъ большаго села, въ которомъ была ярмарка и гдѣ попъ пьянъ, а прихожане еще не охмѣлились, и слѣдовательно въ которомъ, кромѣ сорокъ и филиновъ, ничего нѣтъ. Отсюда даже до дѣлателей зубочистокъ всѣ разбѣжались, а по пресѣченіи коммуникаціи отъ защитниковъ вѣры и вольности, кои церкви

грабятъ, а проѣзжихъ вѣшаютъ, ни откуда ничего сюда не везутъ. Однако-жъ, хоть самъ научусь дѣлать, но съ первымъ курьеромъ зубочистки пришлю.»

Въ письмѣ отъ 26 Іюня 1773, также изъ Варшавы, на которое должно служить отвѣтомъ, напечатанное во второмъ томѣ полнаго собранія сочиненій Фонъ-Визина, отъ 13 Сентября того-же года, говоритъ онъ между прочимъ: «Если-бъ въ первомъ случаѣ, который далъ мнѣ познать доброе ваше сердце и почувствовать плоды вашего обо мнѣ попеченія, отказали вы мнѣ помощь вашу, я-бы меньше, признаюсь, васъ любилъ, но оставилъ-бы въ покоѣ и тишинѣ пользоваться всѣмъ хорошимъ въ вашемъ мѣстѣ, не требуя, чтобы вы удѣлили и на насъ бѣдныхъ свѣта лучей, изливаемыхъ на васъ отъ солнца.

«Послѣ сего предисловія (которыхъ я, не умѣя льстить, сочинять не мастеръ), позвольте мнѣ поблагодарить васъ. . . . » и проч.

«Есть еще здѣсь человѣкъ, всякой чести достойный, и обѣщаетъ вамъ первую ваканцію на лонѣ Авраамлѣ, если вы съ нимъ покажете милость, показанную его собратіямъ. Вы догадаться можете, что я хочу говорить о попѣ посольства. Сей слуга Божій и духовникъ посольства имѣлъ вдохновеніе, что его товарищамъ жалованье прибавлено, а онъ обойденъ. Приходитъ мнѣ теперь до себя: но какой имѣю я мотивъ для побужденія васъ за меня молебствовать? У

Бога я не попъ; у Царя вы сами ближе; а безъ нихъ двухъ волосъ съ головы не сгинетъ. И такъ остается мнѣ только доброе ваше сердце: не созижду я на немъ какъ на камнѣ церкви, но основать могу госпиталь, гдѣ на старости кости мои (ибо въ тѣлѣ у меня и теперь недостатокъ) будутъ величать ваше имя.»

Въ письмахъ автора нашего къ Булгакову, напечатанныхъ во второмъ томѣ сочиненій его, упоминается о непріятности, постигшей Маркова въ Варшавѣ. Молодой Марковъ, коего имя облеклось послѣ блестящею извѣстностью на дипломатическомъ поприщѣ, находился тогда подъ начальствомъ Сальдерна, министра нашегъ при Польскомъ дворѣ. Сей Сальдернъ, пользовавшійся нѣсколько времени большою довѣренностію въ умѣ графа Панина, былъ человѣкъ нрава запальчиваго, высокомѣрія нестерпимаго и мнительности неограниченной. Таковы свидѣтельства о немъ, между прочимъ, Бибикова и Фридриха Великаго. Сей послѣдній въ запискахъ своихъ изображаетъ его въ видѣ человѣка необходительнаго, безъ гибкости въ умѣ, и хотѣвшаго, въ переговорахъ своихъ съ нимъ въ Берлинѣ, принять на себя осанку *Римскаго диктатора*. Не мудрено, что и молодой, пылкій Марковъ не могъ поладить съ диктаторомъ, который, вѣроятно, щадилъ его еще менѣе, нежели Фридриха Великаго. Сальдернъ требовалъ отъ подчиненныхъ своихъ совершеннаго отшелни-

чества и отчужденія отъ Польскаго общества. Подобное требованіе, кажется, и несогласно съ цѣлію, которую долженъ имѣть въ виду дипломатическій министръ: успѣхи мирныхъ завоеваній его основаны отчасти на личныхъ отношеніяхъ общежитія. Марковъ не строго покорялся затворничеству, предписанному дипломатическимъ игуменомъ. По отъѣздѣ князя Г., пріятель и повѣренный сердечныхъ тайнъ его, онъ согласился быть посредникомъ переписки отсутствующаго съ одною изъ Варшавскихъ красавицъ. Одно изъ этихъ писемъ попалось въ руки министра. Гнѣвъ его выступилъ изъ границъ. Онъ поразилъ Маркова оскорбительными выраженіями. (Flétri et déshonoré, писалъ онъ министру, par les épithètes diffamantes de sot et de misérable dont Votre Excellence m'a qualifié, je me regarde incapable désormais d'être employé au service de ma Souveraine.) Не довольствуясь оскорбленіями словесными, онъ сталъ держать Маркова въ заключеніи (La perte de ma liberté, писалъ Марковъ Фонъ-Визину, est le moindre malheur que je prévois: celui d'une mauvaise chère me parait inévitable. Ainsi, mon ami, conjurez Mr. de Panin que je ne dise pas comme Jo:

Aux fureurs de Junon Jupiter m'abandonne.)

Общія усилія Булгакова, Бибикова и въ особенности Фонъ-Визина побѣдили въ графѣ Панинѣ благопріятное предубѣжденіе въ пользу Сальдерна: правота Маркова была признана. «Поступокъ графа Панина (писалъ онъ къ Фонъ-Визину)

достоинъ его и превосходитъ все, чего я ожидалъ отъ благородства и правоты души его.» — «Прощайте, мой нѣжный другъ (говоритъ онъ въ концѣ того-же письма). Надѣюсь скоро обнять васъ. Горю нетерпѣніемъ увѣрить васъ въ моей благодарности и излить мое сердце въ вашe.» Марковъ писалъ къ Фонъ-Визину на французскомъ языкѣ. Колкость выраженій его, сатирическій пылъ, пробивались уже и тогда, на малой сценѣ, и предсказывали рѣзкость и язвительность, которыя сдѣлались отличительными свойствами ума его на обширнѣйшемъ театрѣ. Живое ходатайство Фонъ-Визина въ этомъ случаѣ тѣмъ болѣе приноситъ ему чести, что, забывая о выходахъ своихъ, онъ отстаивалъ пріятеля отъ нападеній человѣка сильнаго въ умѣ и въ довѣренности у общаго ихъ начальника.

Алексѣй Михайловичъ Обрѣзковъ, коего имя сопряжено съ исторіею политическихъ сношеній нашихъ съ Турціею, а заточеніе въ Семибашенномъ Замкѣ было столь прискорбно Екатеринѣ, находится въ числѣ лицъ, оказывавшихъ Фонъ-Визину пріязнь и уваженіе. Ему повѣрялъ онъ огорченіе свое при видѣ неудачи Бухарестскихъ переговоровъ. «Душевно стражду (писалъ онъ ему съ конгресса, отъ 13 Марта, 1773), видя всѣ мои труды въ пепелъ обращающимися; а съ другой стороны бодрствую духомъ, въ надеждѣ, на Него (на Бога) полагаемой, и чистою совѣстію въ сдѣланіи всего, въ силахъ

моихъ быть могущаго.» Въ другомъ письмѣ писалъ онъ ему: «Государь мой и дознанный другъ, Денисъ Ивановичъ! Прямо дружеское вашѣ письмо я получилъ съ равнымъ удовольствіемъ, имѣющемуся къ вамъ, моему государю, дружелюбію и нелицемѣрному почтенію. Присемъ прошу вложенное здѣсь къ общему нашему благодѣтелю вѣрно доставить. Братца вашего рекомендовать вамъ было не для чего: онъ самъ себя рекомендуетъ. Прошу-же, государь мой, когда праздное время излучите, посѣтить моихъ дѣтей, дать имъ хорошія наставленія къ ученію и поведенію, да и учителя ихъ, г. Ольрія, побуждать ко всевозможному ихъ обученію.»

Стакельбергъ, преемникъ Сальдерна въ Варшавѣ, и самъ игравшій важную роль въ дѣлахъ нашихъ съ Польшею, извѣстенъ былъ умомъ своимъ и острыми словами, изъ коихъ иныя и теперь еще хранятся въ памяти. Онъ называлъ Варшавскія улицы неразрывною цѣпью *желтыхъ домовъ*. Однажды, жалуясь на худой желудокъ, разстроенный вѣроятно прихотливостью его въ застольныхъ наслажденіяхъ, сказалъ онъ забавно: «Si je pouvais trouver quelque canaille qui digérat pour moi.» Французскія письма его къ Фонъ-Визину исполнены пріязни и довѣренности. «Что сказать вамъ (писалъ онъ ему изъ Варшавы, отъ $\frac{4}{15}$ Сентября, 1772) о первыхъ взглядахъ моихъ, кинутыхъ на Польшу? Ни слова. Оно лучше, потому что осторожный

человѣкъ не долженъ спѣшить въ приговорахъ своихъ. Все, что я успѣлъ провѣдать, есть всячина противорѣчій, личныхъ озлобленій, подъ покровомъ государственной пользы. Таковы люди. Дай, Боже, мнѣ въ Польшѣ имѣть-бы дѣло съ одними Поляками: я былъ-бы менѣе жалокъ. Но должно будетъ противоборствовать препятствіямъ, чуждымъ моему дѣлу. Отгадывайте сами. Со временемъ объяснюсь пространнѣе. Извѣдавъ душу вашу, мой любезный Фонъ-Визинъ, я ни минуты не сомнѣваюсь въ искренности вашихъ дружескихъ увѣреній и въ дѣйствительности оныхъ. Я не полагаю васъ способнымъ къ двуличности. . . . » и проч.

Въ другомъ письмѣ, писанномъ въ Ноябрѣ мѣсяцѣ 1772 года, между прочимъ говоритъ онъ: «Ваше письмо еще порадовало меня, за исключеніемъ того, что сказано въ немъ пріятнаго непосредственно для меня. Все пришло въ порядокъ, и вотъ кредитъ честнаго и правдиваго человѣка, любимаго нами, утвержденный, какъ я того и надѣялся. Продолжайте быть ему искренно преданнымъ, какъ были донынѣ. Онъ оцѣнитъ это. Не напоминайте ему никогда обо мнѣ въ этой безднѣ дѣлъ, коими заваливаютъ его, потому что онъ одинъ съ душою и головою; но напоминайте ему о дѣлахъ здѣшнихъ, которыя важнѣе, нежели кажутся. Глаза Европы обращены на нихъ. Польша навлекла намъ войну. Мы имѣемъ особое побужденіе (сверхъ

общаго) хорошо кончить. Окончательное введеніе во владѣніе ничего не значитъ; но надобно доделать остальное, о которомъ два другіе мало заботятся. Удовлетворивъ жадности своей, они уйдутъ, а мы останемся еще со всѣми передрягами на рукахъ. Въ этомъ отношеніи, а не касательно перваго дѣла, нужны мнѣ свѣтлыя наставленія и совѣты моего достойнаго и почтеннаго начальника. Вы пользуетесь довѣренностью его, и я поручаю вамъ сообщать мнѣ отдѣльно, что ваши мудрыя бесѣды съ нимъ откроютъ вамъ по сему предмету.

«Что сказать вамъ о себѣ, мой любезный Фонъ-Визинъ? Я недоволенъ. Это останется между нами, и ввѣряю тайну дружбѣ вашей. Если самому не чувствовать-бы своего маленькаго достоинства, то отъ другихъ сталъ-бы его чувствовать, особенно-же достоинство сердца и чувства въ сравненіи со многими, кои его не имѣютъ. Мнѣ сорокъ лѣтъ: дѣтей у меня много, много труда въ виду, и въ концѣ всего орденъ Святыя Анны въ награду будущую, который носятъ здѣсь и прочіе. Люди способные къ труду и заслужившіе общественное уваженіе, по щекотливости своей въ честности, не могутъ входить въ совмѣстничество объ отличіяхъ съ пресмыкающимися тунеядцами и глупцами. — Живу съ Бибиковымъ какъ съ братомъ. Это честнѣйшая душа, за то и онъ, подобно мнѣ, кончитъ тѣмъ, что умретъ съ голоду.

Я доволенъ своимъ жалованьемъ. Въ домѣ моемъ много порядка и великолѣпія, и я не дотрогиваюсь до капитала, который мнѣ остается. Простите, любезный другъ! Покажите письмо мое одному Маркову: онъ его одобритъ.»

Группировавъ въ картинѣ нашей эти разнообразныя лица и отмѣтивъ ихъ по возможности чертами, собственно имъ принадлежавшими, мы, кажется, успѣли пояснить и лице, особенно вниманіе наше привлекающее. Посреди ихъ мы указали мѣсто, которое въ свое время занималъ и Фонъ-Визинъ. Мы видимъ его пріятелемъ умныхъ современниковъ; съ другой стороны видимъ его, такъ сказать, проводникомъ, къ которому примыкали всѣ второстепенныя, содѣйствующія и предварительныя сношенія многосложныхъ пружинъ съ главнымъ побудителемъ политическаго движенія. Внутреннія, закулисныя дѣйствія открываютъ пытливому взору тайное производство, часто столь прискорбно противорѣчающее наружному благолѣпію, выводимому зрителямъ на показъ. Переписка чиновника, въ довѣренности у могущаго министра, есть вѣрный и многозначительный оселокъ: это маленькій опытъ, предисловіе къ страшному суду, на которомъ должны обнаружиться всѣ тайныя дѣла и сокровенныя помышленія. Можемъ сказать рѣшительно, по изслѣдованіи всѣхъ актовъ, перебывавшихъ въ рукахъ нашихъ, что Фонъ-Визинъ выходитъ совершенно чистъ изъ сего опаснаго

испытанія. Но, для полноты картины, не должны мы забыть о лицѣ, коего постоянныя и вовсе безкорыстныя сношенія съ Фонъ-Визинымъ проливаютъ на него новый свѣтъ, самый благопріятный, самый выгодный для его нравственнаго характера. Доселѣ видѣли мы однихъ сослуживцевъ его, связанныхъ съ нимъ дружбою, довѣренностью, уваженіемъ и обстоятельствами, которыя заставляли ихъ дорожить дружескимъ его къ нимъ расположеніемъ. Пріязненныя-же сношенія его съ графомъ Петромъ Ивановичемъ Панинымъ, братомъ министра, могли-бы и однѣ служить ему несомнѣннымъ одобрительнымъ свидѣтельствомъ. Герой Бендеръ, довершитель подвига, начатаго пріятелемъ его Бибиковымъ въ сокрушеніи Пугачевскаго мятежа, былъ человѣкъ ума твердаго, строгой чести и характера непреклоннаго. Честолюбивый, но честолюбія не столь гибкаго, не столь обдѣланнаго людьми и событіями, сколь честолюбіе брата его, который возмужалъ и состарѣлся дѣйствующимъ лицемъ на сценѣ страстей политики и Двора, онъ не могъ удержаться на пути состязаній и почестей. Императрица отзывалась о немъ съ уваженіемъ, хотя и не имѣла къ нему особеннаго благоволенія. «Вы знаете, что я не была большая охотница до Петра Панина, говорила она однажды графу Строгонову, но должна отдать справедливость уму и характеру его. Вотъ одинъ случай, въ который успѣла я

узнать его. Я привезла въ сенатъ проэктъ указа. По прочтеніи онаго, всѣ сенаторы единогласно одобрили его; одинъ Панинъ, потупя глаза, хранилъ молчаніе. Я спросила о мнѣніи его. Съ твердостію и глубокимъ изслѣдованіемъ, началъ онъ представлять мнѣ всѣ неудобства и невыгоды его. Я убѣдилась его мнѣніемъ и должна была согласиться съ нимъ. Проэктъ былъ отмѣненъ.» Передавшій мнѣ этотъ анекдотъ прибавилъ, что сенатскія преданія и сенатскіе старожилы сохраняютъ съ уваженіемъ особенно память трехъ сенаторовъ, — графа Петра Ивановича Панина, Александра Романовича Воронцова и Чичерина. Вызванный изъ бездѣйствія на государственный подвигъ, избавивъ Екатерину и Россію отъ бѣдствія, которое, послѣ смерти Бибикова, начало свирѣпствовать съ большею силою, графъ Панинъ снова сошелъ съ поприща и возвратился въ свое уединеніе. Но любовь къ Россіи, но живое соучастіе въ дѣлахъ ея и дѣлахъ Европы, не хладѣли въ сердцѣ его и во дни мирнаго отдохновенія. Фонъ-Визинъ былъ съ нимъ въ перепискѣ безпрерывной, извѣщалъ его о всѣхъ происшествіяхъ, достойныхъ вниманія, сообщалъ ему (безъ сомнѣнія, съ вѣдома министра) списки со всѣхъ любопытныхъ депешей, министерскихъ бумагъ, внутреннихъ и внѣшнихъ, часто спрашивалъ мнѣнія его по дѣламъ, въ нихъ изложеннымъ, для передачи брату. Жаль, если переписка сія не сохра-

нилась въ цѣлости. Въ бумагахъ Фонъ-Визина нашли мы только нѣсколько черновыхъ писемъ его и отвѣтовъ къ нему графа Панина. Судя по образчикамъ, сіи отвѣты весьма замѣчательны. Они могли-бы служить рецензіями на современныя явленія. Графъ Панинъ показывается въ нихъ Катономъ-цензоромъ. Слогъ его замѣчательно тяжелъ, выраженія часто темны: но изъ этаго кремня высѣкаются мысли свѣтлыя и чувства всегда благородныя. Изъ слѣдующихъ отрывковъ можно будетъ заключить вообще о свойствѣ сей переписки и степени ея занимательности.

Письма Фонъ-Визина.

С. Петербургъ, 4 Января, 1772.

Во исполненіе вчерашняго моего обѣщанія, имѣю честь послать къ вамъ, милостивый государь, два рескрипта о перемиріи: одинъ къ графу Петру Александровичу (Румянцову Задунайскому), а другой къ графу Алексѣю Григорьевичу (Орлову Чесменскому).

Милостивое письмо вашего сіятельства, изъявляющее при обновленіи года желаніе ваше о моемъ благосостояніи, тѣмъ болѣе трогаетъ сердце мое, что я и настоящимъ моимъ счастіемъ одолженъ вашему покровительству. Вѣрьте, м. г., что нѣтъ на свѣтѣ ничего такого, чѣмъ-бы не пожелалъ я доказать вашему сіятельству и истинную мою благодарность, и сердечное усердіе къ особѣ вашей.

Разсужденіе вашего сіятельства о толковані-

яхъ публики, судящей по обманчивой наружности, сказывалъ я его сіятельству, графу, братцу вашему. Радуюсь, что мое о томъ мнѣніе почелъ онъ справедливымъ, и для того осмѣлюсь и здѣсь сказать оное. Публика рѣдко или и никогда не отдаетъ справедливости живымъ людямъ. Потомству предоставлено разбирать и утверждать славу мужей великихъ; оно одно безпристрастно судить можетъ: ибо никакая корысть не соединяетъ тогда судью съ подсудимымъ. Достойный человѣкъ не долженъ огорчаться тѣмъ, что льстецы при немъ, отъемля его цѣну, придаютъ ее своему идолу. Такіе льстецы сколь иногда ни заражаютъ своими подлыми и ложными внушеніями публику; но она, рано или поздно, отдаетъ справедливость достойному, разобравъ лесть и клевету отъ самой истины. Впрочемъ, милостивый государь, извольте повѣрить, что нашъ *** столь открытъ, что никто конечно въ душѣ своей не помыслитъ, чтобъ онъ даровалъ Россіи спасеніе и миръ премудростію своею.

О г-нѣ Ассебургѣ спрашивалъ я нарочно его сіятельство, графа, братца вашего. Онъ изволилъ сказать, что нѣтъ никакого еще назначенія для сего министра, а принятъ онъ въ службу какъ человѣкъ великихъ достоинствъ и способный на всякое большое дѣло.

С. Петербургъ, 20 Января, 1772.

Съ сердечною благодарностію имѣлъ я честь получить милостивое письмо вашего сіятельства

отъ 12 Января. Откровенность, съ которою вы изъясняться со мною изволите по содержанію онаго письма, дѣлаетъ мнѣ особливую честь, побуждая меня изобразить здѣсь мысли мои, родившіяся отъ собственныхъ разсужденій вашего сіятельства. Правда, м. г., что великій человѣкъ стараться долженъ не допускать славу свою похищать другими; но если льстецы и предаютъ иногда потомкамъ людскую славу, то нельзя-же и отъ потомства отнять той справедливости, чтобы не разпознавало оно истины отъ лжи. О потомкахъ нашихъ должны мы судить по себѣ самимъ. Сколько-же древнихъ историковъ, а въ особенности стихотворцевъ, презрѣны нами для того только, что мы подозрѣваемъ ихъ или въ лести, или въ злобѣ! Для сего первое стараніе читателя исторіи состоитъ въ томъ, чтобы тотчасъ узнать жизнь авторову, и тогда уже судить, достойна-ли вѣры его исторія. Одинъ добрый и справедливый историкъ задавляетъ тысячи подлыхъ писателей, которые конечно безчестятъ и себя, и своихъ героевъ. Всѣ тѣ большіе люди, коихъ исторія писана во время ихъ жизни, должны твердо вѣрить, что не по тѣмъ описаніямъ судить объ нихъ будутъ, которыя они читали сами, а по тѣмъ, которыя по смерти ихъ свѣтъ увидитъ. Тогда-то зависть умолкнетъ, лесть исчезнетъ и всѣ пристрастія, подобно грубому илу, упадутъ нечувствительно на дно, а истина одна всплыветъ наверхъ.

С. Петербургъ, 28 Января, 1772.

Новое и великое явленіе открылось для Даніи сего мѣсяца $\frac{6}{17}$ числа. Королева, фаворитъ ея Струэнзе и множество другихъ особъ арестованы. Она отвезена въ Кроненбергскую крѣпость, а прочіе въ Копенгагенской содержатся подъ строжайшимъ карауломъ. А какимъ образомъ происходило сіе приключеніе, о томъ имѣю честь для вашего сіятельства включить здѣсь выписку изъ письма нашего повѣреннаго тамъ въ дѣлахъ, г. Местмахера. Къ сему остается прибавить только то, что на графа Ранцау, какъ на производителя дѣла сего, надѣтъ орденъ Бѣлаго Слона, и что у Струэнзе нашли 800,000, у графа-же Бранта 300,000 Датскихъ талеровъ или нашихъ рублей.

Можно сказать, м. г., что исторія нашего вѣка будетъ интересна для потомковъ. Сколько великихъ перемѣнъ! Сколько странныхъ приключеній! Сей вѣкъ есть прямое поученіе царямъ и подданнымъ.

С. Петербургъ, 31 Января, 1772.

Пребывающій здѣсь Прусскій министръ получилъ отъ короля, своего государя, депешу, изъ коей выписку здѣсь въ переводѣ приложить честь имѣю. Ваше сіятельство изволите усмотрѣть изъ оной, что отторженіе Крыма подвержено великому затрудненію; но мы уже далеко вошли въ сіе дѣло, и я не думаю, чтобъ нашъ Дворъ согласил-

ся бросить предпріятое толь твердо намѣреніе въ разсужденіи Татарской независимости. По крайней мѣрѣ до сего часа не взираемъ мы ни на угрозы Вѣнскаго двора, ни на другаго явнаго непріятеля нашего, который, какъ видно, всю свою надежду на Австрійцевъ полагаетъ. Правда, м. г., что по всему судя, кажется, нельзя миновать новой войны: ибо съ одной стороны нѣтъ сомнѣнія, что Вѣнскій Дворъ не престанетъ дѣлать преграды нашему съ Турками примиренію, а съ другой стороны видимъ, что король Прусскій воевать уже рѣшился. Продолженіе войны намъ тягостно; но не легко будетъ и Цесарцамъ, когда другъ нашъ съ ними раздѣлываться будетъ.

Датскія дѣла становятся нынѣ особливаго вниманія достойны. Въ надеждѣ, что извѣстія объ оныхъ вашему сіятельству угодны будутъ, принялъ я намѣреніе пересылать къ вамъ, м. г., копіи со всѣхъ Датскихъ депешей, какъ здѣсь получаемыхъ, такъ и отсюда отправляемыхъ.

С. Петербургъ, 7 Февраля, 1772.

Не могу довольно изъяснить, съ какою сердечною радостію отправляю я здѣсь къ вашему сіятельству все обѣщанное мною на прошедшей почтѣ. Вы, м. г., увидите тутъ истинное торжество братца вашего. Положеніе всѣхъ дѣлъ приняло вдругъ для насъ новый, славный и полезный оборотъ: неукротимый Вѣнскій дворъ,

почитавшій до сего дня всѣ наши резоны недостойными своего вниманія, пріемлетъ уже ихъ за доказательства геометрическія, почитаетъ кондиціи наши справедливыми и признаетъ систему нашу неутральною. Все сіе есть дѣйствіе душевной твердости братца вашего, которому отечество наше одолжено будетъ миромъ, возводящимъ его на верхъ славы и блаженства.

С. Петербургъ, Марта 6, 1772.

Можно сказать, что князь Кауницъ во все нынѣшнее дѣло распорядилъ мѣры свои такъ неудачно, возненавидѣлъ насъ и возгордился столь безрезонно, перемѣнилъ свою систему такъ скоропостижно, что чрезъ все сіе заслуживаетъ онъ лишиться *эстимы* всего разумнаго свѣта. Гордость злобная всегда нестерпима: но гордость, перемѣнившаяся вдругъ въ смиренную низость, достойна посмѣянія и презрѣнія!

Прибывшій вчера изъ Берлина къ графу Сольмсу курьеръ привезъ отъ короля весьма любопытныя піесы, въ коихъ его прусское величество, своимъ манеромъ, отдаетъ всю справедливость странному поведенію князя Кауница. Жалѣю, м. г., что на сей почтѣ не успѣваю сихъ бумагъ послать къ вашему сіятельству, но на будущей стараться буду оное исполнить.

С. Петербургъ, 20 Марта, 1772.

Нельзя лучше изобразить характера князя Кауница, какъ ваше сіятельство его представляете;

причиняютъ намъ лишнія хлопоты и непрестанную заботу. Сверхъ же того, участвуя въ раздѣлѣ Польши, мы достанемъ изъ нея себѣ долю довольно выгодную. Очень-бы жаль было, если-бъ нѣсколько миль разрѣзаемой *Польской Земли*, завелись новые раздоры, или, избави Богъ, и новая война!

Графъ Петръ Александровичъ пишетъ, что онъ съ Визиремъ уже согласился объ отправленіи въ Журжево коммисаровъ для перемирія, и что Г. Симолинъ туда отъѣзжаетъ.

С. Петербургъ, 29 Маія, 1772.

Принужденъ будучи пропустить прошедшую почту, за прежестокою головною болѣзнію, продолжавшеюся чрезъ шесть дней, я исполняю теперь пріятный долгъ мой, принося нижайшее благодареніе за два милостивыя письма вашего сіятельства отъ 19-го и 23 го числъ нынѣшняго мѣсяца; а какъ за недосугами моими не успѣлъ я до сего писать къ вамъ, м. г., и на прежнее письмо ваше отъ 16-го, то нынѣ имѣю честь на всѣ три отвѣтствовать вашему сіятельству съ такимъ совершеннымъ чистосердечіемъ, какою откровенностію вы меня удостоивать изволите.

Увѣдомленіе о любезномъ сынѣ вашемъ почитаю я новымъ знакомъ вашей ко мнѣ милости. Нельзя искреннѣе моего желать, чтобъ здоровье его пришло совсѣмъ въ безопасное состояніе, къ утѣшенію и спокойствію вашему.

ціи съ Вѣнскимъ дворомъ, имѣю честь сообщить здѣсь вашему сіятельству.

Ваше сіятельство изволите нынѣ видѣть совершеніе такого великаго дѣла, какого въ Европѣ около двухъ вѣковъ не бывало. Правда, что весьма трудно было довести Вѣнской дворъ къ сему соглашенію, да и преклоня его къ тому, мудрено было соединить и удовлетворить интерессамъ каждаго двора. Уже никакъ нельзя было отвратить Вѣнской дворъ отъ требованія соляныхъ заводовъ и Львова. Дальнѣйшее съ нашей стороны въ ономъ упорство могло-бы легко разорвать и всю негоціацію, тогда какъ для Россіи все равно, у Австрійцевъ-ли соляные заводы, или у Поляковъ, и когда король Прусскій въ ономъ не споритъ. И такъ судьба Польши, сдружившая три двора, рѣшилась наконецъ къ посрамленію ненавистующей намъ Франціи, которая, стремясь сколько можно намъ вредить и помѣшать миру нашему съ Турками, ищетъ приключить намъ новую войну съ Шведами способомъ тамъ революціи. Франція рада на сей разъ и Швецію подвергнуть равному жребію съ Польшею, лишь-бы помѣшать тѣмъ миру нашему. Можетъ статься, или, справедливѣе сказать, нѣтъ сомнѣнія, что медленность Турецкихъ полномочныхъ для съѣзда на конгрессъ происходит отъ коварныхъ внушеній Франціи, которая, конечно, питаетъ Турковъ надеждою скорой революціи въ Швеціи, и слѣдовательно но-

вой у насъ съ Шведами войны. Въ самомъ дѣлѣ, м. г., если удастся умышляемая революція, то и новая для насъ война неминуема; но тогда за вѣрное полагать можно, что Датчане вооружатся противъ Шведовъ, къ чему и пріуготовлять ихъ поручается отправляющемуся на сихъ дняхъ въ Копенгагенъ въ качествѣ полномочнаго министра Г. Симонову, тому самому, который заключалъ перемиріе.

Сію минуту получено извѣстіе, что Турецкіе послы пріѣхали и были у нашихъ, а наши у нихъ съ визитами, и размѣнялись полномочіями.

(Безъ числа)

Къ величайшему моему сожалѣнію, двѣ почты сряду не имѣлъ я счастія писать къ вашему сіятельству: одну за случившеюся мнѣ головною болѣзнію, а другую для того, что получа извѣстіе о зараженіи Клина, не успѣлъ я рѣшиться на способъ, чрезъ который бы письма мои могли мимо Клина доходить вѣрно до рукъ вашихъ. Сей способъ теперь извѣстенъ вамъ, м. г., чрезъ письмо его сіятельства, братца вашего. Ставъ такимъ образомъ увѣренъ о безопасности переписки, которую имѣю честь вести съ вашимъ сіятельствомъ, продолжаю по дѣламъ мое доношеніе; но, прежде нежели начну оное, позвольте принести вамъ нижайшее мое благодареніе за милостивыя письма ваши отъ 17 и 24 прошедшаго мѣсяца.

Удовольствіе ваше, м. г., о раченіи моемъ исполнять вашу волю есть истинная награда моему сердечному къ вамъ усердію. Мнѣ пріятно упражненіе въ сообщеніи дѣлъ вашему сіятельству, и я съ радостію продолжать оное буду до тѣхъ поръ, пока при дѣлахъ останусь.

Патріотическія о мирѣ разсужденія ваши, м. г., конечно не найдутъ противурѣчія ни отъ кого изъ истинныхъ гражданъ. Ваше сіятельство столько имѣете причинъ радоваться тому, что все уже устроено къ трактованію о мирѣ, сколько безпокоиться о тотъ, чтобъ сіе устроеніе не разрушилось отъ того, кто посылается исполнителемъ. Правда, что мудрено сообразить потребный для посла характеръ съ характеромъ того, кто посломъ названъ; но неужели Богъ столько немилосердъ къ своему созданію, чтобъ отъ одной взбалмашной головы проливалась еще кровь человѣческая.

Петергофъ, 26 Іюня, 1772.

Главноуправляющій нашими силами въ Архипелагѣ разсудилъ за благо публиковать манифестъ, который ваше сіятельство изволите найти въ приложенныхъ при семъ Гамбургскихъ газетахъ. Противу военныхъ правъ, принятыхъ всею Европою, почитаетъ онъ между запрещенными товарами и съѣстные припасы. Сіе самое взволновало всѣ Европейскія державы, а особливо ненавидящую насъ Францію. Она первая принесла нынѣ жалобы Двору нашему на такое запреще-

ніе. Чѣмъ-бы дѣло сіе ни кончилось, но и то сказать надобно, что если флотъ нашъ не будетъ непріятеля мучить голодомъ, не пуская къ нему съѣстныхъ припасовъ, то ему въ Архипелагѣ и дѣлать будетъ нечего; ибо атаковать силою непріятеля онъ отнюдь не въ состояніи. Напротивъ того, не пропуская неутральныхъ державъ судовъ съ хлѣбомъ, должно поссориться съ ними, а можетъ быть и подраться; въ каковомъ случаѣ бой для насъ неравенъ будетъ. Случай въ самомъ дѣлѣ замѣчательный, и я, для любопытства вашего сіятельства, не пропущу конечно сообщить вамъ, какія мѣры здѣсь по сему приняты будутъ.

Въ приложенныхъ при семъ изъ Варшавы письмахъ ваше сіятельство найти изволите, сколь нѣжно положеніе наше и съ Австрійцами. Словомъ сказать, отвсюду хлопоты, могущія имѣть слѣдствія весьма непріятныя. Къ тому же и здѣсь сколь мудрено соглашать и прилаживать умы разнообразные, о томъ больше всѣхъ знаетъ его сіятельство, графъ Никита Ивановичъ. Божіимъ провидѣніемъ все на свѣтѣ управляется, сіе конечно правда; но надобно признаться, что нигдѣ сами люди такъ мало не помогаютъ Божію провидѣнію, какъ у насъ.

Петергофъ, 4 Августа, 1772.

Наконецъ и достальныя піесы подъ одинадцатью нумерами, касающіяся до нашей негоціа-

Письма графа П. И. Панина къ Фонъ-Визину.

Село Никольское, 12 Января, 1772.

Любезное ваше письмо, отъ 4 нынѣшняго мѣсяца цущенное, препроводило вѣрно ко мнѣ приложенія подъ литерами A, B, C, H, S. Изъ нихъ по тому, въ которомъ употреблено столь жалостное прошеніе о лицезрѣніи, можно автору повторить спасибо; а о томъ, конечно, сомнѣваться нельзя, кто, слѣдуя знакомому обычаю, вставши изъ-подъ сѣченья, растянется еще въ ноги, чтобъ больше его сѣчь стали; но до того и дѣла нѣтъ, что съ верху случилось быть сослану въ конюшню. Въ вашемъ, дорогой пріятель, письмѣ согласное съ братцемъ моимъ разсужденіе, всеконечно, для умершихъ и потомства усладительно и справедливо, особливо когда коварство и злоба берутъ поверхность надъ добродѣтелью, переносяся между живыми честь, славу, признаніе и воздаяніе съ заслужившихъ по всей справедливости на тѣхъ, на кого пристрастіе располагаетъ. И сколь близко къ истинѣ сіе; что умершихъ корысть уже не соединяетъ судью съ подсудимымъ, и что публика, поздно или рано, но очищается отъ зараженія льстецовъ къ отданію надлежащей справедливости, и что достойный человѣкъ не долженъ огорчаться, когда льстецы, при немъ отъемля его цѣну, возлагаютъ на своихъ идоловъ; однакожъ признайтесь и вы съ любезнымъ моимъ братцемъ, что немного удаляется

отъ существительной истины и сіе, что приписанія къ умершимъ происходятъ отъ потомства чаще изъ списковъ, руками льстецовъ или робоносныхъ порабощенцевъ сочиненныхъ; а древностію миновавшаго времени утвердило многое въ вѣроятіе къ людямъ то, что похищено у другихъ. Почему долгъ каждаго къ себѣ и благоразуміе требуютъ всѣми возможными образами предостерегаться, дабы пріобрѣтаемое справедливѣйшими подвигами не переносилось утвердительными видами на другихъ, а наипаче еще къ превращенію въ озлословленіи самыхъ тѣхъ, которые истинные были тому созидатели. А когда уже торжествующая поверхность отнимаетъ всѣ къ тому способы, тогда уже, дорогой пріятель, по неволѣ остаются тѣ утѣшительныя заключенія, кои вы мнѣ ознаменовать изволили. Постскриптъ вашъ, государь мой, поставилъ меня въ ужасъ и удивленіе. Какъ, въ столь отдаленномъ мѣстѣ, возмогъ представиться сей непорочной предметъ? А что-бъ завоеваніе подлинно предпринято было на такую непреодолѣваемую имъ отдаленность и неизвѣстность, тому я вѣрить не могу; развѣ не сдѣлана-ли онымъ прикрышка настоящему намѣренію, и не открылось-бы оно по своимъ тамъ берегамъ на распространеніе въ оной окрестности. Богъ да сохранитъ нашу Великую Благодѣтельницу, а отечество отъ пролитія невинной крови!

Въ отвѣтъ на первое изъ оныхъ не остается болѣе, какъ токмо донести вашему сіятельству, что самый опытъ доказываетъ справедливость вашихъ разсужденій. Зависть Вѣнскаго двора къ успѣхамъ нашимъ очевидна; но не всякой зависти удается самымъ дѣломъ исполнять свои вредныя желанія. Можетъ быть, не удастся и сему гордому двору положить преграду нашему вожделѣнному миру. По крайней мѣрѣ кажется, что и самому Богу нельзя попустить, чтобъ злоба торжествовала, а кровь невинныхъ лилася. Что-жъ надлежитъ до особы его сіятельства, брата вашего, то излишне-бъ мнѣ было изъяснять вамъ все мое усердіе къ славѣ его; но не могу-же, м. г., то оставить безъ отвѣта, что вы мнѣ сказать изволили, какъ братъ его, и въ то-же самое время какъ безпристрастный человѣкъ. Безъ сомнѣнія, большихъ людей честолюбіе состоитъ въ пріобрѣтеніи къ себѣ почтенія тѣхъ, кои сами почтены и которыхъ во всемъ свѣтѣ конечно мало. Впрочемъ хула невѣждъ, которыми свѣтъ столько изобилуетъ, не можетъ оскорблять истинныхъ достоинствъ, равно какъ и похвала отъ невѣждъ цѣны не прибавляетъ. Сіе привело мнѣ на мысль два стишка г. Сумарокова, заключающіе въ себѣ сію истину:

«Достойной похвалы невѣжи не умалятъ;
А то не похвала, когда невѣжи хвалятъ.»

Вамъ, м. г., изъ прежнихъ писемъ моихъ уже извѣстно мнѣніе мое о воздаваніи справедливо-

сти отъ публики великимъ людямъ. Сколь то правда, что безпокойство ваше въ разсужденіи сего основано на нѣжности братскаго дружества, столь, если смѣю сказать, мало основательно сіе безпокойство ваше и по тому одному, что вся Европа, не говоря уже объ отечествѣ нашемъ, знаетъ, кто правитъ дѣлами и кто миръ дѣлаетъ. Словомъ, какъ-бы Фаверъ ни обижалъ прямое достоинство, но слава его исчезаетъ со льстецами въ то время, какъ Фаверъ исчезаетъ; а слава другаго никогда не умираетъ.

Дальнѣйшее происшествіе извѣстной вамъ визирской переписки оправдало совершенно благоразумнѣе примѣчаніе вашего сіятельства, которое во второмъ письмѣ вашемъ найти я честь имѣлъ. Изъ приложеній, о коихъ упомяну я ниже сего, изволите усмотрѣть, м. г., что посланная съ Ахметомъ бумага, кромѣ нѣкотораго намъ предосужденія, ничего не произвела. Здѣсь-же по сей матеріи слѣдуетъ копія съ письма графа Григорія Григорьевича (Орлова); и хотя въ самомъ дѣлѣ за будущее ручаться невозможно, однако Турецкое изнеможеніе, вступленіе Австрійцевъ въ общее съ нами согласіе и самая справедливость дѣла нашего подаютъ причину надѣяться, что миръ заключенъ будетъ по положенному основанію, какимъ-бы самодуромъ на конгрессѣ поступлено ни было.

еще болѣе доставляетъ мнѣ къ тому удовольственной удобности, и вы, дорогой пріятель, лучшее всегда тѣмъ мнѣ одолженіе дѣлать изволите, когда сообщенія ваши всегда такимъ образомъ ко мнѣ пересылать будете, какимъ можетъ лишь быть облегчительнѣе трудящимся въ нихъ. Весьма пріятно мнѣ было увидѣть изъ вашего письма, что мои разсужденія согласными встрѣтились съ братцемъ моимъ, о характерѣ и о молебнѣ; но не знаю, какъ показались ему мои мысли о дѣйствіяхъ на случай продолженія войны. Пожалуйте, скажите ему, при свободномъ времени отъ обремененій, что я со всѣми моими, съ неотмѣнною къ нему душевною преданностію, теперь здоровы; но токмо его столь распространившееся обремененіе приводитъ меня забывать не только образъ его ко мнѣ расположенія, но и его подписки.

Сношенія Фонъ-Визина съ графомъ Петромъ Ивановичемъ продолжались и послѣ смерти графа Никиты Ивановича Панина. И въ семъ обстоятельствѣ заключается, по нашему мнѣнію, оправданіе Фонъ-Визина въ нарѣканіи, которымъ тяготится память его. Объяснимся. Готовясь къ труду біографа, мы старались извѣдать всѣ преданія, оставшіяся объ авторѣ, котораго намъ нужно было узнать короче. Любопытство наше было скудно удовлетворяемо; но со всѣмъ тѣмъ мы успѣли узнать, что если добрая слава забывчива, то худая довольно злопамятна. Мало того,

что и при жизни изъ голосовъ стоустой молвы развѣ одинъ присвоенъ добрымъ вѣстямъ, а девяносто девять служатъ разглашеніямъ злорѣчія; но и въ потомствѣ сіи послѣдніе имѣютъ еще неумолчные отголоски. Разсказываютъ, что Фонъ-Визинъ, искавъ милости въ князѣ Потемкинѣ, былъ готовъ предать ему любовь и благодарность свою къ графу Никитѣ Ивановичу Панину, котораго князь Потемкинъ не любилъ; что, забавляя вельможу, передражнивалъ онъ предъ нимъ своего начальника и покровителя; но что Потемкинъ, по своенравію и непостоянству прихотей своихъ, скоро наскучилъ искательствами новаго поклонника и выжидалъ только случая проводить его отъ себя съ оскорбленіемъ. Случай сей скоро подоспѣлъ: однажды жаловался онъ предъ Фонъ-Визинымъ на толпу докучниковъ и льстецовъ, которые безъ отбоя осаждаютъ его. Фонъ-Визинъ совѣтовалъ ему въ семъ случаѣ слѣдовать примѣру государственныхъ людей въ другихъ земляхъ, которые въ кабинетахъ своихъ недоступны для праздношатающихся искателей. Потемкинъ обѣщалъ воспользоваться совѣтомъ его—и тутъ же далъ приказаніе впередъ не впускать къ себѣ Фонъ-Визина. Сіе оскорбленіе не могло-бы не сдѣлаться гласнымъ, и двуличность Фонъ-Визина обнаружилась-бы скоро. Положимъ, что начальникъ его и не провѣдалъ-бы о томъ, потому что отношенія начальниковъ къ подчиненнымъ

Село Никольское, 23 Апрѣля, 1772.

Повторяю вамъ, государь мой и дорогой пріятель, Денисъ Ивановичъ, мое сердечное, большое благодареніе за повторительное изъявленіе вашего соучастія въ минувшей болѣзни моего сына, а особенно еще за доставленіе мнѣ при послѣднемъ вашемъ любезномъ письмѣ трехъ предписаній, объявшихъ все мое усердное любопытство и чувствительнѣйшее вниманіе, по которымъ и преисполнилась душа моя разными движеніями, какъ отъ стороны великаго удовольствія въ разсужденіи предвозвѣщенной славы и пользы отечества, и въ разсужденіи употребленнаго въ оныхъ трудахъ благорасположенія моего братца и друга, такъ и колебательности отъ стороны воображающихъ себѣ прискорбностей о томъ, какою цѣною душевныхъ преогорченій покупаетъ брата моего неутомленная о истинномъ благѣ ревность и единственное только достиженіе до утвердительныхъ статей такихъ самыхъ полезныхъ предметовъ и намѣреній, и какая еще цѣна тою же монетою предстоитъ усердной и безкорыстной его душѣ на доступленіе и до того, что и точнымъ совершеніемъ имъ предустроеннаго отдастся во всей принадлежности слава другому, а ему останется оная единственно отъ тѣхъ, которые до кабинетнаго таинства достигали, и развѣ отъ другаго вѣка, съ предъявленіемъ еще и сего, что когда поступлено будетъ на непрѣменное окончаніе всѣмъ

наскученнаго уже понесенія способомъ самонадежности въ разорваніи препятствующихъ узловъ, то упущенное онымъ недостиженіе до предположенныхъ и великою цѣною всего Государства, такъ сказать, надежно о задаточныхъ предметахъ, упадетъ на него-жъ, а слава въ избавленіи отъ несносно носимаго бремени однако-жъ достанется другому. Боже дай, что-бъ мои слабыя колебанія обманули меня хотя въ послѣднемъ! А первое уже принимать надобно въ долгъ жертвы всего собственнаго, въ выгоду и пользу общую, лишь-бы только было безъ поврежденія достигнуто по всей точности предположенныхъ весьма похвальныхъ, благихъ предметовъ.

Однако-жъ, дорогой пріятель, надобно, чтобъ и тутъ не оставила насъ общая сія пословица, дабы и шило брило. Со всѣмъ тѣмъ, теперь я существительно радуюсь, что вы все мнѣ любезное на нѣкоторое время уже отработали, и теперь нѣтъ столь обременяющаго васъ труда.

Москва, 16 Іюля, 1772.

Вы, пожалуйте, никогда не заботьтеся и впередъ умножать вашего труда къ сокращенію приложеній въ экстракты. По моему одному врожденному любопытству, не находилъ я никогда отягощенія прочитывать объ оныхъ съ удовольствіемъ все то, что только пріобрѣтать когда могъ; а теперешняя моя свободная жизнь

часто походятъ на отношенія мужей къ женамъ: тѣ и другіе узнаютъ изъ послѣднихъ въ городѣ, что они обмануты; но какъ могъ-бы братъ министра не узнать стороною о случившемся? а узнавъ, какъ могъ человѣкъ, подобный графу Петру Ивановичу Панину, оставаться въ дружбѣ съ предателемъ лукавымъ и неблагодарнымъ. Изъ всего этого разсказа можно допустить только два обстоятельства. Немудрено, что Фонъ-Визинъ, который имѣлъ даръ передразниванія, представлялъ въ лицахъ и начальника своего—шутка невинная! Еще сбыточно и то, что князь Потемкинъ, извѣстный неровностію нрава своего, то обходительный, то неприступный, то ласковый до обольщенія, то высокомѣрный до обиды, сперва приласкалъ Фонъ-Визина, уважая умъ его, а послѣ охладѣлъ къ нему и даже радъ былъ оскорбить въ немъ человѣка, преданнаго сановнику, коему онъ не доброжелательствовалъ. Сіи предположенія, по крайней мѣрѣ, основаны на вѣроятности; но все прочее, предосудительное для чести Фонъ-Визина, оспоривается приведенными здѣсь свидѣтельствами и должно быть приписано къ выдумкамъ клеветы.

ГЛАВА VI.

Фонъ-Визинъ былъ четыре раза за границею. Въ первый разъ ѣздилъ онъ, какъ мы видѣли, съ порученіемъ по службѣ. Намъ не осталось ни какихъ слѣдовъ отъ сей поѣздки, кромѣ того, что онъ самъ говоритъ о ней въ своей «Исповѣди». Второе путешествіе предпринялъ онъ по причинѣ нездоровья жены своей. Выѣхалъ онъ изъ Петербурга 8 іюля 1777 года и возвратился въ 1778 году, вѣроятно, въ концѣ октября или въ ноябрѣ мѣсяцѣ. Въ семъ путешествіи проѣхалъ онъ чрезъ Варшаву, Дрезденъ, Франкфуртъ-на-Майнѣ, Страсбургъ, Ліонъ и Нимъ, до Монпелье, который былъ цѣлью ихъ поѣздки. Въ самъ городѣ пробылъ онъ около двухъ мѣсяцевъ, за леченіемъ жены своей, которое имѣло желанный успѣхъ. Въ концѣ февраля 1778 года пріѣхали они въ Парижъ и пробыли въ немъ нѣсколько мѣсяцевъ. Третіе путешествіе совершено имъ было въ 1784 и 1785 годахъ.

Цѣлію его была Италія. Выѣхавъ изъ Петербурга и проѣхавъ часть Пруссіи, чрезъ Лейпцигъ, Нирембергъ, Аугсбургъ, Инспрукъ и Тріентъ, началъ онъ обозрѣніе свое Италіи Вероною. Въ Италіи пробылъ онъ мѣсяцевъ восемь и успѣлъ объѣздить почти всѣ главныя города разныхъ ея областей. Оставивъ Венецію въ маѣ 1785, возвратился онъ чрезъ Вѣну въ Россію. Въ августѣ былъ онъ въ Москвѣ. Сіе возвращеніе памятно несчастнымъ для него событіемъ: 29 августа приключился ему ударъ паралича, отнявшій у него уже до самаго конца жизни свободное употребленіе языка и лѣвой руки и ноги. Но, кажется, сей ударъ не былъ первымъ, или по крайней мѣрѣ имѣлъ уже предварительное предвѣщаніе въ Римѣ: ибо въ письмѣ изъ Вѣны жалуется онъ на оставшееся въ немъ послѣ болѣзни онѣмѣніе въ лѣвой рукѣ и ногѣ. Впрочемъ, онъ съ самой молодости своей страдалъ сильными головными болями; но жизнь его довольно неумѣренная, невоздержность въ удовольствіяхъ стола и въ другихъ чувственныхъ наслажденіяхъ, не могли способствовать къ исправленію немощей природнаго сложенія его. Четвертое путешествіе его, предпринятое имъ въ 1786 году, имѣло цѣлію поправленіе здоровья. Пробывъ въ Вѣнѣ нѣсколько мѣсяцевъ, ѣздилъ онъ въ Карлсбадъ лечиться цѣлительными водами. Изъ Карлсбада отправился онъ въ Тренцинъ, въ Венгріи, также

для употребленія цѣлительныхъ водъ, и возвратился въ Петербургъ въ концѣ сентября 1787 года. Жена его ѣздила съ нимъ всѣ три раза.

Путешествіе для ума любопытнаго и наблюдательнаго есть родъ практическаго ученія, изъ коего возвращается онъ съ новыми свѣдѣніями, съ новыми испытаніями и, такъ-сказать, переработанный дѣйствіемъ разнообразныхъ впечатлѣній.

Но для сего нужно имѣть умъ космополитный, который легко уживался-бы на почвахъ, ему чуждыхъ, въ стихіяхъ, ему разнородныхъ. Умы, такъ-сказать, слишкомъ заматерѣлые, отъ оригинальности своей или самобытности односторонніе, перенесенные въ климатъ имъ чуждый, не заимствуютъ ничего изъ новыхъ источниковъ, раскрывающихся предъ ними, не обогащаются новыми пособіями, не развиваются, а напротивъ теряютъ свѣжесть и силу свою, какъ растеніе пересажденное, которому непремѣнно нужна земля родины, чтобы цвѣсти и приносить плоды. Умъ Фонъ-Визина кажется принадлежалъ къ сему разряду: коренной Русской, онъ на чужбинѣ былъ какъ-то не у мѣста и связанъ. Отъ сего-ли свойства, отъ того-ли, что осмѣявъ въ «Бригадирѣ» повѣсу, который, побывавъ въ Парижѣ, бредитъ имъ на яву, побоялся онъ самъ поддаться обольщенію, и въ слѣдствіе того впалъ въ другую крайность, не менѣе предосудительную, хотѣлъ-ли онъ выказать на-

сильственнымъ расчетомъ ложнаго самолюбія, что если многіе изъ соотечественниковъ его платили покорную дань удивленія и зависти блеску Европейскаго просвѣщенія и общежитія, то онъ готовилъ ему одно строгое изслѣдованіе и судъ: какъ бы то ни было, большая часть его заграничныхъ наблюденій запечатлѣна предубѣжденіями, духомъ исключительной нетерпимости и порицаній, которые прискорбны въ умномъ человѣкѣ. Дома бичъ предразсудковъ, ревнитель образованности и успѣховъ разума, Фонъ-Визинъ путешественникъ смотритъ на все глазами предразсудка и только что не гласнымъ образомъ, а отрицательными умствованіями, проповѣдуетъ выгоду невѣжества. Нѣтъ сомнѣнія, что пристрастіе многихъ соотечественниковъ нашихъ въ отзывахъ ихъ о чужихъ краяхъ основано болѣе на слѣпомъ невѣдѣніи о своемъ отечествѣ, нежели на просвѣщенной любви къ устройству и преимуществамъ, которыя въ другихъ земляхъ суть плоды многихъ столѣтій и многихъ испытаній; но не менѣе справедливо и то, что Русскому, желающему быть тѣмъ, чѣмъ создалъ насъ Петръ и образовала Екатерина, должно съ Русскою душою соединять и Европейскій умъ. Таковъ былъ Петръ, дѣйствовавшій какъ Самодержецъ и любившій отечество свое какъ гражданинъ. Не станемъ добиваться быть болѣе, быть исключительнѣе Русскими, чѣмъ Онъ и вѣрные споспѣшники Его въ вели-

комъ подвигѣ; удовольствуемся тѣмъ, что будемъ любить отечество, какъ Онъ любилъ его, и какъ Онъ понималъ сію любовь. Въ любви къ отечеству болѣе свойствъ любви родительской къ дѣтямъ, нежели дѣтской къ родителямъ. Сія послѣдняя любовь должна быть безусловная: сынъ не можетъ быть никогда судіею отца своего; не ему замѣчать его недостатки, исправлять его погрѣшности, противодѣйствовать его склонностямъ. Напротивъ-же отецъ, чѣмъ нѣжнѣе, чѣмъ пламеннѣе любитъ сына своего, тѣмъ строже наблюдаетъ за всѣми его отступленіями, тѣмъ сильнѣе ненавидитъ въ немъ признаки вредныхъ склонностей, и тѣмъ рачительнѣе, тѣмъ неумолимѣе старается искоренить оныя. Просвѣщенная любовь можетъ негодовать и ненавидѣть: соединеніе сихъ чувствъ, устремленныхъ къ одной цѣли, приноситъ послѣдствія благодѣтельныя; невѣжественная любовь, напротивъ, слѣпая какъ пристрастіе, безъотчетная какъ обожаніе, оказывается въ послѣдствіяхъ своихъ гибельнѣе самой ненависти. По несчастію многіе понимаютъ любовь къ отечеству, какъ Простакова нашего комика понимала любовь свою къ Митрофанушкѣ. Особливо же писатели, сіи передовые стражи общаго мнѣнія, сіи безкорыстные, безплатные, вспомогательные сподвижники благонамѣреннаго правительства, должны не раздѣлять любви къ отечеству съ любовью къ просвѣщенію: сія двойственная любовь должна

зажигаться у одного пламенника, горѣть предъ однимъ алтаремъ. Отъ писателя, дѣйствующаго на общее мнѣніе, требуется и постоянное исповѣданіе одного мнѣнія. Изъ сего не слѣдуетъ, что писатель, заблуждавшійся и признавшій свое заблужденіе, не долженъ никогда въ немъ покаяться и стоять за него вопреки совѣсти и опытамъ, выведеннымъ силою событій. Требуемъ отъ писателя не упрямства, не ложной вѣрности къ мнимымъ обязательствамъ, но основательности и твердости. Не много такихъ истинъ несомнительныхъ, не много такихъ правилъ непреложныхъ, коихъ святость должна пребыть и тогда, когда противорѣчатъ имъ послѣдствія частныя, случайныя и независимыя отъ воли людей: но, посвятивъ себя на служеніе одной изъ сихъ истинъ, должно пребыть ей вѣрнымъ безъ изъятія, примѣняя къ себѣ рыцарское восклицаніе французскихъ роялистовъ: Vive le Roi quand même! Польза просвѣщенія есть одна изъ малаго числа сихъ исключительныхъ истинъ. Почитая его единымъ прочнымъ основаніемъ благосостоянія общаго и частнаго, совѣстью правительствъ и лицъ, простительно-ли, напримѣръ, пугаться малодушно нѣкоторыхъ прискорбныхъ явленій, приписываемыхъ просвѣщенію, или, положимъ, и влекущихся за нимъ по неисповѣдимымъ законамъ Провидѣнія, которое отказало въ совершенствѣ всему, что ни есть на землѣ? Опустошительныя грозы, слѣдующія за

благотворительнымъ лѣтомъ, ядовитыя растенія и ядовитые гады, развивающіеся вліяніемъ того-же солнца, которое вдыхаетъ жизнь во всю природу, проникаетъ плодотворною теплотою созданіе, безъ него мертвое и мрачное, должны-ли заставлять насъ признавать за благо одно мертвительное дѣйствіе зимы? Хотѣть все предвидѣть, все придумать и все предотвратить не есть признакъ силы дальновиднаго ума,—напротивъ, ребяческаго малодушія. Оно, съ смѣшною самонадѣянностью разсчитывая силу своихъ собственныхъ средствъ, забываетъ, что есть впереди другая невидимая сила, часто превращающая въ ничтожность всѣ разсчеты человѣческой предусмотрительности. Безумно человѣку хотѣть быть провидѣніемъ не только завтрашняго дня, но и настоящей минуты. Писатель, который, по званію своему, обязанъ быть проповѣдникомъ просвѣщенія, а вмѣсто того бываетъ доносчикомъ на него, подобенъ сатиру, который дуетъ и тепломъ и холодомъ, или еще болѣе врачу, который, призванъ будучи къ больному, пугаетъ его невѣрностію своей науки и раскрываетъ предъ нимъ гибельныя ошибки врачеванія. Пусть каждый остается въ духѣ своего званія. Довольно и безъ писателей найдется людей, которые готовы остерегать отъ властолюбивыхъ посяганій разума и даже клеветать на него при удобномъ случаѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что врачъ, не ободряемый упованіемъ въ пользѣ искусства своего,

воинъ, слишкомъ совѣстливый предъ непріятелемъ, и мнительный писатель, робѣющій предъ торжествомъ тяжбы, коей онъ присяжный ходатай, равно погрѣшаютъ предъ своими обязанностями, равно предатели своихъ обѣтовъ.

Нѣкоторыя изъ писемъ автора нашего, писанныхъ изъ Франціи къ графу П. И. Панину, давно уже извѣстны и пользуются у насъ большимъ уваженіемъ, которое мы ни какъ раздѣлить не можемъ. Вѣроятно, онѣ были писаны не для печати: этимъ оправдываются встрѣчающіяся въ нихъ небрежности въ слогѣ и въ языкѣ; но тѣмъ строже судимъ мы мнѣнія писателя, который, въ частной и пріятельской перепискѣ, могъ свободно выказывать впечатлѣнія и мнѣнія свои въ ихъ естественной наготѣ. Должно признаться, что нѣкоторыя изъ наблюденій путешественника и справедливы, а именно тѣ, кои относятся до политическаго положенія Франціи. Здѣсь жестокія обвиненія наблюдателя оправданы были послѣдовавшею революціею. Но за то, въ наблюденіяхъ его о характерѣ Французовъ, объ образѣ жизни ихъ, и въ характеристикѣ знаменитыхъ писателей, какая неумѣренность, какая оскорбительная рѣзкость въ сужденіяхъ, сколько желчи и даже иступленія! Впрочемъ не однимъ Французамъ достается: Нѣмцы, и послѣ того Италіянцы, не лучше отдѣланы. Въ Лейпцигѣ находитъ онъ однихъ педантовъ, и, въ порывѣ какой то досадной насмѣшливости, приписываетъ имъ, что они

почитаютъ главнымъ человѣческимъ достоинствомъ, что умѣютъ говорить по-латыни, чему однако-жъ во времена Цицероновы умѣли и пятилѣтніе ребята. Въ другомъ мѣстѣ говоритъ онъ: «У насъ все лучше, и мы больше люди, чѣмъ Нѣмцы». Это напоминаетъ анекдотъ, разсказанный мнѣ покойнымъ княземъ Юсуповымъ. Одинъ изъ нашихъ патріотовъ, въ пребываніе своемъ въ какой-то иностранной столицѣ, твердилъ на все, что ни показывали ему, на все, что ни говорили: «*Chez nous mieux*». Однажды шелъ онъ по улицѣ съ знакомцемъ своимъ и наткнулись они на пьянаго человѣка, который валялся на улицѣ. Иностранецъ спросилъ его: «Что-жъ, и теперь не скажете-ли вы *chez nous mieux?*» Еслибы всѣ путешественники наши отзывались о чужихъ краяхъ, и въ особенности о Франціи, какъ отозвался о нихъ Фонъ-Визинъ, то намъ неприлично было-бы пѣнять иностранцамъ за сатирическія и часто ненавистныя краски, коими распестрили они свои мнимыя описанія Россіи. По словамъ нашего путешественника, «во Франціи ни порода, ни наружные знаки почестей не «препятствуютъ нимало снисходить до подлѣйшихъ обмановъ, какъ скоро дѣло идетъ о «малѣйшей корысти. Развращеніе нравовъ дошло до такой степени, что подлый поступокъ «не наказывается уже и презрѣніемъ. Дружба, «родство, честь, благодарность—все это считается «химерою. Смѣло скажу, что Французъ ни-

«когда самъ себѣ не проститъ, если пропуститъ »случай обмануть кого хотя въ самой бездѣлицѣ. «Божество его—деньги. Какъ скоро Французъ «имѣетъ пропитаніе, то людей не рѣжетъ, а «довольствуется обманывать». Странно, кажется, рѣшиться и объ одномъ человѣкѣ произнести такой приговоръ, когда сей человѣкъ не обличенъ еще судомъ и развратъ его не доказанъ; но какъ позволить себѣ принять такія общія нареканія къ цѣлому обществу, къ цѣлому народу? Не есть-ли это родъ кощунства надъ человѣчествомъ и клеветы на самое Провидѣніе? Можно сострадать Жанъ-Жаку, когда онъ злословитъ общество и человѣка: въ краснорѣчивыхъ доносахъ его мы слышимъ вопль больнаго сердца, чувствительности раздраженной, дикій ропотъ встревоженнаго воображенія; но злословіе Фонъ-Визина холодно, сухо: оно отзывается нравоученіемъ напыщеннаго декламатора, ни кого не убѣждаетъ и заставляетъ только жалѣть, что и свѣтлый умъ имѣетъ свои затмѣнія. Назвавъ Парижъ истинною заразою, послѣ отказываетъ онъ ему и въ средствахъ обольщенія, ибо говоритъ въ письмѣ къ сестрѣ: «Кто тебя станетъ «увѣрять, что Парижъ центръ забавъ и веселья, «не вѣрь: все это глупая аффектація; все другъ «безъ милосердія. Кто самъ въ себѣ ресурсовъ «не имѣетъ, тотъ и въ Парижѣ проживетъ какъ «въ Угличѣ». Какая ложная мысль! Можно сказать, что кто имѣетъ въ себѣ ресурсы, тотъ

и въ Уѣздѣ можетъ устроить себѣ пріятное существованіе; но и съ ресурсами и безъ ресурсовъ, нѣтъ сомнѣнія, каждому легче найти по себѣ родъ жизни въ столицѣ, нежели въ уѣздной глуши. Мелочныя наблюденія его также отзываются руссицизмами, которые должно бы путешественнику оставлять у пограничной рогатки. Напримѣръ: онъ оскорбляется невѣжливостію Французскихъ лакеевъ, которые въ переднихъ не встаютъ съ мѣста и не снимаютъ шляпъ предъ господами, проходящими мимо *этихъ скотовъ*, и тутъ же прибавляетъ (что-бы никому завидно небыло): «Правда, что и господа изрядные есть «скотики»; удивляется, что офицеръ шатается по улицамъ безъ слуги. Понимаемъ брезгливость его, когда онъ находитъ, что Парижъ немножко нечище *свинаго хлѣва*, ибо нечистота Парижа, особенно тогдашняго, не подлежитъ спору; когда онъ говоритъ, что людямъ, не вовсе *оскотиѣвшимся*, переносить нечистоту его весьма трудно. Но мудрено повѣрить, что во всей Франціи столовое бѣлье такъ мерзко, что праздничное у знатныхъ людей хуже того, которое у насъ въ бѣдныхъ домахъ въ будни подается; что оно такъ скверно вымыто, что гадко ротъ утереть. Далѣе жалуется онъ, что дыры на салфеткахъ зашиты *голубыми нитками*. Однимъ словомъ, анекдотъ путешественника, который проѣзжая чрезъ одинъ Нѣмецкій городъ, видѣлъ, какъ въ гостинницѣ рыжая женщина била мальчика, и

записалъ въ своихъ путевыхъ запискахъ: «Здѣсь всѣ женщины рыжи и злы» — можетъ совершенно быть примѣненъ къ большей части наблюденій Фонъ-Визина. Нѣтъ сомнѣнія, что нравы во Франціи, и вообще во всей Европѣ, далеки были отъ непорочности въ эпохѣ, ему современной. Романы Кребильона, Лакло, Лувэ, оскорбительныя поученія насмѣшливой философіи Вольтера, легкія начертанія общества, оставленныя Дюкло, Шамфоромъ, частныя записки, свѣтскія хроники, исповѣди и переписки, въ коихъ сохранилась для насъ нравственность сей эпохи, изобличаютъ намъ легкомысліе умовъ ея, послабленіе правилъ и какую-то безпечность, ослабленіе въ жизни, которыя ее характеризуютъ. Но негодуя на суетность и на малодушіе поколѣнія и не храня въ негодованіи своемъ ни снисхожденія, ни мѣры, какъ подводить ему было подъ одно нареканіе, или лучше сказать подъ одно проклятіе, тѣхъ, кои служили оплотомъ противъ общаго паденія, сражались съ предразсудками и пороками? какъ ему неотдать тѣхъ, которые, не смотря на всѣ слабости, на всѣ постыдныя попущенія сей эпохи, соединеніемъ необыкновенныхъ дарованій, мужественнымъ развитіемъ умственныхъ силъ, придали ей блескъ, важность и вліяніе, едва-ли встрѣчаемыя въ другихъ эпохахъ исторіи человѣчества? Какъ ему, автору, не сочувствовать мужамъ знаменитымъ, которые въ лицѣ своемъ умѣли возвысить

авторское званіе до степени уваженія, могущества и господства? Не говорю, что онъ долженъ былъ суевѣрно идолопоклонствовать предъ ними, какъ предъ кумирами, и въ раболѣпномъ обожаніи исповѣдывать и самыя заблужденія ихъ: независимость мнѣній, право судить-суть неотъемлыя принадлежности мыслящаго существа; но зачѣмъ-же впадать въ другую крайность? Какъ о людяхъ, по крайней мѣрѣ возвышенныхъ, судить съ надменностію, съ небреженіемъ, приличными спеси или ожесточенію одного невѣжества? зачѣмъ быть клеветникомъ или отголоскомъ клеветы (въ этомъ случаѣ все равно), упоминая о людяхъ, которые составляютъ лучшее и нетлѣнное отдѣленіе общества и остаются на вершинахъ столѣтій, когда падаютъ и исчезаютъ цѣлыя поколѣнія? Посмотрите, какими гнусными красками изображаетъ Фонъ-Визинъ первостепенныхъ писателей Французскихъ: «Конечно, ни одинъ «изъ нихъ не поколеблется сдѣлать презритель-«нѣйшую подлость для корысти или тщеславія.» Д'Аламберта, Дидерота, Мармонтеля описываетъ онъ шарлатанами, обманывающими народъ за деньги, побродягами, таскающимися по передняхъ вельможъ для испрашиванія милостыни. Можно было судить о сихъ писателяхъ съ безпристрастіемъ и строгостію: таковому суду подлежали они во многихъ отношеніяхъ. Много грѣховъ было на ихъ совѣсти и умѣ. Но одно есть судъ праведный, хотя и неумолимый, и

другое злоба и ожесточеніе. Одному покоряешься, потому что оно законно и убѣдительно; на другое негодуешь, потому что оно — дѣйствіе ослѣпленной страсти. Посмотрите, какъ выводитъ онъ въ своихъ письмахъ ученаго и безкорыстнаго Даламберта, коего безкорыстіе обратило вниманіе Европы. Всѣмъ извѣстно, что онъ отказался отъ обольстительнаго приглашенія Екатерины, желавшей ему поручить воспитаніе Наслѣдника Престола, и отъ убѣдительныхъ увѣщаній Прусскаго короля, предлагавшаго ему мѣсто въ Берлинской Академіи. Мы знаемъ, что изъ благодарности и привязанности къ своей кормилицѣ, призрѣвшей его отверженное и безпріютное младенчество, гласно называлъ онъ ее своею матерью и жилъ подъ смиреннымъ кровомъ ея около тридцати лѣтъ, когда извѣстность его, почетное положеніе въ обществѣ и связи его съ первыми лицами открывали ему выгоды общежитія, коими онъ легко могъ-бы пользоваться. Не уже-ли Фонъ-Визинъ не зналъ того, что знала вся Европа, не зналъ, что Императрица, предлагая Даламберту 100,000 рублей ежегоднаго оклада, приглашала его пріѣхать въ Петербургъ со всѣми пріятелями своими, обѣщая ему и имъ всѣ удобности жизни и можетъ быть, прибавляетъ она, «болѣе свободы и спокойствія, нежели имѣете вы у себя.» «Вы не поддаетесь, продолжаетъ Она, убѣжденіямъ Прусскаго короля и благодарности, «которою ему обязаны; но у Короля нѣтъ сына.

«Признаюсь, Я такъ дорожу воспитаніемъ сына «Моего, и вы мнѣ столь нужны, что Я, можетъ «быть, слишкомъ приступаю къ вамъ». Но ни обольщенія столь блестящей фортуны и званія столь почетнаго, ни обольщенія Государыни, ласкавшей самолюбіе его, не могли поколебать философа: онъ пребылъ вѣренъ независимости, отечеству и друзьямъ. Почтешь-ли слѣдующій отзывъ отзывомъ Литератора: «Изъ всѣхъ ученыхъ болѣе всѣхъ «удивилъ меня Даламбертъ: я воображалъ лице «важное, почтенное, а нашелъ премерзскую фи«гуру и преподленькую физіогномію!» И что-же могло побудить Фонъ-Визина противорѣчить такимъ образомъ общему мнѣнію, общему убѣжденію? Вотъ что: пріѣздъ въ Парижъ Русскаго полковника, брата одного изъ Петербургскихъ временщиковъ, къ которому явились Даламбертъ, Мармонтель и другіе, для засвидѣтельствованія нижайшаго почтенія и будто съ тѣмъ, чтобы чрезъ него достать подарки отъ нашего Двора. Нѣтъ ничего мудренаго, что люди, взысканные милостію Екатерины, что Дидеротъ, ею облагодѣтельствованный, что Даламбертъ, преданный Ей благодарностію, что Мармонтель, коего сочиненія жгли въ Парижѣ въ то время, какъ Екатерина переводила ихъ въ Россіи, искали случая изъявить Ей чувства преданности своей въ лицѣ Русскихъ путешественниковъ, которые, по возвращеніи своемъ, могли довести о томъ до Ея свѣдѣнія. Но вовсе несбыточно, чтобъ, на-

примѣръ, Даламбертъ, который самъ переписывался съ Императрицею и кромѣ того въ другѣ своемъ Вольтерѣ имѣлъ надежнаго посредника, сталъ искать по переднимъ случая обратить на себя благосклонное вниманіе Екатерины, которое уже и такъ было ему опытами доказано. Напрасно многіе обвиняютъ такъ называемыхъ философовъ XVIII столѣтія въ противорѣчіи между твореніями и поступками ихъ, изъ коихъ первыя отзываются неограниченною независимостью, а другіе частымъ искательствомъ покровительства. Не должно забывать, что сіи писатели составляли какъ-бы секту, сильную обольщеніемъ своимъ надъ умами, но слабую предъ могуществомъ и дѣятельностію враговъ своихъ; что Сорбона, Парламентъ, приговорами и кострами, казнили творенія ихъ; что Бастилія и изгнаніе угрожали часто ихъ личной свободѣ. Имъ нужны были покровительство и опора. Что называлось въ нихъ ласкательствомъ, было не что иное, какъ необходимость, вынужденная ихъ частною политикою, которая предписывала имъ искать могущихъ союзниковъ. Ратоборцы; они, въ воинственной литтературѣ своей, должны были, на случай неудачъ, имѣть за себя заступныя державы. Одна Польская патріотка, говоря мнѣ о соотечественникахъ своихъ, которые, въ бурныя времена Республики, бывали на жалованіи у разныхъ дворовъ, защищала ихъ тѣмъ, что не корыстолюбіе было причиною сего зака-

баленія, потому что нерѣдко богатѣйшіе паны получали весьма умѣренныя пенсіи, но необходимость принадлежать къ одной или къ другой партіи заставляла брать сіи пенсіи, какъ въ древности давали за себя аманатовъ въ залогъ вѣрности. Писатели, о коихъ мы говоримъ, были въ равномъ положеніи. Тогда мыслящая Франція и республика литтературы раздѣлены были на двѣ партіи: такъ называемые философы-энциклопедисты были главами одной; другая была безъименная, и дарованія ея предводителей не могли дать ей ни побѣды, ни самобытной извѣстности. Изъ многочисленной фаланги ея отпрянули одни имена, заклейменныя язвительными насмѣшками Вольтера. Между сими двумя партіями свирѣпствовала, безъ сомнѣнія, вражда непримиримая. Тутъ дѣло шло не только о вкусѣ, о стихахъ или прозѣ, о классицизмѣ или романтизмѣ, какъ нынѣ, но, можно сказать, о всемъ умственномъ и духовномъ бытіи человѣчества, и потому нельзя не признать отмѣнной односторонности и недальновидности въ наблюденіяхъ Фонъ-Визина, когда онъ говоритъ, что братъ гонитъ брата за то, что одинъ любитъ Расина, а другой Корнеля, и во всемъ томъ, что говоритъ онъ о несогласіи, господствовавшемъ между писателями, которыхъ сравниваетъ онъ съ какими нибудь звѣрями, и послѣ того довершаетъ характеристику Французовъ чертою, которая могла-бы показаться почерпнутою изъ путешествія

по землѣ Кафровъ или Самоѣдовъ: *и дѣйствительно мало въ нихъ человѣческаго!* Кажется, никогда предубѣжденіе, ожесточеніе и фанатизмъ ненависти не доходили до подобнаго изступленія. Послѣ того Фрероны, Нонноты должны казаться хладнокровными, и развѣ одинъ графъ Мейстеръ могъ перещеголять Фонъ-Визина, и то когда онъ воздвигалъ памятникъ Вольтеру рукою палача. Во время пребыванія путешественника въ Парижѣ, пріѣзжалъ Вольтеръ. Восторги, поклоненіе, апоѳеозъ заживо, которыми привѣтствовали его сограждане, сіе торжество, напоминающее народныя празднества древней Греціи, не возбудили ни какого сочувствія въ душѣ писателя. Крики упоенной публики въ театрѣ «Vive Voltaire!» признаны имъ *неблагопристойными*. Вмѣсто того, чтобы мысленно участвовать въ торжествѣ, приносящемъ въ лицѣ Вольтера честь всѣмъ литтературнымъ заслугамъ, онъ, какъ-будто чуждый симъ заслугамъ и сей славѣ, дивится, что народъ можетъ гордиться своимъ писателемъ и приносить ему дань удивленія и любви. Любопытно сравнить отзывы нашего путешественника о Франціи съ отзывами другихъ отличныхъ чужестранцевъ, посѣщавшихъ сію землю около той же эпохи. Парижъ былъ въ то время родъ вселенскаго собора умовъ и знаменитостей, куда изъ разныхъ концевъ Европы стекались для совѣщанія о важныхъ вопросахъ наукъ, искусствъ и философіи: родъ из-

бра о салона, куда отборные члены человѣ-
ж общества спѣшили послѣ трудовъ, со-
ныхъ ими въ пользу отечества и ближ-
вкушать удовольствія просвѣщеннаго до-
юзвышенныя награды самолюбія и сіи
енныя наслажденія, которыя можно
плодами одной зрѣлой образованности,
зрѣлаго общежитія. Имена Болинброка,
Гиббона, Адама Смита, Франклина, Стер-
кари, Гальяни, герцога Браганцскаго,
евъ крови, коронованныхъ главъ и мно-
другихъ встрѣчаются въ протоколахъ
жскаго общества. Мнѣніе Гиббона о Фран-
ихъ, мнѣніе, которое нельзя приписывать ни
страстію, ни легкомыслію, достойно быть
сь упомянуто. Я тѣмъ болѣе дорожу имъ, что
служитъ мнѣ опорою въ обвиненіяхъ моихъ
Фонъ-Визина: Vous direz tout ce qu'il vous plaira
la frivolité des Français, mais je vous assure qu'en
nze jours, passés à Paris, j'ai assisté à plus de conver-
tions bonnes à retenir, et vu plus d'hommes de lettres
rmi les gens comme il faut, qu'il ne m'est arrivé à
ondres dans deux ou trois hivers. (Lettre de Mr. Gibbon
Mme. Gibbon sa belle mère. Paris, le 12 fevrier, 1763.)

Въ опроверженіе злословія Фонъ-Визина о
орифеяхъ Французской литтературы, приведемъ
ще другое свидѣтельство, а именно княгини
Дашковой. Она пріѣзжала въ Парижъ на нѣсколь-
ко дней и видѣлась почти съ однимъ Дидеро-
томъ. Госпожи Неккеръ и Жофрень, правитель-

ницы тогдашняго Парижскаго общества, старались учтивостями сблизиться съ нею. Однажды, во время бесѣды ея съ Дидеротомъ, приходятъ ей доложить о пріѣздѣ сихъ дамъ. Съ живостію вскочивъ съ мѣста своего, Дидеротъ приказываетъ за княгиню сказать, что ея нѣтъ дома. Удивленная такимъ поступкомъ, она спрашиваетъ объясненія. «Вамъ всего остается прожить зд дней девять или десять, отвѣчалъ он увидятъ васъ раза два или три, не поймут а я не терплю, чтобы пренебрегали моим мирами. Госпожа Жофрень добрая женщин она одна изъ Парижскихъ трубачей, и я не хоч чтобы она васъ видѣла наскоро и вскользь». Та же поступилъ онъ и при посѣщеніи Рюльера, торый тогда уже написалъ свои записки о Ро и разносилъ ихъ рукописно по Парижс салонамъ. «Принимая его къ себѣ, вы пр дите печать одобренія, достовѣрности и в книгѣ его», говорилъ онъ ей, и княгиня ков съ благодарностію покорялась его совѣтам Сіи обстоятельства подтверждаются и сам Дидеротомъ въ краткой статьѣ его о княг Дашковой, которую называлъ онъ Русск «intus et in cute» «Я очень любила въ Дидерот говоритъ она въ своихъ запискахъ, даже запальчивость его, которая была въ немъ пл домъ смѣлаго воззрѣнія и чувства; откровенность его, искренняя любовь, которою любилъ онъ друзей своихъ, геній его, проницательный и

глубокомысленный, участіе и уваженіе, всегда имъ мнѣ оказанныя, привязали меня къ нему на всю жизнь. Я оплакала смерть его и не престану оплакивать ее до послѣдняго дыханія жизни. Худо умѣли цѣнить эту необыкновенную голову: добродѣтель и правота руководствовали всѣми его поступками и общее благо было исканіемъ и страстью его постоянными. Если опрометчивостью своею впадалъ онъ иногда въ заблужденіе, то и тогда бывалъ искрененъ и самъ себя обманывалъ».—Мнѣ пріятно было рѣзкимъ приговорамъ Фонъ-Визина противупоставить благонамѣренный отзывъ нашей-же соотечественницы; это будетъ отъ лица Русскихъ примирительное, очистительное жертвоприношеніе памяти мужей, которые имѣли свои заблужденія и погрѣшности, но ознаменовали земное поприще свое заслугами просвѣщенію и слѣдовательно человѣчеству. Можно указать еще и на письма Русскаго путешественника, Карамзина. Писанныя безъ педанства, безъ догматической важности, онѣ содержатъ болѣе истинъ и тонкихъ наблюденій о Франціи и Французахъ, нежели письма Фонъ-Визина, которыя писаны будто съ каѳедры, во услышаніе и трепетъ грѣшниковъ. Въ одномъ только Карамзинъ сходится съ нимъ,— во мнѣніи о физической нечистотѣ Парижа.

Принявъ уже на себя званіе обвинителя Фонъ-Визина заграничнаго вмѣстѣ съ званіемъ защитника обиженныхъ имъ, не умолчу и дру-

гаго обвиненія. Въ письмахъ его многія изъ наблюденій о нравахъ Французовъ, въ особенности тѣ, которыя отзываются всякимъ и глубокомысліемъ, не его. Тамъ нечего. Въ письмахъ своихъ онъ нѣсколько кривилъ совѣстью предъ графомъ Панинымъ, выдавая ему за свои заключенія, выписки изъ книги Дюкло: «Considérations sur les moeurs de ce siècle»; кривилъ совѣстью вмѣстѣ съ тѣмъ и предъ Дюкло, заимствуя изъ него обличительныя указанія на современниковъ и утаивая то, что говорилъ онъ въ пользу ихъ. Подтвердимъ наше обвиненіе нѣсколькими доказательствами.

Фонъ-Визинъ. «Примѣтилъ я вообще, что Французъ всегда молодъ, а изъ молодости переваливается вдругъ въ дряхлую старость: слѣдственно, въ совершенномъ возрастѣ никогда не бываетъ.»

Дюкло. «Le grand défaut du Français est d'avoir toujours le caractère jeune: par là il est souvent aimable et rarement sur; il n'a presque point d'âge mur et passe de la jeunesse à la caducité.»

Фонъ-Визинъ. «Равенство есть благо, когда оно, какъ въ Англіи, основано на духѣ правленія; но во Франціи равенство есть зло, потому что происходитъ отъ развращенія нравовъ.»

Дюкло. «Les moeurs font à Paris ce que l'esprit du gouvernement fait à Londres. Tous les ordres vivent à Londres dans la familiarité, parce que tous les citoyens ont besoin les uns des autres: l'intérêt commun les rap-

proche. Les plaisirs produisent le même effet à Paris; tous ceux qui se plaisent, se connaissent avec cette différence que l'égalité qui est un bien, quand elle part d'un principe du gouvernement, est un très-grand mal, quand elle ne vient que des moeurs, parce que cela n'arrive jamais que par leur corruption.»

Фонъ-Визинъ. «Воспитаніе во Франціи ограничивается однимъ ученіемъ. Главное стараніе прилагаютъ, чтобъ одинъ сталъ богословомъ, другой живописцемъ, третій столяромъ (Къ чему тутъ выведенъ столяръ? Какъ-будто, говоря объ отрасли воспитанія, можно упоминать о простомъ ремеслѣ, которому вѣрно никто не предается по склонности, а по нуждѣ и по обстоятельствамъ); но чтобъ каждый изъ нихъ сталъ человѣкомъ, о томъ и на мысль не приходитъ.»

Дюкло. «On trouve parmi nous beaucoup d'instruction et peu d'éducation. On y forme des savans, des artistes de toute espèce, mais on ne s'est pas encore avisé de former des hommes.»

Фонъ-Визинъ. «Рѣдкой отецъ не изобрѣтаетъ новаго плана для воспитанія дѣтей своихъ. Часто новый его планъ хуже стараго; но сей поступокъ доказываетъ по крайней мѣрѣ, что сами они чувствуютъ недостатки общаго у себя воспитанія, не смысля разобрать, въ чемъ состоятъ они дѣйствительно».

Дюкло. «La plupart des hommes qui pensent, sont si persuadés, qu'il n'y en a pas de bonne (d'éducation),

que ceux qui s'intéressent à leurs enfants, songent d'abord à se faire un plan pour les élever. Il est vrai qu'ils se trompent souvent dans les moyens de réformation qu'ils imaginent, et que leurs soins se bornent d'ordinaire à abréger ou applanir quelques routes des sciences, mais leur conduite prouve du moins qu'ils sentent confusément les défauts de l'éducation commune, sans discerner précisément en quoi ils consistent.»

Должно признаться, что нашъ писатель въ этомъ отношеніи былъ на руку нечистъ. Пользоваться чужимъ добромъ можно; но присвоивать его себѣ украдкою непозволительно. Хорошо поэту, романисту, комику говорить, какъ Мольеръ, «отбираю свое добро вездѣ, гдѣ его отыскиваю (je prends mon bien partout où je le trouve)»; но въ частной перепискѣ перечеканивать чужую монету подъ свой штемпель и прикрывать свое похищеніе тайною молчанія, есть совершенно другое дѣло. Это все равно, что выдать чужое сочиненіе подъ своимъ именемъ. Кто-то, указывая въ «Вѣстникѣ Европы» на подобныя благопріобрѣтенія изъ Лабрюйера и Ларошфуко въ комедіи «Недоросль», радовался этому обычаю автора и готовъ былъ поставить оный въ образецъ литтературной промышленности, которому должно слѣдовать. Понимаемъ, что промышленникамъ чужою собственностію должно дорожить закономъ Спартанскимъ (позволяющимъ отрокамъ воровать) и жалѣть, что сія мѣра государственнаго благочинія не внесена въ уложеніе новѣйшихъ законо-

дательствъ; но напомнимъ имъ, что и въ Спартѣ уличеніе кражи было наказываемо закономъ. А какой способъ укрыться отъ уличенія тамъ, гдѣ простая очная ставка выводитъ похищеніе наружу? Мы слышали отъ старожиловъ литтературы нашей, что въ ролѣ *Стародума* встрѣчаются еще мозаическія вставки изъ какой-то старинной повѣсти, въ коей описаны приключенія Американца, или какого-то дикаго. Изъ любви къ истинѣ и въ званіи присяжнаго біографа, коего безпристрастіе есть первая обязанность, мы рылись въ нѣкоторыхъ старинныхъ книгахъ, но не нашли слѣдовъ къ подтвержденію сей улики. Предлагаемъ упомянутымъ защитникамъ Спартанскаго уложенія пополнить наши слѣдственныя изысканія. На ловца и звѣрь бѣжитъ: можетъ быть попытки ихъ будутъ удачнѣе нашихъ. А мы порадуемъ ихъ еще находкою въ этомъ родѣ. Въ комедіи «Выборъ Гувернера», напечатанной нынѣ въ первый разъ, отыскали мы поживу изъ Лабомеля, болѣе извѣстнаго щелчками Вольтера, нежели собственными своими подвигами, хотя онъ былъ точно умный человѣкъ, замѣчательный рѣзкостью своихъ сужденій. Вотъ что говоритъ Лабомель въ книжкѣ своей «*Мои мысли*»: «Le plus grand politique est toujours le meilleur calculateur. Le génie politique est, de l'aveu même du géomètre, bien supérieur à l'esprit géometrique. Il y a cent Eulers, il y a cent Newton pour un Colbert, comme il y a mille Colberts pour

un Montesquieu. Le premier calcule les passions, le second les nombres» и такъ далѣе.

Нельстецовъ, въ упомянутой комедіи, на слова *Сеума* — «И такъ законодателю надобно быть великому исчислителю» — отвѣчаетъ: «Но сіе политическое расчисленіе требуетъ ума гораздо превосходнѣйшаго, нежели надобно для вычисленія математическаго. Можно полагать сто Эйлеровъ на одного Кольберта и тысячу Кольбертовъ на одного Монтескьё. Математикъ исчисляетъ числа, политикъ страсти». — Могъ-ли подумать Лабомель, что онъ попадется въ Русскую комедію? Впрочемъ самыя сіи присвоенія доказываютъ, что Фонъ-Визинъ читалъ со вниманіемъ и велъ журналъ своимъ чтеніямъ: ибо нѣтъ сомнѣнія, что готовясь писать комедію, онъ не прибѣгалъ къ книгѣ Лабомеля за вдохновеніями. Умъ человѣческій не состоитъ, такъ сказать, изъ одного самороднаго куска: болѣе или менѣе, онъ всегда составное тѣло. Чужія мысли развиваютъ или подкрѣпляютъ наши собственныя; вспомогательныя пособія умѣстныхъ цитатъ, равно какъ и замысловатость эпиграфовъ, могутъ быть почитаемы убранствами: только повторяемъ, не выдавайте чужаго за свое. Едва-ли былъ правъ Дидеротъ, крайней мѣрѣ въ общемъ примѣненіи, когда, обѣдъ Петербургскихъ литтераторовъ у графа Григорья Григорьевича Орлова, говорилъ онъ черезъ переводчика Майкову, незнавшему ни какого

иностраннаго языка, что особенно его сочиненія желалъ-бы онъ прочесть, ибо онѣ должны быть чисто творческія, безъ всякой примѣси общихъ формъ и понятій. Въ дикомъ состояніи человѣчества можетъ воспрянуть геній, и тогда, разумѣется, будетъ онъ оригиналенъ; но въ образованномъ состояніи человѣкъ, чуждый пособій общаго просвѣщенія, имѣющій охоту писать и не имѣвшій рѣшимости научиться хотя одному иностранному языку, никогда не опередитъ другихъ: онъ не отшатнется, а просто отстанетъ отъ товарищей. Впрочемъ и то правда, что невѣжество въ эпохѣ просвѣщенія есть тоже оригинальность, но едва-ли завидная. Майковъ совершенно оправдываетъ наше предположеніе: кромѣ нѣсколькихъ забавныхъ стиховъ въ его шуточныхъ поэмахъ, онъ нигдѣ не отличается отъ посредственности. Главная черта оригинальности его развѣ въ томъ, что, не знавъ французскаго языка, перевелъ онъ «Военную науку» Фридриха и «Меропу« Вольтера.

Между тѣмъ Фонъ-Визинъ, не смотря на свои предубѣжденія, велъ во Франціи жизнь образованнаго человѣка и пользовался пособіями, которыя открывало ему просвѣщеніе. Въ Монпелье ходилъ къ нему адвокатъ, съ которымъ занимался онъ изученіемъ юриспруденціи; въ Парижѣ слушалъ онъ курсъ физики у Бриссона, заводилъ знакомство съ учеными и литтераторами, участвовалъ въ засѣданіяхъ ученыхъ об-

ществъ, и имѣлъ почесть и удоволь
принятымъ въ одно вновь заведенное
вмѣстѣ съ Франклиномъ. Одна подобна
должна-бъ была примирить Фонъ-Визи
рижемъ и просвѣщеніемъ; въ этомъ
сблизилось то, что раздѣлено было п дою,
и представитель юнаго просвѣщенія Россіи былъ собесѣдникомъ съ представителемъ юной Америки. Въ лицѣ ихъ два новыя міра сошлись въ виду стараго, какъ высокія предвѣщанія, что есть еще много грядущаго въ судьбѣ человѣческаго рода. Какъ ни строго судили мы письма его, не менѣе того жалѣемъ, что большая часть изъ заграничной переписки его не дошла до насъ, также какъ и журналъ, о которомъ онъ говоритъ сестрѣ своей. Мысли, какія-бы ни были, правильныя или ложныя, пущенныя въ обращеніе, придаютъ движеніе умамъ. Конечно лучше барышъ, нежели накладъ, лучше истины, нежели парадоксы: но хуже всего совершенное оцѣпененіе. И при противныхъ вѣтрахъ корабль подвигается. Бональдъ сказалъ: «Каждая систе-«ма есть странствіе въ область истины; по-«чти всѣ путешественники ошибаются, но всѣ «они что-нибудь открываютъ, и человѣчество «пользуется ихъ открытіемъ. Мысль есть всегда «истинная; но она часто неполная, и заблужде-«ніе есть ни что иное какъ *недостатокъ* мы-«сли.» Очень жаль, что изъ писемъ Фонъ-Визина утрачены тѣ, въ коихъ онъ подробно говоритъ

о знакомствѣ своемъ съ чуднымъ Сен-Жерменемъ, симъ Кащеемъ Безсмертнымъ, котораго жизнь по худой мѣрѣ должно считать столѣтіями. Я знаю людей, которые читали эти письма: онѣ были очень любопытны и, къ сожалѣнію, вѣроятно сгорѣли въ Москвѣ въ 1812 году. Изъ словъ его о немъ въ дошедшихъ до насъ письмахъ видно, что онъ судилъ и цѣнилъ его хорошо. Нѣтъ сомнѣнія, что Сен-Жермень былъ шарлатанъ; но однимъ шарлатанствомъ не могъ-бы онъ добиться до извѣстности, которою пользовался. Въ прощальномъ письмѣ графа П. И. Панина къ Фонъ-Визину (вѣроятно предъ вторымъ отъѣздомъ его за границу), проситъ онъ доставить ему свѣдѣнія о «примѣчательномъ весьма Сен-Жерменѣ, которому нельзя не удивляться, особливо же какъ до сихъ поръ, при ѣздѣ его по всей Европѣ, не свѣдаютъ еще подлинности о немъ; а буде какъ сказываютъ, многіе вѣдаютъ о ней, то какъ по сю пору не сдѣлается она публичная.» «Много вы сдѣлаете удовольствія мнѣ, продолжаетъ онъ, когда между прочими вашими столь пріятными извѣщеніями не оставите мнѣ сказывать дальнѣйшаго о немъ спознанія, особливо, какъ я надѣюсь, что ваше проницательное любопытство, при такомъ его къ вамъ наклоненіи, не оставитъ употребить воспользоваться дальнѣйшими вашими о немъ распознаніями.» Тайна, его облекавшая, и по нынѣ не совершенно раз-

рѣшена. Правда, что мы съ того времени видѣли на театрѣ свѣта столько кудесниковъ и столько чудесъ всякаго рода, предъ коими чудеса алхиміи ясны, какъ дважды два четыре, что любопытство наше успѣло опостылѣть къ симъ волшебникамъ второстепеннымъ. Но не менѣе того, иногда хотѣлось-бы найти въ тысячѣ и одной исторической запискѣ, раскрывающей предъ нами всю подноготную человѣческаго рода, разрѣшеніе загадокъ, которыя, подъ именемъ Желѣзной Маски, Сен-Жерменя и другихъ, были брошены Сфинксомъ-Молвою на мученіе или на смѣхъ неутомимымъ Едипамъ.

По кончинѣ министра, графа Панина, Фонъ-Визинъ, кажется, уже не находился въ службѣ, по крайней мѣрѣ въ дѣйствительной. Вѣроятно, путешествіе его въ 1784 году предпринято имъ было также для поправленія здоровья, сильно разстроеннаго частыми головными болями. Между тѣмъ въ поѣздкѣ своей занимался онъ и коммерческими дѣлами вмѣстѣ съ Петербургскимъ купеческимъ домомъ Клостермана. Впрочемъ сношенія его съ симъ семействомъ были не только дѣловыя, но и самыя пріязненныя. Изъ современниковъ Фонъ-Визина, бывшихъ съ нимъ въ тѣсной связи, едва-ли остается теперь не одинъ г. Клостерманъ: въ почтенной старости своей онъ до нынѣ сохранилъ всю живость и горячность чувства къ памяти знаменитаго пріятеля своего и достойной его супруги. Тѣмъ

болѣе, біографъ Фонъ-Визина обязанъ былъ упомянуть о сей связи, что въ свѣдѣніяхъ, доставленныхъ ему г. Клостерманомъ, почерпнулъ онъ нѣсколько любопытныхъ подробностей о жизни, имъ описываемой, а въ слезахъ, и нынѣ еще сверкающихъ въ глазахъ его при имени автора, удостовѣреніе, что Фонъ-Визинъ умѣлъ вселять къ себѣ пріязнь и уваженіе, и выбирать своихъ пріятелей.

Въ Италіи путешественникъ нашъ былъ нравомъ поблагосклоннѣе. Если онъ и въ ней къ людямъ не очень снисходителенъ, то по крайней мѣрѣ художества, великіе памятники искусствъ, пробуждаютъ въ немъ сочувствія, его достойныя. Изъ уваженія къ симъ благороднымъ впечатлѣніямъ, не станемъ, подражая ему, слишкомъ ссориться съ нимъ за обыкновенныя выходки нетерпимости его, за рѣзкіе, ожесточенные приговоры, подводящіе частныя замѣчанія, частные недостатки, подъ общій знаменатель порицанія и обвиненія. Особливо-же намъ, которые такъ превратно, такъ пристрастно и часто такъ криводушно судимы иностранными путешественниками, досадно видѣть въ Русскомъ тѣ-же замашки. Будемъ-ли имѣть право изобличать предъ судомъ Европы недоброжелательство Масона, Кларка и другихъ, имъ подобныхъ, если простимъ соотечественнику своему, когда онъ напримѣръ говоритъ, «что честныхъ людей во всей Италіи, по истинѣ сказать, такъ мало, что

можно жить нѣсколько лѣтъ и ни одного не встрѣтить; что для человѣчества Римъ есть земной адъ!» Забавно, что послѣ всего сказаннаго имъ о Французахъ, находитъ онъ, что они ведутъ себя гораздо честнѣе Итальянцевъ. Въ доказательство, что въ новомъ мірѣ онъ не слагалъ съ себя понятій ветхаго человѣка, или, по просту сказать, мѣрялъ все на Русскій аршинъ, укаженъ на жалобное замѣчаніе его о скукѣ въ Италіи, «гдѣ въ рѣдкихъ домахъ играютъ въ карты, и то по гривнѣ въ ломберъ, и что угощеніе у нихъ, конечно, въ вечеръ четверти рубля не стоитъ». Это походитъ на сетованіе Москвича, который досадовалъ, что за границею нигдѣ не находилъ онъ калачей и кваса. Но за то съ удовольствіемъ слѣдуемъ за Фонъ-Визинымъ въ храмъ Святаго Петра, который, кажется ему, созданъ Богомъ для самаго себя, по галереямъ картинъ, по хранилищамъ чудесъ искусства; смотримъ на него съ участіемъ когда онъ живетъ только съ картинами и статуями, и боится, *чтобы самому не превратиться въ бюсто:* тутъ узнаемъ мы писателя, поклонника всего изящнаго, великаго, который вездѣ у себя, гдѣ можетъ чувствовать прекрасное и постигать высокое. Еще съ живѣйшимъ сочувствіемъ къ нравственному характеру автора слѣдуемъ за нимъ въ Лукку, куда, по словамъ его, ѣздилъ онъ изъ Пизы, не для того, чтобъ было въ ней чего смотрѣть, но для того, что Лукка

была родина предковъ его благодѣтеля, графа Никиты Ивановича Панина. Прибавимъ, что благодѣтель его уже тогда не былъ министромъ, что его уже и на свѣтѣ не было. Сія дань благодарности имѣетъ въ себѣ нѣчто романическое и трогательное. За нѣжную вѣрность его къ памяти умершаго можно нѣсколько простить ему и несправедливость его къ живымъ; ибо, въ оцѣнкѣ свойствъ человѣка, одно прекрасное вдохновеніе души выкупаетъ многія заблужденія и погрѣшности разума. Сверхъ знаменитыхъ художниковъ, какъ-то Ангелики Каумфманъ, Вольцато, Батони, съ которыми онъ знакомился въ Италіи, и по любви своей къ искусствамъ, и по коммерческимъ дѣламъ своимъ, покупая и заказывая имъ работы, былъ онъ коротко знакомъ въ Римѣ съ кардиналомъ Бернисомъ. Сей представитель свѣтскаго французскаго духовенства, добившійся нѣкоторой знаменитости маленькими стишками и маленькими интригами, прозванный Прусскимъ королемъ *цвѣточницею Бабетою* за излишне-цвѣтистые стихи, былъ тогда въ Римѣ посломъ Версальскаго двора. Впрочемъ, человѣкъ умный и любезный, если трудами и смиреніемъ своимъ не пролагалъ онъ вѣрныхъ слѣдовъ ни къ безсмертію славы, ни къ блаженству вѣчности, то, по крайней мѣрѣ, временную жизнь умѣлъ онъ усѣять цвѣтами, и пріятными качествами общежитія привлекать къ себѣ любовь и уваженіе знавшихъ его. «Въ цѣ-

ломъ Римѣ, писалъ Фонъ-Визинъ къ Клостерману, въ одномъ его домѣ можно встрѣтиться съ людьми и отобѣдать».

Путешественникъ нашъ выдержалъ жестокую болѣзнь въ Римѣ. Онъ нетерпѣливо желалъ возвратиться въ Россію и спѣшилъ въ Москву къ отцу и ближнимъ своимъ. Но слѣдствія сей болѣзни задержали его на возвратномъ пути въ Вѣнѣ, изъ коей онъ, въ Іюнѣ 1785 года, ѣздилъ въ Баденъ на воды. Вотъ что писалъ онъ тогда о себѣ и о своемъ здоровьи:

Вѣна, $\frac{2}{13}$ Іюня, 1785.

«Третьяго дня пріѣхали мы сюда благополучно, милостивый государь батюшка! Мы ласкались-было получить здѣсь письма ваши; однако почта пришла и къ намъ не привезла ничего. Пребываніе наше въ здѣшнемъ мѣстѣ полагаю я двѣ недѣли. Я конечно-бы и скорѣе уѣхалъ, но близь Вѣны есть теплыя бани въ городкѣ Баденѣ, куда славный здѣшній медикъ г. Столле присовѣтывалъ мнѣ дней на десятокъ съѣздить. Послѣ моей болѣзни въ Римѣ остались нѣкоторыя обструкціи, кои всеконечно развести надобно, а сіи воды весьма къ тому удобны.

«Ты, мой другъ сердечный (сестра его) Ѳеня, жди отъ меня письма побольше изъ Бадена, куда я переѣду послѣ завтра. Я ѣздилъ туда сего дня и нанялъ нѣсколько комнатъ по-

денно, потому что больше десяти или двѣнадцати дней не проживу, какъ мнѣ и самъ докторъ предписываетъ. — Императоръ въ Италіи. Мы его здѣсь уже не застали. — Посолъ нашъ принялъ меня очень хорошо. Вчера былъ я у него на превеликой ассамблеѣ; тутъ посадилъ онъ меня играть въ ломберъ съ дамами. Богъ благословилъ мое праведное оружіе, и я обыгралъ ихъ какъ нельзя лучше. — Путешествіе наше начнемъ между 15 и 20 нынѣшняго мѣсяца нашего стиля; а какъ въ дорогѣ мѣсяца довольно, то и считаю я быть у васъ между 15 и 20 Іюля. Отсюда на пути въ Россію останавливаться негдѣ; я поѣду день и ночь. Коляску купилъ я здѣсь очень хорошую, въ которой спать можемъ. Сказываютъ, что отъ Кракова до Москвы нѣтъ пристанища и съ нуждою питаться можно. Если найду здѣсь хорошаго повара, то возьму съ собою. Правду сказать, что отъ самой Венеціи было плохо; удивительнѣе же всего то, что въ Вѣнѣ, столицѣ Императорской, трактиры такъ мерзки, что гаже, нежели въ доброй деревнѣ. Теперь мы считаемъ себя уже на нашемъ краю, потому что горы проѣхали. Въ сторонѣ, по которой мы ѣхали, онѣ не высоки и съ Тирольскими нѣтъ сравненія. На горы обыкновенно поднимали насъ быки, которыхъ по шести къ лошадямъ припрягали. Быки очень способны тащить на

гору: первое для того, что они сильнѣе, а второе потому, что они характера упрямаго и такъ упираются, что кареты съ крутизны не допускаютъ ползти назадъ.

«За неоставленіе К. (Клостермана) покорно благодарю. Онъ пишетъ ко мнѣ, что въ Москвѣ тысячи на три продалъ. Я отправилъ къ нему со всячиною семнадцать большихъ ящиковъ. Ласкаюсь, что тутъ мы съ нимъ свой счетъ найдемъ.»

Баденъ, $\frac{11}{23}$ Іюня, 1785.

«Въ послѣднемъ письмѣ моемъ изъ Вѣны отъ $\frac{9}{18}$ сего мѣсяца, вы, милостивый государь батюшка, видѣть изволили, что послѣ жестокой моей болѣзни въ Римѣ остались еще у меня обструкціи, которыя славный здѣшній докторъ Стоше совѣтывалъ мнѣ развести здѣшними банями. Мы теперь живемъ здѣсь недѣлю, но со дня нашего сюда пріѣзда время стоитъ такое скверное, какъ у насъ въ самую негодную осень, и я по несчастію былъ въ баняхъ одинъ только разъ.

«Тебѣ, другъ мой сердечный сестрица, скажу, что седьмой день стужа, дождь и вихри непрестанно насъ мучатъ, и что я хотя живу здѣсь для бань, но если-бы и сего обстоятельства не было, то все за такою мерзкою погодою ѣхать-бы не могъ: замучилъ-бы и себя, и людей, и лошадей. Видно, что мы простились съ нынѣшнимъ лѣтомъ за горами и что больше

его не увидимъ. Надобно думать, что сіе время и у васъ нехорошо: мы живемъ здѣсь очень скучно. Лучшее здѣсь упражненіе должно-бъ быть гулянье; но какъ гулять въ грязи и подъ дождемъ, который ливьмя льетъ? Мы набрали изъ Вѣны книгъ, которыя всю нашу забаву составляютъ. Жена читаетъ, а я слушаю. Докторъ писать мнѣ не велитъ, и я сіе письмо пишу не вдругъ, а по маленьку. Сей самый резонъ мѣшаетъ мнѣ писать и къ графу Петру Ивановичу; со всѣмъ тѣмъ, также по маленьку, напишу и къ нему на будущей недѣлѣ. Въ разсужденіи моей пищи осудили меня на пощенье: запретили мясо и вино. Ужинъ отнялъ у меня еще въ Римѣ. Одна отрада осталась та, что позволили мнѣ въ сутки выпивать по двѣ чашки кофе, да и тутъ жена много хлопотъ, считая, что сіе позволеніе я у доктора выклянчилъ, а не самъ онъ на это согласился. Съ нетерпѣніемъ желаю быть у васъ. Ласкаюсь, что природный климатъ, присутствіе любезныхъ моихъ ближнихъ, образъ жизни, къ которому я привыкъ—что все сіе, дѣлая удовольствіе душѣ моей, поможетъ и тѣлу придти въ лучшее состояніе; ибо я предоставляю вамъ сказать на словахъ, что я въ Римѣ вытерпѣлъ, а на письмѣ огорчать васъ не хочу; но долженъ однако, мой другъ сестрица, то сказать, что слѣдствія моей болѣзни сдѣлали употребленіе бань необходимымъ, и я, побѣдивъ разсудкомъ неврѣчен-

мое желаніе скорѣе всѣхъ васъ видѣть, рѣшился твердо недѣли двѣ пожертвовать моему выздоровленію, считая, что всѣ вы, друзья мои, одинакаго со мною мнѣнія, то есть, что лучше увидѣть меня недѣлю другую попозже, да поздоровѣе. Скуку здѣшнюю раздѣляетъ со мною жена моя. Ея ко мнѣ дружба составляетъ все мое утѣшеніе.»

Есть его письмо изъ Москвы уже отъ 7-го Августа тогожъ года. Въ немъ жалуется онъ на разстройство дѣлъ своихъ и здоровья. Отъ эпохи сего возвращенія начинается періодъ страдальческой жизни его. Сильный ударъ паралича, въ концѣ того же мѣсяца, отнялъ у него, такъ сказать, полжизни. Въ самой порѣ мужества, едва сорока лѣтъ отъ роду, онъ лишается здоровья, свободнаго употребленія тѣлесныхъ силъ своихъ, сей физической независимости, безъ коей нѣтъ и нравственной. Прискорбно зрѣлище всякаго страдальца; но знать человѣка, возвышеннаго природными дарованіями, крѣпкаго тѣмъ, что составляетъ крѣпость нравственнаго существа, и видѣть его обезсиленнаго, низверженнаго болѣзнію на крайнюю степень немощи человѣческой, всего прискорбнѣе. Какъ подобное зрѣлище уязвляетъ гордость нашу, и какъ должно оно смирять ее! Не смотря на всю не-любовь свою къ чужимъ краямъ, Фонъ-Визинъ, вскорѣ по возвращеніи своемъ, началъ помышлять о новой поѣздкѣ. Недуги тѣлесные пере-

силили предубѣжденія ума; предъ любовью къ жизни умолкли всѣ другія соображенія. Долго недостатокъ въ деньгахъ и разстроенныя хозяйственныя дѣла не позволяли ему искать здоровья за границею. Наконецъ, въ самое то время, какъ онъ уже отчаявался въ успѣхѣ намѣренія своего и угрожаемъ былъ новымъ несчастіемъ, все устроилось по его желанію. Въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ 1786 года жена его была въ Петербургѣ и заботилась о возможности предпринять съ мужемъ поѣздку, столь для него необходимую. Между тѣмъ пишутъ ему въ Москву, что жена его, которая была нѣсколько въ правѣ быть имъ недовольною, возставляетъ всѣхъ противъ него жалобами своими и готовится просить Императрицу о разводѣ. Сіе извѣстіе растревожило его. «Вчера узнавъ о семъ, писалъ онъ къ одному пріятелю своему, я почти вовсе сталъ безъ языка.» Пріятель успокоилъ его, увѣдомивъ, что вѣсти сіи совершенно ложны, что жена его уже купила дорожную карету и немедленно пріѣдетъ за нимъ въ Москву. Такъ и сдѣлалось. Тѣмъ-же лѣтомъ отправились они въ Вѣну. Въ семъ путешествіи Фонъ-Визинъ уже не подлежитъ изслѣдованіямъ объ образѣ мыслей и впечатлѣній своихъ: за страдальцемъ слѣдуетъ одно живое и ни какимъ другимъ чувствомъ неразвлекаемое состраданіе. Въ письмахъ его того времени къ роднымъ и въ журналѣ по выѣздѣ изъ Вѣны въ Карлсбадъ до возвращенія въ Петер-

бургъ, находимъ почти однѣ отмѣтки о болѣзни и леченіи его. Выпишемъ изъ нихъ нѣкоторыя мѣста.

Вѣна, $\frac{23 \text{ Января,}}{3 \text{ Февраля,}}$ 1787.

«Мы, въ ожиданіи весны, живемъ по маленьку въ Вѣнѣ; какъ же скоро настанетъ весна и я получу деньги, то немедленно поѣду долечиваться въ Карлсбадъ. Благодарю Бога, я имѣю великую надежду къ выздоровленію. Рукѣ, ногѣ и языку гораздо лучше, и я сталъ толще. Ожидаю Клостермана; онъ видѣлъ меня въ Москвѣ и увидитъ здѣсь; слѣдственно лучше всего можетъ сравнить тогдашнее мое состояніе съ нынѣшнимъ. Ласкаюсь, что найдетъ онъ превеличайшую разность.

«Увѣдомленія твои, матушка сестрица, о вашихъ спектакляхъ мнѣ очень пріятны. Продолжай ихъ. — Княжна Долгорукова при мнѣ еще сговорена была за Ефимовскаго: нѣтъ-ли у васъ чего пóновѣе? Писать, матушка, больше нечего. Съ нетерпѣніемъ ожидаю весны, чтобы уѣхать изъ Вѣны, гдѣ мнѣ очень надоѣло и гдѣ очень скучно. Впрочемъ благодарю Бога, что имѣю съ кѣмъ раздѣлить скуку.»

Выписки изъ журнала пребыванія въ Карлсбадѣ.

«Воскресенье, 23 Мая, 1787. Вставъ по утру, выпилъ я десять стакановъ Эгерской воды. Носили меня въ аллею, гдѣ я имѣлъ удовольствіе слышать дочь фельдмаршальши Гар-

тенбергъ, читающую очень хорошо моего «Недоросля» (въ переводѣ на Нѣмецкомъ языкѣ) въ присутствіи ея матери и прекрасной дѣвицы Боденгаузенъ.

«Среда, 2 Іюня. Послѣ обѣда Семка надѣлалъ мнѣ грубости и насилу согласился ѣхать. Онъ сдѣлалъ намъ ту милость, что не остался въ Карлсбадѣ ходить по міру.

«Среда, 9 Іюня. Ввечеру въ семь часовъ пріѣхали благополучно въ Вѣну. Насъ провезли прямо въ таможню, гдѣ больное мое состояніе принудило осмотрщиковъ поступить со мною весьма снисходительно.

«Четвергъ, 10 Іюня. Я ходилъ къ графинѣ Малоховской: старушка предобрая, но личико измятое. Въ обѣдъ были у меня Полетика и Кудрявскій.

«Четвергъ, 22 Іюля. По утру Семка формально объявилъ мнѣ, что возвращаться со мною не хочетъ. Ходилъ я въ баню въ шестидесятый, то есть, въ послѣдній разъ.

«Среда 28 Іюля. По утру позавтракавъ, выѣхали, проѣзжали Кенти, обѣдали въ Водовичъ. На дорогѣ сдѣлалась мнѣ ужасная тоска. Бѣдная жена моя испугалась, видя, что я вдругъ поблѣднѣлъ; примѣтя же, что у меня индижестія, велѣла въ первой деревнѣ сварить Генишева чаю.

«Среда, 18 Августа. Пріѣхали въ Кіевъ. У самыхъ Кіевскихъ воротъ попался намъ незнакомый мальчикъ, который захотѣлъ показать

намъ трактиръ. И такъ мы съ ни
а въ слѣдъ за нами догоняла насъ ту
мыхъ воротъ трактира насъ и достигла
блистала всеминутно; дождь ливьмя лил
стучались у воротъ тщетно: ни кто отп
хотѣлъ, и мы, простоявъ больше час
дождемъ, приходили въ отчаяніе. На
вышелъ на крыльцо хозяинъ и закричалъ:
стучится?» На сей вопросъ провожавшій
мальчикъ кричалъ: «Отворяй: родня Потем
Лишь только произнесъ онъ сію ложь,
минуту ворота отворились, и мы въѣхали
гополучно. Тутъ почувствовали мы, что воз
тились въ Россію.

«Понедѣльникъ, 23 Августа. Я съ же
ѣздилъ въ Печерскую къ обѣдни. Послѣ об
бами у меня архіерей Викторъ и Софійс
протопопъ, Леванда, которые сидѣли до ужи

«Суббота, 28 Августа. Пріѣхали въ Чер
говъ. Жена ходила къ обѣдни и служила мо
бенъ завтрашнему дню Усѣкновенія чест
главы Іоанна Предтечи: ибо въ этотъ день, т
два года назадъ, убилъ меня въ Москвѣ пара-
личъ. Обѣдали дома, стряпала старуха изряднё-
хонько. Послѣ обѣда выѣхали, и, сдѣлавъ 39
верстъ, ночевали въ деревнѣ Буровкѣ въ кресть-
янской избѣ спокойно.

«Вторникъ, 7 Сентября. Полоцкъ. По утру
былъ у меня почтмейстеръ Раушардъ и Тулов-
ской, у котораго занялъ я *пятьдесять рублей*.

Какъ христіанина фершела здѣсь нѣтъ, то принужденъ былъ ввѣрить свое горло Жиду.»

Изъ Вѣны писалъ онъ, отъ 24 Марта 1787, по французски къ г. Клостерману отцу: «Сего дня отъѣзжаетъ отсюда Русскій извощикъ, именемъ Червонный. Посылаю вамъ съ нимъ два ящика: одинъ съ моимъ старымъ платьемъ и книгами, а другой съ Нѣмецкимъ переводомъ комедіи моей. Прошу продавать ее въ книжныхъ лавкахъ сына вашего по пятидесяти копѣекъ, удерживая десять копѣекъ за комиссію.»

Во время пребыванія его въ Вѣнѣ и на водахъ, здоровье его испытывало нѣкоторыя благопріятныя перемѣны: то писалъ онъ, что начинаетъ ходить одинъ, но жалуясь, что не владѣетъ рукою и худо владѣетъ языкомъ; то, что ему гораздо лучше, что врачи обнадеживаютъ его совершеннымъ выздоровленіемъ; но, по видимому, ожиданія его не сбылись, и онъ возвратился въ Россію въ одинаковомъ положеніи. Для полнаго отчета о разныхъ поѣздкахъ его, упомянемъ и о той, которую совершилъ онъ въ 1789 году, также гоняясь за утраченнымъ здоровьемъ. Онъ ѣздилъ въ Ригу, Бальдонъ и Митаву. Журналъ сей поѣздки его есть рѣшительно журналъ страдальца, и по мученіямъ, и по самымъ средствамъ изцѣленія, которыя онъ претерпѣвалъ. Не знаешь, чему болѣе сострадать, первымъ или послѣднимъ. Но чувство жизни, то есть, потребность жить какъ-бы то ни было,

пока живется, есть одно изъ самыхъ
мыхъ свойствъ природы человѣчес
переживаетъ всѣ другія. Сообщаемъ и
отрывковъ изъ его неденныхъ записок
нихъ увидимъ, что и въ самомъ болѣзн
положеніи онъ имѣлъ нужду въ удоволь
общежитія; что, не смотря на страданія
не терялъ бодрости духа и нѣкоторой весе
заводилъ новыя знакомства и умѣлъ прив
ихъ своимъ обхожденіемъ.

*Выписки изъ журнала путешествія
Ригу, Бальдонъ и Митаву.*

«Четвергъ, 19 Іюля, 1789. Вставъ съ постели
рано, собирался я въ Ригу, чтобы тамъ только
выбриться: ибо въ Бальдонахъ нѣтъ ни фершела,
ни бритвъ. Какъ я ни спѣшилъ, но за безтолко-
вицею Курляндскихъ мужиковъ ранѣе 10 часу
выѣхать не могъ. На дорогѣ усмотрѣли мы, что
у больной ноги моей подъ колѣномъ на поджилкѣ
дѣлается большой нарывъ. Въ Ригу пріѣхали
къ Миллеру въ пять часовъ по полудни. Въ
вечеру сдѣлалъ то, за чѣмъ пріѣхалъ, то есть,
выбрился. Плясали по русски Миллеровы до-
чери; тутъ мой Губскій показалъ свое прово-
ство. Потомъ легъ я спать благополучно. Въ
Ригѣ всѣ нашли меня толще и бодрѣе.

«Пятница, 20 Іюля. Вставъ рано, собираюсь
теперь назадъ въ Бальдоны. Отправилъ пись-
ма къ женѣ, Татьянѣ Калистратовнѣ и

Клостерману. Изъ Риги выѣхалъ въ 8 часу; въ Бальдоны пріѣхалъ въ 5 часовъ; у Теодоры обѣдали. У меня разболѣлся языкъ, на которомъ увидѣли и бѣлое пятно и опуколь. Ложась спать, Теодора приложила мальву подъ колѣномъ къ нарыву, а я пилъ Генишевъ чай. Спалъ худо.

«Суббота, 21 Іюля. По утру нарывъ лопнулъ, и я принялъ въ шестнадцатый разъ ванну; послѣ обѣда легъ отдыхать; вдругъ Теодора вошла ко мнѣ съ растроганнымъ видомъ, и, вызвавши меня изъ комнаты, вывела на дворъ, гдѣ увидѣлъ я лежащаго человѣка, мужика моего хозяина. Обнаженная спина его, изъ которой текла кровь, показывала, что онъ былъ битъ немилосердо. Я призвалъ хозяина и спросилъ, за что сей человѣкъ такъ растерзанъ. Хозяинъ разсказалъ мнѣ, что сей битый мужикъ былъ теперь на сѣнокосѣ, гдѣ чужой мужикъ, поссорясь съ нимъ и будучи его сильнѣе, такъ безчеловѣчно его изувѣчилъ. Это подало поводъ къ дальнѣйшему моему съ хозяиномъ разговору.

«*Я*. Что-жъ ты хочешь дѣлать? станешь-ли искать правосудія?

«*Хозяинъ*. Нестану: ибо конечно не найду. Помѣщикъ, котораго мужикъ билъ моего, есть баронъ богатый, а я пономарь бѣдный: гдѣ мнѣ съ нимъ тягаться?

«*Я*. И такъ обида твоя ничѣмъ удовлетворена не будетъ?

«*Хозяинъ*. Я самъ хочу управиться. Теперь

мужикъ, который билъ моего, работ
въ полѣ. Я собралъ своихъ мужиков
ляю имъ итти съ палочьемъ отмстить за
бѣднаго мужика моего и мою обиду.

«Я уговаривалъ его и доказывалъ, ка
будетъ виноватъ, когда выйдетъ смертоуб
(что весьма легко и случиться могло-бы), и
тогда его-же казнятъ смертію; но хозяинъ
былъ такъ взбѣшенъ, что не только не отмѣ
своего мщенія, но паче поспѣшилъ онымъ.
дѣйствительно, мужики къ вечеру возврати
Я спросилъ одного изъ нихъ, что они сдѣла
«Мы били того, кто нашего билъ.» — Да
умретъ-ли онъ отъ побоевъ? спросилъ я.—«
господь вѣдаетъ! отвѣчалъ онъ: мы оставил
его чуть живаго.» Между тѣмъ, какъ все с
происходило, Теодора моя лечила битаго мужик
который, получа отмщеніе, забылъ болѣзнь
обиду. Ввечеру Губскій мой игралъ подъ окном
на гусляхъ и привлекъ тѣмъ кучу мужиковъ
подъ окошко. Нечувствительно Латыши мо
расплясались, и я заснулъ спокойно.

«Воскресенье, 22 Іюля. По утру ходилъ я в
ванну въ семнадцатый разъ. Одѣвшись, узналъ
я, что въ нашу церковь везутъ двухъ мертве-
цовъ, коимъ сего дня будетъ погребеніе. Я
вышелъ къ нимъ на встрѣчу и проводилъ до
церкви. Смущенное сердце мое занималось симъ
печальнымъ зрѣлищемъ. Я представлялъ себѣ,
что, будучи въ параличѣ, надобно мнѣ быть

всегда готову къ новому удару, могущему лишить меня жизни. Мнѣ пришли на мысль дни погребенія родныхъ моихъ, и какому должно быть моему погребенію, какъ для жены моей, такъ и для родныхъ друзей моихъ. Возвратясь изъ церкви, посѣтилъ меня докторъ Штендеръ, который вступилъ со мною въ слѣдующій разговоръ.

«*Штендеръ*. Правда-ли, что вы отдали себя на руки Жиду?

«*Я*. Правда. Да чтожъ мнѣ инаго дѣлать? Когда Шенфогель, мой докторъ, поступилъ со мною какъ Жидъ, то можетъ быть и Жидъ поступитъ со мною какъ искусный докторъ: а мнѣ все равно, кто меня вылечитъ, лишь-бы вылечилъ.

«*Штендеръ*. Да чѣмъ онъ васъ лечитъ?

«*Я*. Онъ прикладываетъ угревую кожу къ разслабленнымъ мѣстамъ.

«*Штендеръ*. Но какъ вы можете сносить мерзкой запахъ угревой кожи? Видите-ли вы, что сей запахъ заразилъ весь домъ вашъ, и что въ такомъ воздухѣ и здоровый человѣкъ не можетъ жить безъ болѣзни? Вы весьма легко можете получить гнилую горячку, и тогда, можетъ быть, спасти васъ нельзя будетъ. Я не имѣю причины отгонять отъ васъ Жида, но совѣтую лучше адресоваться къ весьма искусному Митавскому доктору Герцу, который вашу болѣзнь отмѣнно удачно лечитъ. Не угодно-ли, я самъ съ

вами поѣду въ Митаву и съ нимъ посовѣтую, какъ удобнѣе вамъ сдѣлать помощь.

Я Очень хорошо.

Штендеръ. Такъ послѣ завтра пріѣзжайте обѣдать къ барону Ливену; а отобѣдавъ, поѣдемъ въ Митаву.

Я согласился на его предложеніе и отб дарив его за усердіе, имъ оказываемое, при н же сорвалъ всѣ жидовскія лекарства и избавил отъ проклятаго духу. Послѣ обѣда, отдохну ѣздилъ я къ пастору съ Штендеромъ, съ кото рымъ потомъ прогуливался въ коляскѣ. При ѣхавъ домой, я засталъ вчерашнюю пляску. Принялъ ванну въ 18-й разъ и уснулъ благополучно.

Понедѣльникъ, 23 Іюля. Весь день пробылъ одинъ въ скукѣ. Губскій забавлялъ меня гуслями. Принялъ ванну по утру въ 19-й, а ложась спать, въ 20-й разъ.

Вторникъ, 24 Іюля. Вставъ по утру, ванны не принималъ. Въ 10 часовъ поѣхалъ обѣдать въ Дингофъ, къ барону Ливену, чтобы отъ него съ Штендеромъ ѣхать послѣ обѣда въ Митаву чрезъ Ригу. И дѣйствительно, отобѣдавъ у барона Ливена, чрезъ Двину переѣхалъ у Красной Корчмы; въ Кирхгольмѣ пилъ кофе; въ Ригу пріѣхалъ въ 9 часовъ ввечеру и сталъ въ трактирѣ у Миллера, отужиналъ и легъ спать благополучно.

Среда, 25 Іюля. Проспавъ ночь плохо отъ

крику страждущей отъ оспы хозяйской дочери, проснулся въ обыкновенномъ состояніи моего здоровья. Былъ у меня Сергѣй Ѳедоровичъ Голубцовъ. Ѣздилъ я съ визитомъ къ почтъ-директору. Послѣ обѣда, въ 5 часовъ, выѣхалъ съ Штендеромъ изъ Риги, и въ 9 пріѣхали въ Олею, гдѣ настигло насъ дождливое время, такъ что мы принуждены были въ Олеѣ ночевать. Спалъ очень хорошо.

Четвергъ, 26 Іюля. Изъ Олеи выѣхали въ 6 часовъ и проѣхали таможню безъ всякаго осмотра; потомъ, переправясь черезъ двѣ рѣки, пріѣхали въ 10 часовъ по утру въ Митаву. Сталъ въ трактирѣ у Герцеля и послалъ Штендера за докторомъ Герцомъ, который, пришедъ ко мнѣ, разсматривалъ съ великимъ прилежаніемъ состояніе моей болѣзни и нашелъ, что четыре года совсѣмъ у меня пропали: ибо доктора лечили меня очень кавалерски. Онъ находилъ, что помочь мнѣ можетъ. Бальдонскія воды хвалилъ, но увѣрялъ при томъ, что онѣ однѣ безъ внутреннихъ лекарствъ помочь мнѣ неспособны. И такъ мы условились съ нимъ, что онъ меня лечить берется, но чтобъ я переѣхалъ изъ Бальдонъ тотчасъ въ Митаву и тамъ-бы прожилъ недѣли двѣ, а потомъ съ Богомъ возвращался-бы въ Петербургъ; но если пользу получу очевидную, то-бы опять на цѣлую зиму пріѣхалъ въ Митаву. Все сіе казалось мнѣ сходно со здравымъ разсудкомъ, и я положилъ посту-

пать по его предложенію. Отобѣдавъ у Герцеля съ Курляндцами, кои показались мнѣ люди весьма завязчивые, однако учтивые, былъ у меня ввечеру опять докторъ Герцъ и Штендеръ, и легъ спать благополучно.

Пятница, 27 Іюля. По утру въ 10 часовъ, заѣхавъ къ Герцу и осмотрѣвъ свою квартиру, выѣхалъ изъ Митавы. Обѣдали въ Экау, и выѣхавъ въ 6 часовъ послѣ обѣда, пріѣхали въ 10 въ Бальдоны. Отужинавъ, легъ спать благополучно.

Суббота, 28 Іюля. По утру принялъ ванну въ 21-й разъ, и весь день убирались въ Митаву. Но какъ Шенфогель сюда конечно будетъ, чтобы воротиться на моемъ коштѣ въ Петербургъ, то я просилъ хозяина моего вручить ему, тотчасъ по пріѣздѣ его мое письмо, съ котораго при семъ прилагаю копію. Онъ великій мерзавецъ и недостоинъ ни какого уваженія. Всѣхъ болѣе одолжилъ меня молодой докторъ Штендеръ: ибо онъ недопустилъ меня до гнилой горячки и отдалъ меня на руки Герцу.

Monsieur!

Comme suivant les sentimens d'un médecin, à qui j'ai donné toute ma confiance, je dois faire l'usage des eaux, et comme de l'autre côté vous m'avez trop négligé, pour que je puisse compter sur vous à l'avenir, car, au lieu de passer les premiers huit jours avec moi pour voir l'effet des bains, vous m'avez abandonné d'abord pour vos petites affaires de commerce, je vous fais savoir par ces lignes que je quitte Baldonen et que je

ne me chargerai d'aucune manière de votre retour à Pétersbourg. Vous êtes tout-à-fait libre de faire tout ce que vous voulez, puisque j'ai pris un autre médecin, qui, j'espère, aura des procédés plus honnêtes pour moi.

Baldonen, le 7 Août, 1789.

Воскресенье, 29 Іюля. Вставъ по утру очень рано, стали собираться къ отъѣзду и выѣхали въ 18 часу, заплатя Брикману за мѣсяцъ за все, то есть, за квартиру, за лошадей и прочее, сорокъ талеровъ. Не доѣзжая съ полмили до Экау, переломилась у коляски задняя ось. Находящіеся со мною люди такъ искусно поддѣлали другую, что она довезла насъ до Митавы. Въ Экау обѣдали. Послѣ обѣда ѣхали преглубокими песками и на силу въ 12 часовъ дотащились до Митавы, гдѣ стали на квартирѣ у ревизора Шульца. Жена его приняла меня весьма учтиво; и такъ я въ семъ домѣ расположился.

Понедѣльникъ, 30 Іюля. По утру былъ у меня докторъ Герцъ, который присовѣтывалъ мнѣ принять Генишевъ чай. Обѣдалъ я изъ трактира отъ Герцеля на три персоны. Послѣ обѣда, въ 6 часовъ, приходилъ докторъ Герцъ и далъ мнѣ рвотное, которое довольно меня помучило. Потомъ Герцъ своими руками мазалъ мнѣ всю лѣвую сторону, и я заснулъ крѣпко.

Вторникъ, 31 Іюля. Утомясь отъ рвоты, спалъ я до 6 часовъ утра покойно. Весь день продолжалъ принимать антимоніальныя капли и обкладывать всю лѣвую сторону шпанскими

мухами. Ввечеру пріѣхалъ хозяинъ домой изъ Бальдонскаго межеванья.

Среда, 1 Августа. Проспавъ ночь худо отъ натянутыхъ шпанскими мухами пузырей, проснулся рано. Докторъ Герцъ велѣлъ сегодняшній день такъ-же принимать капли и носить шпанскія мухи. Послѣ обѣда докторъ мой возилъ меня въ своемъ экипажѣ прогуливаться. Возвратясь съ прогулки, нашелъ я у хозяина одного шестидесятилѣтняго Курляндца, котораго мой докторъ точно отъ моей болѣзни вылечилъ. У него лѣвая рука такъ здорова стала, какъ правая. Отужинавъ, легъ я спать.

Пятница, 3 Августа. По утру раны отъ шпанскихъ мухъ не допустили меня встать съ постели, и я весь день лежалъ. Послѣ обѣда хозяйка моя привела ко мнѣ Г-жу Важиганскую, вдовствующую секретаршу, живущую противъ моихъ оконъ. Она сидѣла у меня весь вечеръ. Потомъ былъ докторъ Герцъ, и увѣрялъ надеждою выздоровленія.

Суббота, 4 Августа. Вставъ рано, принялъ я лекарство, которое дѣйствовало хорошо. Былъ у меня докторъ Герцъ; хозяйка раза три посѣщала. Цѣлый день лежалъ, стоная отъ ранъ, причиненныхъ шпанскими мухами. Въ обѣдъ было позволено мясное, но въ ужинъ опять молочное. Послѣ обѣда докторъ Герцъ приводилъ ко мнѣ славнаго Митавскаго декламатора, секретаря Биркеля, который у меня долго си-

дѣлъ. Вечеру посѣтила хозяйка, а послѣ ужина докторъ перевязывалъ раны.

Воскресенье, 5 Августа. Ночь проспалъ сносно; не могъ однакожъ стать на ноги отъ ранъ, почему надобно будетъ пролежать цѣлый день въ постелѣ. Послѣ обѣда была у меня пасторша, г. Жульяни, которая сходствомъ своимъ съ сестрою Марфою Ивановною меня и Теодору удивила. Былъ Герцель, а наконецъ докторъ перевязывалъ раны.

Понедѣльникъ, 6 Августа. Ночь спалъ покойно. Проснувшись, могъ стать на ноги. Былъ докторъ Герцъ. Послѣ обѣда принималъ я въ первый разъ анимальную баню. Былъ у меня Биркель. Хозяйка и г-жа Жульяни, смотря, какъ я принималъ баню, слушали мою нѣмецкую комедію, читанную Биркелемъ.

Вторникъ, 7 Августа. По утру былъ у меня докторъ Герцъ, и нашелъ за нужное, чтобы я вечеру принялъ рвотное. Былъ у меня поручикъ Малеръ. Послѣ обѣда былъ у меня Солей, почтовой комисаръ, Шульцъ и поручикъ Малеръ. Въ 6 часовъ принялъ я рвотное и страдалъ до полуночи: тоска была смертельная. Докторъ Герцъ не отходилъ отъ меня и присутствіемъ своимъ весьма облегчалъ мое страданіе. Признаюсь, что Герцъ рѣдкой человѣкъ и великій медикъ. Онъ никогда не обѣщаетъ того, чего сдѣлать не можетъ; а мнѣ обѣщалъ всеконечно меня вылечить, но только съ тѣмъ, чтобъ я

держался правила моего: исполнять его предписанія. Онъ, видя меня страждущаго, божился, что сіе самое мученіе весьма для моей болѣзни полезно, и что онъ возвратилъ языкъ одной параличной женщинѣ посредствомъ сего рвотнаго. «Если-бы, говорилъ онъ, съ самаго начала доктора не имѣли для васъ подлаго снисхожденія (ибо подлѣе быть не можетъ какъ то, отъ коего вредъ здоровью происходитъ), то-бы вы четыре уже года были здоровы. Я никакъ не боюсь васъ прогнѣвать, настоя твердо въ томъ, что по совѣсти нахожу необходимо нужнымъ. Если-же вы никакъ слушаться меня не захотите, то я лечить васъ перестану: ибо когда вы сдѣлали мнѣ величайшую довѣренность, какую только человѣкъ другому сдѣлать можетъ, а именно ввѣрили мнѣ жизнь и здоровье свое, то я, какъ честный человѣкъ, долженъ отвѣчать сей довѣренности, не обременяя васъ ненужными лекарствами и не похлѣбствуя самъ уклоненіемъ отъ нужныхъ врачеваній.»

Среда, 8 Августа. По утру всталъ хотя слабъ, однако довольно свѣжъ. Были у меня докторъ Герцъ, поручикъ Малеръ и священникъ; послѣ обѣда Вегнеръ съ женою, баронесса Таубе, камеръ-юнкерша Трейденъ и фрейлина Фитингофъ. Сіи три дамы, мои сосѣдки, зная, что я боленъ, изъ одного состраданія пришли навѣстить меня, ибо я ни одну изъ нихъ въ лицо не видывалъ. Была у меня г-жа Жюльяни;

потомъ докторъ Герцъ водилъ меня въ капельную баню, которую я безъ малѣйшаго крику и роптанія вытерпѣлъ. Нѣкоторые изъ гостей моихъ имѣли любопытство придти ко мнѣ въ сарай, дабы видѣть, какъ выношу я капельную баню. Вечеръ провели у меня Биркель и Малеръ.

Пятница, 10 Августа. По утру, проснувшись, принималъ обыкновенныя антимоніальныя пилюли и капельную баню. По утру былъ у меня поручикъ Малеръ, а послѣ обѣда онъ-же, почтмейстеръ Кригеръ и повѣренный въ дѣлахъ Гобергъ. Ходилъ съ докторомъ къ мяснику, который, по какому-то недоразумѣнію, вмѣсто быка, убилъ свинью; и такъ я лечилъ руку, а не ногу. Возвратясь домой и отужинавъ, легъ я спать благополучно.

Суббота, 11 Августа. Послѣ обѣда ходилъ я съ докторомъ къ мяснику, который, не по примѣру своихъ товарищей, человѣкъ съ сантиментами и много читалъ. Онъ принялъ меня такъ, какъ сострадательный человѣкъ долженъ принять больнаго; далъ мнѣ комнату, гдѣ положенъ я былъ на постелю, и вся лѣвая сторона обкладена была кишками лишь только убитаго быка. Сія баня продолжалась съ полчаса; потомъ возвратился я домой благополучно.

Воскресенье, 12 Августа. По утру принималъ я желѣзную баню. Былъ у меня докторъ Герцъ, водилъ меня въ капельную баню, изъ которой вышедъ и надѣвъ кафтанъ, ходилъ я съ визи-

томъ къ баронессѣ Таубе: потомъ [illegible]
по улицѣ съ хозяйкою и орейлиною [illegible]
Возвратясь домой, терся скирдами и м[illegible]
легъ спать благополучно.

Понедѣльникъ, 18 Августа. По утру получ[illegible]
письма изъ Бѣлоруссіи, Москвы и Петер[illegible]
принималъ желѣзно-сѣрную баню, и после [illegible]
капельную. Оттуда ходилъ къ мясника[illegible],
принималъ анимальную баню: держалъ руку [illegible]
свиньѣ, лишь только убитой; потомъ былъ [illegible]
визитомъ у баронессы Таубе. Весь день при[illegible]
малъ обыкновенныя лекарства.

Вторникъ, 14 Августа. Проспавъ ночь плохо, [illegible]
проснулся я довольно слабъ и принималъ обы[illegible]
кновенную желѣзно-сѣрную баню. Потомъ баро[illegible]
несса Таубе и дѣвица Фитингофъ приходили к[illegible]
мнѣ пить шоколадъ. Были докторъ Герцъ, по[illegible]
ручикъ Малеръ и Балтонской пасторъ Кейлеръ. [illegible]
Отправилъ письма въ Москву и въ Петербургъ. [illegible]
Послѣ обѣда принималъ капельную, а потом[illegible]
анимальную баню. Ходилъ къ мясника, который [illegible]
убилъ для меня быка: я держалъ въ немъ руку [illegible]
нѣсколько минутъ. Возвратясь домой, очень [illegible]
усталъ. Передъ ужиномъ посѣтили меня дѣвица [illegible]
Фитингофъ и мой докторъ.

Воскресенье, 19 Августа. По утру хотѣлъ [illegible]
было ѣхать къ обѣдни, но, за болѣзнію священ-
ника, оной не было. Принималъ обыкновенныя
лекарства и желѣзно-сѣрную баню. Докторъ Герцъ
водилъ меня въ капельную баню; потомъ я

самъ ходилъ къ баронессѣ Таубе, а отъ нея домой проводила меня дѣвица Фитингофъ. По выходѣ изъ капельной бани, докторъ Герцъ обложилъ плечо мое шпанскими мухами. Сіе сдѣлалъ онъ для того, чтобъ дать плечу больше движенія: ибо сегодня по утру въ ваннѣ могъ я поднять руку до бровей. Это меня весьма обрадовало.

Среда, 29 Августа. Проспавъ ночь очень спокойно, благодарилъ я Бога за сохраненіе жизни моей чрезъ четыре года послѣ случившагося мнѣ въ сей день въ Москвѣ параличнаго удара. Ѣздилъ къ обѣднѣ. Послѣ обѣда навѣстила меня дѣвица Фитингофъ. Былъ докторъ Герцъ, и водилъ меня въ анимальную баню къ мяснику, гдѣ я держалъ руку въ быкѣ. Возвратясь домой и отдохнувъ нѣсколько, ѣздилъ я съ Михайломъ Алексѣевичемъ прогуливаться. Весь сей день воспоминаніе моего несчастія возмущало мою душу. Докторъ Герцъ и хирургъ В. пускали мнѣ подъязычную кровь.

ГЛАВА VII.

Есть-ли у насъ театръ? На сей вопросъ можно дать два отвѣта: есть и нѣтъ! . . . Есть — укажемъ на сорокъ двѣ части Россійскаго театра, изданныя еще въ прошломъ столѣтіи (а сколько частей могло-бы придать къ нимъ нынѣшнее?). Нѣтъ — и въ доказательство предложимъ терпѣливому читателю прочесть оныя. Послѣ сего можно-бы отдѣлаться отъ обозрѣнія драматической словесности нашей извѣстною пословицею: *на нѣтъ и суда нѣтъ!* Но мы не воспользуемся лаконизмомъ сего приговора. — Приступая къ разсмотрѣнію двухъ комедій Фонъ-Визина, поговоримъ вообще о нашей старой комедіи, которая, при всей ничтожности своей, существеннѣе новѣйшей и, во всякомъ случаѣ, занимательнѣе. Въ настоящемъ и близкомъ къ намъ, недостатокъ въ жизни, въ образѣ, въ оригинальности, охлаждаетъ и отбиваетъ вниманіе. Кому охота заниматься трудомъ неблагодарнымъ, заниматься тѣмъ, что

не подстрекаетъ любопытства, не питаетъ воображенія, не растворяется глубоко подъ остріемъ изслѣдованія и критики? Въ отдаленіи прошедшаго, и слабыя черты пріемлютъ отъ времени нѣкоторый образъ, оттѣнокъ и нѣкоторую занимательность. Какъ молчаніе есть при случаѣ тоже выраженіе, такъ, можно сказать, и самое бездѣйствіе есть событіе въ своемъ родѣ.

Должно признаться, что комики наши не имѣли понятія о томъ, что образуетъ драматическую жизнь. Дѣйствіе, сплетеніе случаевъ, послѣдствіе въ отношеніяхъ лицъ и положеній, противуположность нравовъ, званій, игра страстей; однимъ словомъ, вся драматическая сторона общества, все, что составляетъ основу, расположеніе и связь комедіи, оставлены ими совершенно безъ вниманія. Къ сожалѣнію, мы и въ драматическомъ искусствѣ не имѣли ни дикости первобытныхъ возрастовъ, ни жизни непокорной, нестройной, но сильной и рѣзкой въ явленіяхъ и краскахъ своихъ, коею были ознаменованы средніе вѣки обществъ, нравовъ, искусствъ и ума человѣческаго. Наша драма подкидышъ. Перенесенная къ намъ съ чужой почвы, она похожа на тѣ деревья, которыя, по вырубкѣ, втыкаютъ въ землю уже въ полномъ ихъ развитіи. Конечно, хозяину нѣтъ труда ходить за ними, возращать, расправлять ихъ: дерево какъ дерево; но та бѣда, что въ немъ нѣтъ прозябенія: оно увядаетъ, сохнетъ, и хотя кое-гдѣ и пробивается на немъ

уцѣлѣвшая зелень, но не ждите отъ нея ни цвѣта, ни плода, ни отпрысковъ. Вы хотѣли имѣть декорацію, комнатную рощу, и имѣете ее; но корни, но произрастительная сила не у васъ: они остались на родинѣ. Мы не можемъ указать у себя на эпоху, которую Сисмонди обозначаетъ слѣдующими словами: «Для народовъ еще юныхъ, «одушевленныхъ геніемъ творческимъ, одаренныхъ «ими ихъ поэзію и литтературою оригинальными, въ той эпохѣ, когда они способны къ «великимъ предпріятіямъ, движимы великими «страстями и готовы къ великимъ пожертвованіямъ, не существуетъ иноплеменной литтера«туры. Каждый тогда почерпаетъ изъ собствен«наго лона то, что болѣе сродно съ природны«ми свойствами его. У такого народа не съ тѣмъ «пишутъ, чтобы писать, не для того говорятъ, «чтобы говорить . . . .» Мы, напротивъ того, съ самаго начала заимствовали себѣ литтературу вмѣстѣ съ нѣкоторыми Европейскими обычаями; мы, еще въ бездѣйствіи, подчинились нѣкоторымъ узаконеніямъ предохранительнымъ, приняли мертвую букву, не имѣя еще живаго слова. Случалось-ли видѣть вамъ въ домахъ нѣкоторыхъ *мѣщанъ во дворянствѣ*, развѣшенныя по стѣнамъ пустыя вызолоченныя рамы въ ожиданіи картинъ, коими хозяинъ не успѣлъ еще запастись? Начало нашей литтературы похоже на начало этой картинной галереи. Бѣда наша еще въ томъ, что потребность имѣть литтературу, подобная

потребности *мѣщанина во дворянствѣ* имѣть въ домѣ картины, оказалась у насъ въ эпохѣ владычества Французской литтературы, болѣе и менѣе всѣхъ удобной для заимствованій. Менѣе: ибо она сама долго была литтературою поддѣльною, и отличалась отъ прочихъ однимъ превосходствомъ утонченности, нѣжностію вкуса и совершенствомъ отдѣлки; но можно-ли заимствовать блескъ, тонкость, выраженіе, запахъ? Болѣе: ибо тѣсные предѣлы ея благопріятствуютъ посредственности и малосилію подражателей. Во всякомъ случаѣ не должно терять изъ вида, что заимствуя, присвоиваешь, — подражая, истощаешься, отказываясь отъ своего. Переводы обогащаютъ литтературу; подражанія искажаютъ ее и даютъ ей ложное направленіе. Жаль, что драматическіе родоначальники наши ограничили себя подражаніемъ миніатюрной, эмальной живописи Французской, и притомъ еще, не имѣя правильной рисовки, вкуса и чистоты отдѣлки, которые, съ помощію одного времени, сдѣлались принадлежностію Французскихъ художниковъ. Жаль, что ничего не провѣдали они о школахъ южныхъ или сѣверныхъ, богатыхъ картинами исполинскими, яркими, можетъ быть, не всегда изящными, но часто великолѣпными и сильно дѣйствующими на воображеніе. Поработясь Французскому игу, комики наши заимствовали отъ Французскихъ классиковъ запретительныя ихъ узаконенія, ихъ отрицательныя силы. По слѣдамъ ихъ, они мно-

гаго себѣ не дозволили, но не могли съ равною удачею слѣдовать за ними въ томъ, въ чемъ они успѣли. Легче принять запретительный тарифъ чужаго народа, нежели присвоить себѣ стихіи промышленности его. Наши писатели остановились на одномъ правилѣ: *комедія есть училище нравовъ*. Но училище, въ которомъ только и дѣлали-бы, что наказывали порочныхъ, не умѣя пріохотить ихъ къ добру и къ просвѣщенію, едва-ли-бъ было надежнымъ разсадникомъ подрастающаго поколѣнія. Нашъ комикъ, заставляя плута болѣе твердить о себѣ словами, нежели невольно выказывать поступками, что онъ плутъ, перемежая брань прямо на лице его похвалами честности, и, наконецъ, наказывая его или обманомъ другаго плута, или судейскимъ приговоромъ, доволенъ былъ тѣмъ, что обязанность свою исполнилъ какъ честный человѣкъ и добрый христіанинъ. У насъ и понынѣ имѣютъ странное понятіе о нравственности сочиненій. Благонравственные критики требуютъ отъ автора, въ концѣ каждаго творенія, нравоученія неизбѣжнаго и буквальнаго, какъ въ басняхъ, писанныхъ для дѣтей. Шлегель сказалъ справедливо: «Изъ «однихъ нравоученій не составишь комедіи. Поэтъ «долженъ быть нравственъ; но изъ сего же слѣ«дуетъ, что и всѣ лица его должны постоянно «поучать.» Нравственное дѣйствіе хорошаго сочиненія проникаетъ, объемлетъ васъ, такъ сказать, отвлеченною силою; нравоученіе его не имѣетъ

нужно быть написано курсивомъ или цвѣтными чернилами, чтобы скорѣе кинутся въ глаза. Автору не нужно быть нравственнѣе и правоучительнѣе Провидѣнія, которое въ дѣйствіяхъ своихъ не подводитъ моральнаго итога въ слѣдъ за каждымъ событіемъ. Притомъ у каждаго свой способъ поученія: у трагика, комика, романиста одно; у проповѣдника, уголовнаго судіи другое.

Если комедія есть родъ повѣсти въ дѣйствіи, зеркало, въ которомъ драматически отражаются общество и ежедневныя событія его, то мы комедіи не имѣемъ. Изъ дѣйствія въ разговорахъ комедія наша обратилась въ разговоръ въ дѣйствіи или въ движеніи. Многія комедіи Французской сцены подлежатъ сей характеристикѣ въ особенности-же комедіи Марриво; но за то разговоръ, живостію, остроуміемъ, кипящею пробкою возраженій и эпиграммъ, замѣняетъ нѣкоторое отсутствіе дѣйствія. Онъ забавляетъ умъ, но не проникаетъ глубоко въ сокровенное сердца. Это не сіяніе дневнаго свѣта, но игра, блескъ потѣшныхъ огней, обольщающіе зрѣніе. Но такой разговоръ не искусенъ, худо сцѣпленъ, или тогда онъ и не тотъ, которымъ говорятъ обыкновенно, и не тотъ, которымъ желательно, чтобы оно говорило; когда неестественность его не прикрыта обольстительнымъ блескомъ искусственной обдѣлки: то что́ остается въ твореніи, не имѣющемъ ни увлекательной силы дѣйствія, ни поразитель-

ности истины, ни даже стройнаго построенія милой болтовни? Кто-то сказалъ о комъ-то: «Онъ дуракъ, натертый умомъ». О многихъ Французскихъ комедіяхъ можно сказать, что онѣ пустыя бездѣлки, подкрашенныя остроуміемъ: о нашихъ комедіяхъ вообще не скажешь и этого.

За неумѣніемъ составлять вѣрные списки съ живыхъ подлинниковъ, комики наши не умѣли создать и условныхъ лицъ, запастись масками, кои на сценахъ иноплеменныхъ, подъ именами арлекиновъ, Криспиновъ, испанскихъ граціозо и многихъ другихъ, замѣняли истинныя лица существеннаго міра. Въ комедіяхъ Сумарокова хотя и проявлялись изрѣдка пасквины и арлекины, но эти имена у насъ ничего не выражаютъ и не служатъ знаменіемъ опредѣленныхъ лицъ.

Не должно-ли искать причинъ сей безжизненности и безцвѣтности нашихъ комедій въ самомъ свойствѣ характера народнаго и въ образованіи нашего общества, не приписывая причинъ сихъ единственно тому, что у насъ не родился еще великій комикъ? Но пока его еще нѣтъ, пока, на подобіе мудреца, который началъ ходить въ опроверженіе софиста, отрицавшаго движеніе, не пройдетъ по сценѣ нашей Мольеръ, Шериденъ или по-крайней-мѣрѣ Коцебу, пока не явится у насъ писатель, который изъ нравовъ Русскихъ извлечетъ комическіе матеріалы, а изъ головы своей зиждительную мысль Русской ко-

медіи: я позволю себѣ обнаружить нѣсколько своихъ предположеній.

Начну съ того, что, кажется, въ Русскомъ умѣ нѣтъ драматическаго свойства, и въ этомъ соглашусь не на одинъ нашъ театръ, но и на всѣ творенія, въ которыя драматическая сила входитъ содѣйствующею стихіею. Вездѣ драматическая часть окажется слабѣйшею. Довольно одной понятливости дарованія, чтобы хорошо разсказать дѣйствіе, подражать мертвой природѣ или списать копію; но нужно сильное воображеніе, чтобы изловить истину въ живой природѣ, перенесть ее на сцену, себѣ назначенную, или себя перенести въ нее; а у насъ именно воображенія и нѣтъ. Въ семъ недостаткѣ ссылаюсь также и на лучшія наши литтературныя богатства. Между тѣмъ въ чертахъ національнаго ума встрѣчаешь смѣтливость, вѣрность и проницательность наблюденій, наклонность къ пересмѣшливости и нѣкоторую веселость, такъ сказать, мѣстную, которая заставляетъ Русскаго смѣяться тому, что не могло-бы казаться смѣшнымъ иностранцу. При сихъ примѣтахъ, можно-бы ожидать отъ насъ комедіи нравственной, комедіи сатирической, хотя бѣдной движеніемъ, но богатой красками. Однако-жъ и ея нѣтъ. Должно полагать, что и нравы наши не драматическіе. У насъ почти нѣтъ общественной жизни: мы или домосѣды, или дѣйствуемъ на поприщѣ службы. На той и на другой сценѣ мы

мало доступны преслѣдованіямъ комиковъ: на первой изъ уваженія къ семейнымъ тайнамъ; на второй изъ уваженія, которое обязаны мы имѣть къ предметамъ государственнымъ, и наконецъ потому, что злоупотребленія чиновниковъ болѣе подлежатъ вѣдѣнію Правительствующаго Сената, нежели комедіи. Вотъ отъ чего, мимоходомъ будь сказано, «Ябеда», твореніе Капниста, хотя во многихъ отношеніяхъ достойное уваженія и приближающееся, сколько нравы наши дозволяютъ, къ сатиро-политической комедіи Аристофана, не поэма, а уголовное дѣло, коего развязка зависитъ не отъ соображенія поэта, а отъ подведенія указа. Въ общежитіи мы очень чинны, мѣрны и опасливы въ своихъ поступкахъ и разговорахъ. Не только гласныя событія общества нашего, но и тайныя хроники его, не могутъ быть обильнымъ источникомъ драматическихъ приключеній. У насъ мало огласокъ въ общественной жизни; а драма любитъ соблазнъ, крутые перевороты въ жребіяхъ людей, любитъ междоусобія семействъ и общежитія. Объ этомъ жалѣть нечего. Было сказано — «счастливы народы, коихъ исторія скучна». Можно прибавить— счастливы общества, въ коихъ комическимъ авторамъ мало поживы. Во всѣхъ званіяхъ, во всѣхъ степеняхъ общества нашего удивительное однообразіе: всѣ какъ будто вылиты въ одну форму, выкрашены подъ одинъ цвѣтъ. Стройный, правильный, выравненный, симметрическій,

одноцвѣтный, цѣльный Петербургъ можетъ нѣкоторымъ образомъ служить эмблемою нашего общежитія. Безъ надписей, безъ нумеровъ на домахъ, трудно было-бы отличить одинъ домъ отъ другаго. Въ людяхъ что Иванъ, что Петръ; во времени что сегодня, что завтра: все одно и тоже; нѣтъ разности въ примѣтахъ лицъ и званій. Воспитаніе почти у всѣхъ одинаковое, поприще общее. Служба, потомъ отставка и домашнее житье съ хозяйственными заботами или стѣсненіе дѣлъ, болѣе или менѣе разстроенныхъ—вотъ вся жизнь дворянства, за исключеніемъ нѣкоторыхъ оттѣнковъ. Между перекрестными тропами, проложенными по общему поприщу, также различія мало, ибо то-же лице встрѣчается часто на томъ и на другомъ. Военный былъ или будетъ статскимъ и обратно; онъ-же и авторъ, онъ-же и деревенскій помѣщикъ, онъ-же и промышленникъ, онъ-же и купецъ. Купеческое званіе также не имѣетъ особенныхъ примѣтъ: оно двумя концами примыкаетъ или къ дворянству, или къ простонародію. Въ такомъ положеніи мало игры, мало рѣзкихъ противорѣчій. Замѣчаютъ, что на Французскомъ языкѣ съ перваго раза не различишь глупца отъ умнаго, потому что много готовыхъ фразъ, много ума на прокатъ, которыми равно пользуется и тотъ и другой. Можно сказать, что и въ обществѣ нашемъ не скоро схватишь помянутое различіе, потому что и умные и глупцы слѣдуютъ по одной стез

бовой дорогѣ, несутъ тѣ-же общественныя повинности и выручаютъ свою поденную плату. Взглянемъ хотя съ одной точки, напримѣръ, на цѣль свѣтскихъ собраній нашихъ. Что соединяетъ у насъ членовъ общества? Не потребность разсужденій о предметахъ общественной пользы, какъ въ Англіи; не нравственная и нервическая необходимость привести языкъ въ движеніе, не прелесть разговорчивости, не заманчивость споровъ о новой брошюркѣ, о новой драмѣ, какъ во Франціи; не попытки волокитства и поиски романическихъ похожденій отъ праздности, нѣги и солнечнаго зноя, какъ въ Италіи; не добродушное товарищество Нѣмцевъ, имѣющихъ нужду въ развлеченіи послѣ головоломныхъ трудовъ, какъ дѣти послѣ уроковъ, и собирающихся иногда *кое объ чемъ помолчать,* но по-крайней-мѣрѣ на людяхъ: нѣтъ! у насъ краеугольный камень, связь и ключъ общества — карты. Онѣ, за зеленымъ сукномъ, уравниваютъ званія, возрасты, полы, глупость и умъ, образованность и невѣжество, честность и корыстолюбіе. Одно условіе, одно отличіе—курсъ игры, кто почемъ и кто вочто играетъ: по этому сходятся и не разстаются. Батюшковъ говорилъ, что, для представленія комедіи въ Русскихъ нравахъ, должно поставить на сценѣ столько ломберныхъ столовъ, сколько умѣститься можетъ. И замѣтьте еще, что собираются не игроки въ собственномъ значеніи слова, не живописные Беверлеи. Тутъ

не увидите вы поэзіи страсти, имѣющей всегда и въ безобразіи своемъ, драматическую сторону нѣтъ, тутъ одна холодная, машинальная страсть, проза страсти во всей плоскости своей. Многіе играютъ въ карты какъ дремлющая старуха вяжетъ чулокъ или зѣвака плюетъ въ колодезь — отъ нечего дѣлать, съ тою разницею, что наши игроки съѣзжаются и садятся за карты въ свидѣтельство, что безъ картъ имъ дѣлать нечего. Изъ подобныхъ стихій можно-ли составить комедію? Вѣроятно можно, но съ большимъ трудомъ и при взглядѣ совершенно новомъ. Но если и можно, то предъ кѣмъ представить ее? кто пойметъ ее? кто будетъ зрителями и судіями, когда тѣ-же дѣйствующія лица въ партерѣ? Всякой скажетъ: «Точно такъ; но что-жъ тутъ худаго? и стóитъ-ли итти смотрѣть на сценѣ то, что вижу у себя дома, не сходя съ мѣста?» Портретъ привлекателенъ въ разлукѣ, но при живомъ подлинникѣ, или самому въ своемъ портретѣ мало привлекательности. Здѣсь можно допустить еще одно замѣчаніе, болѣе важное и прискорбное. Наше общественное мнѣніе недовольно щекотливо, мнительно и взыскательно. Оно таково не отъ разслабленія нравовъ, но именно отъ излишней осторожности, отъ боязни огласки. Мы терпимъ въ обществѣ своемъ безчестнаго человѣка, принимаемъ его наравнѣ съ другимъ достойнымъ уваженія, не потому, что совѣсть общества нашего усыплена или зачер-

ствѣла, но потому, что не хотимъ ни съ кѣмъ ссориться, говоря: «Наше дѣло сторона». Нѣмецкая поговорка «Machen Sie kein Spectakel», которую, мимоходомъ будь сказано, комики наши приняли въ буквальномъ смыслѣ, всевластна надъ нами: мы отъ нея цѣпенѣемъ, какъ отъ Медузиной головы. «Наше дѣло сторона», говоримъ мы, и жмемъ руку подлецу, и принимаемъ къ себѣ негодяя. Съ правилами такой общежительной терпимости мудрено согласовать строгую ценсуру театра. Комическіе писатели суть члены того-же общества, воспитаны въ томъ-же смиреніи духа; мудрено имъ отдѣлиться отъ себя, раздвоить себя и перенести на сцену щекотливую раздражительность и мужественное негодованіе, коихъ не имѣютъ они въ тѣснотѣ жизни дѣйствительной. Вотъ отъ чего не наступаютъ они грудью на затвердѣлые пороки, могучіе и надменные, а вертятся около мелкихъ и смирныхъ слабостей, задираютъ безотвѣтныхъ провинціяловъ въ столицѣ и горячатся противъ безпорядковъ, которыхъ нѣтъ или которые можно-бы оставить въ покоѣ. Мы представляемъ здѣсь одни затрудненія, одни препятствія, подавляющія у насъ развитіе истинной народной комедіи; но не позволяемъ себѣ писать приговоры и на будущее. Мы говоримъ; — комедіи у насъ нѣтъ, и объясняемъ по нашимъ предположеніямъ, почему ея нѣтъ, но не говоримъ, что ея и не будетъ. Во-первыхъ, нѣкоторыя,

хотя и весьма рѣдкія, попытки уже явили у насъ, такъ сказать, предчувствіе того, что быть-бы могло; во-вторыхъ, нравы наши или многое въ нравахъ измѣниться можетъ; наконецъ, можетъ явиться человѣкъ съ сильнымъ дарованіемъ, со взглядомъ поэтическимъ, то есть, вѣрнымъ, со взглядомъ орлинымъ, который отыщетъ въ обществѣ нашемъ драматическую сторону, незамѣченную еще донынѣ.

Кажется, за неимѣніемъ *комедіи кровной*, можно было-бы дать комедію *смѣшанную*, комедію métis. Почему, напримѣръ, не представить Русское семейство съ его понятіями, домашними привычками, въ Парижѣ или Лондонѣ, или иностранцевъ на Руси? Изъ сшибки противоположностей высѣклись-бы искры, разлился-бы новый свѣтъ. Даже, не выступая изъ черты пограничной, можно-бы разнообразить у насъ картину нравовъ разноплеменныхъ. Въ романахъ Англійскихъ, Шотландецъ, Ирландецъ, Англичанинъ, имѣютъ каждый свою физіогномію; и у насъ Малороссіянинъ не похожъ на Лифляндца, и такъ далѣе. Еще, кажется, могли-бы мы имѣть историческую комедію, которая съ такимъ успѣхомъ развивается нынѣ во Франціи. Не углубляясь въ древность, начиная съ царствованія Петра, до царствованія Екатерины включительно, разстилается поприще широкое и доступное. Воинственныя и политическія сношенія наши съ сосѣдними народами, съ Шведами,

Поляками, Украинцами, Турками, водвореніе наше во многія области ихъ, пестрота нравовъ при единствѣ главныхъ свойствъ человѣка, почти всегда и вездѣ одинакаго, часто два поколѣнія, такъ сказать, два вѣка современные и въ состязаніи, могли-бы дать комику много драматическихъ движеній и красокъ, которыхъ не найдетъ онъ дома и на мѣстѣ. Напримѣръ, Кантемиръ въ Парижѣ, Долгорукій и Хилковъ въ плѣну у Шведовъ, мужественное и драматическое освобожденіе изъ плѣна, совершенное первымъ, борьба древнихъ и новыхъ нравовъ при Дворѣ Петра, драматическія лица Меньшикова, Бирона, Миниха, ожидаютъ еще своего Шекспира или по крайней мѣрѣ остроумнаго и оригинальнаго автора «Вечеровъ въ Нёльи.» Что нужды, что нашъ театръ еще не приспособленъ къ подобнымъ представленіямъ, что авторъ не найдетъ на первый случай ни актеровъ, ни можетъ быть и зрителей. Пока довольствуйся онъ читателями и потомствомъ; пока скажи онъ себѣ съ старикомъ у поэта:

Не мнѣ, такъ дѣтямъ пригодится!

Но, для подобнаго предпріятія, недовольно одного остроумія: нужны свѣдѣнія, изученіе человѣка въ общемъ и національномъ отношеніи, поэтическое воображеніе, безъ коего не только создать и олицетворить ничего нельзя, но и сообразить: ибо воображеніе не есть одна способность вымышлять ложь, но и воображать истину,

и никому, безъ сильнаго воображенія, не можно быть ни историкомъ, ни драматическимъ писателемъ.

Къ доказательствамъ анти-драматическихъ свойствъ народа Русскаго можно еще прибавить и холодность и равнодушіе наше къ театральнымъ зрѣлищамъ. У насъ театръ не только не потребность, но даже и не изъ первыхъ удовольствій общества нашего. Въ столицахъ онъ поддерживается значительными пособіями отъ праздности и праздностью столичныхъ жителей, которые ѣздятъ въ него, чтобы убить время отъ обѣденнаго засѣданія до вечерняго засѣданія за зеленымъ сукномъ. Но и тутъ, не смотря на то, что въ Петербургѣ и въ Москвѣ по одному Русскому театру, присяжные охотники и по зимнимъ вечерамъ сидятъ нерѣдко самъ-двадцать въ залѣ. Въ провинціяхъ, если гдѣ и находятся театры, то они основаны болѣе на *полубарскихъ затѣяхъ Транжирныхъ*, нежели на потребности и вкусѣ общества, и служатъ болѣе къ разоренію содержателей и огорченью актеровъ, нежели къ удовольствію зрителей. Несправедливо было-бы обвинять въ семъ равнодушіи исключительно авторовъ и актеровъ нашихъ: не всѣ зрители выше той степени, на которой стоитъ у насъ драматическое искусство. Какъ оно ни посредственно, но все для многихъ еще очень впору; между тѣмъ и эти многіе не ѣздятъ въ театръ, и театры наши не размножаются. Когда

подумаешь о множествѣ театровъ, существующихъ во Франціи, въ Италіи; когда сообразишь, по указанію Шлегеля, что при движеніи, данномъ драматическому искусству Шекспиромъ, сооружено или устроено было въ теченіе шестидесяти лѣтъ въ одномъ Лондонѣ до семнадцати театральныхъ залъ, то нельзя не согласиться, что пора театра Русскаго еще не наступила. Запри нынѣ театры у насъ, запрети драматическія представленія и сочиненія, какъ пуритане запрещали ихъ въ Англіи, и мѣра сія не будетъ общественнымъ лишеніемъ; сіе гоненіе не породитъ многихъ мучениковъ. Но уничтожь Александровскую мануфактуру картъ, запрети всѣ игры, запри въ столицѣ Англійскіе клубы — и новыя пещеры, новыя Ѳиваиды, населятся добровольными изгнанниками.

Примѣръ Волкова, сего Ломоносова театра нашего, есть исключеніе; къ тому-же онъ съ другой стороны подкрѣпляетъ достовѣрность нашихъ предположеній. Движеніе дано было имъ, но отозвалось слабо. Нѣтъ у насъ драмы писанной, чисто-литтературной, — согласенъ. Можно сказать на это, что у насъ еще и многаго нѣтъ; но какъ-же не имѣть преданій о драмѣ изустной, какъ-бы не быть какимъ-нибудь сценическимъ стихіямъ простонароднымъ, если-бы народъ нашъ имѣлъ чувство драматическое? У насъ есть-же народные пѣсни, потому что въ нашей природѣ есть лирическое свойство: но

драматическаго нѣтъ, и потому нѣтъ драмы. Гдѣ наши Русскіе полишинели, Русскіе Фаусты, простонародные герои балаганныхъ представленій во время масляницы или Свѣтлой недѣли? Ихъ нѣтъ; и тамъ господствуетъ духъ безжизненнаго подражанія, и тамъ свой иноплеменный классицизмъ. Взгляните на одну одежду актеровъ: что тутъ Русскаго? Въ трескучіе морозы, они, на открытомъ воздухѣ, являются въ тонкомъ полотнѣ и въ кисейныхъ тюникахъ. Это то же, что наши Русскіе богатыри въ древнихъ тогахъ. Бородачи наши, глазѣя на чужестранную мимику, отвѣчаютъ народнымъ хохотомъ только при появленіи Русскаго будочника и Русской палки.

По старшинству, Сумароковъ первый нашъ комическій писатель. Комедіи его бѣдны содержаніемъ, расположеніемъ и искусствомъ; но какая-то оригинальность, бѣглый огонь сатирическій, хотя и не драматическій, мѣстами искупаютъ въ нихъ главнѣйшіе недостатки. Въ умѣ его была живость, въ авторскомъ темпераментѣ раздражительность; брюзгливыя выходки патріотизма, болѣе полицейскаго, нежели государственнаго, при видѣ частныхъ безпорядковъ и злоупотребленій, придаютъ многимъ сценамъ его странное движеніе. Онъ часто переносилъ горячій памфлетъ въ свои холодныя комедіи. Онъ иногда угадывалъ Бомарше. Ученый критикъ скажетъ, что эти отступленія не у мѣста въ комедіи, и сошлется въ томъ на Аристотеля и

другихъ законоискусниковъ; умный читатель прочтетъ ихъ съ удовольствіемъ и будетъ ссылаться на нихъ, какъ на сборникъ и памятникъ нѣкоторыхъ тогдашнихъ обыкновеній, какъ на вывѣску ума и эпохи писателя. Для объясненія сказаннаго, приводимъ здѣсь выписки изъ одной сцены комедіи его «Опекунъ», вообще очень замѣчательной по юмористическимъ выходкамъ пылкаго и необузданнаго автора:

«*Ниса*. Я дворянская дочь, такъ выйти мнѣ за тебя нельзя, покамѣстъ ты не будешь дворяниномъ.

«*Пасквинъ*. Да я дворяниномъ и ввѣкъ не буду: дворянство дается за особливыя отечеству услуги.

«*Ниса*. На что отечеству услуги? Поди въ подъячіе, да добейся до регистраторскаго чина, такъ и будешь дворяниномъ.

«*Пасквинъ*. А они развѣ дворяне?

«*Ниса*. Какъ-же не дворяне: имъ даются шпаги и офицерскіе чины.

«*Пасквинъ*. Такъ по этому и дворянскіе камердинеры имѣютъ чины регистраторскіе: и они шпаги носятъ.

«*Ниса*. Ежели-бы только такихъ людей въ регистраторы посвящали, которые хорошо писать умѣютъ, такъ-бы не было на Руси ни одного регистратора: ни одинъ регистраторъ писать не умѣетъ, я объ этомъ отъ Валерія слышала, а онъ почитается человѣкомъ весьма знающимъ; а въ

камердинеры-то тебя хотя и возмутъ, однако шпаги не получишь, ради того, что ты нашего закона, а по нашему закону носить господскому служителю шпагу грѣхъ тяжкой и смертной: такъ только одни камердинеры иновѣрцы шпаги въ Россіи носятъ.»

Далѣе:

«*Ниса.* Отъ чего-же на тебя такой крѣпкой нашелъ сонъ?

«*Пасквинъ.* Отъ того, что я во всю не спалъ ночь.

«*Ниса.* Развѣ ты книгу читалъ?

«*Пасквинъ.* Будто въ здѣшнемъ городѣ книги читать можно!

«*Ниса.* А для чего не можно?

«*Пасквинъ.* Ради того, что здѣсь цѣлый день, отъ утра до ночи, пьяницы дерутъ горло какъ медвѣди въ лѣсу, не смотря на то, что здѣсь престольный городъ и что этого, кромѣ Москвы и Петербурга, ни въ одномъ Россійскомъ городѣ не терпятъ; да и здѣсь и въ Москвѣ лѣтъ двадцать тому не важивалось; а другая причина, отъ чего слуху, а слѣдовательно и душѣ, цѣлый день нѣтъ покою, что многіе хозяева въ корабельное ударились мастерство и разрубливаютъ мерзлыя барки, хотя ихъ и пилить можно, избавляя чувство сосѣдняго слуха отъ незаслуженнаго наказанія.

«*Ниса.* Ну, а ночью-то какое безпокойство? Вѣдь и тѣ школы, въ которыхъ чернь обучается

пьянствовать, по ночамъ запираются, а дровъ также по ночамъ не рубятъ.

«*Пасквинъ*. А по ночамъ во всемъ городѣ, и на улицахъ и на дворахъ, лаютъ собаки, хотя и этого лѣтъ двадцать тому назадъ немного было. А у нашего сосѣда на дворѣ прикованъ басистъ, который безъ отдыха увеселяетъ нѣжный его слухъ, и слухъ его сосѣдей, неохотниковъ до его музыки, мучитъ; а потомъ насталъ колокольный звонъ.

«*Ниса*. Колокольный звонъ Божіей славѣ служитъ.

«*Пасквинъ*. А я думалъ то, что онъ человѣческому служитъ безпокойству и увеселенію звонарей. Этого я истинно не зналъ до этого времени. Вотъ то-то, Нисанька, вѣкъ жить, вѣкъ учиться. Ну, а когда это ко славѣ Божіей, такъ можно-бы днемъ только звонить; а ночью-то ради чего звонятъ? Ежели для того, чтобы Богъ во всѣ часы прославленъ былъ, такъ-бы во всѣ часы и звонить надлежало; а ночь, я думаю, на то отъ Бога уставлена, чтобы человѣку имѣть отдохновеніе, такъ воля Божія опредѣлила къ отдохновенію тишину, а не стукъ.

«*Ниса*. Этого, право, и я не знаю; объ этомъ я спрошу у своего отца духовнаго: онъ и по-латынѣ знаетъ.

«*Пасквинъ*. Да развѣ на колокольняхъ-то звонятъ по-латынѣ?»

согласиться, что подобный разговоръ
зумя любовниками довольно неумѣстенъ;
асимся и въ томъ, что счастливы-бъ мы
, если-бы всѣ многоглаголанія дѣйствую-
или говорящихъ лицъ комедій нашихъ
и веселую и острую живость приведеннаго
примѣра. Вообще въ комедіяхъ Сумаро-
должно быть много личностей, какъ и въ
гихъ твореніяхъ Русскаго театра. Если нынѣ-
нимъ читателямъ и нельзя безъ постороннихъ
ясненій понять многія намѣки, то можно ихъ
дывать. Къ тому-жъ личности были и вездѣ
собіями младенчествующей комедіи; общіе
арактеристическія лица суть уже соображенія
просвѣщенной комедіи. Личности даютъ комику
средства, безъ большаго труда, разсмѣшить зри-
телей своихъ и угодить лукавой злости, свой-
ственной каждой публикѣ. Комедія Сумарокова
«Триссотиніусъ», коей названіе заимствовано у
Мольера, представившаго также живой портретъ
въ лицѣ *Триссотина*, должна мѣтить на Тредья-
ковскаго. Тутъ въ одной сценѣ есть забавный
споръ о буквѣ твердо (т), *которое правильнѣе: о
трехъ-ли ногахъ, или объ одной?* Слуга *Кимаръ*
ванный *Бобембіусомъ* и *Триссотиніусомъ* ска-
ніе о сей ученой задачѣ, отвѣ-
чаетъ, *что онъ треножное твердо одноножному
предпочитаетъ: ибо у этого, если нога переломит-
ся, такъ его и брось; а у того хотя и двѣ ноги
переломятся, такъ еще третья остается.* Забав-

ное самохвальство автора выказывается на заглавномъ листѣ сей комедіи, которая зачата 12 Января 1750, а окончена 13 Января 1750 года.

Въ Россійскомъ театрѣ есть комедія Лукина, недоброжелателя Фонъ-Визина и досадчика Сумарокова. Заглавіе ея «Мотъ, любовью исправленный». Въ ней было-бы довольно занимательности игры и движенія, если-бы все происходило въ дѣйствіи, а не въ разсказахъ; также нѣтъ искусства въ расположеніи. Есть сценическая оптика, сценическій глазомѣръ, но они не были извѣстны комикамъ нашимъ. Все у нихъ на отрѣзъ: нѣтъ перелива въ краскахъ; всѣ дѣйствующіе обращены къ зрителямъ лицемъ къ лицу; профилей нѣтъ, и потому зрителю нечего всматриваться, угадывать нечего. Въ комедіи Лукина есть характеръ ложнаго друга — *Злорадовъ* обманывающій *Добросердова*. Не говорю уже о сихъ именахъ, по коимъ сама афиша объясняетъ характеры; но какъ зрителямъ удивляться плутнямъ человѣка, и какія должно вымышлять за него дѣянія, соразмѣрныя словамъ его, когда онъ самъ о себѣ говоритъ: «Раскаяніе и грызеніе совѣсти совсѣмъ мнѣ неизвѣстны, и я не изъ числа тѣхъ простаковъ, которыхъ будущая жизнь и адскія муки ужасаютъ. Лишь-бы здѣсь пожить въ довольствіи, а тамъ что со мною ни случится, о томъ не пекуся.» Извѣстна одна только комедія, въ которой подобное лице имѣло-бы заслуженное мѣсто: это Дантова *Divina*

Но Лукинъ не Данте и комическая
ад. *Чужехватъ,* лице изъ упомянутой
Сумарокова: «Опекунъ», боится, по край-
ѣрѣ, ада, и говоритъ: «Кнута я не боюсь,
юсь я вѣчной муки, а мнѣ ея, какъ вид-
ле миновать.»

Въ доказательство вольностей тогдашняго теа-
нашего, приведемъ замѣчаніе Новикова о
іедіи Лукина: «Сочинитель ввелъ въ свою
медію два смѣшные подлинника, которыхъ
едставлявшіе актеры весьма искуснымъ и жи-
мъ подражаніемъ, выговоромъ, ужимками и
блодвиженіями, также и сходственнымъ къ
ому платьемъ, зрителей весьма смѣшили.» Сей
отзывъ просвѣщеннаго Новикова доказываетъ,
что подобныя личности были не только терпимы
на театрѣ нашемъ и угодны публикѣ, но и не
оскорбляли нравственнаго чувства, за которое въ
противномъ случаѣ онъ-бы вступился.

«Такъ и должно», комедія Веревкина, имѣла
большой успѣхъ въ свое время. Она сбивается
нѣсколько на Дидеротовскую или Нѣмецкую
среднюю драму, по крайней мѣрѣ, ролью стара-
го *Доблестинъ*, который является на сцену въ
рубищѣ и въ оковахъ. Впрочемъ, сочинитель и
зятительномъ письмѣ къ князю Репнину
больше надѣется на слезы, нежели на смѣхъ
зрителей. Веревкинъ былъ человѣкъ умный и
образованный: языкъ и слогъ его показываютъ
писателя довольно искуснаго; но комедія его

вовсе безъ драматическаго дѣйствія. Вотъ содержаніе ея. Молодой *Доблестинъ* пріѣзжаетъ въ какой-то городъ жениться. Невѣста любитъ его, онъ ее; бабушка ея согласна на ихъ бракъ. За чѣмъ-же дѣло стало? Веселымъ пиркомъ-бы, да и за свадебку, и комедіи конецъ. Нѣтъ, погодите. Женихъ узнаетъ въ колодникѣ, просящемъ милостиню, дядю своего, который беззаконно содержится въ городской тюрьмѣ; выручаетъ его угрозами воеводѣ, и деньгами, данными секретарю его, и наконецъ женится. По крайней мѣрѣ, не пожалуемся на запутанность дѣйствія: все просто и ясно, съ перваго взгляда все видишь насквозь; но піеса не безъ достоинства. Разговоръ живъ и выразителенъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ декламаторскихъ амплификацій о добродѣтели, великодушіи и прочихъ театральныхъ пружинахъ, приводящихъ въ движеніе ладони и носовые платки добронравныхъ и слезливыхъ зрителей. Нѣкоторыя изображенія вѣрны и довольно оригинальны: старуха *Афросинья Сысоевна*, *воевода Протазанъ Безсчетной*, *Урывай Алтынинъ, съ приписью подъячій*, суть лица истинно комическія. Сцена, въ которой племянникъ узнаетъ въ колодникѣ дядю, сцены въ судейской комнатѣ, когда Урывай читаетъ дѣла, а воевода зѣваетъ и наконецъ засыпаетъ, или когда молодой *Доблестинъ* приходитъ требовать освобожденія дяди своего изъ беззаконнаго заточенія, должны производить сильное

[illegible]ка зрителей: онѣ вообще наброшены
[illegible]е безъ душевной теплоты. Тутъ есть
омовый дуракъ; но характеръ его блѣд-
значенъ. Напрасно комики наши мало
вались симъ лицемъ, принадлежностью
каго дома въ старину: въ нашей старой
едіи домашніе дураки и дуры могли-бы
нять Французскихъ Фронтиновъ и Лизетъ,
орые у насъ совершенно не у мѣста. Около
хъ лицъ, не чуждыхъ поэтической физіогноміи,
ли-бы часто вертѣться интриги и потаенныя
жины дѣйствія. Въ доказательство неосмо-
рительности и неотчетливости автора укажемъ
на слѣдующее: молодой *Доблестинъ*, разжалобясь
надъ несчастіемъ колодника, предлагаетъ ему
свои услуги и мѣсто у себя въ домѣ, *если нѣтъ
у него вѣрнаго пристанища*. Какое-же пристани-
ще вѣрнѣе городской тюрьмы? Какъ не знать
Доблестину, что колодникъ невластенъ по про-
изволу своему перемѣнить квартиру. Подобныя
несообразности и промахи встрѣчаются поминут-
но въ комедіяхъ нашихъ, обыкновенно погрѣ-
шающихъ противъ дѣйствительности и условій
ежедневной жизни.

чательнѣйшими и драгоцѣннѣйшими про-
изв[illegible] Россійскаго театра должно почесть
творенія Екатерины Великой, если не по драма-
тическому достоинству, то по литтературной и
исторической важности. Нельзя требовать отъ
нихъ того, чего не находимъ и у писателей,

занимавшихся драматическимъ искусств
ремесломъ, а не какъ отдыхомъ и увес
Къ тому-же, едва-ли можно ожидать с
сателя-Вѣнценосца того изученія людей, и
ихъ и характеровъ, которое образуетъ к
Должно жить съ людьми, заставать ихъ въ
лахъ жизни, такъ сказать, въ расплохъ, б
самому рядовымъ дѣйствующимъ лицемъ
общей сценѣ, чтобы извѣдать людей во всѣ
ихъ видахъ и отношеніяхъ. Царь должен бы
также земный сердцевѣдецъ по человѣческ
возможности. Нѣтъ сомнѣнія, что Екатери
одарена была сею прозорливостію и дальновидностію; но глубокій взглядъ политика не есть взглядъ комика. Можно также предположить, что вообще женщинѣ трудно быть драматическимъ писателемъ. Женщины имѣютъ особенный взглядъ на жизнь, на общество, на людскіе пороки и слабости. При всей тонкости чувства, изощреннаго въ нихъ природою и привычкою утаивать въ себѣ впечатлѣнія свои, при всей вѣрности ихъ разсудка, когда онъ свободенъ и безпристрастенъ, онѣ не имѣютъ той постоянной, глубокомысленной наблюдательности, той опытности, которыя необходимы сулье
щина скорѣе и вѣрнѣе нашего
хуже нашего знаетъ ем ...омъ отношеніи
можно примѣнить ихъ къ отдѣльнымъ существамъ, которыя хотя и въ связи съ обществомъ, но по возвышенію своему, такъ сказать, внѣ онаго. Какія-

[illegible]ьства ни волновали жизнь ихъ, [illegible]е сходятъ съ какого-то подножія, и [illegible]ливаются въ толпу на площади житейской. [illegible] всякомъ случаѣ, не смотря на перевороты, [illegible]ые могутъ измѣнить у насъ драматическое [illegible]ство, творенія Екатерины останутся всегдрагоцѣнными памятниками. Кистью Ея во[illegible]о всегда патріотическое чувство; осмѣивая [illegible]роки и дурачества, Она забавлялась и поучала. [illegible]льзя безъ признательности, безъ живѣйшихъ [illegible]ечатлѣній, мысленно слѣдовать за Нею, когда [illegible]а державною рукою, съ чувствомъ какого-то [illegible]амоотверженія, обращалась для поученія къ средствамъ, заимствующимъ силу свою отъ умственнаго владычества. Комедіи Ея въ этомъ отношеніи блестящая дань, принесенная Ею силѣ мысли и нравственному господству литтературы. Почтенный сочинитель біографическихъ статей, напечатанныхъ въ «Другѣ Просвѣщенія», говоритъ: «Придворныя и постороннія сплетни, пронырства и затѣи осмѣивала Она своими комедіями». По этому должно быть въ нихъ много портретовъ и частныхъ изображеній. Конечно, портреты не составляютъ картины, а безъ [illegible]ы нѣтъ дѣйствія; но здѣсь позволитель[illegible] особенную піитику. Уже самая мысль Екатерины—писать для театра—есть событіе въ исторіи искусства. Ея историческія представленія въ подражаніе Шекспиру, какъ сказано въ оглавленіи (хотя въ нихъ Шексп-

ровскаго и немного), были у насъ перв
мантическими опытами: онѣ могли быт
лѣпными театральными зрѣлищами. Нас
счастливое и поэтическое! Жаль, что сей
мѣръ не былъ богатѣе послѣдствіями. При
дости своей, нашъ театръ могъ-бы оживить
сдѣлаться народнымъ подобными представле
ми. Вообще лирическое свойство поэзіи наш
оказалось-бы съ успѣхомъ на семъ поприщ
Не довольствуясь преподаваніемъ собою примѣр
Императрица задавала драматическіе уроки
приближеннымъ своимъ. Въ слѣдствіе подобно
задачи, княгиня Дашкова написала комедію. Вотъ
подробный разсказъ о семъ сочиненіи, извлечен-
ный изъ неизданныхъ записокъ княгини. Послѣ
нѣкоторыхъ сердечныхъ огорченій она была въ
большомъ уныніи духа; жизнь становилась ей
въ тягость и самыя мрачныя мысли питали
въ ней желаніе скораго конца. Императрица,
услыша отъ нея самой признаніе въ такомъ ги-
бельномъ расположеніи духа, старалась всячески
развлечь ее. Наконецъ присовѣтовала ей написать
Русскую комедію для эрмитажнаго театра, го-
воря, что по собственному опыту знаетъ Она,
сколько подобный трудъ услаждаетъ и зани
автора. Княгиня долго отговаривал
знавая въ себѣ ни малѣйшаго драматическаго
дарованія, наконецъ должна была согласиться
на повторенное требованіе, съ тѣмъ однако-жъ
условіемъ, что первые акты будутъ предвари-

показаны, Императрицѣ и по Ея откро-
приговору брошены въ огонь, если
ютъ. Въ тотъ-же вечеръ написаны
два акта комедіи: «Тоисёковъ», и на дру-
тро представлены на судъ Августѣйшаго
ика. — «Ея Величество», говоритъ авторъ,
ела меня въ спальню Свою для прочтенія
спромта моего, который не стоилъ сей чести.
осударыня смѣялась при многихъ явленіяхъ,
, по снисходительному-ли благоволенію, или
о нѣкоторому пристрастію ко мнѣ, которое
ъ Ней иногда оказывалось, Она сказала, что
оба акта совершенно хороши. Я изложила
«планъ и развязку для предполагаемаго послѣд-
«няго третьяго акта. Тогда Ея Величество снова
«начала меня принуждать, уговаривая распро-
«странить комедію до пяти дѣйствій; но расти-
«нутая такимъ образомъ піеса, вѣроятно. тѣмъ
«менѣе выиграла, что я скучала этою работою,
«а интрига должна была остыть отъ ненужна-
«го дополненія. Наконецъ, я дописала ее какъ
«могла, и чрезъ два дня, переписанная на-бѣло,
«была она уже въ рукахъ Императрицы. Сія
«комедія была представлена на эрмитажномъ
тѣ и вскорѣ послѣ того напечатана.» —
могутъ отыскать ее въ «Россійскомъ
Театрѣ». Исторія сего произведенія гораздо за-
мѣчательнѣе и занимательнѣе, нежели самое
твореніе, и потому не скажемъ ничего о немъ
въ семъ послѣднемъ отношеніи.

Обозначивъ нѣкоторыми чертами н
комедій Россійскаго театра, мы дали
почти о цѣломъ. Все различіе въ слаб
тѣнкахъ, въ легкихъ признакахъ бо́льшаг
мѐньшаго искусства; но полноты въ дѣ
нѣтъ нигдѣ. Сказанное Крыловымъ въ раз
комедіи Клушина «Смѣхъ и горе» о *Вѣтр*
что этотъ характеръ, кажется, зашелъ въ э
поэму изъ другой комедіи, можетъ быть прим
нено вообще и къ лучшимъ лицамъ теа
нашего. Въ нашей драмѣ все лица завѣзжія, в
вводныя лица. О Княжнинѣ здѣсь не упоми
наемъ, ибо онъ достоинъ отдѣльнаго разбора.
Въ его твореніяхъ нѣтъ природы истинной,
чистой. Комедія его переработана въ природу
искуственную, условную. Но если допустить,
что на сценѣ позволительно созидать міръ теа-
тральный, только по нѣкоторымъ отношеніямъ
соотвѣтственный міру дѣйствительному, то безъ
сомнѣнія должно признать Княжнина первымъ
комикомъ нашимъ. «Хвастунъ» его не въ нашихъ
нравахъ, но и не въ нравахъ иноплеменныхъ,
а развѣ въ нравахъ классической комедіи; «Чу-
даки» тоже. Но ту и другую комедію перечиты-
ваешь всегда съ удовольствіемъ и смѣхомъ
не скажешь о прочихъ ком
особенности писанныхъ ... Между сими
послѣдними утомленное вниманіе отдыхаетъ и
освѣжается при нѣкоторыхъ чертахъ остроумія
и счастливыхъ стихахъ, встрѣчающихся въ Клу-

[illegible]имьевѣ, авторѣ комедіи «Братомъ [illegible] сестра».

[illegible]всѣмъ тѣмъ жаль, что старый театръ [illegible]въ подобномъ забвеніи. Воскресить его на [illegible], вѣроятно, уже невозможно; но выбравъ [illegible]чтенія, изъ многотомнаго собранія его, тома [illegible] или четыре, мы заплатили-бы дань при[illegible]нательности и уваженія къ людямъ вѣка ми[illegible]увшаго, которые были не хуже нашего; между [illegible]ить и нынѣшнему поколѣнію доставили-бы [illegible]еніе любопытное и если не поучительное въ [illegible]тношеніи въ искусству, то не безполезное въ другомъ. Должно-бы издать сей сокращенный театръ съ коментаріями болѣе историческими, нежели чисто-критическими. Пока слѣды еще не совсѣмъ простыли и старина хранится въ нѣкоторыхъ живыхъ преданіяхъ, должно поспѣшить отбить отъ нея что можно. Мы упомянули выше о сатирическомъ и личномъ направленіи комедіи нашей: она пользовалась правами, откровенностію, свободою, которыя нынѣ не были-бы допущены нравами нашими. Тѣмъ болѣе можемъ мы обратить въ пользу свою нескромности ея и своевольства. Къ чести [illegible] старой комедіи замѣтимъ, что она не въ [illegible]оровъ, [illegible] самый глазъ, колола пороки и злоупотребленія, не щадя ни ихъ, ни промышляющихъ ими. Такія открытыя нападенія мало благопріятствуютъ искусству, которое, содѣйствуя и самой истинѣ, должно быть нѣсколько лукаво.

— —

Назвать глупца глупцомъ, плута п[illegible] обязанность безстрашной истины и под[illegible] модушія; но тутъ нѣтъ ни эпиграммъ остроумія. Сатира дѣйствуетъ стрѣлами, дубиною, которая также есть истина, и с[illegible] твердая и разительная. Зрителямъ голая пра[illegible] невыгодна, ибо тогда простота въ ущербъ у[illegible] вольствію; но намъ, отдаленнымъ судіямъ, нам[illegible] истина дороже удовольствія, и чѣмъ нравы обнаженнѣе, чѣмъ выраженіе ихъ грубѣе, тѣм[illegible] лучше, ибо тѣмъ достовѣрнѣе могутъ быт[illegible] наши наблюденія и изслѣдованія. Главныя пружины комедіи нашей были злоупотребленія судей и домашней, то есть помѣщичьей, власти. И въ этомъ отношеніи она есть, въ нѣкоторомъ смыслѣ, политическая комедія, если нужно ее обозначить какимъ-нибудь особеннымъ родомъ.

ГЛАВА VIII.

Что сказано Лагарпомъ о Мольерѣ, еще съ бо́льшею справедливостью можетъ быть у насъ примѣнено къ Фонъ-Визину: «Похвала писателя заключается въ его твореніяхъ. Можно сказать, что похвала Мольеру заключается въ предшественникахъ и преемникахъ его.» По истинѣ, читая Фонъ-Визина, чувствуешь часто недостатки его; читая писавшихъ у насъ для комической сцены прежде и послѣ его, удивляешься одному его превосходству. Фонъ-Визинъ не былъ рѣшительно драматикомъ, не былъ и комикомъ, даже каковъ напримѣръ Княжнинъ; по крайней мѣрѣ, въ художественномъ отношеніи, послѣдній изобрѣтательнѣе его въ распоряженіи, въ твенномъ устройствѣ комедіи. Басня обѣихъ комедій автора нашего слаба и бѣдна; въ картинѣ его есть игривость и яркость, но нѣтъ движенія: это говорящая картина — и только; но и то говорятъ въ ней не всегда участвующія

лица, а часто говоритъ самъ авторъ.
правда; но живое чувство истины, ма
изображеніе портретовъ съ натуры, хот
во весь ростъ, удачная съемка Русскихъ нр
безъ примѣси красокъ чуждыхъ или неестест
ныхъ, свобода и оригинальность, съ которою
ливается у него комическая фраза, Русская
селость, которая должна существовать, как
есть Русская физіогномія физическая и нравствен-
ная, все это образуетъ характеръ автора и от-
личительное достоинство его, неоспоримое, не-
отъемленное. Въ слогѣ его есть какое-то дви-
женіе, какая-то комическая мимика, приспособ-
ленныя съ большимъ искусствомъ къ дѣйствую-
щимъ лицамъ его. Опредѣлить, въ чемъ со-
стоитъ она, невозможно; но чувство ее пости-
гаетъ.

«Бригадиръ» болѣе комическая каррикатура, нежели комическая картина; но здѣсь каррикатурный отпечатокъ не признакъ безвкусія, а выраженіе ума оригинальнаго: тутъ есть поэзія веселости. Портретный живописецъ нѣсколько идеализируетъ свой подлинникъ съ цѣлью изящною; каррикатурный мастеръ идеализируетъ свой въ смѣшномъ и уродливомъ видѣ; но
другой не измѣняютъ ист
писавшій весьма за разсужденіе о
драматической поэзі которомъ изъ-за мрака
парадоксовъ блеснутъ много свѣтлыхъ и смѣлыхъ
истинъ) сравниваетъ фарсы съ гротесками Кало

въ коихъ сохранены главныя черты чело-
го лица. «Не каждому дана возмож-
говоритъ онъ, уродовать такимъ образомъ.
полагаютъ, что гораздо болѣе людей,
собныхъ написать *Пурсоньяка*, нежели *Ми-
тропа*, то ошибаются.»

Можетъ быть, мысль представить шестидесяти-
лѣтняго бригадира, влюбившагося нечаянно въ
совѣтницу, которую узналъ онъ недавно, а
совѣтника, также скоропостижно влюбившагося
въ старую бригадиршу, не совсѣмъ правдопо-
добна: тутъ есть какая-то симметрія въ воло-
китствѣ, которая забавна въ послѣдствіяхъ своихъ,
но неестественна въ началѣ. Допустимъ еще
грѣхопаденіе совѣтника, лицемѣра и святоши,
который насильно выдаетъ дочь свою за сына
бригадирши, *чтобы по родству чаще видѣться
съ возлюбленною сватьею*, хотя и старухою, какъ
значится изъ дѣла, но дурачество и поползно-
веніе къ соблазну бригадира, который выведенъ
на сцену человѣкомъ грубымъ, но довольно
благоразумнымъ, кажется, рѣшительно противу-
рѣчитъ истинѣ. За то съ какою непринужденною
веселостью исполнена эта мысль! Какъ хорошо
ніе, гдѣ совѣтникъ, прикрывая грѣшныя
ланія свои святостію рѣчей, признается бри-
гадиршѣ въ любви, а она отвѣчаетъ ему съ
простотою, *что она церковнаго-то языка столько
же мало смыслитъ, какъ и Французскаго*, которымъ,
на бѣду ея, щеголяетъ сынъ, недавно возвра-

тившійся изъ Парижа! Открытіе въ лю
гадира предъ совѣтницею хотя не так
нально, но въ свою очередь забавно. Об
же во взаимной любви совѣтницы и бригади
сынка, жениха падчерицы ея, не только и
нено комической веселости, но и комичес
истины: оно совершенно въ провинціяльнь
нравахъ, разгадывается на картахъ и вырывается восклицаніями: *ты керовая дама! ты трефовой король!* Какъ живо переноситъ насъ сіе явленіе во времена простосердечнаго волокитства, которое, не ломая головы надъ сочиненіемъ любовныхъ писемъ, выражало себя просто симпатическими мастями или конфетными билетцами, писанными Суморковымъ для обихода страстныхъ любовниковъ! Жаль нравственности, но всѣхъ блѣднѣе и всѣхъ скучнѣе въ комедіи законная любовь *Софьи* и *Добролюбова,* довершающая общую картину нѣжныхъ склонностей, превратившихъ домъ совѣтника въ уголокъ Аркадіи. Въ «Бригадирѣ» въ первый разъ услышали на сценѣ нашей языкъ натуральный, остроумный: вотъ гдѣ Фонъ-Визинъ является писателемъ искуснымъ, а не въ мнимомъ высокомъ слогѣ, начиненномъ Славянскими выраженіями.
коими такъ умильно раболѣ
тики. Въ разговорѣ лицъ можно замѣтить нѣсколько яжекъ, нѣсколько эпигаммъ, слишкомъ увѣсистыхъ, не отлетающихъ отъ разговора, но брошенныхъ поперегъ его

[illegible]иторомъ. Кое-гдѣ встрѣчаются шутъ-
[illegible]къ сказать, слишкомъ заряженныя:
[illegible], слишкомъ туго набитая, какъ ору-
[illegible]е попадаетъ въ цѣль, а разрывается въ
[illegible]ону. Таковы многія изъ рѣчей, относящихъ-
[illegible] до Парижа, до несчастія быть Русскимъ, и
[illegible]у подобныя. Можно замѣтить нѣкоторыя
отступленія, охлаждающія разговоръ; такъ на-
примѣръ: въ явленіи между совѣтникомъ и
[illegible]очерью его, вмѣсто того, чтобы говорить о
предстоящемъ ей бракѣ, они разсѣкаютъ смыслъ
словъ *виноватый* и *правый*. Впрочемъ, Фонъ-
Визинъ былъ большой охотникъ до сей анатоміи
словъ, и часто разсѣкалъ ихъ мыслью острою
и проницательною. Всѣ критическія замѣчанія
наши подтверждаютъ сказанное выше: Фонъ-Ви-
зинъ не былъ драматическимъ творцемъ, а толь-
ко писателемъ комическимъ, въ чемъ большая
разница. Выступая на театръ, онъ не былъ
побуждаемъ желаніемъ творить, испытывать си-
лы и соображенія свои въ устроеніи жребія
лицъ, коими населялъ свою сцену. Драмати-
ческій писатель есть нѣкоторымъ образомъ про-
видѣніе міра, имъ созданнаго: онъ также дол-
[illegible]ъ по таинственнымъ путямъ вести созданія
[illegible] къ цѣли, оправдывающей предназначенія
его; долженъ изъ противорѣчій, изъ ошибокъ
страстей и пользъ, извлечь одно цѣлое, изъ раз-
ногласій согласіе, изъ безпорядковъ порядокъ.
Фонъ-Визинъ не имѣлъ въ виду сихъ обширныхъ

предначертаній: онъ хотѣлъ просто на
нѣкоторыя изъ драматическихъ формъ
свои наблюденія, свои мысли о томъ и о
разцвѣтить кистью своею лица, которыя во
чалъ въ обществѣ или которыя представл
ему воображеніе, созидая вымышленные обра
по чертамъ и очеркамъ дѣйствительныхъ.

Вліяніе, произведенное комедіею Фонъ-Визина, можно опредѣлить однимъ указаніемъ: отъ нея званіе бригадира обратилось въ смѣшное нарицаніе, хотя самъ бригадирскій чинъ не смѣшнѣе другаго. Нарицаніе пережило даже и самое званіе: нынѣ бригадировъ уже нѣтъ по табели о рангахъ, но есть еще родъ свѣтскихъ старовѣровъ, къ которымъ имя сіе примѣняется. Кажется, въ Москвѣ бригадирство погребено было смертью однихъ и почетною метемпсихозою прочихъ. Петербургскіе злоязычники называютъ Москву старою бригадиршею.

Въ комедіи «Недоросль» авторъ имѣлъ уже цѣль важнѣйшую: гибельные плоды невѣжества, худое воспитаніе и злоупотребленія домашней власти выставлены имъ рукою смѣлою и раскрашены красками самыми ненавистными. Въ «Бригадирѣ» авторъ дурачитъ порочныхъ -- цовъ, язвитъ ихъ стрѣлами, но «Недорослѣ» онъ уже не шутитъ, не смѣется, а негодуетъ на порокъ и клеймитъ его безъ пощады; если-же и смѣшитъ зрителей картиною выведенныхъ злоупотребленій и дурачествъ, то

вмушаемый имъ смѣхъ не развлекаетъ
атлѣній болѣе глубокихъ и прискорб-
И въ «Бригадирѣ» можно видѣть, что
шности воспитанія Русскаго живо поражали
ра: но худое воспитаніе, данное бригадир-
му сынку, это полупросвѣщеніе, если и есть
какое просвѣщеніе въ поверхностномъ знаніи Французскаго языка, въ поѣздкѣ въ чужіе краи безъ нравственнаго, приготовительнаго образованія, должны были выдѣлать изъ него смѣшнаго глупца, чѣмъ онъ и есть. Невѣжество-же, въ коемъ росъ *Митрофанушка*, и примѣры домашніе должны были готовить въ немъ изверга, какова мать его, *Простакова*. Именно говорю изверга, и утверждаю, что въ содержаніи комедіи «Недоросль» и въ лицѣ *Простаковой* скрываются всѣ пружины, всѣ лютыя страсти, нужныя для соображеній трагическихъ: разумѣется, что трагедія будетъ не по Греческой или по Французской классической выкройкѣ, но, не менѣе того, развязка можетъ быть трагическая. Какъ *Тартюфъ* Мольера стоитъ на межѣ трагедіи и комедіи, такъ и *Простакова*. Отъ авторовъ зависѣло ее и его присвоить той или другой
асти. Характеръ и личность остались-бы тѣ-же, но только принаровленные къ узаконеніямъ и обычаямъ, существующимъ по одну или другую сторону литтературной границы. Что можно назвать сущностью драмы «Недоросля»? Домашнее, семейное тиранство *Простаковой*,

содержащей у себя, такъ сказать, [illegible] *Софью*, которую приноситъ она на же рыстолюбію своему, выдавая насильно за сперва за брата, а потомъ за сына. Какъ рактеризирована она самимъ авторомъ? *През фурією, которой адскій нравъ дѣлаетъ несчаст цѣлаго дома.* Всѣ прочія лица второстепенн иныя изъ нихъ совершенно постороннія, другія только примыкаютъ къ дѣйствію. Авторъ, въ начертаніи картины, далъ лицамъ смѣшное направленіе; но смѣшное, хотя у него и на первомъ планѣ, не мѣшаетъ разглядѣть гнусное, ненавистное въ перспективѣ. Въ семействахъ *Простаковыхъ*, когда, по несчастію, встрѣчаются онѣ въ мірѣ дѣйствительности, трагическія развязки не рѣдки. Архивы уголовныхъ дѣлъ нашихъ могутъ представить тому многочисленныя доказательства. Вотъ нравственная сторона творенія сего, и патріотическая мысль, одушевляющая оное, достойна уваженія и признательности! Можно сказать, что подобное исполненіе не только хорошее сочиненіе, но и доброе дѣло: что, впрочемъ, можно примѣнить и ко всякому изящному творенію, ибо нѣтъ сомнѣнія, что оно всегда имѣетъ нравственное дѣйствіе.

тѣмъ и комическая сторо [illegible] менѣе удачна. Въ сей [illegible] замѣтенъ одинъ недостатокъ, уже зам [illegible]ный выше: недостатокъ изобрѣтенія и неподвижность событія. Изъ сорока явленій, въ числѣ коихъ нѣсколько довольно

ъ, едва-ли найдется во всей драмѣ
я то короткихъ, входящихъ въ составъ
о дѣйствія и развивающихся изъ него, какъ
драматическаго клубка.

Первое дѣйствіе почти съ начала до конца
ено драматически. Въ трехъ первыхъ явле-
ихъ мастерски выставленъ характеръ *Простаковой*. Первое явленіе заключается въ нѣсколькихъ словахъ, сказанныхъ ею, но они такъ выразительны, что его можно почесть прекраснымъ изложеніемъ не дѣйствія драмы, потому что не оно главное, но главнаго лица, которому все прочее служитъ одною обставкою. Разговоръ ея съ портнымъ *Тришкою*, или лучше сказать, пожалованнымъ въ портные, исполненъ комической силы. Веселость автора совершенно приноровлена къ лицамъ; сцена совершенно Русская, снятая съ природы. Перепалка возраженій между госпожею и *портнымъ по неволѣ* оживлена драматическимъ кресчендо и кончается неодолимымъ возраженіемъ его: «*Да первой-то портной, можетъ быть, шилъ хуже и моего!*» Поболѣе такихъ явленій, — и Фонъ-Визинъ былъ-бы одинъ изъ остроумнѣйшихъ комиковъ. Характеръ мужа въ слѣдующемъ явленіи обрисовывается значительно и рѣзко: за исключеніемъ одного двусмыслія (неприличнаго и слишкомъ площаднаго), все явленіе очень хорошо. Вообще всѣ сцены, въ которыхъ является *Простакова*, исполнены жизни и вѣрности, потому что характеръ ея

выдержанъ до конца съ неослабѣвающим
ствомъ, съ неизмѣняющеюся истиною
наглости и низости, трусости и злобы, гн
безчеловѣчія ко всѣмъ и нѣжности, равно гнус
къ сыну, при всемъ томъ невѣжество,
коего, какъ изъ мутнаго источника, истекаю
всѣ сіи свойства, согласованы въ характерѣ
живописцемъ смѣтливымъ и наблюдательнымъ.
Въ послѣднихъ явленіяхъ авторъ показалъ еще
болѣе искусства и глубокаго сердцевѣдѣнія.
Когда *Стародумъ* прощаетъ *Простакову*, и она,
вставъ съ колѣней, восклицаетъ: «Простилъ!
ахъ, батюшка, простилъ! Ну, теперь-то дамъ
я зорю канальямъ своимъ людямъ.» Тутъ слы-
шенъ голосъ природы. Скупость ея прорывается
весьма забавно въ сценѣ, когда *Правдинъ*, на-
значенный отъ правительства опекуномъ надъ
деревнею ея, расчитывается съ учителями *Ми-
трофанушки*. Тутъ уже не хвастаетъ она, какъ
прежде, познаніями своего сына, и невольно
говоритъ *Кутейкину*: «Да коль пошло на правду,
чему ты выучилъ Митрофанушку?» Но послѣд-
няя черта довершаетъ полноту картины, сосре-
доточивая всѣ гибельные плоды злонравія ея и
воспитанія, даннаго сыну. Лишенная всего.
лишилась власти дѣлать зло
нимать сына, говоритъ въ ты остался
у меня, мой сердечн ругъ, Митрофанушка!»
а онъ отвѣчаетъ ей: «Да, отвяжись, матушка,
какъ навяз ь!» Признаюсь, въ этой чертѣ

го истины, эта истина такъ прискорбна, та изъ такой глубины сердца человѣ-о, что по невольному движенію точно ешь о виновной, какъ при казни преступ-, забывая о преступленіи, сострадательно рагиваешь за несчастнаго. Въ начертаніи рактера *Простаковой* Фонъ-Визинъ былъ глубокимъ изслѣдователемъ и живописцемъ. Сказываютъ, что Французскій комикъ Пикаръ имѣлъ привычку излагать, въ видѣ романа и приготовительнаго труда, исторію главныхъ лицъ комедій своихъ. Этимъ способомъ судилъ онъ и другихъ комиковъ. Правило остроумное и полезное! Изъ того, что видимъ на сценѣ, мы коротко знаемъ *Простакову* и могли-бы начертать полную біографію ея. Не всѣ комическіе портреты такъ поучительны и откровенны. У многихъ нашихъ комиковъ узнаешь о представленныхъ ими лицахъ только то, что сказано про нихъ на афишахъ. *Скотининъ* каррикатура; онъ въ родѣ театральныхъ тирановъ классической трагедіи и говоритъ о любви своей къ свиньямъ, какъ *Димитрій Самозванецъ* Сумарокова о любви къ злодѣйствамъ. Но сцена его съ *Митрофаномъ* и *Еремеевною* очень забавна. Вообще характеръ мамы, хотя вскользь обозначенный, удивительно вѣренъ: въ немъ много Русской холопской оригинальности. Пересказываютъ со словъ самаго автора, что, приступая къ упомянутому явленію, пошелъ онъ гулять, чтобы въ

прогулкѣ обдумать его. У Мясницких
набрелъ онъ на драку двухъ бабъ, ос
и началъ сторожить природу. Возвратясь
съ добычею наблюденій, начерталъ онъ яв
свое и вмѣстилъ въ него слово *зацѣпы*, под
шанное имъ на полѣ битвы. Роль *Старод*
можно раздѣлить на двѣ части: въ первой о
рѣшитель дѣйствія и развязки, если не содѣй
ствіемъ, то волею своею; въ другой онъ лице
вставное, нравоученіе, подобіе хора въ древней
трагедіи. Тутъ авторъ выразилъ нѣсколько истинъ,
изложилъ нѣсколько мнѣній своихъ. Въ доказа-
тельство, что эта часть не идетъ къ дѣлу, на-
помнимъ, что въ представленіи многое выкиды-
вается изъ роли *Стародума*. Была-бы піеса
написана хорошими стихами, то, вѣроятно, тер-
пѣніе партера не утомилось-бы отступленіями;
но невыгода *Стародума* предъ древнимъ хоромъ
въ томъ, что сей выражается поэзіею лириче-
скою, а тотъ дидактическою прозою, которая
скучна подъ конецъ. Въ прозѣ должно быть
бережливѣе, не смотря на Дидерота, которому
казалось, что на театрѣ можно разсуждать о
важнѣйшихъ нравственныхъ запросахъ, не вредя
быстрому и стремительному ходу драматическаго
дѣйствія. Но дѣло въ томъ, что Ди
повѣдывалъ въ свою пользу: онъ, какъ и Фонъ-
Визинъ, былъ нѣсколько декламаторъ и любилъ
поучать. Можно еще прибавить, что многое изъ
нравоученій *Стародума* хотя и весьма справед-

зидательно, но довольно обыкновенно. словъ, любимое средство автора, вы-ется и здѣсь. Сцену *Стародума* съ *Милономъ* о назвать испытаніемъ въ курсѣ практиче-нравственности и сценою синонимовъ, въ рой, какъ въ словарѣ, разсѣкается значеніе въ *неустрашимость* и *храбрость*. Нѣтъ со-нѣнія, что въ обществѣ встрѣчаются говоруны или поучители, подобные *Стародуму;* но правда и то, что они скучны и что отъ нихъ бѣгаешь. На сценѣ они еще скучнѣе, потому что въ театръ ѣздишь для удовольствія, а слушая ихъ, подвергаешься скукѣ добровольной. Между тѣмъ, первое явленіе пятаго дѣйствія приноситъ честь и писателю и Государю, въ царствованіе коего оно написано. Можетъ быть, замѣтимъ еще, что *Стародумъ,* разбогатѣвшій въ Сибири и нечаянно возвращающійся, чтобы обогатить племянницу свою, сбивается нѣсколько на непремѣнныхъ дядей Французской комедіи, которые, для развязки комической интриги, падали изъ Америки золотымъ дождемъ на голову какого-нибудь бѣднаго родственника.

Роли *Милона* и *Софьи* блѣдны. Хотя взаимная склонность ихъ одна изъ главныхъ завязокъ все-дѣйствія, но счастливой развязкѣ ея радуешься развѣ изъ безпристрастной любви къ ближнему. *Правдинъ* чиновникъ; онъ разрѣзываетъ мечемъ закона сплетеніе дѣйствія, которое должно-бъ быть развязано соображеніями автора, а

ие полицейскими мѣрами намѣстника. Вт и
комедіяхъ начальство часто занимаетъ
ка (fatum) въ древнихъ трагедіяхъ; но въ
случаѣ должно допустить рѣшительное посре
чество власти, ибо имъ однимъ можетъ б
довершено наказаніе *Простаковой*, которое бы
бы неполно, если-бы имѣніе осталось въ рукаг
ея. *Кутейкинъ*, *Цифиркинъ* и *Вральманъ* забав
ныя каррикатуры; послѣдній и слишкомъ кар-
рикатуренъ, хотя, къ сожалѣнію, и не совсѣмъ
несбыточное дѣло, что въ старину Нѣмецъ ку-
черъ попалъ въ учители въ домъ *Простаковыхъ*.

Мнѣ случалось слышать, что Фонъ-Визина
упрекали въ исключительной цѣли, съ которою
будто начертанъ онъ лице *Недоросля*, осмѣивая
въ немъ неслужащихъ дворянъ. Кажется, это
предположеніе вовсе неосновательно. Вопервыхъ:
Фонъ-Визинъ не сталъ-бы мѣтить въ небывалое
зло. Одни новые комики наши стали сочинять
нравы и выдумывать лица. Дворянство наше
винить можно не въ томъ, что оно не служитъ,
а развѣ въ томъ, что оно иногда худо готовит-
ся къ службѣ, не запасаясь необходимыми
познаніями, чтобъ быть ей полезнымъ. *Не-
доросль* не тѣмъ смѣшенъ и жалокъ, что ш
надцати лѣтъ онъ еще не служитъ: жал
былъ-бы онъ служа, не достигнувъ возраста раз-
судка; но смѣешься надъ нимъ отъ того, что
онъ неучъ. Правда, что правило *Стародума*, по
которому въ одномъ только случаѣ позволяется

и у выходить въ отставку, *когда онъ внутр-*
достовѣренъ, что служба его прямой
отечеству не приноситъ, слишкомъ исклю-
льно. Дворянинъ предъ самымъ отечествомъ
кетъ имѣтъ и безъ службы священныя обязан-
сти. Дворянинъ, который усердно занимался-
ы благоустройствомъ и возможнымъ нравствен-
нымъ образованіемъ подвластныхъ себѣ, воспи-
таніемъ дѣтей, какою нибудь отраслью просвѣ-
щенія или промышленности, былъ-бы не менѣе
участникомъ въ общемъ дѣлѣ государственной
пользы и споспѣшникомъ видовъ благонамѣрен-
наго правительства, хотя и не былъ-бы вклю-
ченъ въ списки адресъ-календаря. Къ тому-же,
правило *Стародума* несбыточно въ исполненіи:
въ государствѣ нѣтъ довольно служебныхъ
мѣстъ для поголовнаго ополченія дворянства.
Должно признаться, что и *Правдинъ* имѣетъ
довольно странное понятіе о службѣ, говоря
Митрофанушкѣ въ концѣ комедіи: «Съ тобою,
дружокъ, знаю что дѣлать: пошелъ-ка служить!»
Ему сказать-бы: «пошелъ-ка въ училище!» а то
хорошій подарокъ готовитъ онъ службѣ въ лицѣ
безграмотнаго повѣсы.

Успѣхъ комедіи «Недоросль» былъ рѣшитель-
ный. Нравственное дѣйствіе ея несомнѣнно. Нѣ-
которыя изъ именъ дѣйствующихъ лицъ сдѣла-
лись нарицательными и употребляются донынѣ
въ народномъ обращеніи. Въ сей комедіи такъ
много дѣйствительности, что провинціяльныя

преданія именуютъ еще и нынѣ нѣсколько лицъ, будто служившихъ подлинниками автору. Мнѣ самому случалось встрѣтиться въ провинціяхъ съ двумя или тремя живыми экземплярами *Митрофанушки*, то есть, будто служившими образцемъ Фонъ-Визину. Вѣроятно, преданіе ложное, но и въ самыхъ ложныхъ преданіяхъ есть нѣкоторый отголососъ истины. Въ «Бригадирѣ» есть тоже намеки на живыя лица, и между прочими на какого-то президента коллегіи, который любилъ великорослыхъ, и по росту опредѣлялъ подчиненныхъ своихъ на мѣста. Если правда, что князь Потемкинъ, послѣ перваго представленія «Недоросля», сказалъ автору: «Умри, Денисъ, или больше ничего уже не пиши!» то жаль, что эти слова оказались пророческими, и что Фонъ-Визинъ не писалъ уже болѣе для театра. Онъ далеко не дошелъ до Геркулесовыхъ столповъ драматическаго искусства; можно сказать, что онъ и не создалъ Русской комедіи, какова она быть должна; но и то, что онъ совершилъ, особено-же при общихъ неудачахъ, есть уже важное событіе. Шлегель, разбирая творенія двухъ Британскихъ драматиковъ (Бьюмонтъ и Флетчеръ), говоритъ, что они соорудили прекрасн зданіе, но только въ предмѣстіяхъ поэзіи, тогда, какъ Шекспиръ въ самомъ средоточіи столицы основалъ свою царскую обитель. Тоже скажемъ и о трудахъ Фонъ-Визина, прибавя, что наша столица еще мало застроивается, что если въ

и хъ новѣйшихъ зданіяхъ и оказывается
ауса въ архитектурѣ, лучшая отдѣлка
тныхъ принадлежностяхъ, то въ зодче-
Фонъ-Визина болѣе прочности, уютности
ринаровки къ потребностямъ и климату оте-
твеннымъ; наконецъ, что средоточная пло-
дь столицы нашей, еще пустынно ожидаетъ
драматическихъ чертоговъ, для коихъ не роди-
лись достойные строители.

Странно, что направленіе, данное авторомъ нашимъ, имѣло мало послѣдователей въ литтературномъ отношеніи: ибо нельзя назвать послѣдованіемъ ему то, что, сходно съ замѣчаніемъ одного остроумнаго критика, комедія наша расположилась въ лакейской какъ дома, или принесла лакейскіе нравы и языкъ въ гостиныя, потому что Фонъ-Визинъ и въ дворянскомъ семействѣ нашелъ Простаковыхъ. Наши комики переняли у него нѣкоторые пріемы, положенія, мѣстность, думая, что въ нихъ-то и заключается вся комическая сила; но она у него потому сила, что неизыскана, а коренная, природная. Напротивъ-же у его послѣдователей то-же самое есть *безсиліе*, потому что оно заимствованное и неестественное.

Я знаю у насъ только одну комедію, которая напоминаетъ комическія соображенія и производство Фонъ-Визина: это «Горе отъ ума.» Сіе твореніе, имѣющее въ рукописи болѣе расхода, нежели многія печатныя книги (что впрочемъ почти неминуемо), при появленіи своемъ судимо было

не только изустно, но и печатно двояк
убѣжденіемъ, равно не знавшимъ мѣ
похвалахъ, ни въ порицаніяхъ своихъ. И
равно чужда Сендамъ и Зоиламъ. Буду гово
о сей комедіи безпристрастно; моя откровенно
тѣмъ свободнѣе будетъ, что она не свя
прежними обязательствами. Я любилъ авто
уважалъ умъ и дарованія его; вѣроятно, я
одинъ изъ тѣхъ, которые живѣе и глубже были
поражены преждевременнымъ и бѣдственнымъ
концемъ его; но самъ авторъ зналъ, что я не
безусловный поклонникъ комедіи его; вѣроятно,
даже въ глазахъ его умѣренность моя сбивалась
на недоброжелательство по щекотливости, свой-
ственной авторскому самолюбію, и по сплетнямъ
охотниковъ, всегда ищущихъ случая разводить
честныхъ людей. Комедія Грибоѣдова не коме-
дія нравовъ, а развѣ обычаевъ, и въ этомъ
отношеніи многія части картины превосходны.
Если искать вывѣски современныхъ нравовъ въ
Софіи, единственномъ характерѣ въ комедіи,
коей всѣ прочія лица одни портреты въ профиль,
въ бюстъ или во весь ростъ, то должно сказать,
что эта вывѣска поклепъ на нравы или исклю-
ченіе, неумѣстное на сценѣ. Дѣйствія въ дра
какъ и въ твореніяхъ Фонъ-Визина, нѣтъ
еще и менѣе. Здѣсь почти всѣ лица эпизодиче-
скія, всѣ явленія выдвижныя: ихъ можно вы-
двинуть, вдвинуть, перемѣстить, пополнить, и
нигдѣ не замѣтишь ни трещины, ни придѣлки.

ерой комедіи, молодой *Чацкій*, похожъ *народума*. Благородство правилъ его по-
ю; но способность, съ которою онъ ex-abrupto
овѣдуетъ на каждый попавшійся ему текстъ,
ѣдко утомительна. Слушающіе рѣчи его
ино могутъ примѣнить къ себѣ названіе ко-
діи, говоря: «Горе отъ ума!» Умъ, каковъ *Чацкаго*, не есть завидный ни для себя, ни для другихъ. Въ этомъ главный порокъ автора, что, посреди глупцовъ разнаго свойства, вывелъ онъ одного умнаго человѣка, да и то бѣшенаго и скучнаго. Мольеровъ *Альцестъ*, въ сравненіи съ *Чацкимъ*, настоящій Филинтъ, образецъ терпимости. Пушкинъ прекрасно характеризировалъ сіе твореніе, сказавъ: «*Чацкій* совсѣмъ не умный человѣкъ, но *Грибоѣдовъ* очень уменъ.» Сатирическій пылъ, согрѣвающій многія явленія, никогда не выдохнется; комическая веселость, съ которою изображены многія частности, будетъ смѣшить и тѣхъ, которые не станутъ искать въ сей комедіи зеркала современнаго. Если она не лучшая сатира наша въ литтературномъ отношеніи, потому что небрежность языка и стихосложенія доведены въ ней иногда до непростительнаго своеволія, то по-крайней-мѣрѣ она сатира, лучше и живѣе всѣхъ прочихъ обдуманная. Замѣчательно, что сатирическое искусство автора отзывается не столько въ колкихъ и рѣзкихъ эпиграммахъ *Чацкаго*, сколько въ добродушныхъ рѣчахъ *Фамусова*. Продолжительная иронія утомительна:

порицаніе подъ видомъ похвалы скоро
вится приторно; но здѣсь авторъ такъ
такъ глубоко вошелъ въ характеръ *Фамус*
что никакъ не различишь насмѣшливости ком
отъ замоскворѣцкаго патріотизма самаго *Фамусов*
Таковъ, но не въ равной степени превосходства
и *Скалозубъ*. По двумъ этимъ изображеніямъ
можно заключить несомнѣнно, что въ Грибоѣ-
ядовѣ таился будущій комикъ. Онъ и творецъ
«Недоросля» имѣютъ то свойственное имъ пре-
имущество, что они прямо, такъ сказать живьемъ,
перенесли на сцену черты, схваченныя ими въ
мірѣ дѣйствительности. Они не переработывали
своихъ пріобрѣтеній въ алхимическомъ горнилѣ
общей комедіи, изъ коего все должно выходить въ
какомъ-то изготовленномъ и заранѣе указанномъ
видѣ. Самыя странности комедіи Грибоѣдова до-
стойны вниманія: расширяя сцену, населяя ее
народомъ дѣйствующихъ лицъ, онъ, безъ сомнѣнія,
расширилъ и границы самаго искусства. Явле-
ніе разъѣзда въ сѣняхъ, сіе послѣднее дѣйствіе
свѣтскаго дня, издержаннаго на пустяки, хоро-
шо и смѣло новизною своею. На театрѣ оно
живописно и очень забавно. У насъ вообще ма-
ло думаютъ объ животвореніи сцены, о сценич-
скихъ впечатлѣніяхъ, забывая, что не даро
драма называется зрѣлищемъ и происходитъ
предъ зрителями. Многія наши комедіи суть
родъ разговоровъ въ царствѣ мертвыхъ. Предъ
вами не міръ дѣйствительный, не люди, а тѣни

безплотныя, безличныя. Все въ нихъ неосязательно, неопредѣлительно; все скользитъ по чувствамъ и по вниманію. Комедія наша не есть картина ни жизни внутренней, ни внѣшней. Она не смѣшивается съ толпою на площади и не проникаетъ въ сокровенныя таинства домашняго быта. Это что-то отвлеченное, умозрительное, условное, алгебрическая задача безъ примѣненія, гдѣ *a* и *b* и *c* и *d* мертвыя буквы и мертвыя лица. Скажемъ окончательно, что если «Горе отъ ума» твореніе и не совершенно зрѣлое, во многихъ частяхъ не избѣгающее строжайшей критики, то не менѣе оно явленіе весьма замѣчательное въ драматической словесности нашей. По немъ должны мы жалѣть о ранней утратѣ писателя, который подавалъ большія надежды, имѣлъ многія весьма разнообразныя познанія, былъ одаренъ умомъ и пылкимъ и острымъ, и тою гордою независимостію, которая, пренебрегая тропами избитыми, порывается сама проложить слѣды свои по неиспытанной дорогѣ. Въ подобныхъ покушеніяхъ успѣхъ не всегда вѣренъ или полонъ, но и самыя покушенія сіи остаются въ памяти народной; признаки движенія, они прорѣзываются неизгладимыми чертами на поприщѣ умственной дѣятельности, тогда какъ и самые успѣхи посредственности, протоптанные по указнымъ слѣдамъ и затоптанные въ свою очередь другими, не отдѣляются отъ грунта и другъ друга поглащаютъ. Вотъ почему

комедія Грибоѣдова, въ цѣломъ не дов
обдуманная, въ частяхъ и особенно въ
часто худо исполненная, остается всегда
виду; а многія другія комедіи театра наш
осмотрительнѣе соображенныя и правильнѣе
писанныя, пропадаютъ безъ вѣсти, не возбудивъ
къ себѣ ни какого сочувствія общества. Живой
живое и думаетъ; живой живое и любитъ.
Можетъ быть, у насъ есть еще одна комедія,
которую можно, не сравнивать, а издалека упо-
добить комедіямъ Фонъ-Визина: это «Вѣсти,
или Убитой живой», сочиненіе графа Ростопчина.
Въ ней нѣтъ изящной отдѣлки, нѣтъ искусства,
въ ней не пробивается рука художника, но есть
Русская веселость и довольно вѣрная съемка
природы. Не понимаю, почему не имѣла она
успѣха на сценѣ и совершенно упала въ первое
представленіе. Вѣроятно, не многіе и читали
ее, хотя она и напечатана. Авторъ «Мыслей въ
слухъ па красномъ крыльцѣ» и такъ называе-
мыхъ «Афишекъ 1812 года» заслуживалъ-бы
оригинальностью своею болѣе любопытства и
вниманія.

ГЛАВА IX.

Мы мало слѣдовали въ запискахъ своихъ хронологической связи. За частыми промежутками и пропусками въ свѣдѣніяхъ нашихъ, мы не могли сцѣплять событія и обстоятельства въ послѣдовательномъ порядкѣ. Пока въ самой «Исповѣди» автора имѣли вѣрнаго себѣ вожатаго, мы шли за нимъ; но послѣ, когда только изрѣдка, сбивчиво и отдѣльно, встрѣчались намъ слѣды его, мы должны были отказаться отъ постепенности въ повѣствованіи. Довольствуясь соображеніемъ разныхъ видовъ и подведеніемъ ихъ подъ одну точку зрѣнія, мы старались болѣе сосредоточивать событія, нежели развивать ихъ въ пространствѣ. Знаемъ заранѣе, что насъ могутъ обвинять въ сей сбивчивости и еще болѣе въ частыхъ отступленіяхъ отъ предмета нашего. Обязанность Русскаго біографа не затруднительна, если онъ осудитъ себя обойти одинъ очеркъ, такъ сказать обведенный тѣнью лица, которое

онъ списываетъ; но какъ стѣснить себя подобнымъ ограниченіемъ? какъ осудить себя на должность слуги, который только слѣдуетъ за господиномъ своимъ, проводитъ его до дверей, но самъ не входитъ съ нимъ во внутренность покоевъ? а входя съ нимъ, какъ сосредоточить взоры свои на него одного и не раздѣлить вниманія своего между имъ и обществомъ, въ которомъ онъ находится? Такимъ образомъ любопытство расширяетъ мало по малу кругъ наблюденій: не отступая совершенно отъ слѣдимаго лица, теряешь его на минуту изъ вида, чтобы удобнѣе находить его въ общей связи съ современными людьми и обстоятельствами. Вотъ какъ мы думали. Правило Жакото: *«все во всемъ»*, было и нашимъ правиломъ. Въ сей статьѣ соберемъ нѣсколько частностей изъ жизни автора нашего, которыя не подходили подъ другія отдѣленія.

Мы уже знаемъ, что вступленіе его въ общество было благопріятно для его самолюбія; но долго не могъ онъ привыкнуть къ одиночеству своему въ Петербургѣ. Удовольствія семейной Московской жизни, разлука съ родными, и въ особенности съ сестрою, бывшею послѣ за мужемъ за пріятелемъ его, Аргамаковымъ, тяготили его воспоминаніями и впечатлѣніями. Въ нѣсколькихъ письмахъ его къ сестрѣ, писанныхъ въ сію эпоху, находимъ свидѣтельства сего расположенія. Не смотря на то, что онъ

лъ общество и имѣлъ потребность въ немъ, ется, что онъ любилъ удовольствія тѣснаго а коротких пріятелей еще болѣе, нежели естящія разсѣянія совершенно свѣтской жизни. му нужно было свыкнуться съ людьми, которыхъ онъ видѣлъ, запросто обжиться съ ними, и потому онъ былъ болѣе посѣтитель, нежели дѣйствующее лице, на сценѣ Петербургскаго большаго свѣта. Можетъ быть, въ сихъ семейныхъ, домашнихъ свойствахъ его мы найдемъ объясненіе, почему не могъ онъ ужиться въ чужихъ краяхъ, скучалъ тамъ, гдѣ всѣ веселились, и сердился тому, чему другіе радовались. Сообщаемъ нѣсколько выписокъ изъ писемъ его къ сестрѣ. Онѣ покажутъ его расположеніе, а между тѣмъ и нѣкоторыя черты изъ тогдашняго общежитія.

С. Петербургъ, 28 Января, 1764.

«Завтра выѣдетъ отсюда Василій Алексѣевичъ Аргамаковъ, и я вздумалъ съ нимъ написать къ тебѣ побольше и на письмо отъ 22 Января отвѣтствовать.

«О всѣхъ моихъ обстоятельствахъ точно свѣдать можешь отъ того, кто отдастъ тебѣ письмо сіе. Четыре мѣсяца былъ онъ свидѣтелемъ моей жизни и принималъ участіе во всемъ, что со мною ни случалось. Склонности и сходство нравовъ соединили насъ такъ много, что произошло оттуда истинное дружество. Разсуди изъ того,

что и отъ васъ онъ долженъ быть такъ і
какъ мой другъ. Онъ въ Москвѣ чужестран
такъ, какъ я здѣсь, и если будетъ онъ имѣт
первый случай нужду занимать деньги, то, по
луй, попроси отъ меня батюшку, чтобъ онъ е
въ такомъ случаѣ не оставилъ и рекомендовалъ-
бы его тѣмъ, у кого есть деньги. Четыреста
душъ, которыя онъ имѣетъ, кажется, кредитъ
ему сдѣлать могутъ.

«Впрочемъ, краснорѣчивое твое увѣщаніе меня утѣшило. Ты имѣешь великой даръ увѣщавать другихъ, и я сталъ самъ отъ того веселѣе. Совсѣмъ тѣмъ ты напрасно думаешь, что жизнь твоя хуже моей. Я того понять не могу: веселья у васъ гораздо пріятнѣе, нежели здѣсь, и наши, повѣрь, стоютъ не меньше вашихъ. Здѣсь деньги на одномъ мѣстѣ сидѣть не любятъ.

«Не опасайся неудачи писать стихи. Можно-ли, чтобъ ты написала худо! А я оставилъ теперь намѣреніе послать то, что дѣлалъ. Боюсь опять выговоровъ; только истинно кажется-бы не за что. Если любопытна, то спроси Василья Алексѣевича: онъ знаетъ все то, что я писалъ и что теперь дѣлаю.

«Сегодня при Дворѣ маскарадъ, и я въ сво доминѣ туда-же поплетусь. Вчера была Фр пузская комедія «Le Turcaret» и малая «L'esprit de contradiction.» Скоро будетъ кавалерская; не знаю, достану-ли себѣ билетъ. Впрочемъ, всѣ тѣ ангажированы, которые играютъ въ маскарадахъ, —

ію на своей скрыпкѣ пречуднымъ мастер-
ствомъ. Нынче попалась мнѣ на языкъ Русская
я, которая съ ума нейдетъ, *Изъ-за лѣсу,*
у темнаго; натвердилъ ее у Елагиныхъ.
ньшая дочь поетъ ее ангельски. Аргамаковъ
детъ въ Москву съ Карнымъ. Ежели онъ къ
вамъ будетъ, то, пожалуйте, поблагодарите за
его дружбу, которою я здѣсь пользовался; онъ
у меня въ болѣзнь мою почти дежурилъ.

С. Петербургъ, 22 Февраля, 1764.

«Вчера полученныя вѣсти были для меня не новы: я зналъ, что этому быть должно, такъ, какъ и къ тебѣ писалъ обстоятельно. Я отъ него получаю письма, и вчера получилъ. Изъ всякаго вижу, что онъ единственно одну склонность имѣетъ причиною сего намѣренія. Я его знаю очень хорошо и клянусь тебѣ, что онъ достоинства имѣетъ. Живучи съ нимъ почти вмѣстѣ, я имѣлъ довольный случай узнать его. Пьянства, мотовства не опасайтесь: этихъ пороковъ у него нѣтъ. О достаткѣ его знаю только то, что онъ имѣетъ четыреста душъ, которымъ также участница маленькая сестра его. Можетъ быть, что онъ и безденеженъ; только имѣя такія деревни, можно имѣть и столько денегъ, чтобъ содержать себя честнымъ образомъ. Впрочемъ, съ моей стороны я долженъ тебѣ признаться, что почитаю его достойнымъ быть мнѣ зятемъ. Единственное обхожденіе его со мною подавало

мнѣ случай узнать его мысли. Онъ дѣйствительно не имѣлъ намѣренія жениться, и, бывало, всегда говаривалъ, что, имѣя чѣмъ жить, предпочитаетъ лучше ѣхать въ чужіе краи; да сверхъ того я клянусь, что онъ, кромѣ склонности, ни какого другаго интереса не имѣетъ. Возможно-ли сравнивать его съ Оз. . ., какъ то дѣлаютъ батюшка и матушка въ письмѣ своемъ? Этотъ человѣкъ имѣетъ воспитаніе, и его можно назвать un homme de sentiment; а тотъ, кромѣ подлыхъ мыслей, ни какихъ сентиментовъ не имѣетъ. Этотъ имѣетъ благородное сердце и за честь свою дѣйствительно склонится жертвовать жизнію; а тотъ не знаетъ совсѣмъ, что такое совѣсть. Сверхъ того я увѣряю, что онъ будетъ мнѣ другомъ всегда, сдѣлается-ли дѣло, или нѣтъ. Я знаю точно, что онъ съ своей стороны, въ томъ и другомъ случаѣ, дружбы своей ко мнѣ не отмѣнитъ. Il est extrêmement amoureux de vous: вотъ причина всему. Письма его то больше доказываютъ, и вамъ нельзя не быть въ томъ совершенно увѣренными. Увѣдомьте меня на счетъ вашего намѣренія.

«Отпускъ мой не знаю еще когда быть можетъ. Видно, что князь М. М. (Голицынъ) ничего о томъ не писалъ, потому что князь А. М. (Голицынъ) никакъ о немъ не отзывался, а самому мнѣ писать нельзя, потому что, ежели долженъ я дожидаться конца батюшкина дѣла, (о успѣхѣ котораго знаетъ теперь только одинъ Богъ), то проситься еще рано. Если-бъ я полу-

ь отъ васъ что нибудь рѣшительное, то по
у-бы и поступать сталъ; а то есть-ли спо-
сообразить получаемыя мною письма? батюш-
пишетъ, чтобъ я старался объ отпускѣ, одна-
не оставлялъ-бы на второй недѣлѣ стараться
объ его дѣлѣ; а матушка изволитъ писать
такъ, какъ-бы мнѣ совсѣмъ проситься должно.
Думаю при томъ, чтобъ и извощики не ввезли
какъ на дорогѣ въ прорубь и не разбили-бы
лошади. Не знаю, что мнѣ и дѣлать.

«Мнѣ очень смѣшно, что ты считаешь меня влюбленнымъ. Съ Аргамаковымъ писалъ я шутя, и божусь, что ни мало духъ мой не безпокоится. Да и въ кого здѣсь влюбляться? Все Нѣмки, ходятъ блѣдны, какъ смерти. Поди, Христа ради! что ты на меня клеплешь, а что всего досаднѣе, и пѣняешь! Не подумай еще того, Бога ради, что я теперь лукавлю. Да для чего-бы это? Балетъ-же для трагедіи отдалъ я Бакуниной, у которой мужъ есть лѣтъ съ двадцать.

«Объ отпускѣ еще повторяю: ежели напишете, чтобъ я, не смотря ни на что, просился, тогда почту я себя прямо счастливымъ. Одинъ Богъ видитъ, какъ мнѣ съ вами хочется увидѣться! Постарайтесь, чтобъ князь М. М. помогъ. При дворѣ веселья сегодня баломъ кончатся. Боже мой! я такъ на нихъ измучился, что въ первую недѣлю еще не отдохну. Три дня безпрестанно были маскарады и три спектакля. Все мнѣ стало скучно.

С. Петербургъ, Февраля, 1764.

«Напрасно вы думаете, что я хотѣлъ остаться въ коллегіи для того, чтобы тѣмъ огорчить васъ. Я очень знаю, сколь я любимъ вами и сколь много счастіе мое вамъ нужно. Однако это не мѣшаетъ мнѣ написать къ тебѣ слѣдующее.

«Selon toute apparence, le fils du prince Chakhovskoy, qui est engagé dans notre collège et qui est fort honnête homme et même mon ami, aura la qualité d'un résident à Danzig, il m'a fait déjà la proposition de partir avec lui, s'il réussira en cherchant cette place. Jugez, ma chère soeur, si ce ne sera pas un peché de laisser cette occasion là. D'ailleurs ce n'est pas loin d'ici, et je pourrais venir et revenir en Russie autant qu'il me plaira.

«Однако, можетъ быть, онъ еще и не скоро будетъ имѣть успѣхъ въ своемъ исканіи. Только я, со своей стороны, оставляю дѣло сіе на твое разсужденіе.

«Въ четвергъ будетъ кавалерская трагедія. Хочется и мнѣ промыслить билетъ, да не знаю какъ.

«Вчера былъ я въ церемоніалѣ и въ черномъ кафтанѣ. Польскій пріѣхавшій нынѣ посланникъ имѣлъ первую визитацію у вице-канцлера, и мнѣ на крыльцѣ досталось его встрѣтить, а потомъ остаться разговаривать съ его свитою.

С. Петербургъ, 10 Августа, 1764.

«Полученное отъ 4 Августа письмецо служило мнѣ къ великому неудовольствію и огорченію. Съ чего вы вздумали обвинять меня политикою, которую я ненавижу? Съ чего увѣряете меня о

своей искренности, подозрѣвая меня въ моей?
мой! Вотъ то, чего-бы я никогда не ду-
! Я очень радъ принимать отъ васъ настав-
я, зная, что онѣ идутъ отъ такого человѣ-
котораго я люблю больше себя. Не думай,
чтобъ это только перо писало: истинно, сердце
водитъ перомъ моимъ; да мнѣ кажется, что и
посланныя къ тебѣ письма мои довольно это
доказали. Я не лгу, что здѣсь знакомства еще
не сдѣлалъ. Съ кадетскимъ корпусомъ не очень
обхожусь за тѣмъ, что тамъ большая часть солда-
ты; а съ академіей за тѣмъ, что тамъ большая часть
педанты; однако съ послѣдними я почти и никакъ
незнакомъ; вотъ что меня оправдаетъ. Да сверхъ
того, слово *знакомство*, можетъ быть, вы не
такъ понимаете, какъ я. Я хочу, чтобъ оно бы-
ло основаніемъ ou de l'amitié ou de l'amour; однако
этого желанія, по несчастію, не достигаю и ниже
тѣни къ исполненію онаго не имѣю. Разсуди-
же, не скучно-ли такъ жить тому, кто имѣетъ
чувствительное сердце!

«Я намѣренъ все то, что здѣсь ни вижу, ни
предпринимаю, и, однимъ словомъ, обо всемъ,
что я ни чувствую, къ тебѣ писать. Вотъ знакъ
моей искренности и нелицемѣрства!

«Во первыхъ, сказываю тебѣ, что до сихъ поръ
не найду я еще предмета, который-бы меня
интересовалъ; а это самое дѣлаетъ то, что не
нахожу здѣсь ни какого удовольствія. Безъ того
и жизнь скучна, а скуку возобновляетъ воспоми-

наніе, что я разлученъ съ моими ближни
съ тобою, любезная сестрица. Я знаю, что
мнѣ другъ и, можетъ быть, одного толь
имѣть буду, котораго-бы я столь много люби
и почиталъ. Истинно, я показалъ-бы тебѣ, ч
теперь чувствую; въ сію минуту чувствую я то,
что горячность и сердечная нѣжность произвесть
могутъ. Если мысли твои съ моими одинаковы,
то пиши ко мнѣ то-же, увѣряй меня, что я не
ошибаюсь, и храни то, что ввѣкъ хранить буду.

«Теперь, перемѣня матерію, которую во всю
жизнь продолжать готовъ, хочу я написать то,
что со мною случилось.

«Въ субботу не ходилъ я въ коллегію за тѣмъ,
что на щекѣ сдѣлался нарывъ. Князь Ѳ. А.
Козловскій ко мнѣ тогда пріѣхалъ, и, не смотря
на то, возилъ меня въ академію, гдѣ я купилъ
Скаррона, котораго на сихъ дняхъ къ тебѣ пе-
решлю. Не знаю, каковъ тебѣ покажется, а
Скарронъ почитается преславнымъ шутомъ.
Князь у меня обѣдалъ, а послѣ обѣда возилъ
меня къ Михайлѣ Васильевичу Приклонскому.
Онъ и жена его безмѣрно меня обласкали, и мы
всѣ ѣздили прогуливаться въ Екатерингофъ, а от-
туда пріѣхавъ, ужинали у Михайлы Васильевич

«Коммиссіи ваши я съ радостію исправл
готовъ; только здѣсь еще гаже Московскаго.
Карита и теперь еще не подписана: все перехо-
дитъ изъ рукъ въ руки членамъ кадетскаго
корпуса для подписанія.

) братѣ доношу, что онъ вчера пошелъ въ
ѵулъ и пробудетъ до вторника. Завтра съ
ъ увижусь. Онъ здоровъ и по Нѣмецкой
чтѣ писать будетъ. Удивляюсь, что ты ко
ѣ о Москвѣ ничего не пишешь: изъ посторонних уже писемъ вижу я, что тамъ нынѣ ѣздятъ верхомъ прекрасныя Амазонки, которыя гораздо опаснѣе Скиѳскихъ: тѣ оружіемъ, а Московскія взорами дѣлаютъ плѣнниковъ. Изъ другихъ-же писемъ знаю, что у васъ были такіе-же дожди, какъ и у насъ, и что Августъ начался изрядно. Слѣдовательно въ саду и на горахъ гульбища возобновятся, о которыхъ прошу отписать, исполняя данное вами мнѣ слово: увѣдомлять меня о всемъ.

«Je vous embrasse, ma chère soeur! Adieu! Ne montrez pas mes lettres à mes parens.

С. Петербургъ, Января 23 и 24, 1768.

«Матушка сестрица! Я не получалъ еще писемъ вашихъ, которыя вы писали ко мнѣ въ понедѣльникъ; однако завтра получить надѣюсь. Невозможно, чтобъ-вы ко мнѣ не писали, зная, сколь мнѣ письма ваши дороги, и что они только составляютъ все мое утѣшеніе. Признаюсь тебѣ, матушка, что проводя здѣсь нѣсколько дней, уже былъ я во всѣхъ собраніяхъ, видѣлъ здѣшнія веселья, ихъ не чувствуя, и кажется мнѣ, что здѣшній свѣтъ уже не одинъ разъ глазамъ моимъ представился. Но все сіе сколь

далеко отъ того, чтобы хотя мало могло лать мнѣ отрады въ моей горести, которая премѣнно должна меня терзать, какъ скоро вспо ню то, что я съ вами въ разлукѣ! Я кажду минуту то вспоминаю, и слѣдовательно кажду минуту терзаюсь. Теперь сижу я одинъ въ моей комнатѣ и, говоря съ тобою чрезъ письмо, чувствую въ тысячу разъ болѣе удовольствія, нежели вчера и третьяго дня, окруженъ будучи великимъ множествомъ людей. Воображаю тебя, говорю мысленно съ тобою, тужу съ тобою о томъ, что мы разлучены, и Богъ знаетъ на долго-ли. Вотъ каково состояніе мое въ сію минуту! Уже великодушіе меня оставило и миновалась та холодность, съ которою я разсуждалъ о томъ, что-бы могло тронуть человѣка. Не знаю самъ, отъ чего прежній мой веселый нравъ перемѣняется въ несносный. То самое, что прежде сего меня здѣсь смѣшило, нынѣ бѣситъ меня; мнѣ кажется, всего лучше я теперь сдѣлаю, если въ доказательство тому напишу къ тебѣ мой журналъ:

«Въ самый день моего пріѣзда явился я по должности моей. Поговоря нѣчто о ближнемъ, заключилъ я изъ всѣхъ нашихъ словъ, что въ свѣтѣ почти жить нельзя, а въ Петербургѣ и совсѣмъ невозможно. Въ 29 дней моего въ Москву похода люди здѣсь стали сами на себя совсѣмъ не похожи: кого предъ отъѣздомъ моимъ оставилъ я дуракомъ, того нынѣ не только разумнымъ, да еще и премудрымъ, почитаютъ.

ько то нѣсколько утѣшаетъ, что и тѣхъ
ихъ, которые приписываютъ имъ такую сла-
, оставилъ я предъ отъѣздомъ такими-же
раками. Странное дѣло! ты не повѣришь,
тушка, что съ нынѣшняго года всѣ старые
дураки новыя дурачества понадѣлали! Напримѣръ,
Ш., женатый на Руб., разводится съ женою за
самую бездѣлицу, а именно за то, что она въ
самый новый годъ приняла-было намѣреніе его
поколотить. Онъ, не хотя въ сей торжественный
день быть отъ супруги своей битымъ, и оставляя
прошлогоднее свое дурачество, которое имѣлъ,
претерпѣвая такія дѣйствія женина гнѣва, вздумалъ
разводиться, и тѣмъ пошелъ противъ самаго
Бога, который соединилъ ихъ неисповѣдимымъ
Своимъ Промысломъ. — Графа А. А. Б.
засталъ я здѣсь въ покаянной, куда посаженъ
онъ каяться въ томъ, что не поступалъ по
правиламъ здраваго разсудка, хотя никто не помнитъ,
чтобы какой нибудь родъ разума отягощалъ
главу его сіятельства. Жена господина
Д., ѣхавши по большой улицѣ, закричала караулъ.
Она и дѣйствительно имѣла къ тому законную
причину, ибо везли ее въ прорубь по приказанію
мужа ея, который, видно, какъ второй
Идоменей, обѣщалъ: Нептуну какую нибудь жертву.
— О таковыхъ и тому подобныхъ приключеніяхъ
поговоря съ Иваномъ Перфильевичемъ,
(Елагинымъ), я съ нимъ разстался. Оттуда поѣхалъ
я къ А. И. Приклонской, отъ которой

слышалъ новыя увѣренія въ дружествѣ, и наконецъ отъ нея поѣхалъ къ Херасковымъ. Они безмѣрно обрадовались, увидя меня, и спрашивали о всѣхъ васъ; а я, какъ вѣрный историкъ, описывалъ имъ Москву подробно. Отъ нихъ поѣхалъ я въ театръ. Сыграна была комедія «Женатый философъ», которую смотрѣло великое множество женатыхъ нефилософовъ. Ужиналъ у А. И. Приклонской.

«Въ пятницу, отобѣдавъ у Херасковыхъ, былъ я въ маскарадѣ. Народу было преужасное множество; но клянусь тебѣ, что со всѣмъ тѣмъ я былъ въ пустыни. Не было почти ни одного человѣка, съ которымъ-бы говорить почиталъ я хотя за малое удовольствіе. Здѣсь все продолжаютъ носить разныя домины. Сперва танцовали обыкновенно, а потомъ чрезвычайно, то есть, плясали по Русски. Князь Я. А. Козловскій съ фрейлиной Паниной, потомъ Корсакова и Овцина съ Щербатовымъ, и можно сказать, что плясали хорошо. А чтобъ приключенію кончиться чѣмъ нибудь смѣшнѣе, то большой сынъ А. В. Е. напросился одинъ прыгать голубца. Сдѣланъ былъ большой кругъ, и господинъ Е. доказалъ, что если онъ не имѣетъ другаго дарованья, то онъ погибшій человѣкъ. Въ залѣ для пространнаго Россійскаго купечества танцовало около сотни Нѣмокъ. Блѣдность покрывала лица ихъ, и однимъ словомъ, я ничего не видовалъ скареднѣе этой сотни! — Субботу и

ра я проводилъ изрядно, но все не такъ, ъ-бы въ Москвѣ. Ничто меня не утѣшало ничто не могло успокоить духъ мой!

«Я забылъ сказать тебѣ, что въ день моего пріѣзда видѣлъ я въ комедіи госпожу П. Ея превосходительство не удостоила меня ни однимъ словомъ, лишь только премудрая глава ея пошатнулась на одну сторону: это былъ поклонъ! Я не разсудилъ за благо оставаться долѣе въ ихъ ложѣ, чтобъ не сдѣлать какого нибудь дурачества: ибо съ дураками никто разумныхъ дѣлъ дѣлать не можетъ.

«Донынѣ не говорилъ я еще со всѣми ни одного слова. О! если-бъ далъ Богъ, чтобы молчаніе подолѣ продолжилось! Теперь представь себѣ, матушка, въ какихъ прескучныхъ я обстоятельствахъ. Живу одинъ, какъ изгнанникъ и какъ-бы недостойный жить съ вами. Видно, Богъ наказываетъ меня за грѣхи, только не знаю, за какіе. Принужденъ я имѣть дѣло или съ злодѣями, или съ дураками. Нѣтъ силъ болѣе терпѣть, и думаю, скоро стану дѣлать предложеніе Ивану Перфильевичу о перемѣнѣ моей судьбы. Честному человѣку нельзя жить въ такихъ обстоятельствахъ, которыя не на чести основаны.

«За часъ предъ симъ я пріѣхалъ изъ Русской комедіи «Демокритъ». Балетъ былъ «Аполлонъ и Дафна». Хочу садиться ужинать одинъ, но думаю, что кусокъ въ горло не пойдетъ. Обык-

новенно у тѣхъ людей аппетитъ не великъ, у которыхъ радости мало; а я доселѣ ни коимъ образомъ спокоенъ быть не могу.

«Для извѣстія:

«Дочь графа П. Г. Чернышева помолвлена за брата князя Василья Борисовича Голицына.

«С. В. Нарышкинъ опредѣленъ въ должность сенатскаго экзекутора.

«У Александра Петровича Суморокова обѣ дочери лежатъ въ оспѣ.

«По Дофинѣ здѣсь надѣтъ трауръ на двѣ недѣли, и надѣтъ еще на шесть недѣль по Датскомъ королѣ, да на двѣ недѣли по братѣ короля Англійскаго. Пріѣхавъ сюда, я еще цвѣтныхъ кафтановъ не надѣвалъ, а ношу все черной и долженъ носить его еще недѣль девять.

«Сестрицѣ Аннѣ Ивановнѣ желаю здоровья» и охоты писать ко мнѣ.

«Сестрицѣ Марѳѣ Ивановнѣ того-же.

«Сестрицѣ Катеринѣ Ивановнѣ того-же и меньше рѣзвиться.

«Братцу Александру Ивановичу желаю великихъ успѣховъ въ высокихъ наукахъ..

«Братцу Петру Ивановичу того-же и меньше съ печи прыгать.

«Матушка сестрица, и любезный другъ (Аргамаковъ)!

«Сколь много обрадовался я, мой любезный другъ, получа отъ тебя строчку на прошедшей

почтѣ. Воображеніе то прошло уже теперь, которое меня мучило. Иногда я думалъ, что ты болѣнъ; иногда помышлялъ и о томъ, не сдѣлался-ли ты противъ меня холоденъ безъ малѣйшей къ тому съ моей стороны причины. Знай, что ты и сестрица столько мнѣ любезны, что я для однихъ васъ и жить хочу; но за то требую отъ васъ въ вознагражденіе, чтобъ вы вашею спокойною жизнію меня утѣшали.

«Нынѣ Страстная Недѣля, и духъ мой въ единомъ богомысліи упражняется. Въ животѣ моемъ плаваетъ масло деревянное, такожде и орѣховое. Пироги съ миндалемъ, щи и гречневая каша не меньше помогаютъ мнѣ въ пріобрѣтеніи душевнаго спасенія. Вчера и сегодня обѣдалъ я у М. В. Приклонскаго, слушалъ заутреню, часы и вечерню, также былъ у обѣдни, однимъ словомъ, дѣлалъ все то, что должно дѣлать согрѣшившему вѣдѣніемъ и невѣдѣніемъ. И Ванька на сихъ дняхъ приноситъ въ грѣхахъ своихъ покаяніе. Разсказывалъ онъ мнѣ, что во время чтенія напалъ на него нѣкоторой родъ дремоты, и бѣ видѣніе страшно: пришелъ къ нему нѣкто изъ темныхъ духовъ во образѣ человѣчестѣмъ, — пришелъ и вопросилъ его: «Гдѣ твоя душа?» Ванька мой вообразилъ себѣ, что это Астрадымъ, съ которымъ онъ всегда обхаживался фамильярно, отвѣтствовалъ ему, не обинуясь, что онъ о душѣ своей ничего не вѣдаетъ, и удивляется, какая нужда до души его повару.

Темный духъ, раздраженный таковымъ гордымъ отвѣтомъ, далъ ему знать, кто онъ таковъ. «Я чортъ, а не Астрадымъ», говорилъ онъ ему.—По крайней мѣрѣ ты похожъ на нашего Астрадыма, отвѣчалъ ему Ванька. — «Я нарочно взялъ его видъ, сказалъ чортъ: для того, что изъ смертныхъ поваръ вашъ болѣе всѣхъ на меня походитъ.» — Ванька, увидя, что это прямо чортъ, а не Астрадымъ, вострепеталъ отъ сего видѣнія и хотѣлъ было перекреститься, но вдругъ почувствовалъ, что рука его не только не поднимается, но опускается къ низу и становится лошадиною ногою: равно и другая рука его была точно въ таковомъ-же превращеніи, и онъ сталъ на четвереньках. Большая круглая глава его становилась отчасу продолговатѣе; волосы его ощетинились и стали гривою, и только лишь глаза остались въ прежнемъ состояніи: ибо они всегда были лошадиные. Наконецъ, сказывалъ онъ мнѣ, сталъ онъ точно такая-же лошадь, какъ наша правая коренная, которую я нынѣ нанимаю. Ставши лошадью, заржалъ мой Ванька, и тѣмъ перепугалъ весь народъ и себя самаго, такъ, что онъ очнулся и, пришедъ домой, повѣдалъ мнѣ сіе видѣніе.»

Въ то время находилась въ Петербургѣ ** Мятлева. Въ домѣ сей просвѣщенной хозяйки собирались по вечерамъ многіе литтераторы, Херасковъ, Майковъ, скромный Богдановичь, *который былъ также опрятенъ, застѣнчивъ, пріят-*

тень и тихъ, какъ воспѣтая имъ Психида (собственныя слова изъ письма ко мнѣ Петра Васильевича Мятлева, коего благосклонной пріязни обязанъ я слѣдующими свѣдѣніями о Фонъ-Визинѣ), Барковъ и Волковъ, *который сыгралъ лучшую роль свою, перемѣнивъ званіе актера на чинъ статскаго совѣтника. Молодой Фонъ-Визинъ находился въ числѣ ихъ какъ коршунъ.* Пылкость ума его, необузданное, острое выраженіе всегда всѣхъ раздражало и бѣсило; но со всѣмъ тѣмъ всѣ любили его. Майковъ, пустясь въ споръ противъ него, заикнется; молодой соперникъ, воспользовавшись минутою запинанія, опередитъ его и возьметъ верхъ надъ нимъ. *Взлетитъ-ли Херсаковъ подъ облака, коршунъ, замысловатымъ словомъ, неожиданною насмѣшкою, какъ острыми когтями, сшибетъ его на землю.* Въ сихъ собраніяхъ находилась всегда А. И Приклонская, съ отличнымъ умомъ, начитанностью, склонностью къ литтературѣ, отмѣннымъ даромъ слова и прекраснымъ органомъ. Она подтверждала истину, сказанную Ломоносовымъ:

Весьма необычайно дѣло,
Чтобъ всѣми кто дарами цвѣлъ.

хотя нельзя было прибавить съ поэтомъ, *что умъ ея небесный домъ себѣ имѣетъ тѣсный*. Напротивъ! Тѣлесныя свойства природы ея не соотвѣтствовали умственнымъ: длинная, сухая, съ лицемъ искаженнымъ оспою, она не могла-бы внушить склонности человѣку, который смотрѣлъ-

бы одними внѣшними глазами; но умъ сочувствуетъ уму и зрѣніе умнаго человѣка имѣетъ свою оптику. Какъ-бы то ни было, но Фонъ-Визинъ былъ ей преданъ сердцемъ, мыслями и волею: она одна управляла имъ, какъ хотѣла, и чувства его къ ней имѣли все свойство страсти, и страсти безпредѣльной!

Вѣроятно, въ 1774 году познакомился онъ съ будущею женою своею, молодою вдовою изъ рода купцовъ Роговиковыхъ. Единственная дочь богатаго купца, она въ дѣтскомъ возрастѣ лишилась родителей своихъ и воспитывалась въ домѣ дяди, который, не совершивъ раздѣла, вообще съ своими правилъ и дѣлами покойнаго брата своего. Не получа согласія дяди своего на замужство съ Хлоповымъ, адъютантомъ графа Захара Григорьевича Чернышева, она скрылась изъ дому и обвѣнчалась съ нимъ. Часть принадлежащаго ей наслѣдства, составлявшая около 300,000 рублей, не была ей выдана. Отъ сего возникла продолжительная тяжба. Дѣло доведено было до свѣдѣнія Императрицы, которая разсмотрѣніе онаго и пользы обиженной наслѣдницы поручила Чернышеву, Панину и Елагину. Фонъ-Визинъ занимался производствомъ сего дѣла и изложилъ существо онаго въ ясной и убѣдительной запискѣ. Однакожъ, не смотря на правоту дѣла и усилія покровителей, оно имѣло только половинный успѣхъ и кончилось мировою сдѣлкою, по которой наслѣдница полу-

чила нѣкоторую сумму денегъ и домъ въ Галерной улицѣ, проданный въ послѣдствіи за 20,000 рублей. Но главное слѣдствіе сего дѣла было то, что любовь молодой довѣрительницы наградила попеченія усерднаго ходатая, и что Фонъ-Визинъ снискалъ себѣ жену добродѣтельную и примѣрную, которой постоянная нѣжность, неутомимыя попеченія и вѣрное сотоварищество во дни скорби, украсили и уладили жизнь его до самаго конца. Говорятъ, что одинъ изъ вельможъ, который былъ на сторонѣ Роговикова, сказалъ однажды въ засѣданіи: «Охота вѣрить показаніямъ Фонъ-Визина, который хлопочетъ о выгодахъ своей любовницы!» Фонъ-Визинъ, узнавъ о семъ отзывѣ, тотчасъ принялъ намѣреніе оградить женитьбою честь женщины, оскорбленной его именемъ. Брачное небо не всегда бываетъ безоблачно: нѣтъ согласія совершеннаго, то есть, неразрывнаго; но счастливыми могутъ почесться тѣ браки, въ которыхъ виновнымъ бываетъ одинъ мужъ: тогда въ размолвкѣ всегда есть слово къ миру, а равно и въ приговорѣ свѣтскаго самовластія (писанномъ, мимоходомъ будь сказано, мужчинами), и еще болѣе въ сердцѣ жены. Женщины великодушнѣе или смиреннѣе насъ, что впрочемъ одно и то-же, потому что злопамятно и неумолимо одно малодушіе. Въ этомъ отношеніи брачный союзъ Фонъ-Визина былъ счастливъ.

Состояніе отца Фонъ-Визина было весьма умѣренное. Въ Москвѣ, съ большимъ семействомъ,

жилъ онъ доходами съ 200 душъ; но со всѣмъ тѣмъ, при благоразумномъ хозяйствѣ и просвѣщенномъ чадолюбіи, успѣлъ онъ дать дѣтямъ своимъ приличное воспитаніе. Слѣдовательно и сынъ его, при вступленіи своемъ въ свѣтъ, не могъ пользоваться большими способами. Съ 1762 до 1769 года имѣлъ онъ, по службѣ своей въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, жалованья 800 рублей. Послѣ оклады его нѣсколько увеличились. Литтетатурныя его занятія не могли также приносить ему большихъ выгодъ. Въ то время литтература не была еще промысломъ; эта показываетъ недостатокъ или младенчество просвѣщенія: ибо труды, не окупающіе себя, не даютъ независимости, которая должна быть благодѣтельнымъ слѣдствіемъ каждаго званія и предпріятія. Можетъ быть, въ сей безвыгодности Русскаго авторства должно искать одну изъ основныхъ причинъ задержанія нашего въ успѣхахъ просвѣщенія: весьма немногіе могли совершенно предаваться трудамъ ума, и почти всѣ должны были раздѣлять между разными званіями силы свои, способности и время. Не видя выгоды быть артистами, у насъ были одни аматеры. Это зло; но нѣтъ зла безъ примѣси блага, и обратно. За то литтература того времени, бывъ безкорыстнѣе, была и благороднѣе: тогда точно писали изъ чести; теперь многіе пишутъ изъ денегъ, и въ числѣ писателей есть отдѣленіе литтературныхъ барышниковъ. Недостаточное

состояніе автора нашего неожиданно имѣло благопріятный переворотъ. Графъ Панинъ, по окончаніи воспитанія Наслѣдника престола, между многими щедротами, оказанными ему Императрицею, получилъ богатыя помѣстья. По рѣдкому безкорыстію, которое могло-бы показаться несбыточнымъ, изъ 9000 душъ, пожалованныхъ ему въ новопріобрѣтенныхъ областяхъ, отдалъ онъ около 4000 душъ тремъ секретарямъ своимъ, Фонъ-Визину, Бакунину и Убри. Приписывать-ли сей поступокъ единственно щедрости графа Панина и благородной признательности его за труды помощниковъ своихъ въ исполненіи государственныхъ обязанностей, столь блистательно награжденныхъ, или причинѣ политической, на которую указано въ жизни Бибикова: но въ томъ и другомъ случаѣ поступокъ сей принадлежитъ исторіи. Это едва-ли не первый примѣръ въ своемъ родѣ, и вѣроятно, онъ не скоро потерялъ-бы цѣну единородности своей, если-бъ даже и нравы наши не противились возобновленію подобнаго примѣра. О событіяхъ прошедшаго не должно судить по нынѣшнимъ понятіямъ: потому и нечего намъ оправдывать Фонъ-Визина и товарищей его въ принятіи благодѣянія, которое теперь показалось-бы нѣсколько феодальнымъ. Въ слѣдствіе добровольнаго и закономъ утвержденнаго раздѣла, на часть Фонъ-Визина досталось 1180 душъ. Такое приращеніе въ имѣніи могло-бы составить умѣренное благо-

состояніе; но не долго пользовался имъ новый помѣщикъ. Путешествія его, продолжительное леченіе, довѣренность, оказанная имъ людямъ, не оправдавшимъ оной, неисправность въ условленномъ платежѣ арендатора, которому отдалъ онъ имѣніе свое въ аренду, и тяжба, за тѣмъ послѣдовавшая, скоро привели дѣла его въ совершенное разстройство. Вѣроятно, способствовали къ тому и родъ жизни его, довольно расточительный, хлѣбосольство, разорительная добродѣтель Русскаго дворянства, и простосердечная безпечность, которая рѣдкому автору дозволяетъ быть очень смышленнымъ въ наукѣ домоправительства. Впрочемъ, если Фонъ-Визинъ не имѣлъ, по видимому, большаго порядка въ практическомъ хозяйствѣ, то, по оставшимся послѣ него счетамъ, запискамъ и дѣловымъ бумагамъ, оказывается, что на письмѣ онъ былъ большой теоретикъ: бухгалтерія его была въ большой исправности! Дѣло въ томъ, что легче записывать издержки свои, нежели отъ нихъ воздерживаться, легче вести порядокъ въ счетахъ, нежели въ дѣлахъ. Замѣчательно и то (хотя это и часто случается), что состояніе его пришло въ разстройство именно съ того времени, когда было что разстроивать. Поручая, при отъѣздѣ своемъ въ 1777 году за границу, дѣла свои Бакунину, начинаетъ онъ тѣмъ, *что, Богу благодареніе, я никому не долженъ*. Въ этомъ свидѣтельствѣ заключается, между прочимъ, и доказательство честности его.

Когда не имѣлъ онъ въ виду способовъ уплачивать долги свои, то въ долги и не входилъ. Напротивъ видно, что онъ еще ссужалъ тѣмъ, чѣмъ могъ, знакомыхъ своихъ и былъ заимодавцемъ. Въ доказательство подробностей, въ которыя входилъ онъ по дѣламъ своимъ, выпишемъ два мѣста, довольно забавныя, изъ памятной записки, оставленной имъ предъ отъѣздомъ управляющему своему: «Ходитъ къ П. Ѳ. С. въ мѣсяцъ два раза, а въ Ноябрѣ весьма часто, и просить его о выкупѣ перстня, представляя, что если не изволитъ выкупить, то потеряетъ его; ибо я и самъ заложилъ его не въ надежныя руки. (Перстень заложенъ былъ въ 200 рубляхъ.)» — «Часто на мою мостовую ставятъ воротъ для выгрузки барокъ, и тѣмъ ее портятъ. А какъ въ разсужденіи сего нѣтъ никакихъ полицейскихъ учрежденій, и подрядчики обыкновенно выгружаютъ на мостовой тѣхъ людей, кои за себя не вступаются, то прошу гнать по шеѣ подрядчиковъ, ибо я для нихъ одну мостовую двадцать разъ чинить не подряжался.»

Въ сей-же запискѣ есть свидѣтельство нѣжной и предусмотрительной заботливости его о сестрахъ своихъ. Онъ предписываетъ, въ случаѣ смерти отца своего, посылать имъ часть изъ получаемаго имъ жалованья. Въ пользу незамужнихъ сестеръ своихъ отказался онъ послѣ и отъ своей части въ отцовскомъ наслѣдствѣ.

Изъ упомянутой-же записки видно, что авторъ нашъ въ свое время былъ щеголь. Въ гардеробномъ спискѣ его значатся нѣсколько бархатныхъ кафтановъ и суконныхъ шитыхъ золотомъ, пара платья весенняго бархата, пара перуановая лѣтняя, парчевой шлафрокъ, тулупъ на лисьемъ мѣху, клетчатою матерію покрытый, и прочее. Въ домовыхъ уборахъ, пожиткахъ и добрѣ всякаго рода видѣнъ пристойный достатокъ, а въ исчисленіи ихъ мелочная точность. Ничего не забыто—отъ картинъ до разломанной вафельной доски!

По духовному завѣщанію своему оставилъ онъ женѣ все свое благопріобрѣтенное имѣніе; но изъ того, что мы видѣли выше, можно заключить, что она, кромѣ разстройства и тяжбы, ничего послѣ мужа не наслѣдовала. Сбереженное имущество, деньги, домъ, увлечены были въ общій упадокъ состоянія. Пенсія въ три тысячи рублей, ассигнованная ему изъ почтовыхъ доходовъ, не обращена была по смерти его на несчастную вдову. Фортуна рѣдко имѣетъ обратныя дѣйствія. Панина уже не было; новые-же любимцы ея заботились о себѣ и о своихъ, а не объ участи предмѣстниковъ своихъ. Вдова пережила его четырьмя годами въ страданіяхъ физическихъ и нравственныхъ, въ болѣзни и въ нищетѣ. Мы имѣли въ рукахъ записку ея, которою проситъ она *изъ крайней нужды* дать ей въ займы 15 рублей. По счастью

ся, Фонъ-Визинъ умѣлъ оставить по себѣ друзей, если не въ вельможахъ и въ счастливцахъ, нѣсколько забывчивыхъ, то въ смиренныхъ рядахъ людей, коихъ память надежнѣе, потому что она есть свойство сердца. Въ нихъ вдова его нашла постоянное участіе и неизмѣнную услужливость. Семейство Клостермана принадлежитъ къ сему избранному кругу друзей, испытанныхъ временемъ и случайностію обстоятельствъ. Впрочемъ, сама Фонъ-Визина, прекрасными качествами своими, нѣжною привязанностію къ мужу, трогательною покорностію въ разныхъ печаляхъ, понесенныхъ ею, и всею участію своею, ознаменованною столькими волненіями и превратностями, была достойна любви, уваженія и живѣйшаго состраданія.

ГЛАВА X.

Всѣ свидѣтельства, на кои сослаться можно, всѣ преданія, сохранившіяся до насъ о Фонъ-Визинѣ, удостовѣряютъ насъ, что онъ былъ характера пріятнаго, разговора живаго и остраго, любезности веселой и увлекательной, надежный въ дружбѣ, въ поведеніи прямой, чистосердечный, безкорыстный и незлопамятный. «При самомъ остромъ и бѣгломъ умѣ (писалъ ко мнѣ Петръ Васильевичъ Мятлевъ), онъ никогда и никого умышленно не огорчалъ, кромѣ тѣхъ, кои сами вызывали его на поприще битвы на словахъ.» Онъ имѣлъ много дарованій сценическихъ, хорошо передразнивалъ и читалъ съ большимъ искусствомъ. Кажется, онъ въ дружескихъ обществахъ игрывалъ, или сбирался играть роль *Стародума* въ своемъ «Недорослѣ». Всѣ лица были завербованы; одна роль *Скотинина* была не замѣщена. Можетъ быть, не находилось охотниковъ; къ тому-же и авторъ искалъ въ актерѣ

тѣлесныхъ способностей, приличныхъ сей роли, болѣе матеріальной, нежели духовной. Наконецъ встрѣчается онъ съ молодымъ Р., и любуясь ростомъ его и широкимъ лбомъ, восклицаетъ съ радостію: «Вотъ мой Тарасъ Скотининъ!» Впрочемъ, тутъ не должно искать эпиграммы, тѣмъ болѣе, что Р. былъ человѣкъ остроумный и образованный: это просто былъ крикъ артиста. Физіогномія Фонъ-Визина была значительна и глаза яркости почти нестерпимой. Сію быстроту и знойность глазъ сохранилъ онъ до конца жизни, уже истощенной и полуувядшей. Мы уже сказали, что онъ былъ очень общежителенъ, любилъ быть съ людьми дома и въ гостяхъ, хорошо ѣсть и хорошо кормить. Гастрономическія расположенія его не ослабли и въ болѣзни: въ путевыхъ запискахъ своихъ всегда отмѣчалъ онъ съ рачительностію, гдѣ хорошо пообѣдалъ или худо поужиналъ, и по отмѣткамъ его видно, что онъ судилъ о послѣднемъ неравнодушно, и развѣ только въ этомъ отношеніи бывалъ злопамятенъ. Мы обозрѣли связи его съ сослуживцами; литтературныя связи его были не менѣе почетны. Державинъ, Домашневъ, президентъ академіи наукъ, и самъ заслужившій извѣстность пріятными дарованіями, Богдановичь, Козодавлевъ, бывшій въ послѣдстіи министромъ, но тогда еще скромный искатель счастія у алтарей музъ, актеръ Дмитревскій, который искусствомъ и образованностію своею возвысилъ

у насъ актерское званіе, и еще нѣсколько другихъ литтераторовъ, были ему пріятели. Жаль, что ничего не дошло до насъ изъ сихъ бесѣдъ, которыя, вѣроятно, особенно Фонъ-Визинъ оживлялъ веселостію своею, комическими разсказами и вспышками бѣглаго остроумія. Можно представить себѣ, какъ, мѣшая дѣло съ бездѣльемъ, передавая другъ другу надежды свои на успѣхи Русской литтературы и вообще народнаго просвѣщенія, или частные планы свои для приведенія сихъ надеждъ въ исполненіе, совѣтовались они между собою, критиковали свои произведенія, спорили и соглашались, или, вѣроятнѣе, оставались каждый при своемъ мнѣніи, безъ злобы смѣялись о ближнемъ и о себѣ; какъ въ семъ дружескомъ и просвѣщенномъ ареопагѣ судимы были «Водопадъ» Державина, новый отрывокъ «Душеньки,» «Росславъ» Княжнина; какъ Фонъ-Визинъ, долго слушая выходки сего классическаго Норманца, наконецъ спрашиваетъ автора: «Когда-же выростетъ твой герой? онъ все твердитъ Я Россъ, «Я Россъ. Пора-бы ему и перестать рости!» и какъ Княжнинъ отвѣчаетъ ему: «Мой Росславъ совершенно выростетъ, когда твоего Бригадира произведутъ въ генералы!» Или можно себѣ представить, какъ, при чтеніи сатиры на Фонъ-Визина, въ которой онъ названъ *жуломъ Музъ*, отражаетъ онъ стрѣлу въ самаго насмѣшника, и говоритъ: «*Можетъ быть; только наверное покумился я съ ними не на крести-*

нахъ автора.» То представляемъ себѣ, какъ, въ этой пріятельской бесѣдѣ, въ лицѣ Фонъ-Визина вдругъ оживаетъ Сумороковъ съ своею живостію, съ своими замашками физическими и умственными: олицетворенный покойникъ бѣсится на Тредьяковскаго, сравниваетъ строфу свою съ строфою Ломоносова, или жалуется на Московскую публику, которая въ театрѣ *щелкаетъ орѣхи* въ то самое время, какъ Димитрій Самозванецъ, произноситъ свой монологъ. Но, къ сожалѣнію нашему, весь умъ этихъ бесѣдъ выдохся, всѣ искры остроумія ихъ погасли во мракѣ забвенія! У насъ нѣтъ говоруновъ, расказщиковъ, нѣтъ гостинныхъ рапсодовъ, передающихъ веселыя преданія старины; у насъ нѣтъ и разговора: карты вытѣснили и заступили всѣ другія забавы общежитія. Скорѣе найдешь человѣка, готоваго вспомнить масти и козыри игры, которая сдана ему была во время оно Фонъ-Визинымъ или графомъ Марковымъ, нежели острое слово, слышанное имъ отъ того или другаго. Кто достоинъ былъ имѣть друзей, тотъ долженъ былъ имѣть и непріятелей, или по крайней мѣрѣ противниковъ. Одна тусклая посредственность остается незамѣченною: ни блескъ на ней не отражается, ни сама она не отражаетъ отъ себя блеска, для многихъ ослѣпительнаго. Вѣроятно, Фонъ-Визинъ имѣлъ недоброжелателей и на поприщѣ успѣховъ своихъ по службѣ; но имена ихъ намъ неизвѣстны. Изъ литтератур-

ныхъ противниковъ его всѣхъ извѣстнѣе Александръ Семеновичъ Хвостовъ, выступившій въ бой противъ него съ сатирою, о коей мы уже упоминали. Но бой былъ неравенъ: броня, которою одѣтъ былъ творецъ «Бригадира» и «Недоросля», ограждала его отъ ломкихъ и не всегда острыхъ стрѣлъ наѣздника болѣе отважнаго, нежели опаснаго. Говорятъ, что сей вызовъ на брань былъ началомъ нѣсколькихъ перепалокъ: мы имѣли въ рукахъ отвѣтъ прозою, написанный будто-бы Фонъ-Визинымъ, но не нашли въ немъ ни веселости, ни замысловатости, свойственныхъ его сатирическому уму, и потому полагаемъ, что онъ написанъ не имъ, а какимъ-нибудь безкорыстнымъ и добровольнымъ его защитникомъ. Во всякомъ случаѣ нигдѣ нѣтъ слѣдовъ, чтобы Фонъ-Визинъ подъ своимъ именемъ выходилъ на полемическое поприще. Кажется, въ числѣ литтературныхъ непріятелей его былъ и князь Горчаковъ, извѣстный въ поэзіи нашей сатирами и другими мелкими стихотвореніями; впрочемъ, наравнѣ съ Хвостовымъ, котораго онъ превосходилъ дарованіемъ, онъ ознаменовалъ себя болѣе рукописною, нежели печатною славою. По крайней мѣрѣ, въ «Ноэлѣ» его, писанномъ въ подражаніе Французскимъ, есть куплетъ и на автора нашего:

«Но только лишь ввалился
Фонъ-Визинъ, вздернувъ носъ», и проч.

жно однакожъ замѣтить, что литтератур-
ныя несогласія того времени были не иное что,
какъ рыцарскіе поединки, въ которыхъ дѣйство-
вали однимъ законнымъ и честнымъ оружіемъ:
тогда искали торжества мнѣнію своему, хотѣли
выказать искусство свое, удовлетворить нѣкото-
рой воинственной удалости ума, искавшаго, въ
подобныхъ сшибкахъ случайностей, гласности и
блеска. По вышеприведенному замѣчанію, что
у насъ тогда было болѣе аматёровъ, нежели
артистовъ, слѣдуетъ, что и въ сихъ распряхъ
выходили другъ противъ друга добровольные,
безкорыстные бойцы, а не наемники, которые
ратуютъ изъ денегъ, нападаютъ сегодня на того,
за котораго дрались вчера, торгуютъ равно и
присягою и оружіемъ своимъ, и, за безсиліемъ
своимъ въ бою на-чистоту, готовы прибѣгать
ко всѣмъ пособіямъ предательства. Убѣгая съ
открытаго поля битвы, поруганные и уязвлен-
ные побѣдителемъ, они не признаютъ себя по-
бѣжденными; если стрѣлы ихъ не мѣтки и
удары не вѣрны, то они имѣютъ въ запасѣ дру-
гое оружіе потаенное, ядовитое, имѣютъ свои
неприступныя засады, изъ коихъ поражаютъ
противниковъ своихъ навѣрное. Сей язвы лит-
тературъ и обществъ, которыя ихъ терпятъ по-
тому, что и въ Божіемъ твореніи пресмыкаются
ядовитые гады, и слѣдовательно нужны въ об-
щемъ планѣ созданія, къ счастію и чести своей,
не знала старинная литтература наша.

Въ послѣдніе годы жизни своей, Фонъ-Визинъ охотно обращался къ духовнымъ размышленіямъ и не стыдился смиренія и раскаянія своего: напротивъ, онъ любилъ обнаруживать оныя. «Исповѣдь» его и размышленія по случаю смерти Потемкина носятъ живые отпечатки сего расположенія. Разсказываютъ, что уже въ болѣзненномъ состояніи своемъ, сидя однажды въ Московской университетской церкви, говорилъ онъ университетскимъ питомцамъ, указывая на себя: «Дѣти! возьмите меня въ примѣръ: я наказанъ за свое вольнодумство; не оскорбляйте Бога ни словами, ни мыслію!» Въ доказательство, что сіе смиреніе духа не было въ немъ ни ханжествомъ, ни робкимъ уныніемъ, должно прибавить, что онъ и въ самое то время сохранилъ по возможности живость мыслей и веселость разговора. Вѣроятно даже, что и нѣкоторыя изъ мелкихъ сатирическихъ статей его принадлежатъ сей эпохѣ.

Нѣтъ сомнѣнія, что истинныя заслуги Фонъ-Визина въ литтературѣ основаны на двухъ комедіяхъ его. Переводы его заслуживали вниманія отъ современниковъ: нынѣ они могутъ быть любопытны для изслѣдованія языка, для изученія переворотовъ, послѣдовавшихъ въ исторіи Русскаго слога; могутъ служить поощреніемъ и уликою нынѣшнимъ писателямъ, слишкомъ пренебрегающимъ переводами, которыхъ впрочемъ не замѣняютъ они оригинальными твореніями.

ь писателямъ должно вѣрить на слово, о я писатели. Кто-то выдавалъ себя за музыканта. «Да вы сами играете-ли на какомъ нибудь инструментѣ?» спросили его. — «Нѣтъ, отвѣчалъ онъ: но дядя мой сбирался учиться играть на флейтѣ!» — У насъ иной литтераторъ въ правахъ своихъ съ родни этому дядѣ и племяннику. Фонъ-Визинъ былъ, напротивъ того, писатель довольно дѣятельный, не смотря на то, что у него много времени было отнято службою, путешествіями и болѣзнію. И самыя отдѣльныя, такъ сказать бѣглыя, сочиненія его достойны замѣчанія. Одно изъ первыхъ въ этомъ родѣ, по старшинству времени, есть «Слово на выздоровленіе Великаго Князя Павла Петровича», говоренное въ 1771 году. Болѣзнь Наслѣдника и единаго Преемника Русскаго престола была въ то время не только общею горестію, но и важною государственною опасностію; выздоровленіе-же Его было залогомъ спокойствія и радостію отечества. Участвуя въ общемъ торжествѣ, Фонъ-Визинъ участвовалъ еще и въ частномъ, столь близкомъ сердцу графа Панина, царственнаго наставника. Слово сіе читано было съ жадностію и восхищеніемъ отъ одного конца Россіи до другаго. Впечатлѣніе, произведенное имъ, было такъ сильно, что И. И. Дмитріевъ, спустя болѣе пятидесяти лѣтъ, помнилъ наизусть начало сей рѣчи, слышанной имъ въ дѣтствѣ на семейномъ чтеніи. Конечно, успѣхъ сего творе-

нія много заимствовалъ отъ обстоятельствъ и сочуствія, съ которымъ дѣлили радость автора; силы, краснорѣчія, движеній, ораторскаго достоинства въ немъ мало, но вообще оно написано хорошо. Слогъ его не имѣетъ тяжелой плодовитости и академической напыщенности слога Ломоносова: онъ приближается уже нѣсколько къ общему слогу. Можетъ быть, слуху, въ то время еще не очень опытному, нравились и сіи стихотворческія накладки, которыми облѣпливалъ онъ свою прозу: вотъ образчики этому. Обращаясь къ Россіи, говоритъ онъ: «*Велико счастіе «твое, но и напасть ужасная грозила. Воспомяну «о ней, да больше ощутимъ, колико Небеса Рос«сію защищаютъ.*» Чѣмъ это не стихи изъ Россіяды? Между тѣмъ встрѣчается въ сей рѣчи и достоинство мыслей, которое никогда не старѣется. «Любовь народа есть истинная слава «Государей. Буди властелиномъ надъ страстями «своими, и помни, что тотъ не можетъ владѣть «другими со славою, кто собой владѣть не мо«жетъ. Внимай единой истинѣ и чти лесть из«мѣною. Тутъ нѣтъ вѣрности къ Государю, гдѣ «нѣтъ ея къ истинѣ.» Упомянемъ здѣсь, что Его Высочество, и въ дѣтствѣ своемъ и послѣ, весьма благоволилъ къ своему панегиристу, часто допускалъ его къ Себѣ до самой его болѣзни, и совершенно раздѣлялъ съ наставникомъ своимъ чувства благосклонности и уваженія къ нему.

всеобъемлющей заботливости своей о приходъ просвѣщенія, Екатерина, подобно Петру, соображаясь съ вѣкомъ и поломъ своимъ, не оставляла безъ вниманія ни одного средства размножать у насъ успѣхи образованности, пріохочивать къ нимъ общество и дать умамъ благонамѣренное направленіе. Можно сказать, въ семъ отношеніи, что какъ Петръ былъ плотникъ и преобразователь, такъ Екатерина была законодательница и журналистъ. «Собесѣдникъ» Ея Саардамъ. Сіе періодическое собраніе, изданное въ 1782 году подъ руководствомъ предсѣдательницы академіи наукъ, княгини Дашковой, оживляемо было Вѣнценосною Сотрудницей не однимъ только покровительствомъ, но и дѣятельнымъ участіемъ. Нельзя безъ особеннаго вниманія, безъ благодарности, безъ живѣйшаго ощущенія различныхъ чувствъ, читать и нынѣ сей памятникъ золотаго вѣка литтературы нашей. Разсматривая его въ отношеніи чисто изящномъ, найдемъ въ немъ соединеніе именъ, коими наиболѣе гордятся лѣтописи словесности нашей,—Державина, Хераскова, Богдановича, Княжнина, М. М. Муравьева, Капниста. Въ отношеніи умозрительномъ сіе изданіе не менѣе, если не болѣе, замѣчательно и важно. Въ сравненіи съ нимъ, многіе изъ современныхъ журналовъ нашихъ не болѣе, какъ ученическія упражненія въ словесности, и то еще подъ руководствомъ учителя, плохо знающаго свою грамоту. Фонъ-Визинъ

былъ также однимъ изъ соучастниковъ его. *Опыты Русскихъ синонимовъ, Поученіе, говоренное въ Духовъ день* и *Вопросы* его «Собесѣднику», возбудившіе, такъ сказать, политическую полемику его съ Императрицею, любопытны и занимательны до высшей степени. Въ семъ послѣднемъ произведеніи (должно сказать безъ лести къ Царственной тѣни) превосходство не на сторонѣ автора нашего: Екатерина уже и тѣмъ побѣдила противника своего, что, не отклонившись отъ состязанія съ нимъ, отвѣчала на вопросы его, изъ коихъ нѣкоторые могли казаться довольно неумѣстными. Если Фонъ-Визинъ въ вопросахъ своихъ сказалъ смѣлость, то повинное письмо его, по сему случаю писанное, умно и благородно.

Нѣсколько лѣтъ послѣ сего Фонъ-Визинъ и самъ собирался издавать журналъ. Намѣреніе его не состоялось; но до насъ дошло нѣсколько статей, приготовленныхъ имъ для сего журнала. Кисть творца «Недоросля» оказывается во многихъ изъ нихъ. Повторяемъ сказанное нами: Сумароковъ и Фонъ-Визинъ одни у насъ живописцы нравовъ, одни умѣли владѣть веселою прозаическою сатирою. Первый оригинальнѣе, заносчивѣе, каррикатурнѣе: онъ смѣшитъ насъ чистосердечною досадою своею, потому что ничего нѣтъ забавнѣе сердцовъ человѣка, который сердится сатирически. Въ другомъ также много веселости, но болѣе приготовленія, болѣе за-

кости. Одинъ забавляетъ насъ какъ чеь, въ которомъ все комическое:—умъ, голосъ, ужимки и движенія; другой какъ искусный говорунъ, который достигаетъ цѣли своей однимъ даромъ слова, игривостью выраженій, такъ сказать удареніемъ голоса, придающимъ особенную физіогномію самымъ обыкновеннымъ словамъ. Общее достоинство Сумарокова и Фонъ-Визина есть слѣдующее: они не вымышляли нравовъ, не были живописцами наобумъ, но между тѣмъ и не списывали лицъ и картинъ, въ коихъ нечего было схватить живописнаго. Нынѣ развелись у насъ живописцы нравовъ отъ журнальныхъ статеекъ до романовъ. Каждый журналъ имѣетъ своего юмориста, какъ въ старину каждый домъ имѣлъ своего крѣпостнаго шута или, еще вѣрнѣе, своего доморощеннаго карлу. Но что узнаетъ потомство по картинамъ нынѣшней школы, не заклейменнымъ отпечаткомъ современнымъ, не разцвѣченнымъ ни живостью лицъ, ни вѣрностью костюмовъ? Картины прежнихъ художниковъ писаны масляными красками, не теряющими отъ времени яркости своей: нынѣ пишутъ *пастельными*, которыя стираются подъ рукою самого художника. Одно заимствовали новѣйшіе у предмѣстниковъ своихъ, — мѣстоположеніе ихъ сцены и колоритъ дѣйствующихъ лицъ. Но и тутъ оказался недостатокъ ихъ соображенія. Простаковы, Дурыкины, подъячіе и тому подобныя лица, были оригинала-

ми той эпохи и требовали красокъ, имъ свойственныхъ. Нынѣ должно искать оригиналовъ въ сферѣ болѣе возвышенной: пороки, дурачества наши равно ненавистны, равно смѣшны, но наружность ихъ, такъ сказать, благороднѣе и требуетъ красокъ болѣе рѣзкихъ, оттѣнковъ болѣе нѣжныхъ. Фонъ-Визинъ и Сумароковъ, со всѣмъ умомъ своимъ, если-бъ жили въ наше время, но не перенесли-бы выше своей палитры и кисти, то и они писали-бы для одной черни. Чего-же ждать отъ новѣйшихъ, которые не имѣютъ ни тѣни ихъ ума, ни искры ихъ веселости? Похожденія ихъ по переднимъ и далѣе, но все не до внутреннихъ и чистыхъ покоевъ, имъ недоступныхъ, писаны развѣ для однихъ лакеевъ, но и тутъ безъ пользы. Фонъ-Визинъ показалъ примѣръ, какъ писать нравственныя и сатирическія статьи для простолюдиновъ. Его «Поученіе» статья образцовая въ своемъ родѣ. Оно не по направленію своему, совершенно чуждому политики, но по искусству въ отдѣлкѣ и по принаровкѣ къ понятіямъ простонароднымъ, подходитъ къ лучшимъ памфлетамъ *Курье*, знаменитаго виноградаря. Въ «Придворной Грамматикѣ» много остроумія, но есть нѣсколько и натяжекъ. Хотя въ письмѣ *Стародума* и сказано, что идея сочиненія сего есть совсѣмъ новая, но вѣроятно, что первая идея его принадлежитъ Сумарокову, написавшему «Истолкованіе личныхъ мѣстоименій: я, ты, онъ, мы, вы, они». Любопытно сравнить

статьи для повѣрки опредѣленій, выше
еденныхъ о сатирическомъ искусствѣ обоихъ
исателей. Очень забавно говоритъ Сумароковъ:
«Въ брани относится отрицаніе ко второму ли-
«цу единственнаго числа, напримѣръ: *ты чело-*
«*вѣкъ нечестный;* изъ чего слѣдуетъ иногда поще-
«чина; *но то уже касается до троповъ.*»

«Письмо о планѣ Россійскаго Словаря» отличается большимъ искусствомъ въ критикѣ и эпиграмматическимъ остроуміемъ. Нельзя безпрекословно согласиться со всѣми замѣчаніями автора, напримѣръ, что всѣ пословицы, гдѣ есть Сенюшки и Фили весьма низки умомъ и выраженіемъ, и желательно, чтобъ онѣ вовсе были забыты; какъ будто пословицамъ, симъ апоѳегмамъ народнымъ, должно имѣть складъ и чопорность академическихъ фразъ, или щегольство свѣтскихъ привѣтствій! Но не смотря на то, сей критическій отрывокъ весьма замѣчателенъ: въ немъ авторъ входитъ въ состязаніе съ другимъ знаменитымъ критикомъ, Болтинымъ. Жаль, что неизвѣстны намъ подлинныя примѣчанія Болтина на планъ Словаря Россійской Академіи. Сіи критическіе взгляды на языкъ народа весьма драгоцѣнны, особливо у насъ, гдѣ вообще всѣ болѣе или менѣе говорятъ по наслышкѣ. Нельзя не пожалѣть также о краткости написанной Фонъ-Визинымъ «Жизни графа Н. И. Панина»; но и въ настоящемъ видѣ прочтешь ее не безъ участія, съ уваженіемъ къ государственному мужу и съ бла-

годарностію къ признательному біографу. Намъ сказывали за вѣрное, что авторъ написалъ эту «Жизнь» первоначально на Французскомъ языкѣ. Читая ее въ рукописи одному изъ своихъ пріятелей, замѣтившему невѣрность въ какой-то подробности, онъ сказалъ ему, что тутъ невѣрность умышленная, дабы приписали это сочиненіе иностранцу. Достовѣрно то, что сей біографическій отрывокъ въ первый разъ показался въ печати на Французскомъ языкѣ; переведенный съ него, онъ напечатанъ въ 1787 году Иваномъ Ивановичемъ Дмитріевымъ, не знавшимъ, что онъ переводчикъ Фонъ-Визина; а авто-переводъ, напечатанный нынѣ, отысканъ уже послѣ въ бумагахъ покойнаго Фонъ-Визина. Къ сему-же отдѣленію сочиненій его можно причислить и «Выборъ гувернёра», комедію въ трехъ дѣйствіяхъ, которая не была и не можетъ быть на театрѣ за совершеннымъ недостаткомъ дѣйствія. Читая ее, можно подумать, что она служила основаніемъ «Недорослю»; но между тѣмъ извѣстно, что она написана послѣ. Странно, что авторъ подражалъ въ ней самому себѣ и подражалъ слабо. Но и въ семъ произведеніи, какъ далеко ни отстоитъ оно отъ двухъ прежнихъ комедій, и даже отъ «Разговора у княгини Халдиной» и другихъ нравственно-сатирическихъ очерковъ его, пробивается иногда дарованіе Фонъ-Визина. По времени оно изъ самыхъ послѣднихъ, а можетъ быть и послѣднее сочиненіе автора, уже прибли-

клонившагося къ концу страдальческой жизни своей: въ этомъ отношеніи оно драгоцѣнно. Разсматривая автора сихъ отдѣльныхъ статей со стороны нравственной и философической, должно указать съ уваженіемъ, что онъ вездѣ руководимъ былъ просвѣщеннымъ патріотизмомъ: благонамѣренные виды его на нѣкоторые запросы высшей гражданственности показываютъ, что онъ размышлялъ объ устройствѣ и потребности общества, обращалъ вниманіе на изслѣдованіе предметовъ, которые вообще были еще довольно чужды современнымъ ему писателямъ; однимъ словомъ, онъ оправдалъ и подтвердилъ примѣромъ своимъ сказанное имъ, что «таковая свобода писать, какковою пользуются нынѣ Россіяне, поставляетъ «человѣка съ дарованіемъ, такъ сказать, стражемъ общаго блага.» Понимать такимъ образомъ, и согласно съ понятіемъ исполнять свою обязанность, есть лучшая похвала писателя монархическаго, писателя гражданина и патріота. Фонъ-Визинъ заслужилъ ее въ полной мѣрѣ.

ГЛАВА XI.

Зная, по признанію самого автора, что стихотворческія занятія были для него по истинѣ головоломны, то есть, стоили ему сильной головной боли, нельзя не пожалѣть, что онъ, на зло природѣ своей, потерялъ много времени и здоровья на переводы двухъ драматическихъ твореній. Голова его не имѣла свойства Юпитеровой, и поэтическая Минерва не была для него дочерью *Мигрены*. О переводѣ «Альзиры», и говорить нечего: это ученическій опытъ, какъ и самъ называетъ онъ его, и опытъ неудачный. Въ «Коріонѣ», переводѣ комедіи или драмы Грессета «Сидней», стихъ нѣсколько тверже и правильнѣе; но все нѣтъ слѣдовъ дарованія стихотворческаго. Самый выборъ несчастливъ, или слишкомъ смѣлъ. Драма Грессета слаба вымысломъ и дѣйствіемъ: все достоинство ея въ слогѣ. Герой ея, *Сидней*, недовольный жизнью, собою и другими, мнимо обманутый, мнимый

уважено потомствомъ. Не за долго предъ симъ въ одномъ журналѣ напечатанъ «Коріонъ» въ видѣ любопытной находки, а эта находка, давно въ рукописи всѣмъ извѣстная старина, не внесена была издателями въ полное собраніе сочиненій Фонъ-Визина потому, что не могла служить ни къ чести автора, ни къ удовольствію читателей. Мало того, что напечатанъ «Коріонъ»: къ нему придѣланъ еще новый конецъ, искажающій совершенно мысль Грессета и основный планъ комедіи его. Напрасно сказано въ журналѣ, что въ рукописи Фонъ-Визина не отысканъ конецъ перевода. Переводъ, какъ и подлинникъ, оканчивается слѣдующими стихами слуги *Андрея:*

«Не должно никогда такъ свѣтомъ намъ гнушаться;
Мы видимъ, *каково* со свѣтомъ разставаться:
Хоть въ жизни много намъ случается тужить,
Однако хочется поболѣе пожить.»

Въ словарѣ Новикова упоминается о стихотвореніи Фонъ-Визина «Матюшка разнощикъ». Не смотря на всѣ розысканія наши, мы ни какихъ слѣдовъ его не отыскали. Жаль, если оно было въ родѣ «Посланія къ слугамъ». Въ оставшихся послѣ него бумагахъ, нашли мы начало «Посланія къ Ямщикову», которое, вѣроятно, было окончано и подало поводъ къ сатирическому посланію Хвостова. Приводимъ его къ свѣдѣнію любопытныхъ.

Посланіе къ Ялецкому.

Натуры пасынокъ, прокавъ ея примѣръ,
Піита, философъ и унтеръ-офицеръ!
Ограбленъ мачихой, обиженный судьбою,
Имѣешь рѣдкій даръ—довольнымъ быть собою.
Простри ко мнѣ глаголъ, скажи мнѣ свой секретъ:
Какъ то нашлось въ тебѣ, чего и въ умныхъ нѣтъ?
Доволенъ ты своей и прозой и стихами,
Доволенъ ты своимъ разсудкомъ и дѣлами,
И, цѣну чувствуя своихъ душевныхъ силъ,
Ты зависти къ себѣ ни въ комъ не возбудилъ.
О чудо странное! Блаженна та утроба,
Котора нѣкогда тобой была жереба!
Какъ погребъ начиненъ и пивомъ и виномъ,
И днемъ и нощію объятый крѣпкимъ сномъ,
Набившій носъ себѣ багровый, лучезарный,
Блаженъ родитель твой, совѣтникъ титулярный!
Онъ, бывши умными очами близорукъ,
Не ищетъ проницать во глубину наукъ,
. . . . . .
. . . . . .
Не ищетъ различать и вѣсить колкихъ словъ.
Безъ грамоты піитъ, безъ мыслей философъ,
Онъ, не читавъ Руссо, съ нимъ тотчасъ согласился,
Что чрезъ науки свѣтъ лишь только развратился,
И мнитъ, что . . . . . .
Блаженна, что отъ нихъ такой родился плодъ,
Который въ свѣтѣ семъ возстановитъ ихъ родъ.

(Окончаніе не отыскано.)

Еще нашли мы начало перевода его *Смерти Авеля*, поэмы Геснера, начисто рукою Фонъ-Визина переписанное; почему можно полагать, что и вся поэма была имъ переведена; и двѣ сцены изъ двухъ комедій (первая безъименная); приводимъ и ихъ потому, что здѣсь есть Фонъ-Визинскій отпечатокъ, и въ доказательство, что исправленіе Русскаго воспитанія было постоянною цѣлію автора, почти во всѣхъ произведеніяхъ его.

КОМЕДІЯ.

Дѣйствующія лица:

Простосердъ.
Ненила, жена его.
Молодой Простосердъ.
Зенида, жена его.
Безчестъ.
Юлія, дочь Простосерда.
Стародумъ, другъ Простосерда.
Слуга.

АКТЪ I-й.

СЦЕНА I-я.

Театръ представляетъ комнату, въ которой Простосердъ сидитъ за столомъ и разсматриваетъ книги въ тетрадяхъ. Ненила, Юлія.

Ненила.

Не знаю, батюшка, на кой чертъ ты столько книгъ покупаешь всякой день; только деньгамъ

переводъ. Легкое-ль дѣло. Теперь три поставца биткомъ набито.

Простосердъ.

Какъ-же быть, Ненилушка! У всякаго своя охота. Я люблю читать книжки: для того ихъ и покупаю. Пока глаза есть, стану читать; а какъ глазъ не будетъ, и читать перестану.

Нениля.

Христосъ съ тобою! Гляди, мой батюшка! Да на что ты деньги-то переводишь? Купилъ-бы себѣ книжку,—другую хорошенькихъ, да и полно; прочиталъ до доски, да опять съизнова. Вѣдь, я чай, что въ одной книжкѣ написано, то есть и въ тридцати.

Простосердъ.

Твоя правда, Ненилушка! Этово обману нынче много; такіе проклятые! Прочтешь книжку, кажется, диковинка; прочтешь другую — анъ то же написано, только другими словами; а кажется, и другаго автора, и не та печать; да и деньги берутъ, какъ за новую.

Нениля.

Вотъ такъ-то вашу братью обманываютъ! Благодарю Творца, что не люблю читать книгъ: а то-бы, пожалуй, плуты и меня обманули. Вотъ Юлія — такъ ужъ въ батюшку своего: читать охотница!

Простосердъ.

Еще-бы и она была не охотница! Развѣ мало заплатили мы за ея ученье? Одна мадама чего стоила. Правда, за то она и Французскія книжки читаетъ.

Юлія.

Да что читать, батюшка? У васъ всё Русскія; а я, по чести, не могу читать Русскихъ книгъ: мочи нѣтъ, какія мудреныя, я ни слова не разумѣю.

Ненила.

Слава Богу! хоть дочь въ убытокъ не вводитъ! Если-бъ, храни Богъ, да и она читала по-Русски, — такъ-бы въ конецъ разорились!

Юлія.

Если-бъ Безчестъ не дѣлалъ мнѣ одолженія, и не давалъ-бы читать своихъ Французскихъ книгъ, то, по чести говорю, я не дала-бы покою вамъ, батюшка: все-бы стала просить денегъ.

Ненила.

Спасибо, право, Безчесту, что онъ ее книжками ссужаетъ. Истинно, какой честный молодецъ!

Простосердъ.

О! пречестный и преумный человѣкъ! Онъ хоть и недавно намъ знакомъ, да я сердечно

радъ, что онъ съ сыномъ нашимъ такъ подружился. Петрушка малой молодой; ему очень нуженъ такой, можно сказать, другъ и наставникъ.

Начало сіе писано рукою Фонъ-Визина.

ДОБРЫЙ НАСТАВНИКЪ.

КОМЕДІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Княгиня сидитъ на канапе, на которой стоитъ картонъ съ лентами. Служанка выбираетъ.

Марья.

Не это-ль прикажете?

Княгиня.

Ахъ нѣтъ! да пора, пора мнѣ одѣваться, Машинька! Князь будетъ сюда обѣдать.

Марья.

Молодой Честонъ? *(показываетъ ей ленты.)*

Княгиня *(смотря на ленты.)*

Не правдали, что онъ хорошъ, какъ ангелъ?

Марья.

Красавецъ! И какой съ нимъ ѣздитъ почтенный старичекъ!.....

Княгиня.

Котораго я терпѣть не могу.

Машинька.

За что, Княгиня? Г. Праводумъ такой умный.....

Княгиня.

Онъ тебѣ кажется затѣмъ умнымъ, что ты дура; *(указывая на ленты)* вотъ хороши!

Марья *(убирая шляпку)*.

Можетъ быть, В. С., однако не мнѣ одной этотъ старичекъ нравится. Братецъ вашъ родной, Г. Прямиковъ, человѣкъ, конечно, разумный, самъ большаго объ немъ мнѣнія.

Княгиня *(указывая служанкѣ, какъ перьями убрать шляпку)*.

Братецъ мнѣ родной, даромъ что онъ мнѣ большой, что я у него живу, и что много имъ обязана, братецъ мой, — мужикъ бѣшеный. Въ разборѣ умовъ я ему не вѣрю. Онъ часто меня называетъ дурою, и съ такимъ чистосердечнымъ видомъ, какъ будто бы въ самомъ дѣлѣ была я превеликая дурища. Послѣ этого, ты сама разсуди, есть ли толкъ въ моемъ *дядюшкѣ?*

рову. Сколько разъ вчера, сидя подлѣ него, наступала я ему тихонько на ногу: а онъ всякій разъ извинялся въ слухъ, что своей ногой меня обезпокоилъ. Истинно боюсь, чтобъ вдругъ не обезумить, и при всей публикѣ не потерять благопристойности.

Марья.

Ст..... Княгиня!

По отрывку, подъ названіемъ: *Мнѣніе о избраніи піесъ въ Московскія сочиненія*, видно, что онъ былъ одинъ изъ учредителей общества, которое готовилось издавать періодическое собраніе. Въ числѣ правилъ, постановленныхъ имъ, замѣчательно слѣдующее: *не принимать никакихъ переводовъ;* слѣдовательно въ то время это было дѣло сбыточное, что, впрочемъ, и доказано собесѣдникомъ. Нынѣ какому журналисту придетъ въ голову наложить на себя подобную клятву, которая равнялась бы обреченію себя на голодную смерть. Выше сего мы видѣли, что Фонъ-Визинъ, въ молодости своей, занимался переводомъ съ подлинника Овидіевыхъ превращеній. Въ бумагахъ его найденъ нами отрывокъ перевода изъ Иліады. Предлагаемъ читателямъ сію попытку, хотя и не имѣетъ она большаго литературнаго достоинства. Сомнительно, зналъ ли Фонъ-Визинъ Греческій Языкъ, но, переводъ по удостовѣренію знатоковъ, близокъ и, вѣроятно, составленъ по

надстрочному переводу, или съ буквальной диктовки Елленисма.

ПѢСНЬ 6.

Боги оставили страшную битву: но смертоносное рвеніе являлось еще по нѣкимъ мѣстамъ ратнаго поля и стрѣлы обоихъ войскъ мѣшались между брегами Симоиса и Ксанѳа.

Аяксъ Теламонидъ, сія твердая Грековъ подпора, въ Троянскій рядъ вломился первый и возвращаетъ надежду въ сердца своихъ спутниковъ, сразя Ѳракійскаго начальника Акамаса, сына Евіорова, столь знаменитаго силою, сколько роста высотою: копье Аяксово досягаетъ до верха шлема его, обвитаго *густыми перьями*, проницаетъ чело и пронзаетъ ему кость: очи его покрылись *непроницаемою завѣсою смерти*.

Діометъ приноситъ въ жертву Теутранесова сына Аксила, обитавшаго въ великолѣпныхъ Арисбскихъ Стѣнахъ и владѣвшаго многими сокровищами; другъ человѣческаго рода, посвятилъ онъ гостепріимству домъ свой, при большомъ пути стоящій: но изъ всѣхъ, имъ угощенныхъ, никто не подвергнулъ себя опасности, дабы смерть отъ него отвратити. Единый Калезій, вѣрный ему рабъ, ведущій тогда коней его, умираетъ близъ него отъ руки Діомедовой.

Евріалъ сражаетъ Дреза и Офелта и тотчасъ напалъ на Эзепа и Педаза, рожденныхъ отъ Наяды Абарбареи и Буколіона, старшаго сына

царя Лаомедона и происшедшаго отъ потаеннаго брака. Буколіонъ пасъ стада, когда соединился съ сею Наядою; которая, нося въ лонѣ своемъ плодъ любви, сихъ двухъ близнецовъ въ свѣтъ произвела. Сынъ Мекистеевъ, не трогаяся ни юностію, ни красотою, на песокъ его повергаетъ и отъ него оружіе отъемлетъ.

Неустрашимый Полипэтъ повергаетъ Астіала; Улиссъ стрѣлою убиваетъ Пидита, прибывшаго изъ Перкоса; Тевкеръ проливаетъ знаменитую кровь Аретаона; и сынъ Несторовъ Антилохъ, вооруженный блестящимъ копіемъ, Абеера поражаетъ. Начальникъ войска Агамемнонъ разитъ смертно Элата, царствовавшаго въ возвышенныхъ стѣнахъ Педаза, на прекрасныхъ брегахъ Сатніонскихъ. Леитъ, славный воинъ, отнимаетъ жизнь у Филака, бѣжавшаго предъ стопами его, а Меланоій подъ Еврипиловымъ мечемъ упадаетъ.

Храбрый Менелай плѣняетъ Адраста; кони сего начальника, объятые ужасомъ, побѣгли быстро въ поле, но удержанные пнемъ древа, раздробляютъ колесницу близъ дышла: они мчатся за множествомъ коней устрашенныхъ, летѣвшихъ ко граду, когда воинъ, катясь съ колесницы, у колесъ лицемъ къ землѣ упадаетъ. Менелай былъ возлѣ его, держащій въ десницѣ длинное копье. Адрастъ объемлетъ колѣна его и, молящимъ гласомъ, вѣщаетъ ему: дай мнѣ оковы, о сынъ Атрея! и прими достойную мзду моея свободы; чертоги отца моего изобилуютъ драгоцѣн-

нѣйшими сокровищами, златомъ, мѣдію и кованнымъ желѣзомъ; родитель мой все тебѣ отдастъ за мое искупленіе, какъ скоро узнаетъ, что я живъ при Греческихъ судахъ.

Симъ моленіемъ преклонялъ онъ сердце Менелаево, который повелѣлъ уже единому изъ своихъ вести его къ кораблямъ, но Агамемнонъ притекаетъ раздраженный: «О, Менелай!» вопіетъ онъ: «воинъ слабый! Тебѣ ль пещись о спасеніи «враговъ нашихъ? Трояне безъ сумнѣнія подали «дому твоему великую вину благодарности, да «не избѣгнетъ никто изъ нихъ десницы нашей, «да не пощадится и младенецъ, носимый матерью «въ утробѣ; но да погибнутъ всѣ обитающіе «Илліонъ, да трупы ихъ землѣ не предадутся, и да (здѣсь кончается переводъ.)

Извѣстно также, что онъ переводилъ, и вѣроятно по порученію начальства, книгу: о вольности Французскаго дворянства и о пользѣ третьяго чина; тутъ же приложено и разсужденіе о третьемъ чинѣ. Сей трудъ, писанный рукою Фонъ-Визина, долженъ храниться въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Пушкинъ говорилъ мнѣ о какомъ-то Ѳеологическомъ памфлетѣ, писанномъ будто Фонъ-Визинымъ, подъ названіемъ: *Аввакумъ Скитникъ*. Сочиненія подъ такимъ названіемъ мы не отыскали, но нашли другое, которое могло подать поводъ къ ошибочному преданію. Въ числѣ Русскихъ библіографическихъ рѣдкостей есть *Жизнь*

нѣкотораго мужа и перевозъ куріозной души его чрезъ Стипсъ рѣку. Сей *нѣкоторый мужъ*, по словамъ повѣствованія родился близъ рѣки Оби въ *весьма набожномъ Аввакумовскомъ скитѣ*, и проч. Сочиненіе же сіе приписано Фонъ-Визину вѣроятно потому, что оно напечатано по крайней мѣрѣ вторымъ тисненіемъ (въ С. Петербургѣ, 1788 года), вмѣстѣ съ посланіемъ къ слугамъ моимъ. Но по свѣдѣніямъ, болѣе достовѣрнымъ, оно плодъ пера Адама Васильевича Олсуфьева, Статсъ-Секретаря при Императрицѣ Екатеринѣ II, который въ свое время извѣстенъ былъ шутливостью ума своего и необыкновеннымъ обжорствомъ. Согласно съ тѣми же свѣдѣніями, оно издано въ свѣтъ по одному поводу съ посланіемъ Фонъ-Визина, то есть во дни публичнаго маскарада, даннаго въ Москвѣ на сырной недѣлѣ, и воспользовалось съ близнецемъ своимъ свободою, которая предоставляется маскамъ. Нынѣ, читая сей памфлетъ, или пасквиль, трудно доискаться сокрытаго смысла, и ключа къ содержащимся въ немъ намекамъ, но догадываешься, что тутъ есть портретъ, или карикатура, извѣстнаго въ той эпохѣ лица. Очевидно также, что кистью автора водило недоброжелательство, единомышленное съ тѣмъ, которымъ увлеченъ былъ Ломоносовъ, когда онъ воспѣвалъ гимнъ бородѣ, перестроивъ торжественную лиру свою на сатирическій и простонародный ладъ. Во всякомъ случаѣ, оцѣнивъ эту шалость въ литературномъ достоинствѣ, невоз-

можно приписывать ее Фонъ-Визину: въ ней нѣтъ ни остроумія, ни слога его.

Въ концѣ жизни своей, онъ переводилъ, или готовился переводить и Тацита. Въ журналѣ его, подъ замѣткой 14-го Февраля 1790 года, находимъ: «Поутру послалъ письмо къ Государынѣ о Тацитѣ.» Сколь намъ извѣстно, отвѣтъ былъ неблагопріятенъ. Первые переводы Лѣтописей Тацита: Румовскаго и Поспѣлова, появились уже въ началѣ царствованія Александра. Въ бумагахъ Фонъ-Визина не нашлось ни какихъ слѣдовъ, ни перевода Овидіевыхъ превращеній, ни перевода твореній Римскаго Историка. Это потеря для нашей Словесности. Особенно въ переводѣ Тацита Фонъ-Визинъ, вѣроятно, имѣлъ бы хорошій успѣхъ: слогъ его, довольно холодный и малоуступчивый, едва ли бы могъ съ равною удачею передать мягкость и блестящую игривость Латинскаго поэта. Кажется, что Государыня, подъ конецъ, уже не благоволила къ Фонъ-Визину. Разсказываютъ, что онъ, по заказу Графа Панина написалъ одно политическое сочиненіе для прочтенія Наслѣднику. Оно дошло до свѣдѣнія Императрицы, которая осталась имъ недовольною, и сказала однажды, шутя въ кругу приближенныхъ своихъ: «худо мнѣ жить приходитъ: ужъ и Г-нъ Фонъ-Визинъ хочетъ учить меня царствовать!»

ГЛАВА XII.

При скудости нашей въ подробныхъ и личныхъ свѣдѣніяхъ о многихъ годахъ изъ жизни Фонъ-Визина, можемъ почесть особеннымъ счастіемъ, что имѣемъ возможность расказать читателямъ нашимъ, какъ провелъ онъ свой послѣдній, предсмертный вечеръ. Живой разсказъ нашъ взятъ со словъ очевидца и собесѣдника его. Намъ уже извѣстно, что авторъ нашъ былъ въ пріятельскихъ связяхъ съ Державинымъ, съ которымъ въ подобныхъ-же отношеніяхъ былъ и И. И. Дмитріевъ, оставившій въ запискахъ своихъ краткія, но мастерски обрисованныя и занимательныя замѣтки о личности и характерѣ великаго поэта. По изъявленному Фонъ-Визинымъ желанію, Державинъ познакомилъ его съ Дмитріевымъ. По возвращеніи изъ послѣдней поѣздки, въ Бѣлоруссію, куда вызвали его хозяйственныя дѣла и тяжба, страдалецъ выѣзжалъ всегда въ сопровожденіи двухъ молодыхъ Шкловскихъ во-

спитаниковъ, служившихъ ему вожатыми и чтецами. Грустно было первое впечатлѣніе при встрѣчѣ съ сею едва движущеюся развалиною. Но и она была еще озарена не совсѣмъ угасшимъ пламенемъ умственной и внутренней силы. Онъ былъ еще словоохотливъ и остроуменъ. Литература до послѣдняго дня его была ему живымъ источникомъ веселыхъ вдохновеній, бодрости и забвенія житейскихъ недуговъ и лишеній. Параличемъ разбитый языкъ его, произносилъ слова съ усиліемъ и медленно, но рѣчь его была жива и увлекательна. При этомъ свиданіи, онъ, между прочимъ, забавно расказывалъ о какомъ-то уѣздномъ почтмейстерѣ, который выдавалъ себя за усерднаго литератора и поклонника Ломоносова. На вопросъ же, которая изъ одъ его ему болѣе нравится? Отвѣчалъ онъ простодушно: «ни одной не случилось читать.» Отвѣтъ забавный, но впрочемъ въ наше время не удивительный. Если бы нынѣ, допросить многихъ изъ такъ называемыхъ критиковъ нашихъ, которые повелительно рядятъ и судятъ о Ломоносовѣ и о другихъ, по ихъ мнѣнію, допотопныхъ явленіяхъ словесности нашей, то и они добросовѣстно должны были бы сознаться, что и имъ не пришлось читать ни Ломоносова, ни Петрова, ни Сумарокова, ни Хераскова, ни Богдановича, которыхъ, однако же, перечитывали и изучали: Жуковскій, Батюшковъ и Пушкинъ. Для новаго поколѣнія нашего, которое до головокруженія,

безпамятства и одышки бѣжитъ за успѣхами вѣка, для этихъ *почтмейстеровъ* новѣйшей Литературы, озабоченныхъ также гоньбою времени, нѣкогда и не для чего оглядываться обратно. Они знаютъ, и то мимоходомъ, только тѣхъ проѣзжихъ, которые на-лицо, а вчерашніе давнымъ давно канули для нихъ-въ вѣчность. Но обратимся къ нашему разсказу, и для большаго удовольствія читателей, уступимъ мѣсто самому разсказщику, и приведемъ отрывокъ изъ собственноручныхъ записокъ его, еще неизданныхъ.

«Чрезъ Державина же я сошелся и съ Денисомъ Ивановичемъ Фонъ-Визинымъ. По возвращеніи его изъ Бѣлорусскаго своего помѣстья, «онъ просилъ Гаврила Романовича познакомить «его со мною. Я не знавалъ его въ лице, какъ «и онъ меня. Назначенъ былъ день свиданія. «Въ шесть часовъ по-полудни пріѣхалъ Фонъ-«Визинъ. Увидя его въ первый разъ, я вздрогнулъ, и почувствовалъ всю бѣдность и тщету «человѣческую. Онъ вступилъ въ кабинетъ Державина, поддерживаемый двумя молодыми офицерами, выпущенными изъ Шкловскаго Кадетскаго Корпуса и пріѣхавшими съ нимъ изъ «Бѣлоруссіи.» Уже онъ не могъ владѣть одною «рукою; равно и одна нога одеревенѣла: обѣ «поражены были параличемъ; говорилъ съ крайнимъ усиліемъ, и каждое слово произносилъ «голосомъ охриплымъ и дикимъ; но большіе «глаза его быстро сверкали. Первый брошен-

«ный на меня взглядъ привелъ меня въ смяте-«ніе. Разговоръ не замѣшкался: онъ приступилъ «ко мнѣ съ вопросами о своихъ сочиненіяхъ: «знаю ли я *Недоросля?* читалъ-ли *Посланіе къ Шу-«милову*, *Лису кознадѣйку*, переводъ его *Похваль-«наго слова Марку Аврелію?* и такъ далѣе; какъ «я нахожу ихъ? — Казалось, что онъ такими во-«просами хотѣлъ съ перваго раза вывѣдать свой-«ства ума моего и характера. Наконецъ спросилъ «меня и о чужомъ сочиненіи: что я думаю объ «*Душенькѣ*. Она изъ лучшихъ произведеній на-«шей поэзіи, отвѣчалъ я — прелестна! подтвер-«дилъ онъ съ выразительною улыбкою;—потомъ «Фонъ-Визинъ сказалъ хозяину, что онъ при-«везъ ему свою комедію: *Гофмейстеръ*. (*Вѣроятно «ту, которая въ сочиненіяхъ его напечатана подъ «названіемъ: Выборъ гувернера*). Хозяинъ и хозяйка «изъявили желаніе выслушать эту новость. Онъ по-«далъ знакъ одному изъ своихъ вожатыхъ. Тотъ «прочиталъ комедію однимъ духомъ. Въ про-«долженіе чтенія, авторъ глазами, киваніемъ «головы, движеніемъ здоровой руки подкрѣп-«лялъ силу тѣхъ выраженій, которыя самому «ему нравились.»

«Игривость ума не оставляла его и при болѣз-«ненномъ состояніи тѣла. Не смотря на труд-«ность разсказа, онъ заставлялъ насъ не однаж-«ды смѣяться. Во всемъ уѣздѣ, пока онъ «жилъ въ деревнѣ, удалось ему найти одного «только Русскаго литтератора, городскаго почт-

«мейстера. Онъ выдавалъ себя за жаркаго по-«читателя Ломоносова. — Которую же изъ одъ «его признаете вы лучшею?—ни одной не слу-«чилось читать, отвѣтствовалъ ему почтмейстеръ.. «Зато, продолжалъ Фонъ-Визинъ, доѣхавъ до «Москвы, я уже не зналъ, куда мнѣ дѣваться «отъ молодыхъ стихотворцевъ. Отъ утра до ве-«чера, они вокругъ меня роились и жужжали. «Однажды докладываютъ мнѣ: *пріѣхалъ трагикъ;* «принять его, сказалъ я, и чрезъ минуту входитъ «авторъ съ пукомъ бумагъ. Послѣ первыхъ при-«вѣтствій и оговорокъ, онъ проситъ меня выслу-«шать трагедію его *въ новомъ вкусѣ*. Нечего дѣ-«лать: прошу его садиться и читать. Онъ пред-«варяетъ меня, что развязка драмы его будетъ «совсѣмъ необыкновенная: у всѣхъ трагедій окон-«чиваются добровольнымъ, или насильственнымъ «убійствомъ, а его Героиня, или главное лице, «умретъ естественною смертію. — И въ самомъ «дѣлѣ, заключилъ Фонъ-Визинъ, Героиня его «отъ акта до акта чахла, чахла, и наконецъ издохла.»

«Мы разстались съ нимъ въ одиннадцать часовъ вечера, а на утро онъ уже былъ въ гробѣ.»

Такъ прошелъ замѣчательный вечеръ посреди трехъ представителей, трехъ многозначительныхъ выраженій нашей литтературы. Одно въ лицѣ Фонъ-Визина уже ослабѣвшее, и которому суждено было чрезъ нѣсколько часовъ навсегда умолкнуть; другое во всей звучной полнотѣ, во всемъ

блескѣ силы и славы; третье только что возникало, но, вслушиваясь въ него, можно было уже угадывать, что оно вскорѣ смягчитъ и умѣритъ поэтическую рѣчь нашу, нѣсколько напыщенную и безсмѣнно торжественную. Еще нѣсколько опытовъ, и оно должно было измѣнить Русскій стихъ: придать ему болѣе гибкости, обогатить его новыми оборотами и оттѣнками, въ которыхъ мысль и чувство отразятся свободнѣе и простѣе, сближаясь болѣе и болѣе съ природою, истиною и жизнью.

Такимъ образомъ, вслѣдъ за описаннымъ вечеромъ, на другое утро, то есть 1-го Декабря 1792 года, Фонъ-Визина не стало. 1-е Декабря вдвойнѣ памятно въ лѣтописяхъ Русской словесности: кончиною творца Недоросля и рожденіемъ Карамзина, которому суждено было довершить и полнѣйшимъ развитіемъ усовершенствовать и установить начатый Фонъ-Визинымъ переворотъ въ нашей прозѣ. Первый проложилъ новую тропу, но не въ слѣдствіе обдуманнаго изученія предмета своего, а просто, можно сказать, безъ сознанія, по одной счастливой оригинальности таланта. Можетъ быть и отъ того, что онъ не былъ человѣкъ кабинетный, писалъ урывками, между дѣломъ и обязанностями службы дѣятельной и прямо государственной; но какъ бы ни было, а не смотря на блистательные литтературные успѣхи, онъ никогда не могъ быть образцемъ и не былъ главою новой школы. Примѣръ

преемника его долженъ былъ сдѣлаться дѣйствительнѣе и многоплоднѣе: въ немъ въ равной степени и силѣ соединились и то, что природа даруетъ нѣкоторымъ избраннымъ, и то, что покупается тяжелою цѣною труда, ученія и постояннаго упражненія. Въ слогѣ Фонъ-Визина не замѣчаешь возрастающаго усовершенствованія. Въ постепенности твореній его нѣтъ этихъ рѣзко означенныхъ слоевъ, по коимъ можно слѣдить за художественнымъ производствомъ и внутреннею переработкою дарованія, которое само себя возсоздаетъ и образуетъ. Одно у него лучше написано, нежели другое, но это единственно по вдохновенію минуты, или сочувствію съ предметомъ, который попадаетъ подъ перо его. Достоинства и погрѣшности языка и слога его одинаковы въ Бригадирѣ и въ письмахъ его изъ Франціи, въ началѣ и концѣ литтературнаго поприща его. Умъ его могъ созрѣвать и постепенно осаживаться подъ вліяніемъ новыхъ понятій и новаго образа мыслей, но онъ не давалъ труда себѣ переработывать и улучшать орудіе ума своего. — Въ твореніяхъ Карамзина превосходство слога слѣдуетъ, такъ сказать, хронологическому порядку. Слогъ его зрѣетъ и мужаетъ безостановочно. Съ каждымъ днемъ авторства его, то есть съ каждымъ днемъ его жизни, съ каждою написанною имъ страницею, онъ болѣе и болѣе владѣетъ языкомъ: изсѣкаетъ изъ него новыя тайны, новыя средства, новыя богатства.

Дѣло въ томъ, что въ Фонъ-Визинѣ, какъ писателѣ, было только блистательное дарованіе. Въ Карамзинѣ было и дарованіе необыкновенное, и вмѣстѣ съ тѣмъ врожденное и глубоко-обдуманное художество. Эта художественная сторона писателей совершенно ускользаетъ отъ критиковъ непосвященныхъ въ искусство и не одаренныхъ художественнымъ взглядомъ. Они обыкновенно судятъ о писателѣ и оцѣниваютъ творенія его по одному сочувствію съ образомъ мыслей его, или, еще чаще, съ одностороннимъ направленіемъ какихъ нибудь условныхъ понятій, или на ту пору господствующихъ предубѣжденій. Если образъ мыслей писателя не сходствуетъ съ ихъ понятіями, не соотвѣтствуетъ по ихъ мнѣнію, такъ называемымъ потребностямъ вѣка, то они въ невѣжествѣ своемъ выдаютъ нелѣпые приговоры, что языкъ, что слогъ того-то, или другаго устарѣлъ. Сами, лишенные всякаго приготовительнаго образованія, они почерпаютъ всѣ свѣдѣнія свои изъ ежедневной, мелкой, текущей литтературы. — Они тупѣютъ въ убѣжденіи, что невѣдомое имъ было до того дня невѣдомо и прочимъ. Смотрите, съ какою ребяческою жадностью ловятъ они и усвоиваютъ себѣ каждый новый парадоксъ, каждое проявленіе мысли, ложной или правильной, имъ до того дѣла нѣтъ, было бы оно только прикрыто лакомъ новизны. Даже иногда просто хватаются они за новую, голословную формулу пошлой и въ другихъ мѣ-

стахъ, давнымъ давно, избитой фразеологіи. Все это для нихъ пріобрѣтеніе, символъ, знамя. Кто ближе подходитъ подъ эти условія, кто на тощій разумъ ихъ броситъ нѣсколько крохъ этой словесной мякины, тотъ и выдвигается ими на передовую ступень и вытѣсняетъ всѣхъ предшественниковъ. При такомъ отсутствіи художественнаго чувства, тамъ гдѣ идетъ дѣло о разборѣ твореній, въ коихъ художественная стихія должна имѣть такой значительный перевѣсъ, несообразныя и ошибочныя заключенія неминуемы. Это можно доказать и у насъ нѣсколькими собствеными именами. Нѣтъ сомнѣнія, что, напримѣръ, Кантемиръ во многихъ отношеніяхъ опередилъ свой вѣкъ, что онъ ближе къ господствующимъ нынѣ мнѣніямъ, нежели Ломоносовъ. Тредьяковскій, въ свое время, не принадлежалъ къ числу запоздалыхъ. Въ Сумароковѣ имѣли мы, въ нѣкоторомъ смыслѣ, представителя современной Французской школы. Вольтеръ былъ его кумиромъ. Радищевъ не былъ ли у насъ маленькимъ Гельвеціемъ и Рейналемъ? Не выразился ли въ немъ писатель не только 18-го, но 19 и пожалуй 20-го вѣка? На каждаго изъ нихъ должно, по справедливости, отчислить долю нѣкоторыхъ заслугъ и достоинствъ, неотъемлемо оставшихся за ними и нынѣ. Но отъ чего не только теперь, но и въ свое время не имѣли они того вліянія, той зиждительной силы, которая оставляетъ глубокіе и путеводительные слѣды

на почвѣ, обработанной предназначенными дѣлателями? Отвѣтъ не затруднителенъ.

При этомъ нельзя не замѣтить, что эти скороходы въ мишурномъ нарядѣ и въ разноцвѣтныхъ перьяхъ на головѣ, которые, стоя на запяткахъ, болѣе всѣхъ кричатъ о успѣхахъ времени, болѣе всѣхъ суетятся и вертятся на посылкахъ у него, то за тѣмъ требованіемъ, то за другимъ, сами ни единою мыслью, ни единымъ шагомъ не подвигаютъ впередъ правильнаго хода его. Настоящіе просвѣтители и двигатели не выдаютъ себя за выскочекъ, не оглашаютъ воздуха пустыми восклицаніями, а въ тишинѣ труда, въ ясномъ спокойствіи зиждительной силы дѣйствуютъ и творятъ. Избави ихъ, Боже, отказываться отъ прошедшаго, отрекаться отъ преданій, отъ наслѣдства, завѣщаннаго имъ предшественниками. Напротивъ, въ нихъ видятъ они пособія для нынѣшняго дня, на нихъ основываютъ надежды и завтрашняго. Ежеминутно провозглашать, что время идетъ впередъ, что умъ человѣческій подвигается съ нимъ, значитъ провозглашать съ ребяческою важностью, или пошлую истину, или нелѣпость; нелѣпость, если придавать сей истинѣ исключительное значеніе, значеніе разрывающее всякую законную связь съ предъидущимъ. Разумѣется, время идетъ, но если оно идетъ нынѣ, то оно шло и прежде. Или предполагать, что оно получило способность ходить, только съ той поры, какъ вы стали на ноги? Идетъ оно, можетъ быть, съ каждымъ

днемъ, съ каждымъ вѣкомъ спорѣе и успѣшнѣе, не спорю, но именно отъ того, что оно заимствуетъ себѣ вспомогательныя, переносныя силы отъ прошедшаго, которое сводится и сосредоточивается въ немъ. Отнимите эти наслѣдственныя силы, разорвите цѣпь послѣдствій и преданій, и время, или успѣхи его, то есть время въ духовномъ значеніи своемъ, закоснѣетъ и придетъ въ совершенный застой. Только у необразованныхъ, дикихъ народовъ нѣтъ прошедшаго. Для нихъ вѣкъ мой, день мой. Низпровергая, ломая все прошедшее на свозъ, какъ уже отжившее и ненужное, вы сами не догадываясь о томъ, обращаетесь къ первобытной дикости. Вы хотите выдавать себя за передовую дружину умственнаго движенія, а на дѣлѣ вы отсталые. Вы настоящіе гасители, ибо покушаетесь потушить неугасимый свѣтъ, разлившійся искони и постепенно разливающійся изъ одного нетлѣннаго и все болѣе и болѣе питаемаго свѣтильника. Не только въ области наукъ и искусства, но и въ самой политикѣ, только тѣ перевороты благонадежны и плодотворны, которые постепенны и необходимы. Главное условіе прочности ихъ есть то, что-бы они развивались изъ нѣдръ прошедшаго, изъ святыни народной, изъ хранилища исторіи и опыта. Не говорятъ вамъ сидите на мѣстѣ, но говорятъ: не пускайтесь въ путь безъ запасовъ, несообразжаясь съ путемъ, который перешли до васъ трудолюбивые и усердные подвижники.

Разумѣется, время идетъ, разумѣется просвѣщеніе продирается нетерпѣливо все впередъ и впередъ: но изъ того не слѣдуетъ, что необходимо каждые десять лѣтъ выбрасывать все старое и дочиста заводиться новыми понятіями, новымъ языкомъ, новыми великими людьми, какъ прихотливый и расточительный хозяинъ заводится въ домѣ своемъ новою мебелью, утварью и посудою. Если послушать нашихъ скороспѣлокъ, то не только у насъ, но и у другихъ все прежнее ни куда не годится, особенно въ литтературѣ. Чтобы сослаться на какой нибудь примѣръ, возмемъ хотя комедію Грибоѣдова. Отдаю полную справедливость уму и дарованію автора. Но для нихъ умѣренная, благоразумная похвала не достаточна. Увлекаясь нѣсколькими удачными, смѣлыми стихами, нѣсколькими необыкновенными пріемами въ способѣ изложенія, они силятся поставить это твореніе выше всего написаннаго въ этомъ родѣ. По мнѣнію ихъ, Грибоѣдовъ не только у насъ началъ новую драматическую эру, но убилъ и Моліера, этотъ развѣнчанный кумиръ суевѣрныхъ классиковъ. Послушаемъ теперь, что говоритъ Гете, Гете, который богатою и смѣлою рукою разбросалъ такъ много новыхъ понятій, новыхъ формъ, новыхъ ученій и преподаваній на разныхъ стезяхъ науки и художества. «Каждый годъ», говоритъ онъ, «перечитываю нѣсколько драмъ Моліера, также, «какъ любуюсь время отъ времени эстампами съ

«картинъ Италіянскихъ художниковъ: ибо мы, пигмеи, не въ силахъ удержать въ умѣ своемъ возвышенность подобныхъ созданій. Намъ иногда нужно возвращаться къ нимъ, чтобы возобновлять въ себѣ впечатлѣнія такого рода.» Любопытно сравнить сознаніе пигмея-Гете съ приговорами нашихъ исполиновъ.

Нѣтъ, никакое поколѣніе не есть подкидышъ, или случайный выскочка на распутіи человѣческаго рода. Какъ ни значительны, какъ ни великіи дѣянія котораго нибудь изъ нихъ, какъ съ перваго впечатлѣнія не ослѣпляй онѣ своею изумительною нечаянностью, но опытный и зоркій взглядъ отыщетъ въ нихъ неприметную для толпы связь, соотвѣтствіе, родство съ предъидущими. Каждое поколѣніе, каждый вѣкъ есть сынъ и внукъ своихъ предшественниковъ. Святая заповѣдь: «чти отца и мать, и будешь долголѣтенъ на землѣ», можетъ примѣняема быть и къ народамъ, и къ представителямъ ихъ на разныхъ поприщахъ гражданственности и просвѣщенія. Горе народу, непочитающему старины своей! Горе поколѣнію, отвергающему завѣты родоначальника своего! Горе писателямъ, которые самонадѣянно предаютъ забвенію и поруганію дѣла доблестныхъ отцевъ! Ни тѣмъ, ни другимъ не бывать *долголѣтними на землѣ*.

Въ полномъ убѣжденіи, что память о прошедшемъ есть достояніе, а частію и сила настоящаго, предаю съ довѣрчивостью трудъ мой внима-

нію читателей. Не смотря на недостатки его, надѣюсь, что съ означенной мною точки зрѣнія, будетъ онъ въ глазахъ ихъ имѣть нѣкоторую занимательность и пользу.

КОНЕЦЪ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ПРИЛОЖЕНІЕ ПЕРВОЕ, КЪ СТРАНИЦѢ 13-ОЙ.

Monseigneur,

Je n'ai rien à dire de nouveau à Votre Excellence, concernant l'histoire. Il court ici un bruit, comme si le Roi de Prusse a fait bruler à Berlin les oeuvres du Philosophe de Sans-souci par la main du bourreau, dèsavouant plusieurs changemens dans ces pièces, et promettant de donner bientôt une édition complète pour faire voir les erreurs de celle-ci. Monsieur de Voltaire l'ayant sû dit qu'il est un homme capable de le faire, mais que le public ne sera pas si aveugle pour donner dans le panneau. On lui demanda, s'il y a long tems qu'il a reçû des lettres du Roi : je crois, repondit-il, que nous romprons bientôt ; il y a deja plus de quinze jours que je n'ai de lui aucune nouvelle.

J'ai l'honneur de mé recommander dans la très gracieuse protection de Votre Excellence, étant avec le respect le plus profond et le plus zelé

Monseigneur

de Votre Excellence

le très humble et le très devoué serviteur

Boris Solticoff.

№ XVI.

le $\frac{9}{20}$ Mai 1760

à Genève.

Monseigneur,

L'auteur continue à travailler sur l'histoire de Pierre le grand, et a grande envie de recevoir la réponse sur le tome envoyé à Votre Excellence.

Il vint dernièrement chez-lui un dominicain pour lui tèmoigner son respect, et pour l'assurer, qu'en passant par Genève il n'a pu s'abstenir de voir un si grand homme. (вдѣсь слѣдуютъ нѣкоторыя шутки, сказанныя Вольте-

ромъ, о Доминиканскомъ Орденѣ, которыя не грѣшно и пропустить).

Le chanoine l'avoua en rougissant ce qui fit beaucoup rire toute la compagnie. C'est ordinairement de la sorte qu'il reçoit tous les ecclésiastiques qui viennent le voir.

J'ai l'honneur etc.

Boris Solticoff.

№ XVIII.

le $\frac{16}{27}$ Mai 1760.

à Genève.

Monseigneur,

Monsieur de Voltaire m'a dit avoir reçu des nouvelles de Vienne, par les quelles il apprit que celui qui a detourné le paquet contenant le premier tome de l'histoire envoyé au mois d'Octobre 1759 est arrêté à Nurnberg, et qu'en même tems il ècrivit à Hambourg d'acheter tous les exemplaires qui en seront imprimés afin d'arrêter par ce moyen la publication du livre, en cas qu'il y eût quelque chose à corriger. Il me pria d'en faire mon rapport à Votre Excellence. J'attendrai vos ordres, Monseigneur, concernant le second exemplaire envoyé le premier d'Avril n. st. le plutôt serait le meilleur pour prévenir les effets de la friponnerie du misèrable qui a osé faire ce vol.

Ces jours vint à Genève Monsieur de Woronzoff, avec lui nous dinames deux fois aux dèlices, il part aujourd'hui pour Paris.

J'ai l'honneur etc.

Boris Solticoff.

Monseigneur,

L'auteur attend avec impatience des nouvelles de Votre Excellence, il m'en demande toutes les fois qu'il me voit, attribuant le silence aux circonstances de la guerre. Après avoir fait imprimer les Prussiens terrassés par les Russiens dans la pièce que je vous ai envoyé, Monseigneur, avec la dernière poste, il ne cesse de nous souhaiter des succés encore plus grands, se flattant même de l'accomplissement de ses desirs, vû l'adresse, dans la quelle la pratique doit avoir instruit nos officiers; je n'ai garde de lui en savoir mauvais gré.

Il est toujours dans les meilleurs sentimens pour la personne du Protecteur des Muses Russiennes (c'est sa façon de s'exprimer). Je suis persuadé qu'il le dèmontrera à tout le monde par ecrit, après que l'histoire aura son succés, ce qu'il fait jusqu'à prèsent de bouche.

J'ai l'honneur etc.

Boris Solticoff.

№ XXVI.

Le $\frac{11}{22}$ Juillet 1760.

à Genève.

A Genève ce 1 Juin 1760.

Monsieur,

En prèsentant mes très humbles respects à votre Excellence j'ai l'honneur de l'informer que le dèsir de voir une rèpublique si sage par la simplicité de ses moeurs joint a celuy de revoir Mr. De Voltaire me fait dètourner de ma route pour voir Genève. Il est inutile vous dire monsieur, la justice qu'on vous rend icy. Votre Excellence doit là voir d'un chaqun, et Mr. De Voltaire est certainement un de ceux qui sait la mieux rendre. Il ne cesse de parler des progrés des arts chez nous depuis que Votre Excellence leur acorde son apuy.

Mr De Soltikoff n'a pas démenty la réputation quil s'est aquise a juste titre. Beaucoup de gens de lettres m'en avoit parlé depuis longtemps à paris, avec tout l'èloge quil mérite. C'est un homme de beaucoup d'esprit et d'aplication, il fait honneur a l'acadèmie imperiale de Moscou et au choix de Votre Excellence.

Il doit se trouver à mon arrivée à paris, une quantité prodigieuse de nouveaux livres dont je ferai choix, et mettrai au rang de mes premiers devoirs celuy de les envoier a votre Excellence et luy renouveler en même tems la reconnoissance et le respectueux atachement avec lequel j'ài l'honneur d'être.

Monsieur

de Votre Excellence

le très humble et trés obcissant serviteur

Comte Alexandre De Worontzow.

ПРИЛОЖЕНІЕ ВТОРОЕ, КЪ СТРАНИЦѢ 14-ОЙ.

ПИСЬМО КЪ И. И. ШУВАЛОВУ.

Милостивый Государь мой
Иванъ Ивановичъ!

Пріятнѣйшее Вашего Превосходительства письмо, отъ 21-го Января, и приложенную при немъ на Французскомъ языкѣ Исторію Россіи во времена Государя Петра Великаго съ портретомъ гравированнымъ Его же Величества, я имѣлъ честь получить съ великимъ удовольствіемъ. Давно уже я слышалъ, сколько вы прилагаете трудовъ къ изданію въ свѣтъ сея Исторіи. По справедливости сказать, честь нашего Отечества того требовала, чтобъ новымъ какимъ ни есть сочиненіемъ прежнія того же Монарха изданныя повѣсти поправлены были, почему и Ваше Превосходительство не мало чести себѣ получаете, что вы приняли на себя о томъ попеченіе, и что избрали столь славнаго писателя въ Европѣ, каковъ господинъ Вольтеръ. Что же принадлежитъ до изданія сей книги въ разсужденіи ея печати, то я весьма удивляюся, что оное столь худо сдѣлано. Господинъ Вольтеръ видно, что мало силы разумѣетъ въ художествахъ или можетъ быть обстоятельствы заставили его при себѣ оную печатать, а не въ Амстердамѣ. Какъ съ начала приложеніе медали Ея Императорскаго Величества, такъ и послѣ при всякой главѣ приличіе виньетовъ историческое или аллегорическое по моему мнѣнію весьма изрядно даже до маленькихъ при концахъ картушовъ. Жаль только того,

что все оное весьма худымъ мастерствомъ изображено, да и самая книга напечатана худыми литерами и на худой бумагѣ. Чего ради, ежели позволите мнѣ свое мнѣніе вамъ открыть, то я бы не совѣтывалъ къ сей эдиціи прикладывать сообщеннаго мнѣ портрета Его Императорскаго Величества, который, къ удивленію моему немалому, столь хорошо вырѣзанъ на мѣди. И ежели тутъ Шмитовой руки нѣтъ, то смѣло Ваше Превосходительство похвалиться можете, что прогрессы Академіи Художествъ Россійской весьма знатны и скоропостижны. Въ новоизданной сей книгѣ не поставлено имя города и типографщика, а на портретѣ Россійской гридировальщикъ въ Петербургѣ подписался. Чего ради всѣ читатели думать будутъ, что и сіе изданіе книги въ Петербургѣ сдѣлано, а притомъ и удивляться станутъ неравенству въ мастерствѣ между портретомъ Его Императорскаго Величества и между медалями Всемилостивѣйшей Государыни и всѣми прочими историческими виньетами. Не лучше ли бы было продолженіе сего изданія такъ уже оставить, какъ оно есть, до послѣдняго тома, а новое между тѣмъ дѣлать въ Санктпетербургѣ, по примѣру Французскихъ въ Луврѣ изданій, при которомъ все гридированіе по всей книгѣ тѣмъ же мастеромъ, что портретъ вырѣзывалъ, внести подъ вашимъ попеченіемъ. Пускай бы все уже было Россійское. А не востребуетъ ли того еще и матерія самая книги? По крайней мѣрѣ ортографію нѣкоторыхъ именъ Русскихъ поправить надобно, и исправнѣйшимъ сдѣлать положеніе мѣстъ такъ, какъ въ 17 главѣ упоминается, будто Батуринъ стоитъ на самой Деснѣ, а онъ на знатной рѣкѣ въ Малой Россіи Сеймѣ и за 25 верстъ отъ Десны положеніе имѣетъ. Стародубъ будто отъ Десны въ семи или осьми миляхъ, гдѣ она лѣсами протекаетъ, а Десна съ одной стороны горы и поля имѣетъ, а съ другой болота и мѣстами только лѣса и отъ Стародуба въ 12 миляхъ отстоитъ. Хотя сіе

есть самыя малости, но и тѣ, сколько можно, надобно въ Россійской эдиціи исправлять. Я чаю и много такихъ погрѣшностей найдется. Я вчера только сію книгу получилъ и еще оныя не читалъ, только мимоходомъ сіе усмотрѣлъ. Напослѣдокъ важность матеріи не сходствуетъ съ форматомъ книги. Такую Исторію изъ подлинниковъ Россійскихъ и лучшимъ авторомъ сочиненную, Россіи приличнѣе самой у себя и въ четверть листа напечатать на лучшей бумагѣ, крупными литерами, а не такимъ тисненіемъ, какъ всѣ печатаются и немаловажныя книги, съ столь подлымъ гридированіемъ, съ какимъ она вышла. Ежели продолженіе получите, то прошу не оставить мнѣ и оное сообщить. Впрочемъ, препоручая себя вашему благопріятству и дружбѣ, есмь съ искренностію и почтеніемъ,

Вашего Превосходительства,

Милостиваго Государя моего

покорный слуга

Графъ К. Разумовскій.

1761 года
Февраля 9 дня,
Глуховъ.

ДИДЕРОТЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Вотъ что говоритъ Г-жа Вандёль (Vandeul), дочь Дидерота, въ біографіи отца своего, о поѣздкѣ его въ Петербургъ: «Кажется, около 1763 года, задумалъ онъ продать библіотеку свою; ему хотѣлось выдать меня замужъ или оставить мнѣ капиталъ, чтобы обезпечить участь мою. Нотаріусъ *По-Дотёль* намѣревался купить библіотеку. Г-нъ Гриммъ познакомилъ отца моего съ Княземъ Голицынымъ, тогдашнимъ Русскимъ Посломъ, и дѣло было устроено иначе. Императрица купила библіотеку за 15,000 франковъ, оставила ее отцу моему, и назначила ему въ пенсію 1,000 франковъ въ должности библіотекаря. Пенсія, съ умысломъ забытая, два года не была высылаема. Князь Голицынъ спросилъ отца моего, исправно ли онъ получаетъ ее; тотъ отвѣчалъ, что онъ и не думалъ о ней, почитая за особенное счастіе, что Ея Императорскому Величеству угодно было купить лавку его, оставя ему инструменты. Князь увѣрилъ его, что, конечно, не таково намѣреніе Государыни, и что онъ обязывается предупредить на будущее время подобный безпорядокъ. Въ самомъ дѣлѣ вскорѣ послѣ того отецъ мой получилъ 50,000 франковъ впередъ на пятьдесятъ лѣтъ.

Онъ въ то время рѣшился ѣхать въ Россію благодарить лично Императрицу, отправился въ путь 10 Мая 1773, и прибылъ въ Гагу. Онъ жилъ въ домѣ у К.

Голицына, до отъѣзда своего съ Нарышкинымъ въ Россію. Нарышкинъ предложилъ ему остановиться у него въ домѣ; но отецъ мой, опасаясь оскорбить друга, изъявилъ желаніе пристать у Фалконета; онъ пріѣхалъ къ нему больной и страдающій. Фалконетъ принялъ его довольно холодно, извиняясь предъ нимъ, что къ сожалѣнію не можетъ дать ему комнату у себя, потому, что она занята сыномъ его, недавно къ нему пріѣхавшимъ. (Изъ сей статьи и изъ другихъ писемъ видно, что Дидеротъ, пріятель Фалконета, болѣе всѣхъ способствовалъ къ отправленію сего художника въ Петербургъ, для сооруженія памятника Петру Великому, но что художникъ не заплатилъ признательностью ходатаю своему, и досадовалъ на пріѣздъ его въ Петербургъ). Отецъ мой, не рѣшаясь искать пристанища въ гостинницѣ такого города, коего нравы и обычаи были ему совершенно неизвѣстны, написалъ письмо къ Нарышкину, и просилъ его о гостепріимствѣ. Въ слѣдъ за тѣмъ пріѣхала за нимъ карета, и Нарышкинъ оставилъ его у себя до отъѣзда. Все, что онъ мнѣ послѣ разсказывалъ о ласкахъ, одолженіяхъ, изъявленіяхъ дружбы и уваженія всего семейства къ нему, исполнило меня живѣйшею благодарностью и преданностью къ каждому, кто носитъ имя Нарышкиныхъ. Письмо отца моего къ матери о пріемѣ Фалконета раздираетъ душу. Они однако же видались довольно часто въ Петербургѣ, но чувство философа было уязвлено на всегда. Памятникъ, сооруженный Фалконетомъ, желаніе его отличиться въ литтературѣ, породили между ими споры маловажные, но достаточные для разрыва въ людяхъ уже неблагорасположенныхъ другъ къ другу. Эта непріятность была съ избыткомъ вознаграждена чрезмѣрнымъ удовольствіемъ при встрѣчѣ съ Г. Гриммомъ въ Россіи. Онъ *ничего не написалъ о путешествіи своемъ*, и потому я могла удержать однѣ только легкія подробности, схваченныя изъ писемъ и разговоровъ его: тѣ и дру-

гіе исполнены были энтузіасмомъ къ Императрицѣ. Онъ имѣлъ честь видѣть и слушать ее почти ежедневно; но онъ былъ такъ худо созданъ для придворной жизни, что безъ сомнѣнія надѣлалъ много промаховъ и несообразностей. Къ тому же холодъ и Невская вода сильно разстроили здоровье его: я увѣрена, что эта поѣздка сократила жизнь его. Онъ не воображалъ, что при Дворѣ должно одѣваться иначе, нежели на чердакѣ, и являлся къ Императрицѣ въ черномъ платьѣ. Она подарила ему цвѣтное, шубу, подбитую богатымъ мѣхомъ, и муфту; спросила его, чего онъ желать можетъ. Онъ просилъ ее дать ему бездѣлку, которую носила бы она, и провожатаго въ обратный путь, потому что онъ убѣжденъ былъ въ своей глупости, когда дѣло шло о дорогѣ и житейскихъ заботахъ. Ея Величество подарила ему перстень съ портретомъ своимъ, вырѣзаннымъ на камнѣ: онъ дорожилъ имъ болѣе, нежели всѣми сокровищами въ мірѣ. Она выплатила издержки пути его, дала ему карету въ обратный путь и провожатаго, весьма любезнаго человѣка, котораго звали *Бала*. Тяжкій былъ трудъ сопутствовать человѣку, который дорогою не хотѣлъ останавливаться ни ѣсть, ни спать. Онъ поселился въ каретѣ своей какъ въ домѣ, въ которомъ долженъ былъ прожить отъ Петербурга до Гаги. Въѣхалъ онъ къ К. Голицыну, пробылъ съ нимъ нѣсколько мѣсяцевъ и возвратился въ Парижъ въ первыхъ числахъ Октября 1774. Мы встрѣтили его съ матушкою; я нашла, что онъ похудѣлъ, но былъ все также веселъ, чувствителенъ и добръ. «*Жена,*» сказалъ онъ матушкѣ: «*сочти бѣлье мое; тебѣ не за что будетъ журить меня: я не растерялъ ни одного платка.*»

Кажется, сохранилось только одно письмо его, писанное изъ Петербурга, и то въ нѣсколькихъ строкахъ, къ пріятельницѣ своей, дѣвицѣ Вонанъ

С. Петербургъ, 29 Декабря, 1773.

«Невская вода помучила меня дней 15, но теперь я одержалъ верхъ и здоровъ. Я все пользуюсь тою же милостью у Ея Императорскаго Величества. По возвращеніи моемъ можно мнѣ будетъ сказать, что нельзя было совершить лучшее путешествіе. Мы отправляемся съ Гриммомъ въ теченіе Февраля. Простите; цѣлую васъ съ всегдашнею нѣжностью. Кланяйтесь & &. То-то будетъ намъ о чемъ поговорить у камина вашего.» (Mémoires, correspondance et ouvrages inédits de Diderot. 1831).

Въ письмахъ его изъ Гаги, на обратномъ пути, упоминается нѣсколько подробностей о пребываніи его въ Петербургѣ и сношеніяхъ съ Императрицею. Онѣ принадлежатъ исторіи того времени, и не могутъ показаться неумѣстными въ настоящемъ сочиненіи, тѣмъ болѣе, что будутъ служить подкрѣпленіемъ мнѣ, въ опроверженіи строгихъ отзывовъ Фонъ-Визина, въ письмахъ его изъ Франціи о Дидеротѣ и энциклопедической братіи

Гага, 9 Апрѣля, 1774.

«Проѣхавъ семь сотъ льё въ двадцать два дня, я пріѣхалъ въ Гагу 5-го числа мѣсяца сего здоровый и менѣе утомлённый симъ дальнимъ путемъ, нежели бывалъ иногда отъ прогулки. Возвращаюсь къ вамъ обремененный почестями. Если я пожелалъ бы черпать полными пригоршнями въ царской шкатулкѣ, то, вѣроятно, дѣло отъ меня зависѣло; но я предпочелъ заставить молчать Петербургскихъ злоязычниковъ и дать вѣру во мнѣ Парижскимъ невѣрующимъ. Всѣ мысли, наполнявшія голову мою при отъѣздѣ изъ Парижа, разсѣялись въ первую ночь пріѣзда въ Петербургъ. Поведеніе мое отъ того стало честнѣе и возвышеннѣе. Ничего не надѣясь и не опасаясь, я могъ говорить, какъ мнѣ угодно было. Когда обрадуемся свиданіемъ? Можетъ быть чрезъ 15 дней, можетъ быть и гораздо позднѣе. Императрица поручила мнѣ издать уставы своихъ многочисленныхъ и полезныхъ учрежденій.

Если Голландскій книгопродавецъ, по обыкновенію своему, будетъ Жидъ, то я брошу его, и пріѣду печатать въ Парижѣ. Если сойдемся съ нимъ, то остаюсь здѣсь до окончанія труда, который не будетъ же вѣчемъ. Хотя погода была такъ хороша, что и по заказу лучшей быть нельзя, что и дни и дорога были самые благопріятные, но не менѣе того мы побросали на пути четыре изломанныя кареты. Когда вспомню переѣздъ нашъ чрезъ Двину въ Ригѣ по растреснувшимъ льдинамъ, изъ подъ коихъ вода выбивалась кругомъ насъ, а онѣ подымались и спускались подъ тяжестью кареты и трещали по сторонамъ, то и теперь дрожу еще отъ ужаса. Едва не переломилъ я себѣ руки и плеча на паромѣ въ Митавѣ, гдѣ тридцать человѣкъ несли на рукахъ карету нашу, опасаясь упасть и спустить насъ всѣхъ въ рѣку. Въ Гамбургѣ вынуждены были мы отправить въ Амстердамъ поклажу свою въ почтовыхъ повозкахъ: карета и мало нагруженная не выдержала бы трудностей пути.»

«Я у К. Голицына, и вы можете постигнуть радость его свиданія со мною, воображая ту, которую ощутите сами позднѣе или ранѣе.»

«Кажется, я уже писалъ вамъ, что принявъ меня, какъ нельзя благосклоннѣе, дозволивъ мнѣ входъ къ себѣ въ кабинетъ ежедневно отъ трехъ до пяти или шести часовъ, Императрица изволила согласиться на всѣ просьбы мои, представленныя ей когда я откланивался: я просилъ уплатить путевые расходы пріѣзда и обратные и пребыванія моего, замѣтивъ, что философъ путешествуетъ не по-барски—исполнено; я просилъ въ подарокъ безделку, которой вся цѣна состояла бы въ томъ, что служила къ ея употребленію — исполнено, и исполнено съ отмѣннымъ и лестнымъ благоволеніемъ. Я разскажу вамъ все это, если уже не разсказалъ. Я просилъ дать мнѣ кого нибудь въ провожатые, чтобы доставить меня въ цѣлости и сохранности, куда пожелаю,

и на то изъявила она волю свою, приказавъ изготовить мнѣ карету и всѣ дорожныя потребности.»

«Милостивыя Государыни и пріятельницы! клянусь вамъ, что это время было наисчастливѣйшимъ въ жизни для моего самолюбія. О, тутъ спорить нечего, вы должны будете вѣрить тому, что скажу вамъ о сей необыкновенной женщинѣ, ибо похвала моя будетъ некупленная, и не выразится продажнымъ голосомъ. Простите & &.»

Гага, 15 Іюня 1774.

«Мое путешествіе было не только пріятное, но и весьма почетное: меня приняли, какъ представителя честныхъ людей и людей способныхъ моей земли. Въ этомъ отношеніи смотрю на себя, когда сравниваю свидѣтельства отличія, коими осыпали меня съ тѣмъ, что я въ правѣ былъ ожидать самъ по себѣ. Въ пользу мою ходатайствовало оказанное мнѣ благодѣяніе, съ тѣмъ я и ѣхалъ, надѣясь на то гораздо болѣе, нежели на собственное мое достоинство; и вотъ что говорилъ я себѣ: ты будешь представленъ Императрицѣ; ты отблагодаришь ее: мѣсяцъ спустя, она, можетъ быть, пожелаетъ тебя видѣть; спроситъ тебя кое-объ чемъ; чрезъ мѣсяцъ ты пойдешь откланяться ей, и возвратишься. Признайтесь, любезнѣйшіе друзья, что точно такъ обошлось бы все дѣло при какомъ бы то ни было Дворѣ, за исключеніемъ Петербургскаго.»

Тутъ, напротивъ, дверь кабинета Государыни отперта для меня ежедневно отъ трехъ часовъ по полудни до пяти, а иногда и до шести; вхожу: меня сажаютъ, и разговариваю такъ же свободно, какъ съ вами; выходя, я вынужденъ сознаться предъ собою, что я имѣлъ душу раба въ землѣ, такъ называемыхъ свободныхъ людей, и что я позналъ въ себѣ душу свободнаго человѣка въ землѣ, такъ называемыхъ варваровъ. Ахъ! друзья мои, что за Государыня! что за необыкновенная женщина! Нельзя подозрѣвать похвалу мою, ибо я обвелъ щед-

рость ея самыми тѣсными границами; надобно же будетъ вѣрить мнѣ, когда опишу ее собственными ея рѣчами: надобно же будетъ признаться вамъ всѣмъ, что это душа Брута въ образѣ Клеопатры: мужество одного и прелести послѣдней; непостижимая *твердость ея мысляхъ* (une tenue ineroyable dans les ideès), со всею обольстительностью и возможною легкостью въ выраженіи; любовь истины, доведенная до высшей степени; знаніе быта и дѣлъ Государства своего, знаніе, которое не уступитъ вашему въ домашнемъ хозяйствѣ: все это разскажу вамъ, но когда? По чести, желалось бы хоть чрезъ недѣлю, потому, что болѣе недѣли не нужно для проѣзда изъ Гаги въ Парижъ, судя потому, какъ доѣхалъ я изъ Петербурга въ Гагу; но Ея Величество и Генералъ Бецкій, Министръ ея, поручили мнѣ изданіе плана и уставовъ различныхъ заведеній, основанныхъ въ Имперіи Государынею для образованія юношества и блага всѣхъ ея подданныхъ. Пока, знайте же, что въ пользу мою совершилось три чуда: первое, сорокъ пять дней безпрерывно хорошей погоды для проѣзда; второе, пять мѣсяцевъ постояннаго пребыванія при Дворѣ, безъ малѣйшей поживы недоброжелательству, и при томъ съ откровенностью, рѣдко встрѣчаемою, и которая даетъ пищу царедворцамъ завистливымъ и злорѣчивымъ; третье, въ обратный путь тридцать дней сряду такой погоды, что ни когда не видано, и только и бѣды, что ломка каретъ: мы ихъ четыре раза мѣняли. Когда увидите Г-на Гашона, скажите ему, что дѣло его не сдѣлано, не потому, что я забылъ о немъ: обстоятельства неблагопріятствовали успѣху тамъ, гдѣ Государыня счетъ знаетъ. — Не Невская вода была мнѣ вредна, но двойное внутреннее воспаленіе во время проѣзда; разстройство и ужасная боль въ груди, причиненныя суровостью холода въ Петербургѣ въ пребываніе мое; паденіе на паромѣ въ Митавѣ въ обратный путь, вотъ что едва не уморило меня; но боль отъ паденія и другіе недуги

миновались; и если ваше здоровье будетъ нѣсколько походить на мое, то я вами буду очень доволенъ. Не опасайтесь за меня; мы ложимся спать рано, почти не ужинаемъ. Не имѣю еще духа приняться за работу; надобно дать время окрѣпнуть развинтившимся членамъ моимъ; это дѣло сна; и я съ возвращенія моего сплю часовъ восемь и девять безъ просыпа. Князь занятъ своими политическими дѣлами; Княгиня ведетъ жизнь едва ли сродную съ ея молодостью, легкостью ума и веселыми свойствами: она выѣзжаетъ мало, рѣдко принимаетъ у себя гостей, имѣетъ учителей исторіи, математики, языковъ; охотно оставляетъ придворный пиръ, чтобы во время пріѣхать домой къ назначенному уроку, старается нравиться мужу, заботится сама о воспитаніи дѣтей, отказалась отъ богатыхъ нарядовъ, встаетъ и ложится спать рано, и жизнь моя размѣрена на ихъ домашній ладъ. Мы охотно споримъ до бѣшенства; я не всегда соглашаюсь съ мнѣніями Княгини, хотя мы оба немного заражены страстью къ древности, а Князь будто обязался намъ во всемъ противорѣчить: Гомеръ дурачекъ, Плиній отъявленный глупецъ, Китайцы честнѣйшіе люди въ свѣтѣ, и такъ далѣе. Весь этотъ народъ намъ не братья и не закадычные пріятели, и потому въ споры наши вмѣшивается одна веселость и живость, и частичка самолюбія для приправы. Князь, который пріобрѣлъ такъ много картинъ, охотнѣе соглашается, что онъ въ нихъ толку не знаетъ, нежели сознается въ знаніи другаго любителя. (Оттуда же).

ПРИЛОЖЕНІЕ ТРЕТІЕ, КЪ СТРАНИЦѢ 15-ОЙ.

АЛЬФІЕРИ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Альфіери пріѣхалъ въ Петербургъ въ послѣднихъ числахъ Мая 1770 года, и не зналъ, *днемъ или ночью въѣхалъ онъ въ городъ, потому что ночнаго мрака нѣтъ въ этой порѣ года, и мысли были такъ перепутаны въ головѣ его отъ усталости и несноснаго свѣта, ослѣплявшаго глаза его, что онъ не умѣлъ бы отвѣчать на вопросъ: что за день въ недѣлѣ, что за часъ въ сутокахъ и въ какой край свѣта забросило его тогда.* Въ жизнеописаніи своемъ, столь любопытномъ и увлекательномъ во многихъ отношеніяхъ, посвящаетъ онъ только нѣсколько строкъ пребыванію своему въ Россіи, и то весьма неблагосклонныхъ. За исключеніемъ *бородъ и лошадей,* ничто не нравится ему въ этомъ *Азіятскомъ лагерѣ, обстроенномъ вытянутыми въ рядъ лачужками.* Никого онъ не видалъ и не хотѣлъ видѣть даже изъ старыхъ Русскихъ товарищей своихъ по Туринской Академіи. Послѣ шестинедѣльнаго пребыванія оставляетъ онъ эту *Московитерію*, не заѣзжая въ Москву, куда онъ думалъ ѣхать, но испугался, что забравшись въ такую даль, нужно ему будетъ *тысячу лѣтъ, чтобы опять возвратиться въ Европу.* Впрочемъ, намъ не можетъ быть оскорбителенъ неблагопріятный отзывъ своенравнаго и раздражительнаго поэта. И въ другихъ краяхъ и въ другихъ столицахъ былъ онъ равно причудливъ, неуживчивъ и недоброжелателенъ. Послѣ и самъ, размышляя о причинахъ смѣшнаго и дикаго образа

жизни своей въ Петербургѣ, сознается онъ, что, кромѣ политическихъ предубѣжденій, дѣйствовавшихъ на него, виною тому было: *одна нетерпимость его непреклоннаго характера.*

ПРИЛОЖЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ, КЪ СТРАНИЦѢ 32-ОЙ.

Изъ книги: Басни нравоучительныя, съ изъясненіями Г. *Барона Гольбера.* Пер. *Д. Ф. Визинъ*, изд. 3-е, Москва, въ типографіи Комп. Типодраф. 1787.

БАСНЬ.

КОТЪ СДѢЛАЛСЯ ПУСТЫННИКОМЪ.

Котъ, примѣтивъ, что не можетъ болѣе находить себѣ добычи, и что мыши, вызнавъ все его искусство, обыкновенно имѣли великую осторожность, предпріялъ быть пустынникомъ, чтобъ тѣмъ способнѣе обманывать подъ видомъ лицемѣрія. Онъ пришелъ къ красильщику, и велѣлъ себя вычернить, будто желаетъ уже оставить свѣтъ. Мыши, сіе услыша, весьма обрадовались, думая, что избавились совсемъ страху и опасности, и увѣрены будучи, что пустынники не ѣдятъ мяса. Такимъ образомъ не только не убѣгали онѣ своего непріятеля, но еще и старались завести съ нимъ знакомство. Котъ продолжалъ такой поступокъ нѣсколько времени, чтобъ тѣмъ болѣе пользоваться ихъ чистосердечіемъ. Наконецъ, когда собралось уже великое множество мышей, то отложилъ онъ притворство, такъ, что отъ когтей его избавилась только одна мышь, которая сказала ему, какъ жестокому своему непріятелю: злодѣйство твое было и въ мірѣ живучи весьма велико; но съ тѣхъ поръ, какъ сталъ ты пустынникомъ, то совсемъ пришелъ уже въ свирѣпость.

Басня сія учитъ, сколь много должно опасаться лицемѣрія.

БАСНЬ.

КОТОРАЯ ТВАРЬ ПРЕДЪ ВСѢМИ ИМѢЕТЪ ПРЕИМУЩЕСТВО?

Нѣкогда зашелъ въ лѣсу споръ о томъ, которая тварь имѣетъ предъ всѣми преимущество? Левъ думалъ, что ему надлежитъ сія слава: ибо приводилъ звѣрей и людей онъ въ ужасъ; слонъ хвалился также столь многочисленными побѣдами, которыя получены его помощію. Всякой звѣрь и всякая птица говорили съ похвалою о дѣлахъ своихъ, и такъ чрезъ сіе тѣ, которые опредѣлены въ семъ дѣлѣ судьями, не знали, кому приписать предъ всѣми преимущество. Тогда прилетѣла муха, и требовала аудіенціи. Прочіе звѣри и птицы, услышавъ сіе, весьма много смѣялись, и какъ велѣли они къ себѣ допустить ея, то она начала рѣчь свою: «Когда Короли, Принцы и Прелаты подходятъ съ почтеніемъ къ Папскому трону, чтобъ цѣловать его ногу, тогда безъ всякой опасности сажусь ему я на носъ.» Звѣри не могли опровергнуть справедливости словъ ея, и дали ей преимущество.

Баснь признаетъ рѣшеніе сіе справедливымъ: Гомеръ говоритъ о нѣкоемъ Греческомъ героѣ, котораго боги одарили смѣлостію и храбростію мухи.

БАСНЬ.

ЛИСИЦЫНО НРАВОУЧЕНІЕ.

Лисица, доказавъ многими опытами свое знаніе, получила позволеніе обучать звѣрей публично. Такимъ образомъ сочинила она нравоучительныя правила, которыя изъясняла имъ всякую недѣлю по три раза. Сверхъ того оставалось ей время учить еще приватно.

Она брала за сіе двойную плату, и всякой былъ на то согласенъ; ибо ученіе ея приносило великую пользу, а особливо тѣмъ, которые хотятъ въ свѣтѣ сыскать свое счастіе. Главныя правила ея нравоученія состояли въ слѣдующемъ:

Не спускай ни въ чемъ тому, кого сильнѣе ты; защищай себя отъ равнаго, и уступай тому, кто тебя сильнѣе.

Не протився отнюдь сильному; когда же и случится тебѣ отъ него добрая оплеуха, то прими ее съ благодарностію, чтобъ могъ отдать за то двѣ тому, кого ты сильнѣе.

Будь подобенъ мельницѣ, которая учреждена такъ, чтобъ, съ которой стороны вѣтеръ ни дулъ, всегда молоть была въ состояніи.

Ни въ чемъ правды недержись, когда желаешь найти въ свѣтѣ свое счастіе.

Не говори того, о чемъ мыслишь, и старайся, чтобъ всегда сердце съ языкомъ было несогласно.

Оставляй всѣ тѣ добродѣтели, отъ которыхъ пользы получить надежды нѣтъ.

Самолюбіе во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ имѣй основаніемъ.

Старайся всегда лучше казаться, нежели въ самомъ дѣлѣ быть; ибо быть тѣмъ, чѣмъ казаться въ свѣтѣ, совсемъ безполезно.

О честности своей божись, и увѣряй, какъ можно болѣе, только въ самомъ дѣлѣ наблюдать ее совсемъ не надлежитъ тому, кто хочетъ быть благополучнымъ.

Когда хочешь воровать, то промышляй столько, чтобъ могъ откупиться, для того, что наказываютъ обыкновенно малыхъ воровъ, а небольшихъ.

Дари тѣхъ, отъ которыхъ есть надежда получать вдвое.

Старайся похвалами привлекать на свою сторону тѣхъ, отъ кого можешь надѣяться благополучія, и не жалѣй ни одного для нихъ титула, ибо въ числѣ оныхъ конечно ошибиться не можно.

Будучи судьею, самъ взятокъ не бери, а оставляй оное женѣ: такимъ образомъ можешь сказать всегда, что руки твои чисты.

Увѣщавай свою жену къ храненію вѣрности, и запирай двери отъ всѣхъ тѣхъ, которые за то пошлины платить тебѣ не въ состояніи; но есть ли кто изъ знатныхъ намѣренъ почтить твой домъ, то отворяй ему ворота безъ всякаго прекословія: ибо хотя будешь и съ рогами, однако станешь носить рога золотые.

Старайся собрать по возможности богатство, какимъ бы то образомъ ни было: рубль всегда есть рубль, хотя краденой, хотя заслуженой.

Сіе было лисицыно нравоученіе, которое толковала она тѣмъ звѣрямъ, кто платилъ ей болѣе за приватное обученіе.

Она хотя въ свѣтъ, — то выдать и не желала; однако дьяволъ, который еще полукавѣе ея, укралъ списокъ, и всѣялъ силу ея нравоученія въ сердца людей. Сіе тѣмъ вѣроятнѣе, что видимъ уже ежедневно плоды сего полезнаго нравоученія.

БАСНЬ.

СУДЬБА ИСТОРІИ.

Исторія отставлена была отъ своей должности. Причина же ея несчастію была слѣдующая: никто не былъ доволенъ ея поступкомъ; ибо описывала она различныя слабости древнихъ князей, которымъ были они подвержены. Полководцы и Министры недовольны были тѣмъ, что изображала она живо всѣ ихъ поступки. Льстецы ненавидѣли ее за то, для чего предостерегала она отъ ихъ обмановъ. Педанты роптали на нее, что изобличала она ихъ глупость, съ какою яростію спорятъ они за самую бездѣлицу, и пишутъ о томъ, чего не разумѣютъ сами. Купечество не могло терпѣть ее за то, для чего

открываетъ она ихъ вымыслы, которыми стараются получить большой прибытокъ. Словомъ: всѣ ею были огорчены, и такимъ образомъ не перестали они гнать ее до тѣхъ поръ, какъ принудили ее оставить свою должность. Исторія пришла чрезъ то въ бѣднѣйшее состояніе, такъ что принуждена была ходить по міру, опасаясь, чтобъ не умереть съ голоду. Потомъ, спустя нѣсколько времени, нѣкоторые сжалились на ея бѣдность, и сдѣлали ей чрезъ просьбу то, что позволили опять исполнять прежнюю свою должность, съ тѣмъ только, чтобъ подписала она договоръ, который состоялъ въ слѣдующемъ: впредь описывать ей не иное что, какъ только рожденіе великихъ людей, дни ихъ крещенія, и прочія церемоніи въ торжественныхъ праздникахъ, также и еще о нѣкоторыхъ приключеніяхъ, какъ то: о пожарахъ и землетресеніяхъ. Правда, ей позволено было описывать войны и баталіи: притомъ запрещено было ей дѣлать разсужденія. Такимъ образомъ, Исторія пришла въ такое состояніе, какъ видимъ ее нынѣ, и для того-то имѣемъ мы однѣ только сухія лѣтописи.

БАСНЬ.

ЛИСИЦА И ОСЕЛЪ.

Лисицу, которая была нѣсколько лѣтъ судьею, отставили отъ должности за невѣрность и лукавство. Тогда пришло на мысль льву не опредѣлять ни вочто тѣхъ, которые имѣютъ острой разумъ, и разсудилъ лучше употреблять къ тому глупыхъ скотовъ, которые бы не знали прикрывать своего лукавства новыми вымыслами, и такъ посадилъ онъ осла на лисицыно мѣсто. Новый судья, не знавъ ни мало рѣшать дѣла, взялъ тотчасъ лисицу въ свои секретари. И такимъ образомъ,

что не могъ дѣлать оселъ, то дѣлала лисица, которая, ставя на счетъ судейской свои собственныя дѣла, ворочала осломъ, какъ хотѣла, и не потеряла притомъ ничего, хотя изъ судей сдѣлали ее секретаремъ.

Басня доказываетъ, что левъ сдѣлалъ не лучше, хотя опредѣлилъ осла судьею на лисицыно мѣсто.

БАСНЬ

ОТЪ ЧЕГО ЗЛЫЯ ЖЕНЫ ПРОИЗОШЛИ ВЪ СВѢТЪ?

Нѣкоторый человѣкъ ѣхалъ верхомъ мимо лѣсу, гдѣ услышалъ онъ крикъ, такъ, какъ бы кто былъ въ крайней опасности. Онъ побѣжалъ тотчасъ туда, гдѣ слышенъ былъ голосъ; тутъ нашелъ онъ дѣвку, которую изобидить хотѣлъ чертъ. Проѣзжій, который былъ человѣкъ весьма жалостливой и особливую имѣлъ склонность вступаться за честь женскаго пола, вынулъ тотчасъ свою шпагу, чтобъ срубить черту голову. Но какъ ярость его была необычайна, то однимъ махомъ срубилъ имъ головы обоимъ. Сію ошибку хотѣлъ онъ, какъ возможно, исправить скорѣе, но какъ тогда было уже поздно, и слѣдовательно не могъ онъ различить головъ, то схватилъ нечаянно чертову голову, и поставилъ онъ ее на дѣвкино туловище. Думаютъ, что отъ нея произошли въ свѣтъ злыя жены.

ПРИЛОЖЕНІЕ ПЯТОЕ, КЪ СТРАНИЦѢ 33-Й

ГЕРОЙСКАЯ ДОБРОДѢТЕЛЬ ИЛИ ЖИЗНЬ СИФА ЦАРЯ ЕГИПЕТСКАГО, ВЗЯТАЯ ИЗЪ ТАИНСТВЕННЫХЪ СВИДѢТЕЛЬСТВЪ ДРЕВНЯГО ЕГИПТА. ПЕРЕВОДЪ ФОНЪ-ВИЗИНА. ПЕЧАТАНО ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ, 1762 Г.

Судьи сѣли на уготовленномъ тронѣ; ихъ было числомъ сорокъ одинъ, и кресла поставлены были полуциркулемъ. Одежда ихъ была красная, какъ просвѣщенныхъ. Златыя цѣпи надѣты были у нихъ на груди съ смарагдовыми каменьями, на которыхъ изображено было правосудіе. Въ срединѣ всѣхъ сидѣлъ первый жрецъ, а по обѣ стороны имѣлъ онъ двухъ судей Мемфійскаго Государства, изъ которыхъ первый былъ Амедесъ. Потомъ на всякой сторонѣ сидѣло по осьми жрецевъ лабиринта, а за ними слѣдовали двадцать два судьи прочихъ Египетскихъ округовъ. Чаша, куда долженъ быть положенъ подписанный всѣми листъ, стояла на первой ступени трона, а на второй сидѣли судьи втораго класса. По учрежденіи сего, отложены были у колесницы лошади, и дышла отняты. Потомъ главный Мемфійскій жрецъ, какъ провожатель тѣла, стоя предъ колесницею, говорилъ слѣдующую рѣчь:

«Неогорченные боги!

«Нынѣ зрите вы преселившуюся къ вамъ премудрую Царицу, оставившую подданныхъ въ цвѣтущихъ своихъ лѣтахъ. Для моленія собравшихся насъ, воздайте награжденіе вѣчнымъ ей покоемъ. Законы ваши хранила она не нарушимо. Презирая подъемлемыя въ правленіи тягости, не оставляла вашего служенія. Единое

ея попеченіе объ общемъ благоденствіи; доказывала преславную добродѣтель, правящую ея предпріятія. Благодарное вамъ служеніе предпочитала она всѣмъ мірскимъ торжествамъ, происходившимъ отъ благополучнаго ея правленія. Правосудіе являла она во всѣхъ дѣлахъ своихъ. Приносимые вамъ дары, не довольны ли знаки благочестія? Гордость и происходящіе отъ того пороки были ею ненавидимы: но отъ истинной вѣры, брала она законы смиренія и строгость оказываема была не въ иныхъ какихъ случаяхъ, какъ въ осужденіи преступленія въ правосудіи. Добродѣтель свою посвящала она благополучію своихъ подданныхъ; преславнымъ защищеніемъ предѣловъ государства, утверждала всеобщую тишину. Вездѣ премудрыя узаконенія и исправленія не были дѣйствіями ложной политики: но все сіе имѣло основаніемъ единое совершеніе благосостоянія подданныхъ. Не возможно почесть то малодушіемъ, когда Монархъ вышнюю власть посвящаетъ цѣлости общества. Премудрая Царица прилагала о семъ большее попеченіе. Объ отмщеніи она не помышляла, и безстыдную ненависть оставляла по возможности; чѣмъ болѣе она вамъ себя уподобляла, подавая прощеніе вышнею властію. Возмутителей укрощала она не для того только, что они противятся ея воли, но что стараются препятствовать общему благополучію. Совѣты принимала отъ мужей премудрыхъ, и царствовала по законамъ великаго духа. Внѣшнихъ непріятелей укрощала она своею храбростію и не нарушеніемъ даннаго своего слова; внутреннихъ же благополучнымъ въ дѣйство произведеніемъ своего предпріятія. Она была великая тайны и правды хранительница: ибо никакія тайныя дѣла, кромѣ молчанія, не имѣли своего начала. Низлагала гордость, и не оставляла щедро награждать и тѣхъ, которые служатъ отечеству и внѣ государства. Она хотя и оказывала тѣмъ, которые сподобились наслаждаться повѣренностію толь великія Монархини,

свою милость, но къ важнымъ должностямъ достигали одни только достойные. Знатныхъ особъ честь сохранить она старалась; но при томъ не допускала ихъ преступать предѣлы должнаго себѣ повиновенія. Народныя тягости облегчала она своимъ милосердіемъ. Судьи не были грабители царскаго сокровища, и всякой подданной несъ требуемую отъ него Государю дань самопроизвольно, зная, что оно даръ не судьямъ, но самому Царю. Она, вѣдая, что Божіе провидѣніе простирается далеко, отъ мыслей человѣческихъ, не допускала во время своего правленія гладу, сравнивая плодородной годъ съ неприносящимъ плода. Купечество, науки и художества процвѣтали подъ счастливѣйшимъ ея владѣніемъ. Всякъ имѣлъ свободной доступъ къ премудрой Государынѣ. Она прославила государство неисчислимымъ богатствомъ, и обучала подданныхъ праву гостепріимства, о чемъ Египтяне никогда до сего не старались. Когда доходило государственными достоинствами награждать подданныхъ или утверждать благополучное правленіе, въ такомъ случаѣ, что нѣкоторые налагаемыхъ должностей сносить не хотѣли: то, презирая великодушно роптаніе народное, производила она въ дѣйство свое предпріятіе. Часто должна она была и ожидать съ великимъ духомъ исправленія своихъ подданныхъ. Но хотя вы, великіе боги! и въ самомъ началѣ нашего благополучія, насъ ея лишили: но невинность ея предпріятія, истинное ея намѣреніе, попеченіе о благополучіи подданныхъ, незабвенны нами будутъ во вѣки. Она, чтобъ притти въ состояніе, имѣть неусыпное око, о толь великомъ государствѣ, раздѣлила владѣніе правителямъ, о добродѣтели которыхъ имѣла опыты и доказательства. И такъ я остаюсь увѣренъ предъ вышнимъ судомъ и предъ стоящимъ народомъ, что, когда между неисчислимымъ множествомъ народа Мемфійскаго Государства, съ пятью тысячами принадлежащихъ городовъ къ нему найдется

такой, кому предпріятія ея казались противными: то, конечно, всѣ тѣмъ болѣе прославлять должны ея правленіе, которое она, не смотря ни наединаго возмутителя, посвятила въ общую пользу подданныхъ; ибо сколь трудно народу нести тягости отъ льстецовъ и ласкателей! И такъ, хотя мы лишенные ея, не инако, какъ вѣчно прославлять должны премудрое ея правленіе: но она ожидаетъ отъ васъ, о, праведные боги, достойнаго награжденія!

По окончаніи рѣчи, съ превеликимъ почтеніемъ сталъ на колѣни жрецъ сей предъ колесницею, для ожиданія рѣшенія. Вышніе судьи встали съ мѣстъ, и совѣтовались между собою нѣсколько минутъ. Послѣ того сѣли опять они на тронъ, и верховный судья спрашивалъ громогласно всѣхъ присутствующихъ, не имѣетъ ли кто жаловаться на мертвую Царицу? Тогда и дѣйствительно нашлись нѣкоторые, кои недовольны были въ рѣшеніи дѣлъ собственно своихъ; но сіе не могло произвести никакихъ слѣдствій: ибо всѣ признались, что послѣднія слова Мемфійскаго жреца справедливы, и судьи единогласно удостоили Нефту, имѣть участіе въ веселіи душъ блаженныхъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ ШЕСТОЕ, КЪ СТРАНИЦѢ 36-Й.

(Изъ рукописныхъ сочиненій А. С. Хвостова.)

ПОСЛАНІЕ

КЪ ТВОРЦУ ПОСЛАНІЯ

или

КОПІЯ КЪ ОРИГИНАЛУ.

Посланій образецъ, людскихъ умовъ безмѣнъ,
Парнасса Капитанъ исправникъ, почты членъ,
Предъ коимъ безъ вины разсудкомъ виноваты,
И тѣ, кто скудны имъ, и тѣ, кто имъ богаты,
По скромной склонности и должности своей,
Великій браковщикъ достоинства людей,
Дай имъ на нѣсколько минутъ отдохновенья,
И удостой сіе посланіе воззрѣнья.
Коглабъ даровъ твоихъ изящность, всѣхъ очамъ
Казалась такова, какъ зришь ее ты самъ:
Тогда бы правыя причины стали явны.
За что Россійскіе писцы тебѣ не нравны;
Узнали-бъ, что изъ нихъ ты первенькихъ бранишь,
По истинѣ за то, что достохвально мнишь,
Насъ щедро богатя своихъ твореній тмою,
Безсмертье отказать и справить за собою.
И правду любящій едваль не скажетъ всякъ,
Что жребія лишить нельзя тебя ни какъ,
Оставить по себѣ толь громкое наслѣдство.
Къ познанью первенства сравненіе есть средство;
Посмотримъ, напримѣръ, всеобщій слышенъ крикъ,
Что Сумароковъ! былъ и есть всегда великъ,
Но что имъ сдѣлано? Синавъ, Хоревъ, Семира —
Бездѣлицы, а ты, ты далъ намъ Бригадира.
Тотъ чувствіями насъ и нѣжностью плѣнилъ.

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Тотъ, восхищая насъ, насъ плакать заставлялъ,
Какъ ядомъ, иль мечемъ героевъ умерщвлялъ;
Ты, лучше думая, чрезъ Вышняго десницу,
Не ядъ Сиднею далъ, *далъ выкушать водицу*.
Тотъ быстротой блисталъ, природѣ долженъ онъ;
Словъ острыхъ наизустъ ты знаешь лексиконъ,
Подумай, люди врутъ — о злоба! о замѣна!
Что будто твоему онъ разуму замѣна,
И что.... нескромные, вѣдь какова пора,
Подчасъ и золота не хуже мишура.
А Ломоносову съ тобою развяль равняться?
Онъ не заставилъ насъ ни разу разсмѣяться
Безсмертныхъ и живыхъ картинъ своихъ огнемъ;
Тебяжъ читая, мы всегда отъ смѣха мремъ.
Онъ славу Россіянъ, онъ славу пѣлъ Петрову;
А ты посланіе отправилъ къ Ямщикову.
Тотъ риторъ, тотъ піитъ, любитель тотъ наукъ,
И это все твоихъ не миновало рукъ.
Россійской Пиндаръ сей на небеса взвивался;
Ты съ челядью своей въ системѣ упражнялся,
Что трясько разсуждать о свѣтѣ — утвердилъ,
И чрезъ Шумилова, то міру объявилъ.
Но Русскіе-ль чета твоей великой славѣ?
Примѣры лучшіе возмемъ въ другой державѣ,
И узримъ, каково для срама и стыда
Иноплеменникамъ отъ твоего труда.
Отмѣнной, рѣдкой слогъ полуславянскъ и дивенъ,
Не сдѣлалъ ли что намъ, сталъ Битобе противенъ [1].
А твой другой *Сидней* не есть ли намъ доводъ,
Что дружбы сдѣлать ты удобенъ переводъ [2].

---

[1]) Іосифъ, сочиненіе Битобе, пер. Фонъ-Визина.
[2]) Сидней и Силли, пер. Фонъ-Визина.

Когда же показалъ свою, какъ риторъ, силу,
И на Руси отнесъ Аврелія въ могилу. [3])
Не ты-ль о Томасѣ намъ думать повелѣлъ,
Что за покойника онъ панихиду пѣлъ?
Не чрезъ тебя ли Сиѳъ, бродя чрезвычайно [4]),
Намъ тускло разсказалъ все что въ Египтѣ тайно?
Не ты-ль у старика Вольтера отнялъ честь,
Какъ удалось тебѣ Альзиру перевесть?
Что муза у тебя душею покривила,
Напавъ въ иныхъ мѣстахъ на смыслъ Вольтеровъ сѣтыла;
Что съ мыслью автора разъѣхался въ другихъ,
И что, межъ прочими, въ трагедіи есть стихъ,
Котораго она совсѣмъ не разумѣла;
Не ты въ томъ виноватъ.... чего она смотрѣла!
Нельзя, чтобъ ты *меча* съ *пескомъ* не распознавъ, [5])
Ни столько мудрыми очами захваралъ.
Нельзя! твои дѣла конечно совершенны;
Но симъ не всѣ твои таланты изочтенны.
Чтобъ показать невѣждъ великому числу,
Сколь гибокъ къ всякому твой разумъ ремеслу,
Особымъ ты перомъ и кистію своею,
Какъ яблочникъ писалъ къ разнощику Матвѣю,
Задумалъ пошутить, и унтеръ-офицеръ
Въ минуту сдѣлался проказъ твоихъ примѣръ,
Которымъ для затѣй *такъ счастлива жеріоба,*
Благословенная содѣлалась утроба.
Актеромъ взлумалъ быть? всѣ знаютъ, какъ игралъ.
Софію полюбивъ, философомъ ты сталъ,
И мудреца титулъ почтенный, рѣдкій въ свѣтѣ,
Стяжалъ, благодаря себѣ, конямъ, каретѣ.

---

[3]) Надгробное слово Марку Аврелію, переводъ Фонъ-Визина.
[4]) Жизнь Сиѳа, пер. Фонъ-Визина.
[5]) Альзира Вольтера, пер. Фонъ-Визина. «Les marbres impuis sants en sabres façonnés. *Безсильны марморы въ песокъ преобращенны.*»

О ты, *котораго себѣ на похвалу,*
Творець пустилъ на свѣтъ, какъ куклу по столу!
Свершай великое чудесъ опредѣленье,
Дай быстротѣ твоей свободное теченье,
Тебѣ противной умъ насмѣшкою карай,
Ругайся надъ однимъ, другаго презирай,
И омрача невѣждъ главы твоей парами,
Пиши посланіе и прозой и стихами!
Бряцай и не жалѣй отмѣнной лиры струнъ,
И какъ Зевесъ, бросай въ противниковъ перунъ,
Хотя идетъ молва между незнатоками,
Что славы кто себѣ не пріобрѣлъ дѣлами,
Тотъ сколько не божись, что славенъ онъ, но ахъ!
Надутой самохвалъ останется въ срамцахъ;
Что цѣну знать даютъ всему прямое право
Наука, тонкой умъ и разсужденье здраво;
Что не всегда bon-mot ума бываетъ знакъ;
Что молвитъ иногда гладенько и дуракъ,
И что не надобно, на переломъ натурѣ,
Считать за старосту себя въ литературѣ.
Во зло и ей самой и міру вопреки,
Тебѣ-ль, тебѣ-ль внимать такіе пустяки!
Пиши и говори, что въ умъ тебѣ не вспало:
Тобой восхищенныхъ людей найдешь не мало.
Не помню, кто сказалъ, я чаю, Боало,
Что умному сыскать всегда не тяжело
Еще умнѣйшаго, которому онъ равенъ.
Гряди себѣ во слѣдъ, и вѣрно будешъ славенъ
У тѣхъ, которые на то осуждены,
Чтобъ истинѣ твоей не обуять цѣны,
Они рѣкутъ, плетя изъ лавръ тебѣ корону,
Что мало для тебя быть другомъ Аполлону,
И мня, что требуетъ иныхъ титлъ ѣдкій умъ,
Воскликнутъ. «Музамъ ты, по малой мѣрѣ, кумъ!»

ПРИЛОЖЕНІЕ СЕДЬМОЕ, КЪ СТРАНИЦѢ 40-ОЙ.

Изъ книги о Русской Исторіи, сочиненіе Елагина.

I.

ПРИНОШЕНІЕ ПРЕМУДРОСТИ.

Твоему, божественная Софія, предвѣчная Всемогущему неба и земли Зиждителю присущность, внушенію повинуясь, воспріялъ я трудъ повѣствованія о Отечествѣ нашемъ; да подъ руководствомъ Твоимъ, изображу дѣянія Государей и героевъ нашихъ, представя потомству въ истинномъ ихъ житіи и видѣ, лестію не украшенномъ и злобою не обезображенномъ, и Тебѣ трудъ мой посвящаю. Ты будь ему покровительница; Ты поборствуй по немъ; Ты пріосѣни его страшнымъ щитомъ своимъ, когда ѣдкая ненависть, злобная зависть и неправосудія жестокость отрыгнутъ противъ трудившагося зловредныя, правду гонящія козни. Не попусти злости ихъ невинныя терзать его памяти; не попусти яду ихъ умерщвлять его совѣсть, и злобно изторгать его изъ числа писателей безстрастныхъ и безкорыстныхъ. Ты святымъ своимъ ученіемъ награди знанія моего недостатка; украси слогъ мой священною своею важностію, и увѣнчай цвѣтами краснорѣчія Твоего жертву, Тебѣ приносимую. Ты влей въ читающихъ вѣщаніе мое кроткаго снисхожденія благопріятность: да при строгомъ опыта моего разборѣ, простятъ могущія быть въ мысляхъ и сказаніяхъ моихъ погрѣшности, да припишутъ хладъ слога моего зимѣ лѣтъ согбеннаго старца; а усердіе его, занять пользою праздное ихъ время, да воспріимутъ вмѣсто дара совершеннаго, и подносящему да воздадутъ благосклонностію!

II.

Изъ введенія

къ тому же сочиненію.

Я не ласкаюсь пріобрѣтеніемъ славы творцевъ первостепенныхъ, и не ищу тщеславія посредственныхъ; а всего меньше хощу уподобиться нянямъ, вздорными сказками дѣтей усыпляющимъ: единыя мзды мнѣ довлѣетъ, если пріятели мои съ такимъ удовольствіемъ читать опытъ повѣствованія моего станутъ, съ какою охотою я желанію ихъ повинуюсь. Сего ради предварительно признаюсь, что и родъ таковаго повѣствованія себѣ предположилъ, каковаго въ другихъ не обрѣтаю. Можетъ быть, по той причинѣ, покажется порожденіе мое уродомъ, недостаткомъ или излишествомъ членовъ обезображеннымъ, и токмо единому отцу его нравящимся; но сія родительская слѣпота сторонняго не отяготитъ зрѣнія, какъ если тажъ любовь, слѣдуя разсудку и безпристрастію, потщится природное уродство дитяти закрывать занятыми изъ настоящихъ временъ одеждами, и ветхость суровыхъ его нравовъ награждать новаго благонравія примѣрами. Вмѣсто тѣлеснаго состава преимуществъ, потщуся я украшать чадо мое подражаніемъ: Тациту, Титу Ливію, Саллюстію, Плутарху, Ксенофонту, Робертсону и Гуму; вмѣсто своего ученія, любомудріемъ Пиѳагора, Платона, Эпиктета, Лейбница; вмѣсто собственнаго въ политикѣ и законахъ знанія, Солонъ, Ликургъ, Гроціусъ и Пуфендорфъ сообщать ему свои наставленія станутъ, и паче всего нравственная проповѣдь Евангельская и непорочнаго Богословія важность, сердцу и нравамъ моего урода дадутъ, можетъ быть, притягательную нравиться силу.

Тацитова лѣтопись и сочиненныя имъ нѣкоторыхъ Римскихъ тиранъ частныя житія будутъ мнѣ предначертаніемъ, котораго я въ опытѣ моемъ предпочтительно держаться намѣренъ. Тацитъ плѣняетъ меня своимъ

сказаніемъ, когда въ лѣтописи бытіе и воинскіе народа Римскаго предлагаетъ подвиги, и прельщаетъ сердце мое своимъ безпристрастіемъ, когда повѣствуетъ о Кесаряхъ и ихъ царствованіи: самое тоже и мнѣ предлежитъ. Непрерывная Римлянъ война, яко въ зерцалѣ, наши кровопролитныя представляетъ мнѣ брани. Равныхъ съ Тацитомъ красокъ, къ разноличнымъ токмо картинамъ, мнѣ потребно. И такъ, занимая у него, могу я съ успѣхомъ пользоваться, подобно слабому ученику, списующу съ подлинника великаго живописца, или подобно робкому Рафаэлевой кисти подражателю. Имѣя сего, великаго Повѣствователя въ образецъ, стараться я стану, сколько силы мои дозволятъ, недостатокъ искусства и способностей моихъ награждать правдолюбія и искренности духомъ. Сіе сугубое души моей свойство, не обинуясь, открываю я въ объявленіи пособій, кои удобными къ поспѣшествованію труда моего почитаю.

Искушенный лѣтами и долговременнымъ Отечеству, при трехъ разныхъ царствованіяхъ и наконецъ въ важнѣйшихъ внутреннихъ должностяхъ, служеніемъ наставленный, ласкаюсь я быть удобнымъ къ изслѣдованію прошедшаго времени дѣяній, уподобляя оныя приключеніямъ, въ глазахъ моихъ происходившимъ. Тогдашнія учрежденія и положенія Государства, снося съ настоящими, кажется, не заблуждуся въ опредѣленіи причинъ дѣйствіямъ, и въ цѣнѣ полагаемымъ причинамъ великой ошибки сдѣлать не уповаю. Извѣстно мнѣ, что сердце человѣческое всегда одинако, и то же нынѣ, каково было отъ самаго вѣковъ начала. Я вѣдаю, что тѣжъ добродѣтели и тѣжъ пороки и страсти присущны и нынѣ въ Петербургѣ и въ Москвѣ, какія въ Аѳинахъ и Римѣ существовали. Не измѣненіе сердецъ, но больше и меньше просвѣщенія и невѣжества творятъ нравовъ разновидность, а природа тажъ всегда пребываетъ.

. . . . . .

. . . . . .

ПРИЛОЖЕНІЕ ОСЬМОЕ, КЪ СТРАНИЦѢ 67-ОЙ.

Varsovie, ce $\frac{\text{29 Oct.}}{\text{9 Nov.}}$ 1771.

Monsieur,

Je Vous suis très redevable, Monsieur, de la lettre du 23 Sept. que Vous avez eû la bonté de m'écrire. J'ai souffert en la lisant de toutes les calamités, qui affligent la ville de Moscou. Dieu veuille mettre fin à ce fléau. Je ne Vous écris rien sur l'avanture terrible du Roy, parce que j'ai dit ce que je sais sur cette matiere dans mes dépêches à la Cour, que Vous lirés sans doute. Continués, je Vous prie, à m'instruire de tout ce qui arrivera de nouveau chez Vous et de tout ce que Vous apprendrés d'autre part. Je regarderai ce bon office comme une marque de votre amitié, à la quelle je crois avoir droit par celle que je Vous porte et avec la quelle je suis, Monsieur,

Vôtre très humble et très obéissant serviteur

C. de Saldern.

P S. On ne peut pas être plus sensible, que je le suis à Votre amitié et à Votre souvenir. Il est cruel d'entendre et de voir quel conte, que les Polonois font à ce sujet. Je Vous jure qu'il est incroyable. Non contents de debiter, que les habitants de Moscou, au nombre de 100 m. sont deja enterrés, on prétend de savoir que cette contagion s'etend jusqu'à Petersbourg et que la Cour est sur le point d'aller resider à Revel ou à Riga.

Que pensés Vous de l'attentat contre le Roi à Varsovie. C'est un coup bien hardi. L'Europe a trois Rois, aux quels les mains meurtrieres ont voulu. L'histoire fournit quantité des exemples des assassins. Mais la Pologne en a donnée 30 à la fois. Par Dieu c'en est trop.

Nous avons encore à craindre. Il y a nombre des scelerats ici. On ne jouera pas la même comoedie. Mais je m'attends à d'autres d'une espece différente.

Jusqu'ici je n'ai pas perdu ma tête. Mais ma santé est perdu pour jamais. Adieu.

Varsovie, ce $\frac{12}{23}$ Nov. 1771

Monsieur,

Votre dernière lettre chiffrée du 25 Octobr., Monsieur, m'est bien parvenue. Vous pouvés bien Vous représenter l'impression que son contenû a fait sur moi. Dieu veuille que ce soit la dernière dans ce genre que vous m'écriviés.

Je vous suis bien obligé, Monsieur, de m'avoir informé de la reception de mes dépêches et de l'arrivée de mes courriers. Ne soyés pas en peine du № 55. Je l'ai enfermé dans ma lettre particuliere a M-r le Comte de Panin et il est assurément entre ses mains.

Je vous envoye çy incluses deux lettres pour nos prisonniers Polonois. Ayés la bonté de Vous charger de les faire parvenir, après en avoir demandé l'agrément à M-r de Panin. J'espère qu'il n'y trouvera pas à redire, vû l'indifférence de leur contenû.

Ce n'est plus que par habitude que je Vous prie de m'instruire de tout ce qui Vous parviendra de curieux et d'intéressant; car Votre exactitude et Votre bonne volonté à cet égard ont jusqu'ici parfaitement repondû à mon attente. J'espère que l'habitude que Vous avés de vôtre côté de m'entendre vous assurer de mon amitié vous aura aussi convaincû à quel point je suis,

Monsieur,

Votre très humble et très obéissant serviteur,

C. de Saldern.

A M-r Fon Viesin.

Varsovie, ce $\frac{13}{24}$ Iuillet 1771.

Monsieur,

J'ai bien reçù, Monsieur, votre lettre du 30 Iuin Je ne puis rien ajouter aux expressions, dont je me suis servi precedemment, pour vous marquer ma reconnoissance de la peine que vous vous donnés de m'écrire. Continués, je vous prie, à en agir de même et à me donner des nouvelles sur tout ce qui se passe chez vous. J'espère, au moins je le dèsire du plus profond de mon âme, que les inquiètudes ou vous étiés par rapport à Monseigneur sont terminées par son rétablissement. Vous pouvés aisément imaginer dans quelles mortelles angoisses je suis sur cet article et combien je souhaite impatièmment l'arrivée des nouvelles plus satisfaisantes.

En attendant je ne puis par vous cacher combien j'ai été affectè d'une expréssion, que M. de Panin a employé dans la lettre qu'il m'a écrite. *Je compte que vous n'aurez aucun désagrément sur toutes vos démarches*, dit il. Je crois bien, Monsieur, qu'il n'est pas juste que j'aye des désagrémens: mais cela ne suffit pas. Quand on travaille comme un forçat, qu'on n'a de repos ni jour ni nuit, en un mot qu'on se sacrifie pour faire les choses au mieux, on mérite de droit a ne pas éssuyeir *des désagrémens*. On est même autorisé à exiger du moins de l'approbation. Vous conviendrés que cela n'est guères trop, et qu'à moins de cela il n'y a pas d'indifference et d'insensibilité, qui tiennent.

J'attens la lettre, que vous m'avez annoncée de votre part, comme un nouveau temoignage de votre amitié C'est avec toute la mienne que je suis,

Monsieur,

Votre très humble et très obéissant serviteur,

C. de Saldern.

Varsovie, ce $\frac{4}{15}$ Sept. 1772.

Quoique je ne sois maitre, que de quelques peu de momens, je ne puis les mieux employer, mon cher Ami, qu'à Vous donner de mes nouvelles, en me rappellant à vôtre souvenir. Que Vous dirois je des premiers regards que j'ai jetté sur la Pologne? rien. Cela vaut mieux, car il faut en homme prudent suspendre mon jugement. Tout ce que je sais, est un ramas de contradictions, d'animosités personelles sous le voile d'intérèt d'état. Tels sont les hommes, plut à Dieu que je n'eusse à négocier en Pologne qu'avec des Polonois, je serois moins à plaindre. Mais il faudra combattre des obstacles étrangers à mon objet. A bon entendeur salut, je Vous en dirai d'avantage avec le temps.

La connoissance de Votre âme, mon cher Fon Viesin, ne me permet pas de douter un moment de la sincerité de Vos assurances d'amitié et de leur effêt. Je ne Vous crois pas capable de duplicité. Je repondrai à ces sentimens par la reconnoissance la plus essentielle, soyés persuadé de cette verité, et j'en chercherai les occasions. Ayés la bonté de me donner quelques nouvelles du retour du Comte, ainsi que des sentimens de M-r votre chef et le mien. Je l'aime comme mon père, je le respecte comme celui de la patrie, et j'espère de son honnêtteté, que je verrai bientôt les effèts de ses promesses et bontés.

Je suis dans un pais où à chaque pas que je fais, a chaque projet que je forme . . . . . je trouve des épines et des obstacles. Je suis heureux de n'en point rencontrer dans les sentimens, avec les quels je suis tout à Vous,

Stackelberg.

A M-r. de Fon Viesin.

Varsovie, ce Nov. 1772.

Monsieur,

Je ne puis que Vous temoigner ma reconnoissance de la lettre, que Vous m'avés écrite; mon cher Ami, et Vos sentimens fortifient les miens beaucoup plus, que je ne saurois Vous le dire. L'amitié est pour moi un besoin dont je ne saurais me passer, voila mon coeur Le grand monde et les affaires n'ont pas pu le corrompre. Si l'on me manque, ma consolation a été toujours dans lui. J'aime mieux être la duppe que d'en faire.

Votre lettre m'a fait encor plaisir, indépendamment des choses agréables qu'elle contient pour moi. Tout est en règle, et voila le credit de l'homme honnète et intégre que nous aimons, aussi bien etabli, que je l'ai espéré. Soyés lui toujours aussi sincérement attaché, que Vous l'avés été. Il le reconnoitra, ne lui rappellés jamais ma personne dans cette cohuë d'affaires sous les quelles on le fait succomber, parcequ'il n'y a que lui, qui ait une ame et une tête; mais rappellés lui les affaires de ce païs ci, qui sont plus importantes, qu'elles ne paroissent. L'Europe a les yeux sur elles. La pologne nous a fait avoir une guerre. Nous avons un intérêt *(excédant du concert)* à bien finir. L'arrangement définitif pour la prise de possession n'est rien, mais il faut terminer le reste, auquel les deux autres ne s'intéressent que foiblement. Leur avidité contentée, ils s'en iront, et nous garderont encor le tripotage sur les bras. C'est à l'égard de ceci, et point pour la prémière affaire, que j'ai besoin des instructions lumineuses et des conseils de mon digne et respectable chef. Comme vous avés sa confiance, je Vous charge de me marquer séparement, ce que votre conversation nocturne avec Lui, fournit à ce sujet.

Que Vous dirois je, mon cher FonViesin de moi? Je ne suis pas content. Ceci reste entre nous deux, et j'en recommande le secrèt à Vôtre amitié. Si l'on ne sentoit pas soi même le petit merite qu'on a, d'autres le font,

surtout le mèrite du coeur et du sentiment à coté de tant d'autres qui en manquent.

Je vis avec Bibikow en frère. C'est l'ame la plus honnète. Aussi mourrrat-il de faim un jour comme moi. Je suis content de mes appointements. Il y a beaucoup d'ordre et de magnificence dans ma maison, et je ne mange rien du capital qui me reste.

Adieu, mon cher ami, ne montrés ma lettre qu'a Marcoff, il y applandira. Je suis tout à Vous sans com pliment. St. (*Stackelberg*)

Qu'est ce que fait Saldern?

Dans le moment on m'apporte un joli habit de velour, et je Vous l'envois sous l'adressé du Comte. Je vous prie de l'accepter comme un souvenir d'ami. Je Vous en demanderai un en temps et lieu. Mes complimens à Talisin, sa femme et Baratinskoy.

Varsovie, ce $\frac{9}{20}$ Fev. 1773.

Si par ma dernière lettre, mon très cher et digne Ami, je Vous ai conjuré de bien suivre l'affaire, qui me tient si fortement à coeur, Vous pensés bien, qu'aujourd'hui que je Vous informe du terme de la diète dans deux mois, je renouvelle toutes mes instances, pour intéresser Votre amitié à m'informer et à me donner des bons conseils. Vous étes sur les lieux, Vous connoissés à merveille cette machine, si compliquée, ce thermomètre enfin de la faveur. Donnés moi Votre avis. faut-il redoubler d'instances et de mesures, ou dois je m'en tenir à celles, que j'ai prises: dites à la première occasion à notre père commun, qu'il me fasse la grace de Vous avertir s'il y a quelque chose a espérer. Je me flatte qu'on fera ponr le service et pour moi ce qui est juste. Vous ne sauries croire comme ces vains Polonois sont étonnés et peut être humiliés de recourir à un homme qui leur paroit tout nud, car quiconque n'a

pas le cordon bleu ici, l'est. Ils ont bien petite idée de mon credit à ma cour, car il se trouve par hazard que tous les Russes qui sont ici, ont des cordons excepté moi. La philosophie a beau faire les plus beaux raisonnemens sur cela, nous ne sommes pas à Sparte. Dites à mon cher Père et Ami, que le succés du représentánt Russe en Pologne dépend du credit qu'on lui suppose à Peters bourg. Dites lui, qu'après avoir mis toute ma confiance dans sa personne, je ne crois pas qu'il m'abondonne, pour le reste de mes jours je serai content, s'il profite de cette occasion pour me faire du bien.

Vous voyés mon cher et digne Ami, avec quelle confiance je Vous charge de mon bien être. O Vous! qui avés une ame susceptible d'amitié, ne me flattés et ne me consolés point. Dites moi la verité. C'est le langage qui doit caractériser notre manière d'être. J'attens par la première poste de Vos nouvelles et suis en embrassant tendrement mon cher Markoff, qui m'écrira à ce que j'espère,

mon cher et digne Ami votre trés
humble et très obeissant serviteur,

Le *B.* de *Stackelberg*.

Pourriés Vous dire un mot pour ce pauvre Krüdener en rappellant S. E. de touttes les promesses et de feu Mr. de Trautfetter grand père de mon neveu.

à Mr. de Fon Viesin.

Ce 3 Juin . . . an

Sans plein pouvoir, sans traité, sans instructions sur differents points, je Vous supplie mon cher ami de rappeller à l'avenir un peu plus les affaires de Pologne au souvenir de nôtre chef et bienfaiteur commun. Je suis dans le plus grand embaras et cela d'autant plus, que Mr. de Rev . . . n'est pas mieux à cheval que moi.

Comme vous étez ma seule consolation à Petersbourg mon cher ami, je Vous prie de me dire sincerement si à la fin on ne veut pas se laisser énouvoir en me donnant le caractère de mes prédecesseurs? les affaires l'exigent indispensablement. Adieu mon ami, conservés moi des sentimens qui me sont chers et que je merite. Mille choses à Baratinskoi et Talisin. Ce dernier ne m'a pas repondu à ma sollicitation d'avancement pour mes neveux, Je suis tout à Vous,

Stackelberg

Ce 21 Nov. . . . an.

Il est si difficile pour moi de faire partir un courier sans le charger d'une lettre pour Vous, mon digne et cher ami, qni puisse en me rappellant à Votre souvenir, servir en même temps d'intreprète de la continuation des sentimens que je Vous ai consacrès. Je me porte bien mais je déssèche sur pied à force d'attendre vos couriers. Si Vous pouviés contribuer à les faire, expèdier un peu plus diligemment, je Vous aurais une obligation des plus essentielles. Il y a encore une grace que je Vous demande et que j'espère obtenir d'autant plus facilement que Vous entrerés certainement dans la justice de la chose, j'ai fait des intercessions très vives en faveur de Mess-r Bulhakov et Krüdener. Lorsqu'un general gagne des batailles on recompense les officiers qui se sont distingués, en verité j'ai gagné une bataille politique. Mon digne ami, rappellés à nôtre respectable bienfaiteur cette nécessité de recompenser des gens qui travaillent. Adieu. je Vous estime, je Vous aime et je serai toujours avec des sentimens distingués,

Votre très hle. et très ob-t serv-r

Stackelberg.

La copie et la traduction des pleinpouvoirs pour S. E. Monsieur le Comte de Panin et M-r le Prince de Gallitzin, ne m'ayant point été encore envoyés, je pends la

liberté Monsieur de Vous prier de me les faire parvenir bientôt s'il est possible, afin de pouvoir fermer la caisse qui contiendra les documens que j'enverrois à ma Cour. Comme M-r le Grand Maitre a toujours bien voulû dans de pareilles occasions, faire apposer son cachet sur de pareilles caisses, afin de les prémunir contre les chicanes des douaniers, j'espere qu'il ne voudra pas me le refuser non plus en cette occasion et lorsqu'elle sera empaquetée je l'enverrai Monsieur a Votre Chancellerie. Je Vous prie donc de faire pour cela les dispositions necessaires afin qu'au cas qu'elle y arrive dans Votre absence, on sache au moins ce qu'il y aura à faire.

Solms.

Le 12 . . . . 1772.

J'ai appris hier, qu'on avoit des nouvelles de M-r le Marechal C-te de Romanzow de l'arrivée du courier qui est parti d'ici avec mon passeport pour Constantinople; c'est à dire de son arrivée au quartier general, de son depart pour l'armée Turque et de la correspondance que S. E. le Marechal a entretenue pour cela avec le Bacha de Rusczuig. Permettez donc Monsieur, que je prenne la liberté de Vous prier, de me faire savoir avec la permission de S. E. M-r le Comte de Panin, les dates de tous ces événements et de me communiquer la lettre que ce Bacha, ou le Grand Visir, (car je ne sais lequel des deux) à ecrit pour cet effet au Marechal Romanzow. Je serois charmé de pouvoir l'envoyer au Roi de Prusse par le courier que je Lui envois aujourd'hui.

Solms.

Le 13 Fevr. 1772.

Гага. 1771 $\frac{11}{1}$ — Іюля.

Государь мой Денисъ Ивановичъ.

Скажи, пожалуй, что ты объ моемъ письмѣ съ нынѣшнимъ *штафетомъ* думаешь? Время, конечно, у тебя мало ко мнѣ писать: скажи что нибудь женѣ, которая въ генеральныхъ терминахъ можетъ меня увѣдомить.

Шляпы и шапки довольно, чаю, тебя упражняютъ, и я на тебя не буду пенять, хотя и очень рѣдко будешь писать.

Дней черезъ нѣсколько, поѣду къ *Бонамъ*; оттуда буду къ вамъ писать; а я есмь и буду

вѣрный вашъ слуга

Степанъ Зиновьевъ.

P. S. Помни свое обѣщаніе, жену мою не оставь.

La Haye. 1771 $\frac{27}{16}$ Декабря.

Государь мой Денисъ Ивановичъ.

Представь себѣ, другъ мой, все мое состояніе: живу и странствую, не знавши своей судьбы. Пожалуй, доложи Графу Н. И., чтобъ приказалъ отписать Борхенсу en termes un peu forts. Конечно, не много догадки надобно, чтобъ узнать, сколь мало Борхенсу хочется имѣть себѣ главнаго въ своемъ мѣстѣ. Баронъ Стакельбергъ можетъ вамъ подать совѣтъ, какъ сыскать хорошую дорогу: онъ довольно знаетъ оную землю et en même tems a des liaisons asséz ètroites dans le pays. Здѣсь я начать ничего не могу. Вы видѣли изъ перваго моего письма къ Графу Н. И. изъ Гаги, какое мнѣ сдѣлалъ описаніе К. Голицынъ о здѣшнемъ Министрѣ, чему я долженъ слѣпо вѣрить, какъ человѣку такому, кото-

рый здѣсь довольно живетъ. Въ нынѣшній пріѣздъ, хотя со всѣми познакомился, но не было довольно времени узнать характеры. И такъ, хотябъ я нашелъ и не со всѣмъ правелное описаніе К. Г., не буду смѣть начать ничего. Разсудите, вѣдь въ случаѣ не удачи, вся вина упадетъ на меня, и, по справедливости, нѣкоторымъ образомъ.

Предложите Графу, не разсудитъ ли поручить Пушкину въ Лондонѣ, чтобъ онъ зачалъ съ находящимся тамъ человѣкомъ . . . . и ежелибъ нужда была, ябъ и самъ поскакалъ въ Лондонъ.

Я написалъ мѣсяцъ назадъ, чтобъ поменьше мнѣ комплементовъ писалъ, а старался бъ о скорѣйшемъ начатіи дѣла. Думаю въ концѣ Генваря получить отъ него отвѣтъ.

Прощай, другъ мой! Оставляю на твое попеченіе придумать все, что можешь объ моемъ дѣлѣ. Прошу вѣрить, что я есмъ и буду

вашъ вѣрный слуга

В. Зиновьевъ.

Приложенное письмо къ женѣ прошу отдать.

La Haye. 1772 $\frac{20}{9}$ Janvier.

Государь мой Денисъ Ивановичъ.

На сей почтѣ только успѣваю васъ увѣдомить и благодарить за письмо, и притомъ сказать, что письмо къ Князю Голицыну еще не успѣли разобрать. На будущей почтѣ, пространно буду писать къ Его Сіятельству о всемъ, что предпринято будетъ мною съ Княземъ Голицынымъ. Давнобъ я здѣсь что нибудь началъ, еслибъ Голицынъ въ иномъ былъ положеніи съ нужнымъ здѣсь

для меня человѣкомъ. Прощай, другъ мой! Не упущу обо всемъ тебя увѣдомить.

Искренній вашъ и вѣрный
слуга *В. Зиновьевъ.*

P. S. Пожалуй, отдай письмо къ женѣ, и успокой ее скажи, что все пойдетъ хорошо.

Paris. 1772. . . . . $\frac{10}{24}$

Отъ жены, я другъ мой, давно писемъ не получалъ: знать, что въ дорогѣ она; и я свои письма уже давно адресую къ Долгорукову, въ Берлинъ. Не знаю, всѣ ли она дѣла свои окончила, а изъ главныхъ теперь то, чтобъ коллегія прислала мнѣ прежнее заслуженное жалованье, котораго, по моему счету, наберется около четырехъ тысячъ, которыя мнѣ конечно и выданы будутъ по курсу Петербургскому. Чтожъ касается до нынѣшняго моего жалованья, котораго будетъ въ концѣ Марта пять тысячъ рублей, надѣюсь на твою истинную дружбу, что ты постараешся ко мнѣ переслать; да и затрудненіе въ ономъ, не думаю, чтобъ Министерство сдѣлало: потому что я уже, будетъ полгода, какъ назначенъ въ Гишпанію Министромъ. Всѣ оныя деньги мнѣ непремѣнно надобно до выѣзда моего изъ Парижа, то есть не позже конца Марта. Мнѣ хочется выѣхать отсюда въ началѣ Апрѣля, чтобъ не захватя жаровъ, добраться до Мадрита. Здѣсь все заказалъ сдѣлать, и въ великихъ хлопотахъ буду, ежели деньги не пришлютъ. Однимъ словомъ, нельзя будетъ выѣхать изъ Парижа, и не буду знать, что дѣлать. По сю пору еще нигдѣ худаго слова не нажилъ. Помоги, другъ мой, чтобъ порядочно до дома добраться. Ни мало не сомнѣваюсь, чтобъ ты всевозможное для меня не сдѣлалъ: Богъ меня накажетъ, ежели я тебѣ буду недовѣрять! Заводъ первыхъ головъ будетъ мнѣ труденъ, а въ прочемъ десятью тысячами, право, можно вездѣ честно жить.

Брата твоего дожидаюсь, желая, чтобъ онъ не зналъ, гдѣ я проѣхалъ въ Лондонъ; пусть его погуляетъ и городъ и весь островъ узнаетъ. Почтенный А. Пушкинъ его тамъ конечно не оставитъ. Кланусь тебѣ Богомъ, что я очень былъ бы радъ, хотябъ всѣ наши Русскіе Министры такъ благопристойно вели и порядочно, какъ Алексѣй Семеновичъ, и конечно не постыдится Русскимъ, который того стоитъ. En verité mon aimable ami j'ai été souvent outré contre quelques uns, mais tout est passé n'en parlons plus.

Ради Бога, увѣдомь меня не умедля, ежели кто назначится сюда Министромъ. Онъ изъ тѣхъ будетъ Министровъ, съ которымъ я нужду имѣть буду всѣхъ больше переписываться. Желаю оное мѣсто получить хорошему человѣку; а мѣсто, право, не на шутку, по многимъ обстоятельствамъ. Не назначите ль Хотинскаго? Онъ уже нѣсколько былъ повѣреннымъ въ дѣлахъ, и по старшинству можетъ случиться. Указъ, помнится, есть Сенатскій, что прослужившихъ по семи лѣтъ въ одномъ чину должно производить въ слѣдующій.

Я съ тобой, другъ мой, часто буду шутить, ибо и все то говоримъ, что на душѣ; но при томъ сору изъ избы прошу не выносить. Вѣдь намъ свѣтъ не передѣлать: какъ же было, такъ будетъ всегда. Отпиши, не надобно ль тебѣ что прислать отсюда; братъ бы твой тебѣ и привезъ, или бъ на первыхъ корабляхъ прислалъ. Карлъ здѣсь, какъ тебѣ извѣстно, и я часто съ нимъ вмѣстѣ, и очень мы съ нимъ ладимъ. Сестра его Княгиня, я чаю, въ Петербургѣ? Пожалуй, кланяйся отъ меня: я ее чрезвычайно почитаю.

В. Зиновьевъ.

---

9 іюня.
Арангуезъ. 1773 —
29 мая.

Письмо твое, другъ мой, отъ 22-го Апрѣля, получилъ. Благодарствую за поздравленія. Я уже получилъ изъ

Голландіи превеликой листъ всѣмъ пожалованнымъ. Жалѣю, что не досталось въ генералы предостойному и прелюбезному человѣку, К. Н. В. Рѣпнину.

Щ . . . . . хотя тебя, другъ мой, и увѣряетъ, что деньги ко мнѣ послалъ чрезъ Ольдекопа, но боюсь, не солгалъ ли: я еще никакого извѣстія изъ Амстердама не имѣю.

Вы, я чаю, видѣли изъ прежнихъ моихъ писемъ, сколько я поспѣшалъ въ Мадритъ. Я не знаю, какъ я по сю пору исправляюсь деньгами. Надѣюсь на твое дружеское стараніе, о пересылкѣ жалованья моего.

Господинъ Рикманъ велъ себя во всю бытность здѣсь, какъ человѣку ученому должно. Весь корпусъ дипломатическій похвалялъ умъ его чрезмѣрно, и этотъ добрый человѣкъ для того теперь просится, что прибытіе Г. Крока lui fait une avanie. Я хотя очень жалѣю, что со мной онъ не будетъ, но первый ему совѣтую проситься. Немудрено, что его любочестіе въ ономъ терпитъ. Многіе изъ Министровъ, меня спрашивали, не прослужился-ль онъ въ чемъ. — И такъ я, другъ мой, прошу васъ, чтобъ старались Г. Рикмана отсюда отозвать, и сдѣлать его состояніе еще лучшимъ: истинно достоинъ онъ очень. Adieu mon tres cher ami je suis èternellement a vous,

В. Зиновьевъ.

P. S. Вѣрю, что на Рикманово мѣсто пришлешь ко мнѣ человѣка хорошаго: выбору твоему вѣрю, и буду доволенъ.

Мадритъ. 1773.

Давно я къ тебѣ не писалъ, мой любезный другъ. Пріѣхавъ сюда, довольно мнѣ было суетъ; теперь начинаю понемножку обживаться, но еще долго будетъ, чтобъ совсѣмъ завестись домомъ, какъ должно. Надѣюсь, что хотя чрезъ мѣсяцъ пришлютъ мое жалованье. Всѣ авансы, которые надобно дѣлать для загородныхъ домовъ, меня

разоряютъ. Хотя знаю, что заплатятъ, но надобно много чистыхъ денегъ изъ кармана вынимать.

Жары начинаемъ здѣсь чувствовать дней съ пять прежестокіе; истинно не въ терпѣжъ, какъ бы кто не любилъ солнца. Начинаю не дивиться, что народъ здѣсь лѣнивъ: нельзя инако быть.

Нарышкинъ у васъ скоро будетъ и съ славнымъ Дидеротомъ. Я къ тебѣ, братецъ, буду пересылать Нарышкина письма. Прощай! цѣлую тебя

В. Зиновьевъ.

Il faut que je vous aime bien mon cher ami pour vous ècrire dans ce moment; il fait une chaleur ici qui n'est comparable a rien, je sue à gosses goutes et malheurcusement je suis obligé d'être par voie et par chemins parceque je fais mes visites. Je ne peus rien vous dire d'agreable si non que je vous aime de tout mon coeur et que j'ose croire que je n'ai pas affaire à un ingrat. Adieu mon cher ami mes compliment à Аркад. Иван. М. et au Р. Юсуповъ.

1773 $\frac{25}{14}$ Aout.

Письмо ваше, другъ мой, отъ $\frac{1}{12}$ Іюля, я получилъ. Объ Щ . . . . я былъ уже предупрежденъ, какъ вы и видите изъ моихъ писемъ; но скорбѣть до тѣхъ поръ буду, пока не приведу дѣла свои въ порядокъ, то есть расплачусь съ долгомъ. На жену я свою не сержусь; пожалѣю объ ней, что она весь вѣкъ свой будетъ робенокъ, и никогда у ней ничего основательнаго не будетъ. Я, братецъ, больше ее знаю, и долженъ признаться, что она оной характеръ имѣетъ: на то имѣю многія доказательства. Я чувствую и увѣренъ въ вашу дружбу, и въ сожалѣніе обо мнѣ. Такое поведеніе друзей моихъ со мной истинно, любезный другъ мой, мнѣ драгоцѣннѣе всѣхъ имѣній и сокровищъ!

Объ дуракѣ Щ . . . . . жалѣю, такъ, какъ о человѣкѣ, который больше слѣлалъ, думаю, себѣ несчастіе, нежели тѣмъ, которыхъ обокралъ. Не стану я тебѣ больше объ немъ говорить, и ничего разспрашивать.

Спасибо, другъ мой, что самъ письмо отдалъ К. Г. Г. Орлову; утѣшаешъ меня весьма, что онъ по старому ко мнѣ.

Домъ я свой продать непремѣнно долженъ, и прошу тебя усердно стараться оное исполнить наискорѣе.

Надѣюсь, по вашему обѣщанію, скоро получить жалованье, не для моего только житья, но для большихъ издержекъ чрезвычайныхъ, которыя должно здѣсь дѣлать: наемъ домовъ въ загородныхъ мѣстахъ, перевозка со всѣмъ домомъ истинно стоитъ много; и все притомъ чистыми деньгами платить должно. Я уже на эти расходы издержалъ около 709 рублей на наши деньги.

Увѣренъ, что мнѣ заплатятъ, какъ и всегда плачивали предмѣстникамъ моимъ; но когда, Богъ знаетъ.

Счетъ въ Коллегію пошлю въ исходѣ года. Ежели бъ не сыскалъ занять по осьми на сто, то истинно нельзябъ было и слѣдовать за Королемъ.

Крокъ, думаю, просится прочь отъ меня: онъ говоритъ, что ему очень скучно и грустно здѣсь жить. Я думаю, что онъ для того и поѣхалъ только, чтобъ чинъ выиграть. Я съ нимъ обхожусь по пріятельски, и грѣхъ ему будетъ, ежели онъ и мною не доволенъ; но не чему тутъ дивиться: большая половина людей въ свѣтѣ неблагодарныхъ. Ежели Крока отзовутъ, то, думаю, Рикманъ останется съ охотою: истинно достоинъ онъ, чтобъ произвесть его секретаремъ и поощрить тѣмъ его къ службѣ.

Ежели жъ оба они отзовутся, то истинно всего бъ лучше желалъ Томару: я его знаю, и мы уживемся. Представь еще Графу Н. И. объ ономъ. Прощай, братецъ; будь здоровъ; а я истинно буду тебѣ благодаренъ по вѣкъ.

Вашъ вѣрный слуга и другъ

В. Зиновьевъ.

P. S. По любви, которую имѣю къ Отечеству своему, желалось бы мнѣ очень, чтобъ исполнилось по моимъ мыслямъ, которыя сообщилъ я въ послѣднемъ письмѣ Графу Н. И. Всякій день имѣю доказательства, которыя меня укрѣпляютъ въ моихъ мысляхъ.

Мадритъ. 1774. 12-го Февр.

По просьбѣ Ивана Ивановича Крока, посылаю на сей почтѣ представленіе къ Графу Н. И., объ отзывѣ брата его. Ему было желалось, чтобъ я отправилъ брата его, не испрося дозволенія у Графа Н. И., но я въ томъ отказалъ, какъ и по первому его письму. Желаю, чтобъ по ихъ желанію исполнилось, а мои мысли ты знаешь.

Дней черезъ пять, поѣду въ Аранхуэсъ. Жаль, что для загородныхъ мызъ время у насъ еще дурно. Рѣдко видалъ такую дурную весну и въ Петербургѣ.

Стараюсь, чтобъ жена выѣхала изъ Мадрита около начала Іюня по новому стилю. Дорога не ближняя, надобно стараться пріѣхать въ Россію прежде осени.

Ежели-бъ я зналъ, что ты живешь домомъ, то я бъ тебѣ прислалъ вина шампанскаго; но, думаю, что живешь *по-калмыцки*, даромъ что знатный помѣщикъ. Отпиши, хочешь ли пить наше вино хорошее? Прощай: другъ мой; цѣлую тебя.

В. Зиновьевъ.

О Господинѣ Бицо — ни слуху, ни духу.

Г. М. Д. И. Фонъ-Визину.

Милостивый Государь мой Денисъ Ивановичъ.

Нельзя болѣе моего и съ искреннею благодарностью, признавать тотъ обязательный знакъ неложной уже вашей ко мнѣ дружбы, каковымъ вы, въ послѣднемъ вашемъ письмѣ, отъ 25-го Октября, почтить меня изволи-

ли. Если бы бывали вы въ отдаленіи равномъ моему, толь долговременномъ, то бы лучше еще повѣрили, что я истинно наполненъ тѣми къ вамъ сентиментами сердечной благодарности, о которыхъ, можетъ быть, не вовсе безъ успѣха, я васъ увѣрять стараюсь. Сами бы свѣдали вы и испытали тогда, сколь утѣшно ласкаться вашею дружбою, а особенно милостивымъ мнѣніемъ прелюбезнаго нашего шефа le plus aimable et le meilleur des hommes . . . . Будьте же моимъ у него иногда предстателемъ: такой вашъ трудъ неблагодарнымъ, конечно, не останется. Можете вы считать то за самое вѣрное, а для наибольшей надежности вашей, прошу только меня въ томъ извѣдывать. Изъ усердія моего усмотрите тогда болѣе, нежели изъ однихъ словъ. Совершенное ваше по тому удостовѣреніе оставляю я до того времени, а теперь только васъ прошу доставить *слѣдующее* присемъ Его Сіятельству, когда онъ въ С. Петербургъ прибыть изволитъ.

Желалъ бы я очень вѣдать, какое дѣйствіе произведетъ содержаніе двухъ послѣднихъ моихъ депешей, № 94-го и 95-го?

Въ прочемъ, имѣю честь пребывать съ совершеннымъ почитаніемъ

вашимъ,

Милостиваго Государя,

покорно-послушнѣйшимъ слугою

А. Мусинъ-Пушкинъ.

Лондонъ,
сего 25-го Ноября 1771.

Милостивый Государь мой Денисъ Ивановичъ.

Сколько бы ни было вамъ пріятно, продолжительно обязывать меня наичувствительнѣйшимъ и великодушнымъ образомъ, то я, конечно, болѣе еще нахожу себѣ утѣшенія и отрады въ томъ соучастіи, которое вы столь искренно и усердно, въ тягостномъ положеніи

моемъ, принимать изволите. Всеобязательное ваше, Милостивый Государь мой, письмо, отъ 28-го Сентября, наиявственнѣйшій подаетъ мнѣ о томъ опытъ. Послѣдовавшее отъ вашихъ старательствъ соглашеніе банкировъ, на высылку на меня новаго векселя, даетъ мнѣ такую отсрочку, отъ которой я могу, ежели не вовсе то, по крайней мѣрѣ, большею частію исправиться, если публичныя дѣла хотя бы мало мнѣ въ томъ пособили, а особливо, когда надѣюсь и отъ васъ, Милостивый Государь, получать рановременныя извѣстія о происходящемъ. Бѣда та, что разглашаются оныя изъ Варшавы обыкновенно дней пять прежде, нежели изъ С. Петербурга сюда доходить могутъ. Наипрележнѣйше просилъ я для того Господина Стак . . . . хотя бы на моіі счетъ, прислали ко мнѣ первую о мирѣ вѣдомость съ нарочнымъ и проворнымъ курьеромъ, какъ бы можно поспѣшнѣе. Онъ вамъ, конечно, знакомъ. Сугубо былъ бы я вамъ одолженъ, если бы могли и вы дать ему знать о надобности (не изъясняя какой), чтобъ былъ я здѣсь прежде, противъ моихъ въ другихъ мѣстахъ товарищей, увѣдомленъ о мирѣ или, паче всякаго чаянія, о новыхъ разрывахъ и возобновленныхъ переговорахъ.

Прося, въ прочемъ, поднесть сіе вложеніе милосердому, особливо мнѣ, шефу нашему, прошу ни на часъ не сомнѣваться, чтобъ всѣ ваши обязательства не оставались на признательномъ и благодарномъ сердцѣ моемъ, на весь мой вѣкъ, съ тою всеусердною преданностію, съ которою пребуду вамъ непоколебимо и отмѣнно

вашимъ,

Милостиваго Государя,

вѣрно-покорнѣйшимъ слугою

А. Мусинъ-Пушкинъ

Лондонъ,
сего 26-го Октября 1772

сперва въ уравненіе, и именно прежде, нежели кредитъ вовсе возстановится.

Первыхъ изъ Бухареста извѣстій ожидаемъ мы здѣсь изъ Варшавы, яко изъ ближайшаго мѣста. Срокъ перемирію вышелъ тому уже 13 дней; теперь тамъ конечно извѣстно, чѣмъ оный кончился, а курьеръ, можетъ быть, пріѣдетъ сюда съ тѣмъ дней черезъ осемъ. Ничто не можетъ сравнятся съ нетерпѣливостію, съ коею я его ожидаю, какъ та преданность и почтеніе, которыя всегда останутся основаніемъ всѣхъ моихъ стараній и истиннымъ побужденіемъ

вашему,
Милостивый Государь,
вѣрно-покорнѣйшему и всеусердному

А. Мусину-Пушкину.

Лондонъ,
сего 3-го Апрѣля нов. ст. 1773.

Милостивый Государь мой Денисъ Ивановичъ.

Всеобязательное письмо ваше, отъ 12-го Іюля, получилъ я здѣсь со всѣмъ тѣмъ признаніемъ, съ каковымъ надлежало мнѣ оное получить. Все ваше обо мнѣ попеченіе принимаю прямо дружески. Но несчастіе свое долженъ я и по нынѣ еще почитать почти непреодолимымъ, особливо потому, что извѣстіе о разбитіи Визиря дошло сюда неинако, какъ чрезъ публичныя газеты почтою, прежде нежели письмо о томъ изъ Варшавы. Могло бы оное послужить мнѣ знатно, если бы могъ я вѣдать о семъ знатномъ и радостномъ произшествіи, хотя нѣсколько часовъ прежде всѣхъ другихъ. Оставляя напрасную о томъ кручину, тѣмъ по крайней мѣрѣ ласкаюсь, что будетъ, наконецъ, преподанъ мнѣ такой случай, которымъ бы, по настоящимъ обстоятельствамъ, могъ я хотя бы нѣсколько воспользоваться, къ возстановленію прежняго моего

состоянія и спокойствія. Положеніе такое не мало мѣшало и возстановленію здоровья моего; для пользы онаго, ѣду я, по совѣту докторовъ, въ Скарборо, къ тамошнимъ холоднымъ банямъ. Разстояніе, конечно, не позволитъ мнѣ въ Лондонъ возвратиться прежде исхода Сентября, но всякая малѣйшая во мнѣ тамъ нужда, конечно ускоритъ и моимъ туда возвращеніемъ.

Въ прочемъ, прошу быть совершенно удостовѣреннымъ, что вездѣ и всегда пребуду я вамъ, Милостивый Государь, непремѣнно съ наиусердною преданностію и съ таковымъ же подлинно почтеніемъ,

вашимъ,

Милостиваго Государя,

всепокорно-послушнѣйшимъ слугою

А. Мусинъ-Пушкинъ.

Бристоль,
сего 4-го Августа 1773.

Милостивый Государь мой Денисъ Ивановичъ.

Возвращая въ Отечество племянника моего Кошелева, надлежало бы мнѣ возобновить и старыя мои увѣренія, о непоколебимой моей къ вамъ преданности и таковой же признательности. Неоднократно поручалъ я ему, именно изъяснить вамъ, Милостивому Государю, одно и другое словесно: усомнился писать къ вамъ, особенно, зная, сколько заняты вы и безъ того разными другими бумагами. Теперь же прошу только ни мало не сомнѣваться о моихъ къ вамъ сентиментахъ, кои обѣщался я честью сохранить для васъ непремѣнно; но когда же придетъ то время. т. е., когда станете вы оные извѣдывать самымъ дѣломъ, жду дожить до того нетерпѣливо. Если кто другой можетъ отправлять вашу комиссію лучше моего, то никто, конечно, не прило-

житъ къ тому болѣе моего усердія и ревности. Приложа къ тому всеискреннее почтеніе и всеусердную преданность, можете вѣрно всегда надѣяться, что я пребуду на жизнь мою непремѣнно и неложно

вашимъ,

Милостиваго Государя моего,
вѣрно-покорнѣйшимъ слугою

А. Мусинъ-Пушкинъ.

Лондонъ,
сего 7-го Марта 1774.

Смоленскъ. 17-го Марта 1780.

Я, мой другъ, Денисъ Ивановичъ, получилъ ваше письмо, отъ 26-го Февраля, но не могъ на прошедшей почтѣ, за недосугомъ, отвѣчать; теперь же благодарю васъ за оное и за исправленіе моихъ коммиссій. Извѣщенія съ нарочнымъ я еще не получилъ. Чтожъ принадлежитъ до дѣла Лобановыхъ, то инымъ его поправить нечѣмъ, какъ тѣмъ, чтобы дѣти, по причинѣ, что они не раздѣлены и имѣютъ общую въ одномъ мѣстѣ деревню, просили отъ Сената опекуновъ, съ тѣмъ, чтобы оные половину доходу съ ихъ деревни давали на содержаніе отцу и матери, а другую имъ, по равнымъ частямъ, доставляли; безъ сего въ правленіе ихъ имѣніемъ никто не вступится, и я не войду. Прощай, мой любезный пріятель! Пиши, что у васъ дѣлается, и вѣрь, что я искренно и непремѣнно весь вашъ навсегда.

Кн. Н. Рѣпнинъ.

P. S. Скажите Гр. Н. И-чу мой поклонъ отъ всей души и сердца.

Смоленскъ. 15-го Декабря 1781 года.

Благодарствую сердечно, любезный пріятель, Денисъ Ивановичъ, за ваши письма, отъ 1-го и 3-го сего мѣсяца, которыя я оба вдругъ получилъ; третіе же, отправленное вами чрезъ Гр. П. Ивановича, я стану ожидать. Извѣстій какъ отъ васъ Петербургскихъ, такъ и изъ чужихъ краевъ, столь мало, что я въ крайнемъ о томъ удивленіи Произшествіе съ Лордомъ Корнвалисомъ, коли къ тому же и Флотъ Грасовъ разобьетъ Флотъ Англійскій или въ нерѣшимости тамъ морскія операціи останутся, великую, кажется, перемѣну въ военныхъ обстоятельствахъ сдѣлаетъ. Если же тамъ Англійскій Флотъ атакуетъ и разобьетъ Граса, то большой важности отъ того Корнвалисова плѣненія, думаю, не послѣдуетъ. И такъ всѣ резоны теперь настоятъ Англійскому Флоту, отваживавшемуся искать жестоко подраться, а Французскому—сколь возможно отъ рѣшительнаго морскаго бою отклоняться. Не прогнѣвайся, что я пустымъ разсужденіемъ наполнилъ цѣлую страницу, желая съ вами побесѣдовать. Не имѣя отсель къ тому матеріи, не почитаю таковою злѣшніе выборы, въ коихъ, кромѣ многолюдства и связаннаго съ онымъ шума, ничего нѣтъ. Благодарю васъ за извѣстіе о положеніи здоровья Гр. Н. Ивановича. Пожалуй, мой дорогой другъ, продолжай со мной вашу мнѣ пріятную переписку, и будь увѣренъ, что я съ искренностію непремѣнно пребуду вамъ навсегда истиннымъ и покорнѣйшимъ слугой.

Князь Ник. Репнинъ.

Смоленскъ. 31-го Декабря 1781.

Искренно благодарю васъ, любезный пріятель Денисъ Ивановичъ, за ваше письмо, отъ 24-го сего мѣсяца, и за сообщенныя въ немъ извѣстія. Болѣе сюда уже не пиши-

те. Прошу письма ваши адресовать въ Москву. Самъ же я надѣюсь съ вами увидиться около 25-го или 26-го Генваря. Съ Новымъ Годомъ васъ поздравляю, желая вамъ отъ всего сердца всякаго добра! Отсюда вѣстей, какъ изъ ямы, никакихъ нѣтъ. Прощай, мой другъ; будь увѣренъ, что я нелицемѣрно вашъ.

К. Н. Рѣпнинъ.

Милостивый Государь Денисъ Ивановичъ.

Братецъ вашъ, Александръ Ивановичъ поѣхалъ вчера съ Господиномъ Пушкинымъ, и оба въ компаніи съ Господиномъ и Госпожею Демидовыми, да Княземъ Гагаринымъ, въ Лондонъ. Передъ отходомъ, поручилъ онъ мнѣ, доставить къ вамъ присемъ включаемое. Пользуясь симъ случаемъ, возобновлю я то, что поручилъ ему вамъ сказать, то есть, предложить себя во всемъ къ услугамъ вашимъ. Я уже вамъ писалъ, почему я преисполненъ всевозможнымъ къ вашей особѣ высокопочитаніемъ; судя же о достоинствахъ и качествахъ вашихъ по наслышкамъ, увѣрился я о честности и добродушіи вашемъ примѣрами братцевъ вашихъ, которые и съ сей стороны кровь вашу не облыгаютъ. За симъ, имѣю я честь пребыть съ истинною навсегда преданностію и нелицемѣрнымъ почтеніемъ,

вашъ, Милостивый Государь,
всепокорно-нижайшій слуга,

Н. Хотинскій.

Парижъ
19-го Мая 1773 года.

Милостивый Государь Денисъ Ивановичъ.

Въ одномъ изъ нынѣшнихъ моихъ къ Его Сіятельству Графу Никитѣ Ивановичу писемъ, изволите усмотрѣть, самый неожидаемый мнѣ случай приключился въ недостаткѣ въ деньгахъ, для отправленія находящихся на моихъ рукахъ Русаковъ, увезенныхъ изъ Камчатки. Перемѣною состоянія моего, по которому банкиръ видитъ, что денегъ у меня убудетъ, имѣетъ онъ недовѣрку, тѣмъ наипаче, что я ему и, безъ того уже долженъ. На сей годъ, не получали мы жалованья ни полушки, да и за прошлый годъ доплату получили только недѣли съ двѣ. Между тѣмъ, безъ денегъ жить нельзя. Деньгами банкиръ меня ссужалъ; потому, ему я и много долженъ. Какъ то ни есть, а денегъ на отправленіе ихъ надобно, и необходимо должно по полученіи моего письма, съ первою послѣ того почтою переслать, или же также написать, что въ тѣхъ людяхъ нужды нѣтъ. Такъ я ихъ распущу. Въ семъ случаѣ, полную имѣю я довѣренность на человѣколюбіе ваше какъ ко мнѣ, такъ и къ тѣмъ бѣднымъ несчастнымъ обманутымъ людямъ, и ожиданіе съ нетерпѣніемъ скораго и благосклоннаго вашего на сіе и по всякому случаю отвѣта. Пребываю съ истиннымъ высокопочитаніемъ и чистосердечною преданностію,

вашъ, Милостивый Государь,
покорно-нижайшій слуга,
Н. Хотинскій.

Парижъ.
1-го Іюля н. с. 1773 года.

P S. Буде въ рѣшеніи по сему дѣлу произойдетъ какое либо замедленіе, то наиусильно прошу предувѣдомить меня, не замѣшкавъ, какого конца по оному ожидать имѣю, дабы потому расположить всякія пріуготовительныя мѣры.

Милостивый Государь мой, Денисъ Ивановичъ.

Подлинно пріятельскимъ вашимъ письмомъ, отъ 27-го Іюля, которымъ избавили вы меня отъ хлопотъ, заботъ и безпокойствія, обрадовали вы меня несказанно, и за оное приношу истинное мое благодареніе. Ждалъ я письмо съ нетерпѣніемъ, и по полученіи онаго 24-го Августа по здѣшнему стилю, опасался, что не пріѣдутъ мои дѣти ко времени отхода корабля, но, по счастію, все удалось, какъ вы то увидите изъ письма моего къ Его Сіятельству, Графу Никитѣ Ивановичу.

Въ концѣ вашего письма, примѣтилъ я слѣдующее ваше выраженіе: *я почелъ бы себѣ за особенное счастіе, если въ разсужденіи вашего собственнаго положенія могъ оказать вамъ услугу*. Будучи извѣстенъ о добродушіи вашемъ, не трудно было мнѣ догадаться о всей силѣ и смыслѣ того выраженія, которое до слезъ проняло сердце мое! Изъ признанія, мнѣ остается надѣяться на Бога и на васъ, добрыхъ людей, а въ прочемъ всего ожидать съ терпѣніемъ, которое не рѣдко исчезаетъ.

Господину Новикову сказалъ я о 15 луидорахъ, о коихъ онъ не беспокоится. Онъ поручилъ мнѣ засвидѣтельствовать вамъ его почтеніе.

Когда бѣдные Комчатскіе люди пріѣдутъ, примите ихъ въ свое покровительство. Они были обмануты, и потому не столь виноваты.

Я имѣю честь пребыть съ отличнымъ почтеніемъ и нелицемѣрною по вѣкъ преданностію,

вашъ, Милостивый Государь мой,

всепокорно-нижайшій слуга,

Н. Хотинскій.

Парижъ.

29-го Августа 1773 года.

P. S. Любезнымъ братцамъ вашимъ прошу засвидѣтельствовать мое почтеніе.

Государь мой и дознанный другъ, Денисъ Ивановичъ.

Прямо дружеское ваше письмо я получилъ съ равнымъ удовольствіемъ имѣющемуся къ вамъ, моему Государю, дружелюбію и нелицемѣрному почтенію. При семъ прошу вложенное здѣсь къ общему нашему благодѣтелю вѣрно доставить. Братца вашего рекомендовать вамъ было не для чего: онъ самъ себя рекомендуетъ. У меня ихъ трое, какъ пріемышей, а четвертый бѣдный, то есть Трегубовъ, за случившимся припадкомъ, оставленъ на дорогѣ. Я, надѣюсь, что они всегда мною будутъ довольны. Прошу, Государь мой, когда праздное время улучите, посѣтить моихъ дѣтей, дать имъ хорошія наставленія къ ученію и поведенію, да и учителя ихъ, Господина Ольрія, побуждать ко всевозможному ихъ обученію, а каммердинера, заболѣвшаго, коль скоро съ настоящими силами сберется, ко мнѣ на почтѣ отправить. Я есмъ, съ отличнымъ почтеніемъ и усердною преданностію, вашъ,

Государя моего,
покорно-послушный слуга,
А. Обрѣсковъ.

Ясеы.
30-го Мая 1772.

Государь мой Денисъ Ивановичъ.

Изъ сегодняшняго отпуска вы увидите, что Господь не благоволилъ увѣнчать всѣ мои труды ожидаемымъ успѣхомъ; однакожъ совсѣмъ оныхъ и не испровергъ, но предоставилъ рѣшить по его всемогущему благоизобрѣтенію: судбины его для насъ, смертныхъ, суть не исповѣдимы, и имъ, съ сокрушеннымъ сердцемъ, всякому, на него надѣющемуся, повиноваться дол-

жно безъ роптанія и безъ отчаянія. Мой случай самый сей, что съ одной стороны душевно стражду, видя всѣ мои труды въ пепелъ обращающимися, а съ другой, бодрствую духомъ въ надеждѣ, на него полагаемой, и чистою совѣстію въ сдѣланіи всего въ силахъ моихъ быть могущаго. Включенный при семъ пакетъ къ Льву Борисовичу Никитину покорно прошу вѣрно ему доставить, потому, что въ немъ есть вексель, отправленный съ сегоднишнимъ отпускомъ. Измайловскаго Полку Унтеръ-Офицеръ Ерлыковъ, мой ближній свойственникъ, котораго въ милость вашу рекомендую, и прошу исходатайствовать отъ милостиваго нашего Начальника въ полкъ рекомендацію, о повышеніи его, а потомъ ко мнѣ возвратить. Я есмь, съ отличнымъ почтеніемъ и дружелюбіемъ,

вашъ, мой Государь,
покорный слуга,
Алексѣй Обрѣсковъ.

Бухарестъ.
13-го Марта 1773.

Государь мой и доброжелательный другъ, Денисъ Ивановичъ.

Послѣднее ваше дружеское письмо, отъ 7-го Марта, получилъ я по отправленіи моего отпуска, отъ 13-го того же Марта, съ котораго времени я въ край вашъ ни одной строчки понынѣ не писалъ: духъ былъ оскорбленъ малою удачею трудовъ моихъ, а къ тому же я упражненъ былъ въ снарядахъ къ ѣздѣ и въ пути. Теперь живемъ, какъ пустынники и оглашенные; поободрило только содержаніе письмеца общаго нашего милостивца, отъ 19-го Апрѣля, твоей рукою писанное къ Графу Петру Александровичу. Утѣшъ его, Всевышній, во всѣхъ его дѣлахъ, такъ, какъ онъ меня утѣшилъ! Вы знаете, мой любезный другъ, что я все то сдѣлалъ, что только сдѣлано быть могло, а во многомъ, безпристрастно сказать

могу, почти самъ себя превзошелъ. Но когда въ чемъ есть неудача, то обыкновенно все хорошее забывается, а бросается въ глаза она одна. Въ этомъ то самомъ положеніи, я себя видя, мучился, но милостивецъ духъ мой поуспокоилъ. Денежекъ маленько здѣсь остается, а всѣ пить и ѣсть хотятъ! Пожалуйте, не уморите съ голоду, и при случаѣ принапамятуйте о посылкѣ въ свое время. Прости, мой любезный другъ, и будь увѣренъ, что преданность моя съ отличнымъ почтеніемъ будетъ во мнѣ навсегда непремѣнно; съ каковою теперь есмъ

вашъ, мой Государь,

покорно-послушный слуга,

А. Обрѣсковъ.

Романъ.
13-го Мая 1775 года.

P. S. Съ сегодняшнимъ отпускомъ отправляю Поручика Грязнова до Серпухова только, а оттуда велѣлъ ему ѣхать, по нѣкоторымъ моимъ нуждамъ, въ Ярославль и Тверь, а послѣ въ С. Петербургъ. Когда онъ туда прибудетъ, прошу удостоить его вашей милости и возвратить ко мнѣ, когда время вамъ, господамъ, дозволитъ.

А. Обрѣсковъ.

Государь мой и много-дознанный другъ, Денисъ Ивановичъ.

Дружескія письма ваши, одно отъ 20-го Марта, чрезъ Графа Михаила Петровича, а другое отъ 11-го Апрѣля, чрезъ Поручика Грязнова, исправно получилъ, и покорнѣйше благодарю за удостоеніе оными. Отвѣтствую: Братцу вашему я предоставляю цѣлую свободность съѣздить въ Отечество, но онъ самъ поудерживается въ разсужденіи нашихъ *недовѣдомостей*, опасаясь, чтобъ

столько трудясь и столько претерпѣвая скуки и всего непріятнаго, не отлучиться въ такой моментъ, который бы могъ лишить, по всякому правосудію, ожидаемаго удовлетворенія. О должкахъ же ниже помышлять должно: какъ разбогатѣемъ, такъ все поправимъ. За все содержаніе втораго, приношу наипризнательнѣйшую мою благодарность. Изъ него имѣю я новый опытъ истинной вашей ко мнѣ дружбы и пріязни. Я уже нѣсколько былъ успокоенъ отзывами Графа П. А., а теперь вашимъ письмомъ и во всей полнотѣ. Я не признаю себя виновнымъ въ моихъ подозрѣніяхъ, а причиною тому единственно sa langue bien pendue et goguenarderie, что ему обыкновенно много недоброжелательныхъ дѣлаетъ, но въ существѣ, я и самъ знаю, онъ нимало не вредителенъ; но какъ человѣкъ, съ утра до вечера, не умолкая, говоритъ, то можно ли наполнить *конверсацію*, чтобъ кого нибудь не укусить? Въ прочемъ, наружно у насъ пріязнь наитѣснѣйшая, и я привѣтствіями и пріемами его весьма доволенъ, а преданность моя къ нему есть наслѣдственная. Грязновъ мнѣ сказывалъ, что вы сбирались отправлять ко мнѣ деньги, но послѣ отмѣнили: неужели подумали, что я, вобѣсясь, уѣду? Нѣтъ, мой любезный другъ! Правда, сколько я ничувствителенъ, однако же никогда не сдѣлую ничего противнаго долгу и званію моему. Изъ сегодняшняго моего письма къ общему нашему милостивцу, увидите вы покорнѣйшее мое прошеніе, о повышеніи чиномъ переводчика Тамару, яко человѣка достоинствами наполненнаго и годнаго не токмо въ нынѣшнемъ миротвореніи, но и въ другихъ могущихъ быть дѣлахъ, а наипаче съ полуденными націями; потому что, ежели Богъ одаритъ насъ желаемымъ миромъ, и коммерція возмѣтъ свое порядочное теченіе, то люди таковыхъ свойствъ, каковыхъ есть Тамара, весьма будутъ надобны. Вы, любезный другъ, его не знаете, а можетъ быть, по рѣчамъ другихъ, нѣсколько противъ его еще и предубѣждены; но я, зная вашу честность, преувѣренъ

остаюсь, что ежелибъ вы его столько же знали, сколько я его знаю, то бы, можетъ быть, и больше меня его возлюбили; потому наиприлежнѣйше васъ прошу, употребить весь вашъ кредитъ, въ исходатайствованіи ему повышеніе чина. Право, грѣшно забывать тѣхъ, которые, по несчастію въ отдаленіи трудятся. Братецъ вашъ писалъ къ вамъ о бѣдномъ Шокуровѣ, который по совѣту Германштадтскихъ Докторовъ, вмѣсто Темесвара и Меадіи, ѣдетъ въ Буду, разстояніемъ на два дня отъ Вѣны, гдѣ, какъ слышно, воды еще лучше, нежели Меадскія. Да и неизвѣстно, если не получитъ тамъ облегченія, не поѣдетъ ли онъ куда и далѣе; чего ради, я буду просить Князя Дмитрія Михайловича о поданіи ему всякихъ вспоможеній. Однако, не излишне бы было, ежелибъ вы, Государь мой, у Его Сіятельства какую-нибудь объ немъ къ Князю Дмитрію Михайловичу рекомендацію исходатайствовали. Напредъ сего, я васъ просилъ постараться повысить мальчишекъ моихъ, о чемъ и теперь прошу. Мнѣ кажется, сіе никакой важности не заслуживаетъ. Италіянцы говорятъ, только *одинъ дымъ, а жару нѣтъ;* то есть, одна честь, а жалованья ни копѣйки.... Мы теперь съ нетерпѣливостію ожидаемъ Визирскаго отвѣту, и ежели онъ будетъ податливый, то приближусь къ Фельдмаршалу; въ нужномъ же случаѣ и по требованію его, и въ лагерь къ нему поѣду. По истинѣ сказать, въ мои лѣта и по моей дряхлости, будетъ сіе нѣсколько несносно и изнурительно, но что дѣлать, послужу покамѣстъ есть силы. Я есмъ съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію,

вашъ, Государь мой,
покорно-послушный слуга,
А. Обрѣсковъ.

Романъ.
13-го Мая 1774 года.

Berlin, ce 14 May 1771.

Monsieur,

J'ai été extrêmement flatté du billet, que vous m'avés fait l'honneur de m'écrire le 26 Avril. L'incluse pour Monsieur votre frère est arrivée quelques jours après son depart de Berlin; mais comme il m'a dit qu'il alloit à Varsovie auprès de Monsieur de Saldern, je n'ai pas manqué de la lui y envoier, l'aiant accompagné de quelques lignes de ma part et pour qu'elle lui parviene d'autant plus sûrement je l'ai adressée à Dantzig, parce que la voie directe d'ici à Varsovie n'est pas sûre à cause des confederés, qui pillènt souvent les malles et endommagent les lettres.

Pendant le séjour, que Monsieur votre frère a fait à Berlin, j'ai eû le bonheur de me lier d'amitié avec lui. Il m'a promis la sienne, et il vient de m'en donner une preuve par une lettre que j'ai reçue de lui. Il est fort aimable et a plus ici à tout le monde.

Quoi qu'il, paraine bien interessé de ma part, qu'à la prémière lettre, que fai l'honneur de Vous écrire, j'ose Vous importuner par raport à moi même; je me flatte cependant, Monsieur, que Vous ne le prendrés pas en mauvaise part. Il y a près de gans, que je suis secretaire d'ambassade, et il y a beaucoup de mes confrerès, qui n'ont pas servi vingt cinq ans daus la carrière minesteriele, comme moi et qui ont été avancés depuis deja plusieurs années, et je reste sans le moindre encouragement. Il est douleureux d'être oublié sur ses vieux jour. Je vous prie donc Monsieur de dire un mot en ma faveur à Mr. le Comte de Panin, pour que ce seigneur daigne se souvenir de moi à la prémière promotion, en me faisant avancer au grade de Conseiller d'Ambassade. On m'a dit tant de bien de Votre façon de penser et de Vos sentimens, que je ne doute point que Vous ne soyés dis-

posé à contribuer à rendre mon sort plus gracieux et moins infortuné. Ma reconoissance sera aussi eternelle qu'est parfaite et très distinguée la consideration, avec laquelle j'ai l'honneur d'être,

Monsieur,

Votre très humble et très obéissant serviteur,

Maltzow.

Я сію минуту ѣду въ деревню. Москва n'est pas un sejour très sure pour les habitants, qui ne veulent pas encore avec tous les domestiques sortir de ce monde le mal s'augmente de jour en jour peu a peu. — Въ моемъ домѣ нѣтъ еще ни кошки больной, ибо я всѣ способы употребляю очищать воздухъ и удалять гнилость; но въ народѣ болѣзнь, или иначе смерть, ne connoit pas la raillerie. Вручите письмо Его Сіятельству Н. Ивановичу, и напоминайте ему о милостивомъ отвѣтѣ. Cie письмо, ради меня, есть крайне нужное. Montrés moi de nouveau votre amitié. Adieu.

Вашего Высокородія,

Милостиваго Государя,

покорный и вѣрный слуга,

А. Сумароковъ.

P. S. Исполните сіе мое прошеніе.

Москва.
8-го Августа 1871 г.

Государь мой Денисъ Ивановичъ.

Письмо Вашего Высокоблагородія, отъ 9-го числа прошедшаго Ноября, купно съ приложеннымъ притомъ векселемъ на сто рублей, я исправно получилъ, и непримину оныя деньги, по желанію вашему, употреблять на исправленіе нуждъ свойственника вашего,

Ивана Ѳедоровича Мамонова, который теперь здѣсь продолжаетъ Инженерную и Артиллерійскую Науки, дабы сдѣлаться способнымъ къ назначенному для него званію.

Причемъ, не могу обойтись, дабы вамъ не упомянуть, колико нужнымъ почитаю ваше особливое сему молодому человѣку напоминовеніе, чтобъ онъ въ своихъ расходахъ лучшую, противу прежняго, экономію наблюдалъ: ибо онъ неточію всѣ курьерскія деньги помѣсячно уже издержалъ, но изъ вышеписанныхъ переведенныхъ отъ васъ денегъ, теперь, за уплатою долговъ, едва только двадцать рублей оставилъ.

Правда, онъ мнѣ то самъ обѣщалъ, и я не оставляю, въ разсужденіи вашего объ немъ учавствованія, сколько можно, къ тому способствовать; однако ваше свойственническое поощреніе еще больше силы преподастъ, и я ласкаюсь, что вы мое о семъ упоминаніе примите истиннымъ знакомъ моего ему доброжелательства, въ слѣдствіе того отличнаго почтенія, съ которымъ навсегда пребуду,

Вашего Высокоблагородія,

Государя моего,

покорный слуга

Г. Иванъ Остерманъ.

Изъ Стокгольма,
Декабря 9-го дня 1771 года.

Мемель. 25-го Ноября . . . . года.

Хотя мы, дорогой Денисъ Ивановичъ, уже девять недѣль въ дорогѣ, но еще не на своей Землѣ, и пріятнаго природнаго воздуху не глотаемъ; чему дурныя дороги, упрямство почтальоновъ и худой кормъ почто-

выхъ лошадей — главною причиною. Сіи *два рода скотовъ* отмѣнно въ Бранденбургѣ и Пруссіи скучны, но теперь пора объ нихъ не думать. Буду упражняться радостнымъ воображеніемъ, любезнымъ съ родными и друзьями свиданіемъ. Прошу сказать дядюшкѣ Никитѣ Ивановичу, что онъ первый изъ сихъ для меня, и что для спокойствія моего, бездѣлицы не достаетъ: домъ проданъ, другаго нѣтъ; люди въ Москвѣ, и не знаю, дозволятъ ли имъ въ Петербургъ пріѣхать; экипажа и ничего нужнаго для дому и жизни не бывало; у насъ же пристойныхъ трактировъ не завелось, а то бы (хотя новое позорище представила въ Столицѣ Ея Величества Двора Ея Штатсъ-Дама, а притомъ, Русская уроженка, въ трактирѣ домкомъ живущая!) по дорожной привычкѣ, въ трактиръ въѣхала. Теперь же, въ подражаніе Ея подвластныхъ, кочующихъ народовъ, и за неимѣніемъ палатокъ, остается въ каретѣ на улицѣ жить! Я въ Ригѣ или Нарвѣ буду ожидать вашего отвѣта. Попросите отъ меня дядюшку, чтобъ онъ въ семъ случаѣ, мнѣ милость сдѣлалъ, и помогъ. Если бы дорогой Петръ Ивановичъ въ Петербургѣ былъ, то бы я безпечна была, а теперь хоть не унываю, но, признаюсь, что не восхищаюсь отъ радости о сей пріятной перспективѣ, и что, послѣ двулѣтняго таскания по дорогамъ, и возвратясь домой, не безъумѣренно желать уголъ, и имѣть въ немъ нужную прислугу. Пожалуй, батюшка, не забудь о семъ дядюшкѣ напоминать. У меня никого въ вашемъ городѣ нѣтъ, кому бы дать коммисію, и если что лучшее въ семъ случаѣ для меня сдѣлать можно, это то, что прислать, за шестьдесятъ верстъ, или менѣе, кого-нибудь изъ вашихъ коллежскихъ мнѣ на встрѣчу, съ коими бы также и отъ Графа Миниха выходя повелѣніе, чтобъ меня на дорогѣ не останавливали, прислать, и меня увѣдомить, куда мнѣ въѣзжать изъ Риги, а лучше и вѣрнѣе вамъ могу сказать, когда я въ Ямбургъ пріѣду. Между тѣмъ, я на

дружбу вашу и попеченіе надѣясь, сколько нибудь спокойнѣе до него доѣду; въ знакъ же моей благодарности, я тѣмъ начну, что окончу сію долгую и скучную эпистолу, сказавъ очень искренне, что я вамъ всякаго добра желаю, и что я навсегда пребуду

Вамъ, Государю моему,

покорная услужница

К. К. Дашкова.

Милостивый Государь мой Денисъ Ивановичъ.

Письмо ваше, отъ 31-го Генваря, я, къ особливому своему удовольствію, получить честь имѣлъ. За исходатайствованіе же мнѣ отъ Его Сіятельства, Графа Никиты Ивановича, позволенія, чтобъ остаться здѣсь долѣе, для исправленія моихъ домашнихъ нуждъ, приношу вамъ, Государь мой, нижайшее и чувствительнѣйшее мое благодареніе. Рекомендуя себя продолженію вашей ко мнѣ дружбы, честь имѣю пребывать съ отмѣннымъ моимъ почтеніемъ и совершенною преданностію,

Вашъ, Милостивый Государь мой,

нижайшій и покорнѣйшій слуга,

Павелъ Левашовъ.

Въ Москвѣ,
Февраля 11-го дня 1773 года.

P. S. Вѣдая, сколько вамъ пріятно слышать, что вся Фамилія ваша здѣсь въ добромъ здравіи находится, также и то, что Его Сіятельство, Графъ Петръ Ивановичъ, нынѣ начинаетъ чувствовать большое облегченіе отъ своей подагры, и уже нѣсколько дней, что съ постели вставать началъ,—о чемъ я вамъ, чрезъ сіе, нарочно и сообщить непринимулъ.

У насъ здѣсь пожары не рѣдки, и третьяго дня, у главной здѣшней аптеки весь верхъ сгорѣлъ; однакожъ, какъ сказываютъ, что причиненный тѣмъ вредъ не чрезвычайно великъ. Въ самое то время, какъ оная аптека горѣла, то есть, въ самую полночь, былъ здѣсь, въ сосѣдствѣ у меня, въ Воронцовомъ домѣ маскерадъ, и нѣкто, пришедъ туда, сказалъ имъ, что оный домъ горитъ! Отъ чего многіе не только безмѣрно перепугались, но и бѣжавши вонъ изъ покоевъ, другъ друга давили; но я благодарю Бога, что тамъ не былъ, и такого печальнаго зрѣлища самъ не видалъ, а только что слышалъ отъ тѣхъ, которые тамъ были и насилу свои бока отъ толчковъ спасли! Вчера былъ день заговенія, которымъ всѣ здѣшнія веселости кончились. Присемъ я одно примѣтить могъ, что хотя въ послѣдніе дни масляницы и весьма много народу было на улицахъ какъ пѣшихъ, такъ и въ саняхъ катающихся, однакожъ не видалъ я ни толикого пьянства въ народѣ, ни дракъ, какъ то на предъ-сего здѣсь въ таковые дни случалось.

Стокгольмъ. Іюня 3-го дня 1771 года

Милостивый Государь мой Денисъ Ивановичъ.

Настоящіе мои суеты и недосуги, по случаю воспослѣдовавшаго вчера отворенія здѣшняго Сейма, а неиное что причиною тому, что до сихъ поръ умѣдлилъ моимъ должнымъ благодареніемъ, за дружеское Вашего Высокоблагородія, письмо, которымъ 10-го числа Мая, при отправленіи сюда Ивана Ѳедоровича Мамонова, меня почтить соизволили. Извольте, милостивый другъ мой, быть увѣрены, что всячески буду стараться въ самомъ дѣйствіи заслужить себѣ продолженіе вашей дружеской довѣренности, бдѣннымъ попеченіемъ о благополучіи Ивана Ѳедоровича; а напротивъ того, покорно

прошу, Ваше Высокоблагородіе, пожаловать удостоить своего милостиваго покровительства подателя сего, Господина Витфуда, Консула нашего въ Бордо. Онъ просилъ меня, чтобъ вашимъ дружескимъ предстательствомъ, доставить ему доступъ къ Его Сіятельству, нашему общему милостивцу, Графу Никитѣ Ивановичу; и исходатайствовать его высокое покровительство, на нѣкоторыя, для пользы и распространенія нашего во Франціи торга, предложенія; особливо же онъ хочетъ доставить тамъ *походъ* на наше желѣзо.

Всякое оказуемое оному Консулу благодѣяніе, не инако, какъ усугубитъ то извѣстное почтеніе и дружескую преданность, съ коими неотмѣнно пребываю,

Вашего Высокоблагородія,
Милостиваго Государя моего,
всепокорный слуга
А. Стахіевъ.

Въ Стокгольмѣ, Сентября 16-го дня 1771 года.

Милостивый мой другъ Денисъ Ивановичъ.

Канцеляріи Совѣтникъ, Господинъ Сакенъ, прежде своего въ чужіе краи отъѣзда, предъявя мнѣ, что отправленныя тогда отъ меня вафельныя формы, для Его Императорскаго Высочества, Государя Цесаревича, не таковы были, какъ желалось, и потому приказалъ, чтобъ постарался я достать другія полированныя; по чему я и заказалъ оныя на лучшемъ здѣшнемъ заводѣ, но по несчастію не прежде, какъ на сихъ дняхъ получилъ, и пользуясь возвращеніемъ отсюда въ С. Петербургъ нашего торговаго гальота, именуемаго Св. Іерусалимъ, въ прошлую Субботу, двѣ такія вафельныя формы отправилъ съ Шкиперомъ Ѳомою Михайловымъ, въ одномъ ящикѣ, подъ адресомъ Его Сіятельства Графа Никиты Ивановича. О чемъ, чрезъ сіе, покорно прошу Ваше Высокоблагородіе пожаловать, при подне-

сеніи моего наиглубочайшаго *респекта* Его Высокографскому Сіятельству, доложить, и по благополучномъ прибытіи въ С. Петербургъ, постараться оный ящикъ изъ Таможни выручить и Его Высокографскому Сіятельству доставить. Я сердечно сожалѣю, что и оныя формы не многимъ получше прежнихъ, хотя я ничего нещадилъ, чтобъ онѣ совершенно по желанію сдѣланы были.

Иванъ Ѳедоровичъ, слава Богу, здоровъ, и подноситъ вамъ свое почтеніе; а я неотмѣнно съ искреннею преданностію пребываю.

Вашего Высокоблагородія,
всепокорный слуга
А. Стахіевъ.

Изъ Стокгольма, Апрѣля 26-го дня 1773 года.

Милостивый Государь мой Денисъ Ивановичъ.

При поднесеніи должнаго благодаренія, за дружеское Вашего Высокоблагородія послѣднее письмо, отъ 28-го числа прошедшаго Марта, не могу предъ вами, яко ближнимъ свойственникомъ его Высокородія Николая Ѳедоровича Д***, въ молчаніи оставить несправедливое его на меня нападеніе и напрасное обнесеніе, якобы я причиною былъ заблужденія находящагося здѣсь сына его Александра Николаевича. Моя въ томъ невинность совершенно извѣстна; я сожалѣю точію, что Николай Ѳедоровичъ, можетъ быть, легко повѣрилъ наговорамъ моихъ непріятелей. Я могу, по совѣсти, сказать, что Александръ Николаевичъ отъ меня никогда иныхъ совѣтовъ не слыхалъ, какъ такіе, которые я моимъ кровнымъ дѣтямъ и предъ всѣмъ свѣтомъ давать готовъ; но видя, что оные ему непріятны, я уже болѣе года на его непорядочное поведеніе издали, съ сожалѣніемъ, смотрю, и не вижусь съ нимъ инако, какъ въ Канцеляріи, наипаче съ той поры, какъ Его

Сіятельство, Графъ Иванъ Андреевичъ, первыя отъ его родителя на него жалобы получилъ. Я изъ оныхъ примѣтилъ намѣкаемый на меня подъискъ. Александръ Николаевичъ, съ самаго своего сюда пріѣзда, весьма рѣдко въ домъ мой жаловалъ, а съ нѣкотораго времени и совсѣмъ отъ того отсталъ. Теперь же я и самъ его приглашать никогда не буду, для закрытія себя отъ дальнѣйшихъ нападковъ со стороны его родителя. Въ прочемъ, я могу сослаться на свидѣтельство, какъ Ивана Ѳедоровича, такъ и Янова Аѳанасьевича, что я Александру Николаевичу, въ беспутныхъ его поступкахъ, никогда не потакалъ, колико то по должности своей мнѣ прилично было, и если бы онъ моихъ благонамѣренныхъ совѣтовъ слушался, то бы, конечно, и у Графа Ивана Андреевича, и у родителя своего въ любви былъ. Природное ваше правосудіе ласкаетъ меня надеждою, что вы, по дружбѣ своей ко мнѣ, Николая Ѳедоровича изъ своего предразсужденія выведете, чѣмъ меня премного обяжете, и усугубите во мнѣ сентименты совершеннаго почтенія и преданности, съ коими навсегда пребываю,

Вашего Высокоблагородія,

покорнѣйшій слуга

А. Стахіевъ.

ПИСЬМА ФОНЪ-ВИЗИНА

къ

ГРАФУ ПЕТРУ ИВАНОВИЧУ ПАНИНУ.

Сіятельнѣйшій Графъ

Милостивый Государь!

Принося нижайшее благодареніе за милостивое письмо Вашего Сіятельства, отъ 4-го Іюня, имѣю честь донести, что приложенное письмо къ Графу Шелю, изъ Второй Арміи пересланное, отдалъ я ему вѣрно. Онъ и Графиня препоручили мнѣ изъявить свое истинное почтеніе и благодарность, за увѣреніе Вашего Сіятельства о Вашемъ къ нимъ дружествѣ.

Приложенную присемъ реляцію Посла Г. Сальдерна не могъ я ранѣе окончить, сколь ни велико было мое усердіе. Причиною тому, множество стекшихся вдругъ дѣлъ, касающихся до моей должности, препорученной мнѣ отъ моего милостиваго Шефа. Изъ Петергофа, куда завтра отъѣзжаемъ, непремину я, Милостивый Государь, служить Вашему Сіятельству, обстоятельнѣйшимъ увѣдомленіемъ о дѣлахъ достойныхъ любопытства Вашего.

Реляція посла Г. Сальдерна содержитъ въ себѣ все то, что можетъ подать совершенную идею о настоящемъ положеніи Польскихъ дѣлъ. Мнѣ остается прибавить токмо то, о чемъ Г. Посолъ писалъ уже послѣ сей переведенной мною реляціи.

Въ Литвѣ Конфедераты умножаются, Гетманъ Графъ Огинскій сталъ въ подозрѣніи, но благоразумнымъ учрежденіемъ Посла, все оное смятеніе прекратится въ своемъ началѣ. Графъ Броницкій имѣлъ уже удачную стшибку съ Конфедератами.

Въ слѣдствіе декларацiи, которой экземпляръ имѣлъ я честь послать къ Вашему Сіятельству, Его Польское Величество отправилъ знатную депутацію къ нашему Послу, съ изъявленіемъ благодарности своей за все содержаніе оной декларацiи. Король созвалъ потомъ знатнѣйшихъ особъ, для совѣтованія съ ними о успокоеніи Польши. Одинъ Примасъ, человѣкъ всѣмъ бытіемъ своимъ Россіи одолженный, одинъ онъ явился неблагодарнымъ и нежелавшимъ блага своему отечеству, воспротивясь нашимъ видамъ о примиреніи Польши, и коварствуя самымъ безчестнымъ образомъ! Я думаю, однакожъ, что хитрости его уступятъ благоразумію, осторожности и силѣ Г. Сальдерна.

Съ истиннымъ высокопочитаніемъ и совершенною преданностію во всю жизнь мою

пребуду, и проч.

Въ С. Петербургѣ,
17-го Іюня 1771.

Сіятельнѣйшій Графъ

Милостивый Государь!

На сихъ дняхъ, Ея Императорское Величество опробовать изволила приложенное присемъ мнѣніе Его Сіятельства Графа Никиты Ивановича. Оно подастъ Вамъ, М. Г., прямое свѣдѣніе о настоящемъ положеніи дѣлъ нашихъ. Мнѣ остается только донести Вамъ, что въ Крымъ назначенъ Евдокимъ Алексѣевичъ Щербининъ, и пожалованъ Генералъ-Поручикомъ; а Г-нъ Веселиц-

кій, назначенный резидовать Министромъ отъ насъ въ Крыму, произведенъ въ Статскіе Совѣтники.

Графъ Сольмсъ сообщилъ здѣшнему Двору Королевскую депешу, съ которой переводъ мой приложить здѣсь честь имѣю. Я почелъ бы за особливое счастіе узнать о ея содержаніи, мнѣніе Вашего Сіятельства.

Для любопытства Вашего, прилагаю здѣсь копіи съ рескриптовъ къ Графу Петру Алекс. и къ Гр. Гр Г.; также и послѣднюю реляцію К. Вас. Михайловича.

Александръ Ильичъ не принялъ еще команды отъ Г-на Веймарна, но, чаятельно, скоро вступитъ въ дѣло званія своего; ибо Г. Веймарнъ здѣсь уже ожидается. Посолъ нашъ весьма жалуется на худую дисциплину находящихся въ Польшѣ войскъ. При извѣстной атакѣ мѣстечка Тиникъ, близъ Кракова, наша пѣхота оставалась безъ дѣйствія. На будущей почтѣ, какъ о семъ, такъ и о прочихъ Польскихъ дѣлахъ, непремину донести обстоятельно.

Препоручая себя въ непремѣнную милость вашу, съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностію во всю жизнь мою пребуду.

Въ С. Петербургѣ,
1-го Ноября 1771.

Сіятельнѣйшій Графъ

Милостивый Государь!

Третьяго дня прибылъ сюда Генералъ-Маіоръ Ступишинъ, съ извѣстіемъ, о продолженіи успѣховъ оружія нашего. Я имѣю честь приложить здѣсь и копію съ реляцій, имъ привезенныхъ, и печатныя листочки, коими публикѣ объявлено о сихъ радостныхъ происшествіяхъ. Слѣдующія здѣсь въ переводѣ два письма,

съ приложеніемъ отъ Князя Дмитрія Михайловича, суть тѣ важныя піесы, которыя мною обѣщаны Вашему Сіятельству, и которыя доказываютъ, что Венскій Дворъ, хотя въ существѣ сохраняетъ къ намъ свое недоброжелательство, но, по крайней мѣрѣ, перемѣняетъ свой гордый тонъ на ласковое преклоненіе насъ къ тѣмъ мирнымъ кондиціямъ, кои онъ намъ предписать желаетъ.

Отвѣтъ нашъ Прусскому Королю еще не изготовленъ. Ваше Сіятельство конечно оный получить отъ меня изволите, какъ скоро только тѣмъ Вамъ услужить найдусь я въ состояніи.

За милостивое письмо Вашего Сіятельства, отъ 3-го сего мѣсяца, приношу нижайшее благодареніе. Господинъ Боуръ нашелся *дюномъ* Графа Петра Александровича. Вы, Милостивый Государь, изволили, можетъ быть, примѣтить, что онъ посылаемъ былъ осмотрѣть противный берегъ, и что онъ нашелъ на немъ неудобства. Видно, что послѣ сего отвѣта, Графъ Петръ Александровичъ не открылъ ему своего расположенія, и отправя его отъ себя, не ему, но Господину Веймарну пріуготовилъ почесть побѣдителя. Господинъ Боуръ сюда еще не бывалъ, но заѣхавъ въ пожалованныя ему прошлаго года деревни, живетъ еще тамъ. Я увѣренъ, что Его Сіятельство, Графъ Никита Ивановичъ, въ первомъ письмѣ своемъ къ Вамъ, Милостивый Государь, напишетъ объ ономъ пространнѣе. Теперь же молчаніе его происходитъ отъ извѣстныхъ Вамъ причинъ. Непрестанные труды по званію его въ толь критическихъ обстоятельствахъ Отечества, возведшаго его на толь высокую степень, составляютъ теперь всеминутное его упражненіе.

Въ С. Петербургѣ,
11-го Ноября 1771.

Сіятельнѣйшій Графъ

Милостивый Государь!

Я за должность почитаю начать письмо мое увѣдомленіемъ Вашего Сіятельства, о здравіи Его Императорскаго Высочества. Оно ежечасно идетъ къ своему совершенству, и самая слабость проходитъ очевидно.

Принеся нижайшее благодареніе за милостивое письмо Вашего Сіятельства, отъ 4-го сего мѣсяца, не могу я имѣть счастія исполнить теперь Вашу волю моими по дѣламъ доношеніями. Какъ сему, такъ и продолжавшемуся нѣсколько времяни моему молчанію, причиною стала лихорадка, отъ которой я сегодня въ первый разъ всталъ съ постели. Скоро надѣюсь притти въ состояніе служить Вамъ, Милостивый Государь, довольно важными сообщеніями.

Вручителя сего, моего брата, имѣю счастіе препоручить въ милость Вашего Сіятельства, и быть навсегда съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностію.

21-го Ноября 1771.

Сіятельнѣйшій Графъ

Милостивый Государь!

По принесеніи нижайшаго моего благодаренія, за милостивое письмо Вашего Сіятельства, отъ 21-го сего мѣсяца, позвольте изъявить мнѣ сердечное сожалѣніе о болѣзни Вашей. Боже дай, чтобы Вы хотя здоровье имѣли отрадное въ настоящей скукѣ вашей. Я не могу никакимъ образомъ успѣть, что-либо сообщить на сей почтѣ Вамъ, Милостивый Государь, кромѣ обстоятель-

ной реляціи Графа Петра Александровича. Стеченіе множества дѣлъ въ канцеляріи Его Сіятельства Графа, братца Вашего, лишаетъ меня счастія служить Вамъ пересылкою другихъ піесъ. Я надѣюсь, что Вы, Милостивый Государь, удостовѣрены будучи о сей истиннѣ, краткость письма моего извинить изволите.

С. Петербургъ.
29-го Ноября 1771.

Сіятельнѣйшій Графъ

Милостивый Государь,

Петръ Ивановичъ!

За краткостію времяни, нахожу себя принужденнымъ отложить отправленіе нѣкоторыхъ вниманія достойныхъ піесъ къ Вашему Сіятельству до завтрешняго дня, а теперь имѣю честь препроводить здѣсь письмо Его Сіятельства Графа, братца Вашего, и объяснить Вамъ, Милостивый Государь, что упоминаемая въ ономъ табакерка для Графини Маріи Родіоновны есть та самая, которую Вы получить уже изволили, предъ симъ за одну почту.

Предоставляя себѣ счастіе, при завтрешней экспедиціи, отвѣтствовать на послѣднее письмо, коимъ Ваше Сіятельство, меня удостоили, имѣю честь включить здѣсь въ копіяхъ реляцію Графа Петра Александровича. Въ прочемъ, съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностію во всю жизнь мою пребуду.

Въ С. Петербургѣ,
3-го Генваря 1772.

Сіятельнѣйшій Графъ

Милостивый Государь!

Въ исполненіе вчерашняго моего обѣщанія, имѣю честь послать къ Вамъ, Милостивый Государь, два рескрипта о перемиріи: одинъ, къ Графу Петру Александровичу, а другой, къ Графу Алексѣю Григорьевичу. Сверхъ того, копіи съ реляцій Князя В. М. здѣсь включаю.

Милостивое письмо Вашего Сіятельства, изъявляющее, при обновленіи года, желаніе Ваше о моемъ благосостояніи, тѣмъ болѣе трогаетъ сердце мое, что я и настоящимъ моимъ счастіемъ долженъ Вашему покровительству. Вѣрьте, Милостивый Государь, что нѣтъ на свѣтѣ ничего такого, чѣмъ бы не пожелалъ я доказать Вашему Сіятельству истинную мою благодарность и сердечное усердіе къ Особѣ Вашей!

Разсужденіе Вашего Сіятельства о толкованіяхъ публики, судящей по обманчивой наружности, сказывалъ я Его Сіятельству Графу, братцу Вашему. Радуюсь, что мое о томъ мнѣніе почелъ онъ справедливымъ, а для того, осмѣлюсь и здѣсь сказать оное. Публика рѣдко или и никогда не отдаетъ справедливости живымъ людямъ. Потомству предоставлено разбирать и утверждать славу мужей великихъ; оно одно безпристрастно судить можетъ; ибо никакая корысть не соединяетъ тогда судью съ судимымъ. Достойный человѣкъ не долженъ огорчаться тѣмъ, что льстецы, принемъ отъемля его цѣну, придаютъ ее своему идолу. Такіе льстецы, сколь иногда ни заражаютъ своими подлыми и ложными внушеніями публику, но она, рано или поздно, отдастъ справедливость достойному, разобравъ лесть и клевету отъ самой истины. Въ прочемъ, Милостивый Государь, извольте повѣрить, что нашъ . . . . . столь открытъ, что никто конечно въ душѣ своей не помыслитъ, чтобъ онъ даровалъ Россіи

спасеніе и миръ. О Г*** спрашивалъ я нарочно Его Сіятельство Графа, братца Вашего. Онъ изволилъ сказать, что нѣтъ никакого еще назначенія для сего Министра, а принятъ онъ въ службу, какъ человѣкъ великихъ достоинствъ и способный на всякое большое дѣло.

4-го Генваря 1772.

Сіятельнѣйшій Графъ

Милостивый Государь!

Прошедшую почту пропустилъ я за нестерпимою головною болѣзнію. Она хотя и всегда меня мучила, однако нынѣ примѣчаю, что сила ея становится часъ отъ часу нестерпимѣе. Сколь жестоко ею стражду, столь много и жалѣю, что иногда она не допускаетъ меня до сердечнаго моего удовольствія, писать къ Вашему Сіятельству.

Повелѣніе Ваше, Милостивый Государь, о доставленіи К. К. Романовнѣ письма Вашего, исполнилъ я тотъ же часъ, получа его при милостивомъ письмѣ Вашего Сіятельства, отъ 29-го Декабря.

На сей часъ, имѣю честь приложить токмо здѣсь копію съ письма, при которомъ препровожденъ былъ извѣстный рескриптъ *о перемиріи*.

Изъ Берлина получено извѣстіе (за достовѣрность котораго однакоже ручаться нельзя), что Князь Кауницъ впалъ въ немилость. Если сіе правда, какой великой оборотъ возмутъ дѣла въ Европѣ! Несчастіе Кауницово несравненно намъ полезнѣе ссылки Шуазелевой.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и безпредѣльною преданностію во всю жизнь мою пребуду.

Въ С. Петербургѣ,
10-го Генваря 1772.

Сіятельнѣйшій Графъ

Милостивый Государь!

Получа милостивое письмо Вашего Сіятельства, отъ . . . сего мѣсяца, приношу за него нижайшее благодареніе. Я читалъ оное Его Сіятельству, братцу Вашему, и онъ ко всѣмъ разсужденіямъ Вашимъ о реляціяхъ Князя В. М. ничего больше не прибавилъ, кромѣ сожалѣнія своего, что дѣла испорчены невѣжествомъ. Я истинно думаю, что онъ или не читаетъ, или, что еще хуже, не понимаетъ того, что къ нему пишутъ, и что до него къ Вашему Сіятельству писано было. Здѣсь имѣю честь приложить реляціи изъ Второй же Арміи. Включенный тутъ рапортъ Графа Веселицкаго доказываетъ, что и онъ не много сдѣлать можетъ, и что Евдокиму Алексѣевичу пора уже къ нимъ ѣхать.

Полученныя реляціи изъ Первой Арміи, отъ Александра Ильича и отъ Генералъ-Маіора Шипова, слѣдуютъ здѣсь къ прочтенію Вашего Сіятельства.

По мирному дѣлу, ничего новаго нѣтъ, кромѣ прилагаемаго здѣсь письма изъ Вѣны, отъ Князя Д. М. Оно если ничего рѣшительнаго въ себѣ не заключаетъ, то по крайнѣй мѣрѣ, доказываетъ, что извѣстіе о несчастіи Кауницовомъ со всѣмъ несправедливо.

На сихъ дняхъ, отправленъ былъ маленькій рескриптъ къ Князю В. М. съ тѣмъ, что ему пріѣхать сюда не позволяется.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностію во всю жизнь мою пребуду.

18-го Генваря 1772.

Сіятельнѣйшій Графъ

Милостивый Государь!

Съ сердечною благодарностію, имѣлъ я честь получить милостивое письмо Вашего Сіятельства, отъ 12-го Генваря. Откровенность, съ которою вы изъясняться со

мною изволите, по содержанію онаго, дѣлаетъ мнѣ особливую честь, побуждая меня изобразить здѣсь мысли мои, родившіяся отъ собственныхъ разсужденій. Правда, Милостивый Государь, что великій человѣкъ стараться долженъ не допускать славу свою похищать другимъ, но если льстецъ и предастъ иногда потомству славу, то нельзя же и отъ потомства отнять той справедливости, чтобы не распознавало оно истины отъ лжи. О потомкахъ нашихъ должны мы судить по себѣ самимъ. Сколько же древнихъ историковъ, а особливо стихотворцевъ, презрѣны нами для того только, что мы подозрѣваемъ ихъ или во льсти или во злобѣ; для того, первое стараніе читателя Исторіи и состоитъ въ томъ, чтобъ тотчасъ узнать жизнь авторову, и тогда уже судить, достойна-ли вѣры его Исторія. Одинъ добрый и справедливый Историкъ задавляетъ тысячи подлыхъ писателей, которые конечно, безчестятъ и себя, и своихъ героевъ. Всѣ тѣ большіе люди, коихъ Исторія писана во время ихъ жизни, должны твердо вѣрить, что не по тѣмъ описаніямъ судить объ нихъ будутъ, которыя они читали сами, а по тѣмъ, которыя по смерти ихъ свѣтъ увидитъ. Тогда-то зависть умолкнетъ, лесть исчезнетъ, и всѣ пристрастія, подобно грубому илу, упадутъ нечувствительно на дно, а истина одна выплыветъ на верхъ.

Здѣсь имѣю честь приложить письмо, достойное любопытства Вашего, нижайше прося сообщить мнѣ Ваше о томъ мнѣніе, для увѣдомленія онымъ Его Сіятельства Графа, братца Вашего. Включенная здѣсь другая піеса содержитъ описаніе о Камчатскомъ дѣлѣ, оттуда нынѣ полученное.

Въ С. Петербургѣ,
20-го Генваря 1772.

Сіятельнѣйшій Графъ

Милостивый Государь!

Пользуясь отправленіемъ нынѣшней *стафеты*, имѣю честь послать къ Вашему Сіятельству реляціи изъ Первой Арміи и изъ Польши. Теперь, Милостивый Государь, упражняюсь я въ переводѣ съ полученнаго на сихъ дняхъ отвѣта изъ Берлина, на извѣстный нашъ *контръ-проектъ*. Надѣюсь изготовить сіе отправленіе къ будущей почтѣ, и ласкаю себя, что оное принято будетъ отъ Вашего Сіятельства новымъ знакомъ безпредѣльнаго моего къ Вамъ усердія, съ коимъ, равно какъ и съ глубочайшимъ моимъ почтеніемъ, во всю жизнь мою пребуду.

22-го Генваря 1772.

Сіятельнѣйшій Графъ

Милостивый Государь!

Новое и великое явленіе открылось для Даніи, сего мѣсяца 6-го дня. Королева, фаворитъ ея Струензе, и множество другихъ особъ, арестованы. Она отвезена въ Кроненбергскую Крѣпость, а прочіе въ Копенгагенской содержатся, подъ строжайшимъ карауломъ; а какимъ образомъ происходило сіе приключеніе, о томъ имѣю честь для Вашего Сіятельства, включить здѣсь выписку изъ письма нашего повѣреннаго тамъ въ дѣлахъ, Графа Местмахера. Къ оному остается прибавить только то, что на Графа Ранцау, какъ на производителя дѣла сего, надетъ Орденъ Бѣлаго Слона, и что у Струензе нашли 800.000, а у Графа Бранта 300.000 Датскихъ талеровъ, или нашихъ рублей.

Можно сказать, Милостивый Государь, что Исторія нашего вѣка будетъ интересна для потомковъ. Сколько

великихъ перемѣнъ! Сколько странныхъ приключеній! Сей вѣкъ есть прямое поученіе царямъ и подданнымъ!

Надѣясь сдѣлать угодное любопытству Вашего Сіятельства, имѣю честь приложить здѣсь переводъ, напечатанный съ нѣкоторой новой Французской піесы. Оную приписываютъ Вольтеру, а переводилъ Бергъ-Коллегіи Судья Беклемишевъ, котораго я со всѣмъ не знаю.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и безпредѣльною преданностію во всю жизнь мою пребуду.

Въ С. Петербургѣ,
26-го Генваря 1772.

P. S. Здѣшній Генералъ-Полицмейстеръ получилъ отъ брата своего партикулярное письмо, въ которомъ увѣдомляетъ, что въ Камчаткѣ были безпорядки. Ссыльные люди возмутились, убили воеводу, пограбили городъ, и сѣвъ на лодки, поплыли въ Америку, будто завоевывать ее! Для усмиренія глупыхъ ссылочныхъ, отправленъ былъ секретно курьеръ въ Прилуцкъ, къ Господину Брилю съ рескриптомъ, коего копія здѣсь прилагается.

Сіятельнѣйшій Графъ

Милостивый Государь!

Пребывающій здѣсь Прусскій Министръ получилъ отъ Короля, своего Государя, депешу, изъ коей выписку здѣсь, въ переводѣ, приложить честь имѣю. Ваше Сіятельство изволите усмотрѣть изъ оной, что отторженіе Крыма подвержено великому затрудненію; но мы уже далеко вошли въ сіе дѣло, и я не чаю, чтобъ нашъ Дворъ согласился бросить предпріятое толь твердо на-

мѣреніе, въ разсужденіи Татарской независимости. По крайней мѣрѣ, до сего часа не взираемъ мы ни на совѣты Вѣнскаго Двора, ни на упорство явнаго непріятеля нашего, который, какъ видно, всю свою надежду на Австрійцевъ полагаетъ. Правда, Милостивый Государь, что по всему судя, кажется нельзя миновать новой войны: ибо, съ одной стороны, нѣтъ сомнѣнія, что Вѣнскій Дворъ не престанетъ дѣлать преграды нашему съ Турками примиренію, а съ другой стороны, видимъ, что Король Прусскій воевать уже рѣшился. Продолженіе войны намъ тягостно, но не легко будетъ и Цесарцамъ, когда *друзь нашь* съ ними раздѣлываться будетъ.

Датскія дѣла становятся нынѣ особливаго вниманія достойны. Надѣясь, что извѣстія объ оныхъ Вашему Сіятельству угодны будутъ, принялъ я намѣреніе пересылать къ Вамъ, Милостивый Государь, копіи со всѣхъ Датскихъ депешей, какъ здѣсь получаемыхъ, такъ и отсюда отправляемыхъ. Въ слѣдствіе чего, имѣю честь включить здѣсь два письма изъ Копенгагена и одно отвѣтное отсюда.

Здѣсь слѣдуетъ полученная на сихъ дняхъ реляція изъ Второй Арміи.

Принеся нижайшее благодареніе за милостивое письмо Вашего Сіятельства, отъ 23-го сего мѣсяца, пребываю въ прочемъ съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностію.

Въ С. Петербургѣ,
31-го Генваря 1772.

ПРИЛОЖЕНІЯ

КЪ ПИСЬМАМЪ ФОНЪ-ВИЗИНА

A.

Переводъ Королевскаго письма, писаннаго къ Его Британскому Величеству, изъ Христіанбурга, отъ 17-го Генваря 1772.

Государь мой, Братъ и Шуринъ!

Какъ я, по необходимымъ и важнѣйшимъ причинамъ, касающимся до блаженства собственнаго моего и областей моихъ, доведенъ до горестной, но неизбѣжной надобности, удалить отъ Двора и персоны моей Королеву, супругу мою, а Вашего Величества сестру; то не хотѣлъ ни мало умедлить увѣдомленіемъ Васъ о семъ поступкѣ, съ такимъ, однакожъ, увѣреніемъ, что сіе отнюдь не нарушитъ дружбы и добраго согласія, пребывавшаго счастливо между обоими Королевскими Домами, столь тѣсно соединенными родствомъ и общимъ нашихъ Коронъ интересомъ. Неудовольствіе мое, въ разсужденіи Королевы, супруги моей, какъ бы справедливо не было, она однакожъ трактована будетъ со всѣми ея породѣ приличествующими уваженіями, о чемъ и прошу Ваше Величество быть увѣренными, равно какъ и о тѣхъ сентиментахъ, съ коими навсегда пребуду.

B.

Переводъ Королевскаго письма, писаннаго къ ея Королевскому Высочеству, вдовствующей Принцессѣ Гальской, изъ Христіанбурга, отъ 17-го Генваря 1772.

Государыня моя, Сестра и Теща!

Какъ я поведеніемъ Королевы, супруги моей, а Вашего Королевскаго Высочества дочери, доведенъ до

горестной необходимости удалить ее отъ Двора и персоны моей, то не могу преминуть, чтобъ не извѣстить о томъ и Ваше Королевское Высочество, съ такимъ увѣреніемъ, что не въ моей власти было поступить иначе, и что Королева хотя отъ меня и удалена, но трактована будетъ со всѣми уваженіями, приличествующими ея роду.

Въ прочемъ, Государыня, прошу Васъ вѣрить, что я есмь съ искреннѣйшими сентиментами почтенія и дружбы.

C.

Переводъ письма отъ Его Сіятельства Графа Остена, писаннаго къ Господину Кейту, Его Британскаго Величества Чрезвычайному Посланнику, при Датскомъ Королѣ находящемуся, въ Копенгагенъ, отъ 7-го Февраля 1772.

Въ отвѣтъ на дружеское мнѣ изъясненіе, о состояніи Королевы, о прискорбности о томъ Вашего Двора и объ утѣшеніи, кое Его Британское Величество имѣлъ бы тогда, если дружеское и конфидентное сообщеніе, обо всемъ до сего дѣла касающемся, предшествовало рѣшенію онаго, имѣю честь Васъ, Государя Моего, увѣрить, что намѣреніе Королевское было всегда и еще есть непремѣнно предъявить Его Британскому Величеству всѣ происшедшія обстоятельства, и сообщить подробно все къ тому относительное, съ тою довѣренностію, которую счастливый союзъ и ближнее свойство издавна установили между обоими Королевскими Домами, коль скоро обстоятельства ему оное дозволятъ и то сообщеніе учинять возможнымъ; но сей моментъ

не пришелъ, и притти еще не долженъ. Король весьма, по своему правосудію, не спѣшитъ дѣломъ, толь близко его трогающимъ, и о которомъ Его Величество и весь Домъ Его безъ огорченія не помышляютъ.

Медленность Королевская въ рѣшеніи, должна подкрѣпить и убѣдить Вашъ Дворъ въ томъ, что Его Величество не поступаетъ и никогда не поступитъ съ горячностію ниже по стремленію страстей; но что старается онъ токмо согласить нѣжность сердца своего и сожалѣніе съ безопасностію своей персоны, честію Короны, Королевскаго Дома и блаженствомъ своихъ подданныхъ.

Мнѣ не надлежитъ, Государь мой, подробнѣе объяснять Вамъ дѣло персонально и столь чувствительно трогающее нашихъ Государей; я думаю, что таковые два Государя, каковы наши, соединенные родствомъ, знакомствомъ и персональною дружбою, не имѣютъ нужды посредствомъ своихъ Министровъ объясняться и соглашаться о томъ, что касается до ихъ особъ и Фамиліи. Думаю, что я самъ преступилъ бы долгъ и почтеніе, Ихъ Величествамъ должное, еслибъ осмѣлился о дѣлѣ толикой нѣжности хотя одно слово сказать, кое неточно бы мнѣ повелѣно было.

D.

Переводъ съ письма Его Величества Короля Великобританскаго къ Датскому Королю, изъ Сентъ-Жемса, отъ 29-го Генваря 1772.

Государь мой, Братъ. Съ наивеличайшими соболѣзнованіями получилъ я сего утра письмо Вашего Величества, отъ 17-го числа сего мѣсяца, которымъ Ваше Величество увѣдомляете меня о томъ, что сильнѣйшія

и важнѣйшія причины привели васъ въ печальную, но конечную необходимость, удалить отъ своего Двора Королеву, мою сестру, супругу Вашего Величества, и я не хотѣлъ ни минуты умедлить, что не сообщить Вамъ объ оскорбленіи, причиненномъ мнѣ симъ поступкомъ. Союзы родства между нашими Королевскими Дворами и непоколебимая дружба, столь долголѣтно между нашими Коронами пребывающая, подаютъ мнѣ надежду, о продолженіи добраго и счастливаго согласія, царствующаго между нашими обоими Королевствами, а увѣренія Вашего Величества, о которыхъ я не сомнѣваюсь вимало, что Королева, супруга Ваша, будетъ содержана со всѣми уваженіями, приличными ея роду, суть мнѣ въ томъ залогами. И я прошу Ваше Величество быть увѣрену о совершенной моей взаимности, въ разсужденіи сихъ сентиментовъ.

Е.

Копія съ письма Ея Королевскаго Высочества, вдовствующей Принцессы Гальской, къ Королю Датскому, изъ Карльтонъ-Гоуса, отъ 29-го Генваря 1774.

Государь мой, Братъ!

Ваше Величество не можете удивиться объ огорченіи, письмомъ Вашимъ мнѣ приключенномъ; но обнадеживаніе Ваше, что Королева, дочь моя, трактована будетъ съ должнымъ достоинству и роду ея почтеніемъ, нѣсколько меня утѣшаетъ. Пребываю, и проч.

F.

Переводъ съ диктованія Г-на Кейта Его Сіятельству, Графу Остену.

Дружеское и полное сообщеніе между обоими Государями о всемъ томъ, что можетъ касаться до будущаго и настоящаго положенія Датской Королевы, начнется, какъ скоро возможно будетъ, дабы Ихъ Величества, разбирая и сравнивая взаимно свои виды и свои сентименты, могли миновать всякое затрудненіе и согласиться совершенно по дѣлу, оба Королевскія Дома обще интересующему. Сей артикулъ, заключаетъ въ себѣ точную кондицію, чтобъ отвѣтъ Его Британскаго Величества на каждое сообщеніе или изъясненіе со стороны Его Датскаго Величества, былъ полученъ и разсмотренъ прежде, нежели какое-нибудь рѣшеніе учинено будетъ.

G.

Нижеподписавшійся, Чрезвычайный Посланникъ Его Великобританскаго Величества, отправилъ на прошедшей недѣлѣ курьера съ предложеніемъ, учиненнымъ Его Британскому Величеству отъ Его Датскаго Величества, о трактованіи отъ Государя къ Государю, образомъ равномѣрно откровеннымъ и дружескимъ, о всемъ томъ, что касается до нынѣшняго и будущаго состоянія Ея Величества Королевы Датской, дабы оба Монарха, соединенные союзомъ крови, знакомства и персональнаго дружества, могли, разсматривая и сравнивая взаимнымъ образомъ свои виды и свои сентименты, могли согласиться совершенно по дѣлу, въ коемъ оба Королевскіе Дома имѣютъ общій интересъ.

Во время необходимаго ожиданія отвѣта отъ Его Великобританскаго Величества на сіе предложеніе, рѣченный Посланникъ, въ слѣдствіе повелѣній своего Двора находится принужденнымъ настоять, чтобъ сообщеніе о всемъ, касающемся до сей важной матеріи и до намѣреній Его Датскаго Величества, для-переду было ему здѣсь учинено, какъ скоро возможно, и чтобъ въ ожиданіи сего сообщенія и дальнѣйшихъ изъясненій, съ обѣихъ сторонъ не сдѣлано было никакого поступка, ни преждевременнаго рѣшенія, которое сопротивлялось бы, или предосудительно было неопровергаемымъ правамъ Его Великобританскаго Величества, содѣйствовать въ дѣлѣ, касающемся столь близко до чести Его Королевскаго Дома и Его Короны, и изыскивать, согласно съ Его Датскимъ Величествомъ, способы окончить его совершенно, такимъ образомъ, чтобы тѣмъ удержать доброе и счастливое согласіе, пребывающее столь давно между обоими Монархами и ихъ Государствами.

Роберть Муррей Кейть.

Въ Копенгагенѣ,
21-го Февраля 1772.

Н.

Нижеподписавшійся, Чрезвычайный Посланникъ Его Великобританскаго Величества, повторяетъ здѣсь письменно точныя слова декларацiи, которую онъ имѣлъ уже честь сдѣлать Ея Величеству вдовствующей Королевѣ на послѣдней своей аудіенціи, и потомъ Его Сіятельству Графу Остену, Министру Иностранныхъ Дѣлъ Датскаго Двора.

Чрезвычайный Посланникъ Его Великобританскаго Величества объявляетъ по нарочному указу своего Двора, что Его Великобританское Величество принялъ чувствительно прямыя и положительныя увѣренія, поданныя ему отъ Его Величества Короля Датскаго, повторяемыя многократно рѣченному Посланнику отъ его Министра Иностранныхъ Дѣлъ, что Его Великобританское Величество пріемлетъ сіи увѣренія за обѣщаніе, что Датская Королева будетъ трактована во всякое время съ почтеніемъ, должнымъ ея природѣ и ея достоинству, яко Датская Королева. Король полагается совершенно на исполненіе сего обѣщанія, во всемъ его пространствѣ.

Робертъ Муррей Кейтъ.

Въ Копенгагенѣ,
21-го Февраля 1772.

I.

Графъ Остенъ, Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Его Датскаго Величества, поднеся Королю декларацію и меморіалъ Господина Кейта, Чрезвычайнаго Посланника Его Великобританскаго Величества, имѣетъ честь, въ отвѣтъ, сказать сему послѣднему:

Что Его Величество, для избѣжанія всякой Министерской декларацiи въ дѣлѣ, дотрогивающемся толь близко до чести Его особы и Королевскаго Дома Его, предпріялъ сообщить прямо Его Великобританскому Величеству съ тою довѣренностію, которую постановило счастливое соединеніе и родство между обоими Королевскими Дворами все то, что есть относительно до дѣла Королевы; но Его Величество никогда не намѣревался, и не вознамѣрится, симъ дружескимъ сообщеніемъ

предосуждать своимъ правамъ, кои ему принадлежатъ неопровергаемымъ образомъ, яко Королю и супругу, ниже утѣсняться въ мѣрахъ, кои обстоятельства могутъ сдѣлать необходимо нужными.

Сей поступокъ Короля, въ разсужденіи Королевы, основанъ былъ, и будетъ, всегда на точнѣйшей справедливости и необходимости, кои честь и безопасность предписываютъ Государямъ.

Что же принадлежитъ до Декларацiи, которую, какъ Господинъ Чрезвычайный Посланникъ сказываетъ, сдѣлалъ онъ вдовствующей Королевѣ, то нижеподписавшійся объ оной неизвѣстенъ, и думаетъ, что Ея Величество, не почитая себя никакъ неуполномоченною къ учиненію и принятію какой либо министеріальной декларацiи, не можетъ почитать инако, какъ однимъ партикулярнымъ разговоромъ, все то, что Господинъ Посланникъ ей говорилъ или будетъ говорить, о дѣлахъ Государственныхъ.

Сношеніе, котораго Господинъ Чрезвычайный Посланникъ въ концѣ своего меморіала требуетъ, чтобъ ему было сдѣлано, противурѣчитъ побуждающей причинѣ, для которой сношеніе между обоими Государями предвосприято было.

K.

I. Copie de la lettre du Roi à Sa Majesté Brit. d. d. Christiano, le 22 Fevrier 1772.

Monsieur mon Frère et Beau-Frère. J'ai reçu avec le plus sensible plaisir les assurances de l'amitié de Votre Majesté exprimées dans Sa lettre du 29 du passé, que Son Ministre m'a remise dans une audience particulière.

La lettre que Votre Majesté a écrite en même temps à la Reine, de même que celle de S. A. R-le la Princesse de Galles lui ont d'abord été rendues. Sa Majesté aurait voulu y répondre, mais quelque disposé que je sois à adoucir Sa situation par toutes les attentions, que les circonstances permettent, je n'ai pu dans ce moment me prêter à son désir, appréhendant avec raison, que dans ce moment d'agitation, Elle ne cherchoit plus tôt à aigrir qu'à calmer ce qui m'auroit éloigné de mon but qui est et qui sera constamment d'entretenir et de cultiver l'amitié de Votre Majesté.

Je Vous parle avec candeur et je suis persuadé que quelque forte que puisse être la tendresse fraternelle, elle ne tiendra pas dans le coeur juste et vertueux de Votre Majesté contre la voix de l'honneur, de la vérité et de la Religion, quand Votre Majesté aura reçu les éclaircissements que je lui prépare et que je lui donnerai aussitôt qu'il me sera possible; Elle reconnoitra que ce n'est pas moi, mais la Reine seule qui a attiré sur nous ce chagrin domestique. Je ne sçaurais envisager autrement cet incident qui n'influera point sur mon système politique à l'égard de l'heureuse union qui a toujours subsisté entre nos Royaumes ni sur les sentiments de l'amitié tendre et sincère que j'ai voué à Votre Majesté. Ce sentiment est si fort qu'il ne sçauroit être comparé qu'à celui de la haute estime avec laquelle je suis, etc. etc.

II. Переводъ съ письма Короля Датскаго къ Его Величеству Королю Великобританскому, отъ 22-го Февраля 1772.

Государь мой, Братъ и Шуринъ! Съ наичувствительною радостію получилъ я Вашего Величества увѣренія

о дружбѣ, изъявлены въ письмѣ Вашемъ, отъ 29-го прошедшаго мѣсяца, которое Министръ Вашъ вручилъ мнѣ на особенной аудіенціи.

Письмо, писанное Вашимъ Величествомъ въ тоже время къ Королевѣ, равно какъ и письмо Ея Королевскаго Высочества Принцессы Гальской, тотчасъ ей вручено было. Ея Величество желала было на оное отвѣтствовать, но сколь ни склоненъ я къ умягченію ея состоянія, всѣми уваженіями, какія только обстоятельства дозволяютъ, не могу я, однакожъ, въ сей моментъ согласиться на ее желаніе, опасаясь не безъ причины, чтобъ въ сію минуту душевнаго колебанія, не захотѣла она больше раздражить, нежели успокоить, а сіе удалилобъ меня отъ намѣренія моего, которое состоитъ, и непремѣнно состоять будетъ, въ томъ, чтобъ содержать и соблюдать дружбу Вашего Величества.

Я говорю Вамъ чистосердечно и остаюсь увѣренъ, чтобъ какова сильна ни была бы братская любовь, но она уступитъ въ справедливомъ и добродѣтельномъ сердцѣ Вашего Величества, гласу честности, истины и вѣры, когда Ваше Величество получите изъясненія, мною Вамъ изготовляемыя, и которыя сообщу Вамъ, какъ скоро возможно будетъ. Ваше Величество узнаете, что не я, но одна Королева приключила намъ домашнюю печаль. Я не могу иначе взирать на сіе приключеніе, какъ въ томъ отношеніи, что оно не перемѣнитъ политическую мою систему, въ разсужденіи счастливаго союза, пребывающаго навсегда между нашими Королевствами, ниже сентименты нѣжныя и чистосердечныя дружбы.

L.

I. Copie de la lettre du Roi de la Grand Bretagne à S. M. la Reine Caroline Mathilde d. d. Queans House, le 29 Jan. 1772.

Dear Sister!

I cannot omit taking the first opportunity of expressing the Sorrow I feet that your Ennemies have so far incensed the King of Denmarck as to remove you from his presence. You can never doubt of having a warm advocate in me, whose adrise if followed, might have preserved you from this misfortune. The King of Denmarck has in the prongest lerms assured me thet every Kind of respect due to your Bark and Birth shall be stewn to you Dear Sister. Place your dependance on that allmigths, Being that forsaker notthe distreped, the more you call onttim, the more the will give you fortitude. I shall be anxious to hear from you and cheff ever remain

Dear Sister

your most affectionnate Brother

George R.

Chère Soeur!

Je ne puis me dispenser de saisir la première occasion à Vous témoigner ma douleur de ce que Vos ennemis ont excité le Roi de Danemarck au point de Vous éloigner de Sa présence. Vous ne devez pas douter de trouver en moi un avocat très zélé; mes avis s'ils avoient été suivis, auroient pu vous préserver de ce malheur. Le Roi de Danemarck m'a assuré dans les termes les plus forts, qu'on aura pour vous tout le respect dû à Votre l'ang

et à votre naissance. Chère Soeur, mettez votre confiance dans cet Etre tout puissant qui n'abandonne point les infortunés; plus vous L'invoquerez, plus Il Vous donnera de force et de soutien. Je serai très inquiet pour avoir de vos nouvelles et ne cesserai d'être

Chère Soeur

Votre très-affectionné frère

George R.

II. Переводъ съ письма Короля Великобританскаго къ Ея Величеству Каролинѣ Матильдѣ, изъ Квансъ-Гузе, отъ 29-го Генваря 1772.

Любезная Сестра!

Я не могу пропустить перваго случая къ изъясненію Вамъ моего огорченія о томъ, что непріятели Ваши побудили Датскаго Короля удалить Васъ отъ своего присутствія. Вы не должны сомнѣваться въ томъ, что найдете во мнѣ ревностнѣйшаго адвоката. Еслибы исполняемы были мои совѣты, то они могли бы предохранить Васъ отъ сего несчастія. Король Датскій, въ наисильнѣйшихъ выраженіяхъ, увѣрилъ меня, что Вамъ будетъ оказываемо всякое почтеніе, приличное рангу и роду Вашему. Любезная Сестра, возложи все свое упованіе на Всемогущее Существо, никогда не оставляющее несчастныхъ: чѣмъ болѣе молить Его будете, тѣмъ болѣе Онъ подастъ Вамъ силы и подкрѣпленія! Я съ крайнею нетерпѣливостію ожидаю отъ Васъ извѣстія, и непремѣнно пребуду, и проч.

M.

I. Copie de la lettre de S. A. R-le M-me la Princesse de Galles à S. M. la Reine Caroline Mathilde, d. d. Carlston House le 29 Jan. 1772.

Ma chère Fille!

Vous pouvés juger ce qu'un coeur d'une tendre mère sent de sçavoir votre présente situation. Dieu vous fasse la grâce de veiller sur vous et vous donne la force de combattre vos ennemis.

Si vous avés la permission d'écrire donnés moi au plus tôt de vos nouvelles. Le Ciel vous conserve.

Etant
Votre affectionnée et affligée mère
Auguste.

II. Копія съ письма Ея Королевскаго Величества Принцессы Гальской, писаннаго къ Ея Королевскому Величеству Каролинѣ Матильдѣ, изъ Карлстона-Гузе, отъ 29-го Генваря 1722.

Любезная дочь!

Ты легко можешь себѣ вообразить, что сердце нѣжной матери чувствуетъ, вѣдая настоящія твои обстоятельства! . . . .

Всевышній, да соблюдетъ тебя и да подастъ силы одолѣть тебѣ враговъ своихъ.

Если тебѣ писать дозволено, то увѣдомь меня о себѣ, какъ можно наискорѣе. Въ прочемъ, Богъ тебя да сохранитъ!

Доброжелательная и огорченная мать твоя,
Августа.

(Продолженіе писемъ Фонъ-Визина).

Сіятельнѣйшій Графъ

Милостивый Государь!

Господинъ Симолинъ въ путь отправился третьяго дня; а какое письмо отправлено съ нимъ, въ прибавокъ къ прежнему, Вамъ извѣстному, оное Вы, Милостивый Государь, усмотрѣть изволите изъ точной съ того копіи, здѣсь приложенной.

Извѣстная съ Прусскимъ Королемъ конвенція уже подписана. Его Величество, получивъ изъ Вѣны извѣстіе о перемѣнѣ системы, тотчасъ прислалъ съ курьеромъ повелѣніе къ Графу Сольмсу, домогаться о скорѣйшемъ подписаніи конвенціи; что вчера и дѣйствительно исполнено.

Ваше Сіятельство, при настоящемъ положеніи дѣлъ, легко себѣ вообразить изволите, въ какихъ заботахъ долженъ быть мой милостивый шефъ и исполнители его повелѣній. Для сего, нижайше прошу извинить меня, что ничего теперь не отвѣтствую на почтеннѣйшее письмо Ваше, отъ 30-го Генваря, кромѣ принесенія за оное нижайшаго благодаренія.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и безпредѣльною преданностію, имѣю честь быть.

Въ С. Петербургѣ,
7-го Февраля 1772.

P. S. Я не могу довольно изъяснить, съ какою радостію отправляю здѣсь къ Вашему Сіятельству все обѣщанное мною на прошедшей почтѣ. Вы, Милостивый Государь, увидите тутъ истинное торжество Братца Вашего. Вдругъ положеніе всѣхъ дѣлъ пріяло для насъ новый, славный и полезный оборотъ! Неукротимый Вѣнскій Дворъ, почитавшій до сего дня всѣ наши резоны недостойными своего вниманія, пріемлетъ ихъ же за доказательства геометрическія, почитаетъ кондиціи наши справедливыми, и признаетъ систему

нашу натуральною. Все сіе есть дѣйствіе душевной твердости Братца Вашего, которому Отечество наше одолжено будетъ миромъ, возводящимъ его на верхъ славы и блаженства.

Сіятельнѣйшій Графъ

Милостивый Государь!

Имѣя честь препроводить здѣсь письмо Государя Цесаревича къ Вамъ, Милостивый Государь, исполняю тѣмъ самымъ повелѣніе Его Сіятельства Графа, Братца Вашего, который самъ за множествомъ дѣлъ на сей почтѣ къ Вамъ писать не можетъ.

Позвольте принести нижайшее благодареніе, за милостивыя выраженія въ послѣднемъ письмѣ Вашего Сіятельства, которое имѣлъ я честь получить 27-го прошедшаго мѣсяца. Вѣрьте, Милостивый Государь, что усердіе мое къ Вамъ вѣчно въ сердцѣ моемъ вкоренено, и что доброе мнѣніе Ваше, есть одно изъ главныхъ видовъ моего честолюбія, равно какъ и то, что я долгомъ моимъ почитаю, быть навсегда съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностію.

Въ С. Петербургѣ,
6-го Марта 1772.

Сіятельнѣйшій Графъ

Милостивый Государь!

На прошедшей почтѣ, имѣлъ я честь отправить къ Вашему Сіятельству письмо изъ Вѣны отъ Князя Голицына. Въ ономъ Вы, Милостивый Государь, видѣть изволили, что Вѣнскій Дворъ послалъ декларацію въ

Берлинъ, съ такимъ повелѣніемъ своему тамъ Министру, что если Король подобную подпишетъ, то, въ такомъ случаѣ, Свитенъ послалъ бы курьера того сюда, дабы Князь Лобковичъ исходатайствовалъ тоже самое и отъ Ея Императорскаго Величества. Теперь, за долгъ себѣ поставляю, донести Вашему Сіятельству, что Король Прусскій подписалъ помянутую піесу, и Князь Лобковичъ, получа третьяго дня изъ Берлина курьера отъ Свитена, подалъ здѣсь приложенную присемъ въ переводѣ декларацію, съ сообщеніемъ выписки изъ Кауницовой къ себѣ депеши.

Ея Императорскому Величеству угодно подписать желаемую Вѣнскимъ Дворомъ декларацію. Оная на сихъ дняхъ и отдана будетъ Князю Лобковичу, при министеріальной запискѣ, которая еще теперь не изготовлена, и которую къ Вашему Сіятельству въ свое время отправлю.

Можно сказать, что Князь Кауницъ во все нынѣшнее дѣло распорядилъ мѣры свои такъ неудачно, вознѣнавидѣлъ насъ и возгордился толь безрезонно, перемѣнилъ свою систему такъ скоропостижно, что чрезъ все сіе заслуживаетъ онъ лишиться *эстимы* всего разумнаго свѣта. Гордость злобная всегда нестерпима: но гордость, премѣнившаяся вдругъ въ смиренную низость, достойна посмѣянія и презрѣнія! Прибывшій вчера изъ Берлина къ Графу Сольмсу курьеръ привезъ отъ Короля весьма любопытныя піесы, въ коихъ Его Прусское Величество, своимъ *манеромъ*, отдаетъ всю справедливость странному поведенію Князя Кауница. Жалѣю, Милостивый Государь, что на сей почтѣ не успѣваю сихъ бумагъ послать къ Вашему Сіятельству, но на будущей стараться буду оное исполнить.

О Вѣнскихъ условіяхъ съ Турками, по начатіи сей войны, были здѣсь разныя извѣстія; но нынѣ конфеденто сообщена нашему Двору отъ Англійскаго Посла копія съ конвенціи Австрійцевъ съ Турками. Хотя

за достовѣрность сей піесы ручаться не возможно, однако, для любопытства Вашего Сіятельства, включаю здѣсь ее, на нашъ языкъ переведенную.

На сихъ дняхъ, получена здѣсь изъ Первой Арміи реляція, съ которой копію здѣсь подношу, съ глубочайшимъ почтеніемъ и сердечною преданностію, навсегда имѣю честь быть.

Въ С. Петербургѣ,
6-го Марта 1772.

Сіятельнѣйшій Графъ

Милостивый Государь!

Исполненное милости и довѣренности письмо Вашего Сіятельства, отъ 12-го числа сего мѣсяца, я имѣлъ честь получить, и приношу за оное нижайшее благодареніе.

Нельзя лучше изобразить характера Князя Кауница, какимъ Ваше Сіятельство его представляете; но при всемъ томъ, положа за правило, что всякій и совѣсти неимѣющій человѣкъ остается тогда при своихъ обязательствахъ, когда въ томъ находитъ свой интересъ, нельзя усомниться, чтобы Кауницъ непрямодушно вступалъ теперь съ нами въ общее дѣло. Всеконечно, Милостивый Государь, трактуя съ такимъ человѣкомъ, не надлежитъ выпускать изъ глазъ осторожности, но оная и наблюдается потольку человѣчески возможно

Новыя депеши, привезенныя изъ Вѣны Маіоромъ Тиремъ, имѣю честь включить здѣсь Вашему Сіятельству, равно какъ и еще нѣкоторыя піесы, достойныя вниманія Вашего.

Простите мнѣ, Милостивый Государь, что въ приложеніи, отправленномъ на прошедшей почтѣ, подъ № 4, забыто заглавіе, которому надлежало быть такову: Ко-

нія съ письма Его Сіятельства Графа Никиты Ивановича, къ Посланнику Князю Голицыну, въ Гагу.

Господинъ Ассебергъ прислалъ къ Вашему Сіятельству письмо свое. Какъ оное, такъ и изготовленный отъ Васъ отвѣтъ имѣю честь приложить, по приказанію Его Сіятельства Графа, Братца Вашего. Если Вы, Милостивый Государь, изволите подписать его и прислать ко мнѣ, то я съ первою же почтою къ Господину Ассебергу его отправлю.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и ненарушимою преданностію, всегда имѣю честь быть.

Въ С. Петербургѣ,
20-го Марта 1772.

Сіятельнѣйшій Графъ

Милостивый Государь!

Къ сердечному моему удовольствію, имѣлъ я честь получить милостивое письмо Вашего Сіятельства, отъ 19-го сего мѣсяца, за подписаніемъ собственной руки Вашей. Позвольте принести за оное нижайшее благодареніе. На прошедшей почтѣ, не имѣлъ я чести писать къ Вашему Сіятельству, сколько за крайними недосугами, столько и за тѣмъ, что не имѣлъ я ничего сообщить Вамъ, Милостивый Государь. Почта изъ Германіи, за дурными дорогами, пришла тремя сутками позже обыкновеннаго, такъ что газеты, которыя надлежало отправить къ Вашему Сіятельству въ Пятницу, принужденъ теперь только отправить.

По дѣламъ нѣтъ никакого новаго произшествія, но нѣкоторыя піесы для любопытства Вашего здѣсь включить честь имѣю. Вѣдая же, что Вы, Милостивый Государь, желаете имѣть коллекцію *творенiй Князя В. М.*, прилагаю здѣсь точныя копіи съ послѣднихъ его ре-

ляцій. Къ будущей почтѣ поспѣютъ у меня нѣкоторые переводы съ піесъ, примѣчанія заслуживающихъ.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и ненарушимою преданностію во всю жизнь мою пребуду.

27-го Марта 1772.

Сіятельнѣйшій Графъ

Милостивый Государь!

Принося должнѣйшее и искреннѣйшее благодареніе Вашему Сіятельству, за милостивое письмо, отъ 26-го Марта, нижайше прошу извинить меня въ томъ, что я пропустилъ прошлую почту, не писавъ ничего къ Вашему Сіятельству. Стеченіе важнѣйшихъ дѣлъ, занимающихъ можно сказать всякую минуту моего милостиваго шефа, заняло и все мое время въ исполненіи его повелѣній, по долгу званія моего. Истинно, Милостивый Государь, тому уже съ недѣлю, какъ ни днемъ, ни ночью нѣтъ отдохновенія! Чему доказательствомъ служитъ то, что я принужденъ былъ пропустить почту, не писавъ къ Вашему Сіятельству, и не исполнивъ тѣмъ сердечнаго долга моего. Сверхъ же того, извинитъ меня предъ Вами настоящая большая моя, подъ 7-ю нумерами, экспедиція къ Вашему Сіятельству. По оной, Вы сами заключить уже изволите, сколь стеченіе дѣлъ у насъ велико. Но прежде, нежели объясню я Вамъ, Милостивый Государь, каждый нумеръ моихъ приложеній, позвольте мнѣ служить должнымъ отвѣтомъ, съ сердечною моею откровенностію, на послѣднее письмо Ваше, наполненное выраженіями ко мнѣ милости и довѣренности Вашего Сіятельства.

Разсужденія Вашего Сіятельства, объ истинномъ *источникѣ развращенія нравовъ*, доводящемъ до самаго бездѣльства, основаны на таковой истинѣ, съ какво-

вымъ проницаніемъ Ваше Сіятельство вникнуть изволили въ сіе разобраніе причинъ разстройства людей, воспитанныхъ при худыхъ примѣрахъ и худыми людьми. И въ самомъ дѣлѣ, Милостивый Государь, лучше не быть никакъ воспитану, нежели такъ развращенно, какъ иногда многіе воспитываются! Объ исправленіи ума столь много нынѣ помышляютъ, сколь мало объ исправленіи сердца, не зная того, что добродѣтельное сердце, есть первое достоинство человѣка, и что въ немъ одномъ только искать и находить можно блаженство жизни нашей.

По волѣ Ея Сіятельства, Графини Маріи Родіоновны, о шелкахъ въ Ливорнѣ я писалъ, и какой отвѣтъ получу, о томъ донести непремину.

Теперь пріемлю смѣлость, объяснить Вашему Сіятельству каждый № моихъ приложеній. Первый, заключаетъ въ себѣ переводъ съ Царяградскаго извѣстія. Я посылаю оное для того, что нѣкоторыя мѣста изъ онаго кажутся мнѣ достойными вниманія Вашего Сіятельства. № 2, содержитъ всю послѣднюю важную экспедицію Графа Петра Александровича. Въ слѣдствіе оной, назначеніе Пословъ къ Конгрессу стало уже публично, а росписаніе свиты съ окладами здѣсь приложить честь имѣю. Съ Графомъ Гр. Гр. ѣдетъ Боуръ и Лифлянецъ Левенъ. Секретарь посольства до сихъ поръ еще не назначенъ. Кавалерами посольства назначены Гвардіи Офицеры: Лунинъ, Фонъ-Визинъ братъ мой, Богдановъ, Трегубовъ, и еще нѣкоторые, коихъ имена не упомню. Подъ № 3, прилагаю все то, что вчера отправлено къ Графу Петру Александровичу, по содержанію чего Послы наши дней черезъ десять выѣхать намѣрены. Хотя я и сообщилъ уже Вашему Сіятельству копію съ конвенціи о перемиріи, но какъ она, по полученіи послѣднихъ депешей изъ Первой Арміи, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ перемѣнена, то почелъ я за нужное включить здѣсь экземпляръ такой, какой вчера къ Фельдмаршалу

отправленъ. № 4, заключаетъ въ себѣ, при экстрактѣ изъ Королевской депеши, сочиненный Его Величествомъ примѣрный Манифестъ о раздробленіи Польши. Ваше Сіятельство изволите увидѣть, что Король дѣломъ мѣшкать не любитъ, хотя и увѣряетъ, что онъ ничемъ спѣшить не намѣренъ. Его Сіятельство Графъ, Братецъ Вашъ, изволилъ препоручить Г-ну Веймарну, какъ человѣку имѣющему отмѣнную способность раздроблять дѣло на самыя малѣйшія части, сочинить *дедукцію* нашихъ на Польшу претензій, которую я подъ № 5, приложить честь имѣю, равно какъ и другую піесу, сочиненіе его же Г. Веймарна, до Польши касающееся. № 6, содержитъ Датскія депеши; а подъ № 7, включаю письмо, полученное изъ Вѣны на *штафетѣ*.

За особливое почту счастіе, если Вашему Сіятельству угодно будетъ стараніе мое о доставленіи Вамъ, Милостивый Государь, всего того, въ чемъ состоитъ настоящее мое отправленіе, и если удостоите меня сообщеніемъ Вашего мнѣнія, по толь важнымъ дѣламъ Отечества нашего.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностію во всю жизнь мою пребуду.

Въ С. Петербургѣ,
6-го Апрѣля 1772.

Сіятельнѣйшій Графъ

Милостивый Государь,

Петръ Ивановичъ!

Зная совершенную мою къ Вамъ преданность, Вы, Милостивый Государь, конечно, не сомнѣваетесь въ искреннѣйшемъ участіи, которое пріемлю я въ оскорбленіи Вашемъ отъ болѣзни любезнаго сына Вашего. Я

съ нетерпѣливостію ожидаю будущей почты, и желаю сердечно услышать о его выздоровленіи. Позвольте принести нижайшее благодареніе за милостивое письмо Ваше, отъ 2-го сего мѣсяца. Я непремину отправить отвѣтъ отъ имяни Вашего къ Ногайскому начальнику, съ первымъ въ ту сторону ѣдущимъ курьеромъ.

Реляціи Гр. Петра А. и Александра Ил., имѣю честь здѣсь приложить къ Вашему Сіятельству. Скоро надѣюсь удовольствовать любопытство Ваше сообщеніемъ инструкціи Г-мъ Посламъ на Конгрессъ ѣдущимъ. Она теперь еще не готова, но къ будущей почтѣ, я чаю, поспѣетъ.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и безпредѣльною преданностію, во всю жизнь мою пребуду.

10-го Апрѣля 1772.

Сіятельнѣйшій Графъ

Милостивый Государь!

Не имѣя на сей почтѣ письма отъ Вашего Сіятельства, и предувѣдомленъ будучи о болѣзни любезнаго сына Вашего; не могу изъяснить Вамъ, Милостивый Государь, моего сердечнаго безпокойства. Боже, дай, чтобъ будущая почта обрадовала меня извѣстіемъ о его выздоровленіи!

Инструкцію Посламъ, на Конгрессъ назначеннымъ, имѣю честь приложить здѣсь. Но чтобъ настоящее положеніе наше съ Татарами яснѣе Вамъ представить, то разсудилъ я присемъ включить къ прочтенію Вашему инструкцію, заготовленную для Евдокима Алексѣевича Щербинина. Третья піеса слѣдуетъ здѣсь; также инструкція для Контръ-Адмирала Чичагова.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и безпредѣльною преданностію, во всю жизнь мою пребуду.

P. S. Изъ Швеціи получено извѣстіе, что Сенаторъ Баронъ Дебенъ выбранъ первымъ Министромъ, на мѣсто покойнаго Графа Экеблата, и что Король назначилъ день своей коронаціи 18-го Маія.

13-го Апрѣля 1772.

Сіятельнѣйшій Графъ

Милостивый Государь!

Принеся нижайшее благодареніе за милостивое письмо Вашего Сіятельства, отъ . . . нынѣшняго мѣсяца, имѣю честь по дѣламъ донести о всемъ томъ, что послѣ отправленія послѣдняго письма произошло примѣчанія достойнаго.

Ожидаемый столь долго изъ Вѣны курьеръ наконецъ сюда пріѣхалъ. Князь Кауницъ сообщилъ здѣшнему Двору что̀ беретъ на свою долю его Государь. Я не могу всѣхъ депешей сообщить теперь Вашему Сіятельству, за тѣмъ, что онѣ еще мнѣ не отданы; но читая ихъ, я нарочно выписалъ для Васъ то, что составляетъ существо сихъ депешей . . . . . .

. . . . . .

Вотъ, что Вѣнскій Дворъ себѣ *откроить* хочетъ.

«Часть Краковскаго Воеводства по правую сторону «Вислы, отъ *Біала* (Biala) вдоль по сей рѣкѣ до *Сан-«домира*, а оттуда впередъ до супротивъ *Зволена* (Zwo-«len), по рѣкѣ *Вѣпржъ* (Wieprz); оттуда до *Баркова* въ «уголъ, гдѣ соединяются границы Воеводствъ: Люблин-«скаго, Красно-Русскаго и *Брестскаго*, (Brzescianinsis), и «гдѣ впадаетъ въ сію рѣку рукавъ другой рѣки, начинаю-«щейся на границѣ Воеводства *Брестскаго*, до сего по-«слѣдняго Воеводства и Великой Литвы. Оттуда вдоль «по границѣ Воеводства Брестскаго или Великой Литвы, «и между Воеводствомъ *Бельцкимъ* (Belscensis) и *Волзи-«скимъ*, такъ, чтобъ цѣлое Воеводство Бельцкое вклю-

«чено было въ новую границу. Потомъ, вдоль Волынской границы до Подоліи, и вдоль границы сего Воеводства до Днѣстра, и поту сторону сей рѣки, внизъ по ней до Молдавіи. Наконецъ, вдоль границы Молдавской до Трансильваніи, и взаимно до Венгріи, или до уѣздовъ . . . . . такъ, чтобъ все сіе присвоеніе граничило лѣвымъ крыломъ до Силезіи, а правымъ до Трансильванской границы.»

Ваше Сіятельство, по картѣ усмотрѣть изволите, что Вѣнская доля, по своему пространству велика, но Князь Кауницъ въ резонъ тому поставляетъ, что наша и Прусская доля имѣютъ такія политическія выгоды, какихъ Вѣнская не имѣетъ. Для того, чтобъ во всемъ наблюсти равенство, Вѣнскій Дворъ хочетъ наградить себя пространствомъ земли, — за то, въ чемъ наши части изобилуютъ по видамъ политическимъ. Ваше Сіятельство сдѣлаете мнѣ особливую милость, если удостоите меня узнать Ваше мнѣніе о семъ распоряженіи. Я же, съ своей стороны, осмѣлюсь донести Вамъ мою объ ономъ мысль. Мнѣ кажется, что хотя требованіе Вѣнское и великовато, но съ нѣкоторыми такими . . . . . можно намъ на оное согласиться . . . . . прекращеніе большой войны, насъ изнуряющей . . . . . ? . . . . Польскихъ мятежей, которые отвлекаютъ наше вниманіе отъ другихъ дѣлъ, и причиняютъ намъ лишнія хлопоты и непрестанную заботу. Сверхъ же того, участвуя въ раздѣлѣ Польши, мы достанемъ . . . себѣ долю довольно выгодную. Очень бы жаль было, еслибъ за нѣсколько миль разрѣзаемой Польской Земли, завязались новые раздоры или, избави Богъ, и новая война!

Графъ П. А. пишетъ, что онъ съ Визиремъ уже согласился послать въ Журжево Коммисаровъ, для перемирія, и что Г. Симонисъ туда отъѣзжаетъ.

Въ С. Петербургѣ,
17-го Апрѣля 1772.

Сіятельнѣйшій Графъ

Милостивый Государь!

На нынѣшней почтѣ, получилъ я отъ Вашего Сіятельства пакетъ, адресованный на мое имя, въ которомъ нашелъ я письмо не ко мнѣ, но къ неизвѣстной мнѣ особѣ. Видно, Милостивый Государь, что письмо, мнѣ принадлежащее, послано ошибкою къ тому, чье включено въ мой пакетъ. Я нашелъ также въ немъ письмо къ Пелагеѣ Ѳедотьевнѣ Каменской, которое тотчасъ ей отвезъ; но ни отъ нея, ни ни отъ кого другаго не могъ провѣдать о фамиліи того, къ кому слѣдовало возвращаемое здѣсь письмо Вашего Сіятельства.

Имѣю честь приложить здѣсь послѣднія реляціи Гр. П. Александровича, Датскія депеши и прибавленіе къ инструкціи Посламъ, на Конгрессъ отправляющимся. Они выѣдутъ на будущей недѣлѣ, и съ первымъ Посломъ ѣдетъ братъ его, Графъ Ѳедоръ Гр., не въ качествѣ Полномочнаго, а для компаніи своему брату. Г. Левенъ на сихъ дняхъ пожалованъ Каммергеромъ.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и безпредѣльною преданностію во всю жизнь мою пребуду.

Въ С. Петербургѣ,
20-го Апрѣля 1772.

Сіятельнѣйшій Графъ

Милостивый Государь!

На прошедшей почтѣ, донеся Вашему Сіятельству, объ ошибкѣ, учиненной въ отправленіи ко мнѣ Вашего письма, до меня не слѣдовавшаго, сдѣлалъ и я подобную ошибку: забылъ приложить то письмо, которое

тогда хотѣлъ я возвратить къ Вашему Сіятельству. Нынѣ исполняя оное, нижайше прошу, Милостивый Государь, въ томъ извинить меня.

Краткость времени, къ сожалѣнію моему, не позволяетъ мнѣ больше, какъ только всѣмъ сердцемъ возблагодарить Ваше Сіятельство, за милостивое и откровенное письмо Ваше, отъ 16-го нынѣшняго мѣсяца, а отвѣтствовать на оное, предоставляю себѣ счастіе на будущей почтѣ.

Вчера Государыня изволила отправиться въ Сарское Село, откуда завтра первый Посолъ въ путь свой отправится.

Имѣю честь послать здѣсь къ Вашему Сіятельству реляціи къ Графу Петру Александровичу и письмо изъ Копенгагена. Вѣнскія же депеши, коихъ главное существо знать уже изволите, не успѣваю на нынѣшней почтѣ къ Вамъ отправить: ибо переводъ оныхъ, со всѣмъ моимъ стараніемъ, никакъ къ сегоднишнему отправленію изготовленъ быть не могъ.

Его Сіятельство Графъ, Братецъ Вашъ, изволилъ поручить мнѣ извинить его предъ Вами, что такъ долго къ Вамъ не пишетъ за всечасными своими упражненіями по настоящимъ дѣламъ, которыхъ важность Вашему Сіятельству открыта во всемъ ея пространствѣ. Онъ приказалъ мнѣ отправить къ Вашему Сіятельству, въ копіи, письма къ нему отъ Алек. Ильича Бибикова, которыя Вы, Милостивый Государь, здѣсь найти изволите.

24-го Апрѣля 1772.

Сіятельнѣйшій Графъ

Милостивый Государь!

Упоминаемыя во вчерашнемъ письмѣ моемъ къ Вашему Сіятельству Вѣнскія депеши сего дня изготовлены, и я не хотя пропустить отправляющейся въ Москву *штафеты*, спѣшу доставить оныя здѣсь Вашему Сіятельству, съ примѣчаніемъ, что упомянутый въ сихъ депешахъ projet de l'article я здѣсь не прилагаю; ибо оный состоитъ слово въ слово въ томъ опредѣленіи Вѣнской доли, которое Ваше Сіятельство найти изволите въ письмѣ моемъ, отъ 17-го нынѣшняго мѣсяца.

25-го Апрѣля 1772.

Сіятельнѣйшій Графъ

Милостивый Государь!

Я не могу извѣстить Ваше Сіятельство, сколь много оскорбило меня то безпокойство, которое надѣлалъ я Вамъ моею ошибкою, забывъ положить тогда извѣстное, не ко мнѣ слѣдующее письмо. Но теперь ласкаюсь, что Ваше Сіятельство, получа уже оное, поспѣли узнать, что тутъ ни отъ кого не было коварства, а какъ видно Ваше письмо ко мнѣ попало къ неизвѣстному мнѣ Ивану Александровичу. Жалѣю о томъ только, если онъ прочтетъ письмо Ваше ко мнѣ, которое, можетъ быть, ему откроетъ нѣчто такое, чего знать ему не должно.

Получа вчера, поздно, милостивое письмо Ваше, отъ 26-го, не могъ я увидаться ни съ Николаемъ Ивановичемъ Неплюевымъ, ни съ Александромъ Ѳедоровичемъ Талызинымъ; но, я думаю, что они конечно отдали бъ мнѣ принадлежащее письмо, если бъ къ нимъ въ руки попалось. Успокоиваюсь я тѣмъ, что Вы, Милостивый

Государь, уже получили теперь то извѣстное письмо, посланное мною къ Вашему Сіятельству на другой же почтѣ, послѣ той, на которой я его забылъ отправить. И такъ, съ будущею почтою ожидаю я, что дѣло изъяснится, и что Ваше Сіятельство совершенно объ ономъ успокоитесь. Жалѣю сердечно о томъ только, что ошибка моя лишила меня счастія получить на сей почтѣ милостивое письмо Ваше . . . . . но на будущей онаго ожидаю. Отъ 23-го числа, письмо Вашего Сіятельства ко мнѣ было, и на оное имѣлъ я честь отвѣтствовать третьяго дня.

Прилагая здѣсь по реестру нѣкоторыя приложенія, пребываю съ глубочайшимъ почтеніемъ и безпредѣльною преданностію

4-го Маія 1772.

P. S. Изъ Даніи получено извѣстіе, что Графы Струензе и Брандъ казнены смертію 17-го нынѣшняго мѣсяца.

Сіятельнѣйшій Графъ

Милостивый Государь!

Съ нынѣшнею почтою, имѣлъ я честь получить милостивое письмо Вашего Сіятельства, отъ 30-го, и прежнее, отъ 26-го Апрѣля. Принося за нихъ нижайшее благодареніе, радуюсь сердечно, что сомнѣніе объ отправленіи ошибкою Вашего письма рѣшилось, и что въ ономъ не было ничего такого, чего бы другому открыть Вамъ не было угодно.

Лучшую Польскую карту, какую могъ достать Его Сіятельство Графъ, Вашъ Братецъ, при семъ посылаю, надѣясь, что изъ нея яснѣе, нежели изъ прочихъ ви-

дѣть можно, что кому достается. Ваше Сіятельство предузнать изволили, что Прусскому Королю Австрійская доля великовата покажется, равно какъ и намъ. Его Величество писалъ уже объ ономъ къ Гр. Сольмсу, чтобъ онъ внушилъ здѣсь, сколь чрезмѣрно кажется ему требованіе Вѣнское. Я не распространяясь объ ономъ далѣе, доношу Вамъ, Милостивый Государь, что хотя мы и ничего до сего времяни не сказали положительно Князю Лобковичу, однако опредѣлено здѣсь умѣрить требованія его Двора, и поставить такимъ образомъ новую Австрійскую границу, а именно:

«Теченіе Днѣстра между Подоліею и Покуціею, отъ «того пункта, гдѣ сія рѣка касается Молдавіи, выходя «до *Komnisky*, или другаго пункта по сю сторону Самбора, а оттуда линіею, которая оставитъ въ сторонѣ «Леопольскій Уѣздъ и Бельское Воеводство, до рѣки «*Wieprz*, и внизъ по сей рѣкѣ, до впаденія ея въ Вислу, потомъ теченіе Вислы вверхъ по ней до устья «рѣки *Dunaja*, и теченія сей до Венгріи, или линіи, «протянутой съ какого нибудь пункта ея теченія, которой бы коснулся Силезской границы, но при всемъ «томъ, оставляя въ сторонѣ соляные заводы, такъ что «*всѣ предметы, равно какъ Леополь съ своимъ уѣздомъ «и Бельское Воеводство, составляютъ собственно то, «что хотимъ убавить отъ доли, требуемой Австрійцами.*»

Изъясня такимъ образомъ Вашему Сіятельству здѣшнее намѣреніе, доношу Вамъ, Милостивый Государь, что, кажется, Вѣна и не сдѣлаетъ затрудненія на оное согласиться. Теперь Его Сіятельство Графъ, Братецъ Вашъ, упражняться изволитъ въ сочиненіи формальнаго сообщенія объ ономъ Князю Лобковичу, равно какъ и Манифеста для Польши, въ слѣдствіе постановленнаго соглашенія между тремя Дворами.

Полученное изъ Вѣны письмо посылаю къ Вашему Сіятельству. За излишнее почитаю включить здѣсь

Местмахерово письмо, о казни Графовъ Струензе и Бранда; ибо оное въ Гамбургскихъ газетахъ найти изволите.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и безпредѣльною преданностію, имѣю честь быть.

Въ С. Петербургѣ,
8-го Маія 1772.

Сіятельнѣйшій Графъ

Милостивый Государь!

Собственноручное письмо Вашего Сіятельства, полученное мною съ нынѣшнею почтою, имѣлъ я честь показывать ближнимъ Вашимъ, въ удостовѣреніе ихъ о здоровьѣ Вашемъ, и въ исполненіе Вашей о томъ воли. Его Сіятельство Графъ, Братецъ Вашъ, упражняется теперь въ дѣлахъ, касающихся до Польскихъ пріобрѣтеній, и могу увѣрить Васъ, Милостивый Государь, что по отправленіи Пословъ, дѣла ни мало не уменьшались; ибо настали тотчасъ другія, кои, по своей важности, времяни не терпятъ.

Съ сею почтою не нахожу я ничего къ доставленію Вашему Сіятельству, но то только донести могу, что вчера изъ Сарскаго Села Ея Величество изволила прибыть сюда въ Совѣтъ, гдѣ трактовано было о распоряженіяхъ, касающихся до нашей доли изъ Польши, и вотъ что, *въ крайнемъ секретѣ*, на мірѣ положено:

Наши пріобрѣтенія раздѣлены будутъ на двѣ губерніи: одна называться станетъ *Псковская*, а другая *Могилевская*.

Первая будетъ состоять изъ Провинцій: 1. Псковской, 2. Великолуцкой, 3. Двинской, въ которую переименовать Польскую Лифляндію, 4. Полоцкой, состоящей изъ

той части Полоцкаго Воеводства, которая въ наши границы входитъ, и изъ Витебскаго, по правую сторону рѣки Двины; губернскимъ городомъ назначается Опочка.

Вторая губернія составится изъ провинцій: 1. Могилевской, 2. Оршанской, 3. Рогачевской, 4. Витебской. Сія составится изъ лежащихъ мѣстъ между рѣками Двиною и Днѣпромъ, входящихъ въ наши границы; губернскимъ городомъ будетъ Могилевъ.

Надъ обѣими губерніями поставленъ будетъ Генералъ-Губернаторъ; но кто, неизвѣстно. Въ каждую пошлется по Губернатору, и, за тайну сказываютъ, что въ одну назначаютъ Генералъ-Маіора Каховскаго, а въ другую Генералъ-Маіора Кречетникова.

Съ глубочайшимъ, и проч.

11-го Маія 1772.

Сіятельнѣйшій Графъ

Милостивый Государь!

Прибывшій изъ Первой Арміи вчера курьеръ привезъ пріятное извѣстіе о перемиріи, заключенномъ прошлаго Маія 19-го числа. Сія вѣдомость принята здѣсь съ искреннимъ удовольствіемъ, какъ предверіе тишины и общаго покоя.

Имѣя честь поздравить Ваше Сіятельство съ симъ произшествіемъ, какъ истиннаго патріота, не могу, къ сожалѣнію моему, за крайними недосугами войти теперь въ объясненіе тѣхъ приложеній, кои здѣсь Вамъ, Милостивый Государь, подношу при особливомъ реестрѣ. Отправленіе въ Вѣну курьера съ депешами, которыхъ копіи съ будущею почтою получить изволите, отнимаетъ у меня время и способы продолжить сіе

письмо, и отвѣтствовать на полученное мною съ послѣднею почтою милостивое письмо Вашего Сіятельства, отъ 28-го Маія. Я приношу за оное нижайшее благодареніе, и пріемлю его знакомъ Вашей драгоцѣнной мнѣ довѣренности, пребывая съ глубочайшимъ почтеніемъ и сердечною преданностію.

—

Реестръ приложеніямъ, къ письму отъ 5-го Іюня 1772.

1. Реляція Гр. П. Алек. Румянцова, отъ 20-го Маія, съ однимъ приложеніемъ.
2. Письмо его же, отъ 20-го Маія.
3. Реляція его же, отъ 25-го Маія, съ приложеніемъ.
4. Письмо его же, отъ 25-го Маія.
5. Реляція Г. Синявина, отъ 13-го Маія.
6. Письмо Ея Величества къ Кн. В. М. Долгорукову.
7. » » къ Г-ну Щербинину.

Сарское Село,
5-го Іюня 1772.

—

Сіятельнѣйшій Графъ

Милостивый Государь!

Прошедшую почту не могъ имѣть я счастія писать Вашему Сіятельству, по причинѣ нечаянной моей поѣздки въ городъ. Вчера жестокая головная болѣзнь воспрепятствовала мнѣ сей долгъ исполнить, и такъ, уже пользуясь отправляющеюся теперь *штафетою* имѣю честь включить здѣсь обѣщанную мною въ Вѣну экспедицію.

Милостивое письмо Вашего Сіятельства, отъ 3-го Іюня, пріемлю я новымъ знакомъ довѣренности Вашей, толь лестной сердцу моему. Многое могъ бы сказать

по его содержанію, но истинно отъ вчерашней головной болѣзни не нахожу себя въ состояніи ни о чемъ мыслить порядочно. Извините меня симъ, Милостивый Государь, и будьте увѣрены, что, для сей же самой причины, не могу я ничего донести Вашему Сіятельству въ объясненіе тѣхъ приложеній, которыя здѣсь слѣдуютъ по реестру.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ, и проч.

Сарское Село.
13-го Іюня 1772.

Сіятельнѣйшій Графъ

Милостивый Государь!

Оправляясь мало по малу отъ болѣзни, и находя себя нѣсколько въ состояніи отвѣтствовать на милостивое Вашего Сіятельства письмо, отъ 11-го нынѣшняго мѣсяца, исполняю сей долгъ съ сердечнымъ удовольствіемъ. Разсужденія Ваши, Милостивый Государь, о судьбѣ новыхъ нашихъ подданныхъ, неоспоримо справедливы, и таковыми находитъ ихъ Его Сіятельство Графъ, Вашъ Братецъ; остается желать только, чтобы когда уже невозможно избѣжать злоупотребленія, оное было хотя въ меньшей степени.

Главнокомандующій въ Архипелагѣ нашими силами разсудилъ за благо публиковать Манифестъ, который Ваше Сіятельство изволите найти въ приложенныхъ присемъ Гамбургскихъ газетахъ. Противу военныхъ правъ, принятыхъ всею Европою, почитаетъ онъ, между запрещенными товарами, и *съѣстные припасы*. Сіе самое взволновало всѣ Европейскія Державы, а особливо нежалующую насъ Францію. Первая она принесла нынѣ жалобы Двору нашему, на такое запрещеніе. Чѣмъ бы

дѣло сіе не кончилось, но и то сказать надобно, что если Флотъ нашъ не будетъ непріятеля мучить голодомъ, не пуская къ нему съѣстныхъ припасовъ, то ему въ Архипелагѣ и дѣлать будетъ нечего; ибо аттаковать силою непріятеля онъ отнюдь не въ состояніи. Напротивъ того, не пропуская неутральныхъ Державъ судовъ съ хлѣбомъ, должно поссориться съ ними, а, можетъ быть, и подраться, въ которомъ случаѣ бой для насъ не равенъ будетъ. Казусъ въ самомъ дѣлѣ деликатный, и *я*, для любопытства Вашего Сіятельства, не пропущу конечно сообщить Вамъ, какія мѣры здѣсь посему приняты будутъ.

Въ приложенныхъ присемъ изъ Варшавы письмахъ, Ваше Сіятельство найти изволите, сколь *нѣжно* положеніе наше и съ Австрійцами. Словомъ сказать, отовсюда хлопоты, могущія имѣть слѣдствія весьма непріятныя! Къ тому же и здѣсь сколь мудрено соглашать и прилаживать умы разнообразные, о томъ больше всѣхъ знаетъ Его Сіятельство, Гр. Н. И. Божіимъ провидѣніемъ все на свѣтѣ управляется; сіе конечно правда; но надобно признаться, что *нигдѣ сами люди такъ мало не помогаютъ Божію провидѣнію, какъ у насъ*.

Петергофъ.
26-го Іюня 1772.

Сіятельнѣйшій Графъ

Милостивый Государь!

Послѣднее письмо Вашего Сіятельства, отъ 2-го нынѣшняго мѣсяца, имѣлъ честь получить, и за оное приношу нижайшее благодареніе. Включенное въ него письмо Ваше къ Государю Цесаревичу вручено третьяго дня Его Высочеству, чрезъ Его Сіятельство Графа, Братца Вашего.

Послѣднее письмо Алексѣя М Обрѣскова имѣю честь здѣсь включить, со всѣми къ нему приложеніями. Болѣе нѣтъ ни откуда въ полученіи піесъ, достойныхъ Вашего вниманія. Изъ Вѣны до сихъ поръ рѣшительнаго отвѣта еще нѣтъ, на наше предложеніе объ уменьшеніи ихъ доли.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ, и проч.

Изъ Петергофа,
10-го Іюля 1772.

P S. Слухъ, прошедшій въ Москвѣ о истребленіи Ладожскаго Полку никакого основанія не имѣетъ. Я объ ономъ ничего не слыхалъ до полученія письма Вашего Сіятельства.

Сіятельнѣйшій Графъ

Милостивый Государь!

Прибытіе курьера изъ Вѣны, съ рѣшительнымъ отвѣтомъ, стало причиною, что я не могу, Милостивый Государь, распространить письмо мое и войти въ дальнѣйшее объясненіе піесъ, здѣсь по реестру приложенныхъ. Въ прочемъ, никто не можетъ сдѣлать толь справедливаго заключенія, какъ Ваше Сіятельство, объ отзывахъ Графа П. Ал., котораго характеръ вамъ извѣстенъ. Реляція его любопытна, и заслуживаетъ вниманія, въ разсужденіи будущихъ операцій, на случай, ежели бъ мирная наша негоціація была безъ успѣха.

Вѣнскихъ депешей еще нѣтъ въ моихъ рукахъ, но предварительно имѣю честь донести, что дѣло беретъ

хорошій оборотъ, и извѣстный дѣлежъ не встрѣчаетъ болѣе со всѣхъ трехъ сторонъ никакого препятствія.

Съ глубочайшимъ, и проч.

Петергофъ.
17-го Іюля 1772.

Реестръ приложеніямъ, къ письму отъ 17-го Іюля 1772.

1. Реляція Александра Ильича Бибикова, отъ 27-го Іюня.
2. » Ал. М. Обрѣскова, отъ 1-го Іюля.
3. Письмо его же, отъ того жъ числа.
4. Реляція Гр. П. А. Румянцова, отъ 2-го Іюля.
5. » его жъ, отъ того же числа, съ приложеніемъ.
6. » Е. А. Щербинина, отъ 8-го Іюля, съ приложеніемъ.
7. Письмо его жъ, отъ того же числа.
8. » Кн. В. М. Долгорукова, отъ 18-го Іюня, съ приложеніемъ.
9. Реляція его жъ, отъ 5-го Іюля.
10. » его жъ, отъ того же числа, съ 4-мя приложеніями.

Сіятельнѣйшій Графъ

Милостивый Государь!

Въ прошедшую пятницу, принужденъ будучи нечаянно ѣхать въ городъ, не могъ я никакимъ образомъ успѣть исполнить долга моего, отправленіемъ къ Вашему Сіятельству не только письма, ниже газетъ, которыя теперь, равно какъ и вчера полученныя, приложить честь имѣю. Я надѣюсь, что какъ въ ономъ, такъ и въ краткости сего письма, Ваше Сіятельство меня извинить изволите. Въ разсужденіи трудной и важной

негоціяціи нашей съ Вѣнскимъ Дворомъ, которая занимала насъ сряду дни и ночи цѣлую недѣлю, наконецъ приходитъ она къ конечному своему совершенію, и чрезъ нѣсколько часовъ буду я имѣть честь проводить Его Сіятельство Графа, Братца Вашего въ городъ, для подписанія тройной конвенціи съ Цесарскимъ и Прусскимъ Министромъ. Черезъ недѣлю, надѣюсь я успѣть переводомъ всѣхъ новыхъ піесъ, до сей негоціяціи касающихся, кои можно сказать цѣлую книгу составляютъ; а теперь спѣшу удовольствовать любопытство Вашего Сіятельства означеніемъ здѣсь границъ доли Вѣнскаго Двора, каковую согласились мы отдать, а Цесарцы взять на часть свою, заключаемою нынѣ конвенціею.

Сіи границы суть: правый берегъ Вислы отъ Силезіи за Сандомиръ и до втеченія рѣки Саны, оттуда протянуть прямую линію на *Фронполь* до *Замойска*, а оттуда до *Рубѣжева* и до рѣки Буга, и слѣдуя по ту сторону сей рѣки по истиннымъ границамъ Красной Россіи, (оставляя въ тоже время границы Волыніи и Подоліи), даже до оконечностей *Цпараца*, оттуда прямою линіею на Днѣстръ, вдоль рѣки, отдѣляющей малую часть Подоліи, называемой *Подорцв*, до впаденія ея въ Днѣстръ, и наконецъ обыкновенныя границы между Покуціею и Молдавіею.

Вотъ, все то, что я на сей разъ Вашему Сіятельству донести успѣваю, предоставляя себѣ счастіе отвѣтствовать на два милостивыя письма Ваши, оба отъ 16-го дня сего мѣсяца, какъ скоро только время къ тому меня допуститъ.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и сердечною преданностію навсегда, имѣю честь быть.

Въ Петергофѣ,
24-го Іюля 1772.

Сіятельнѣйшій Графъ

Милостивый Государь!

Наконецъ, и достальныя піесы, подъ одиннадцатью нумерами, касающіяся до нашей негоціяціи съ Вѣнскимъ Дворомъ, имѣю честь сообщить здѣсь Вашему Сіятельству.

Ваше Сіятельство изволите нынѣ видѣть совершеніе великаго дѣла. Правда, что трудно весьма было довести Вѣнскій Дворъ къ сему соглашенію, да и преклоня къ тому, мудрено же было соединить и удовлетворить интересамъ каждаго Двора. Ужъ никакъ нельзя было отвратить Вѣнскій Дворъ отъ требованія соленыхъ заводовъ и Львова. Дальнѣйшее, съ нашей стороны, въ ономъ упорство могло бы легко разорвать и всю негоціяцію, тогда, когда Король Прусскій въ томъ не споритъ. Итакъ, судьба Польши, сдружившая три Двора, рѣшилась наконецъ къ огорченію Франціи, которая, стрѣмясь, сколько можно, намъ вредить и помѣшать миру нашему съ Турками, ищетъ приключить намъ новую войну съ Шведами, способомъ произвесть тамъ революцію. Франція рада на сей разъ и Швецію подвергнуть равному жребію съ Польшею, лишь бы помѣшать тѣмъ миру нашему! Можетъ статься, или справедливѣе сказать, нѣтъ сомнѣнія, что медленность Турецкихъ Полномочныхъ для съѣзда на Конгрессъ происходитъ отъ коварныхъ внушеній Франціи, которая, конечно питаетъ Турковъ надеждою скорой революціи въ Швеціи, и, слѣдственно, новой у насъ съ Шведами войны. Въ самомъ дѣлѣ, если удастся умышляемая революція, то и новая для насъ война неминуема; но тогда за вѣрное полагать можно, что Датчане вооружатся противъ Шведовъ, къ чему и пріуготовлять ихъ поручается отправляющемуся на сихъ дняхъ въ Копенгагенъ,

въ качествѣ полномочнаго Министра, Г. Симолину, тому самому, который заключалъ перемиріе.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и сердечною преданностію.

Въ Петергофѣ,
4-го Августа 1772.

P. S. Сей моментъ получено извѣстіе, что Турецкіе Послы пріѣхали и были у нашихъ, а наши у нихъ съ визитами, и размѣнялись полномочіями.

Сіятельнѣйшій Графъ

Милостивый Государь!

Къ величайшему моему сожалѣнію, двѣ почты сряду не имѣлъ я счастія писать къ Вашему Сіятельству; одну, за случившеюся у меня головною болѣзнію, а другую, для того, что получа извѣстіе о зараженіи Клина, не успѣлъ я рѣшиться на способъ, чрезъ который бы письма мои могли мимо Клина доходить вѣрно до рукъ Вашихъ. Сей способъ теперь извѣстенъ Вамъ, Милостивый Государь, черезъ письмо Его Сіятельства, Братца Вашего. Ставъ такимъ образомъ увѣренъ о безопасности переписки, которую имѣю честь вести съ Вашимъ Сіятельствомъ, продолжаю по дѣламъ мое доношеніе, но прежде, нежели начну оное, позвольте принести Вамъ нижайшее мое благодареніе за два милостивыя письма Ваши, отъ 17-го и 24-го прошедшаго мѣсяца.

Въ отвѣтъ на первое изъ оныхъ, не остается болѣе, какъ токмо донести Вашему Сіятельству, что самый опытъ доказываетъ справедливость Вашихъ разсужденій. Зависть Вѣнскаго Двора къ успѣхамъ нашимъ есть очевидна; но не всякой зависти удается самымъ дѣломъ

исполнять свои вредныя желанія. Можетъ быть, не удастся и сему гордому Двору положить преграду нашему вожделенному миру. По крайней мѣрѣ, кажется, что и самому Богу нельзя попустить, чтобъ злоба торжествовала, а кровь невинныхъ лилась. Что же надлежитъ до особы Его Сіятельства, Братца Вашего, то излишне-бъ мнѣ было изъяснять Вамъ, все мое усердіе къ славѣ его, но не могу же, Милостивый Государь, то оставить безъ отвѣта, *что* Вы мнѣ сказать изволили, какъ Братъ его и въ самое тоже время, какъ безпристрастный человѣкъ. Безъ сомнѣнія, большихъ людей честолюбіе состоитъ въ пріобрѣтеніи себѣ почтенія тѣхъ, кои сами почтенны, и которыхъ во всемъ свѣтѣ конечно мало. Въ прочемъ, хула невѣждъ, которыми свѣтъ столько изобилуетъ, не можетъ оскорблять истинныхъ достоинствъ, равно какъ и похвала отъ невѣждъ цѣны онымъ не прибавляетъ. Сіе привело мнѣ на мысль два стишка Г. Сумарокова, заключающіе въ себѣ сію истину:

«Достойной похвалы невѣжи не умалятъ;
«А то не похвала, когда невѣжи хвалятъ.»

Дальнѣйшее произшествіе извѣстной Вамъ визирской переписки оправдало совершенно благоразумное примѣчаніе Вашего Сіятельства, которое во второмъ письмѣ Вашемъ найти я честь имѣлъ. Изъ приложеній, о коихъ упомяну я ниже сего, изволите усмотрѣть, что посланная съ Ахметомъ бумага, кромѣ нѣкотораго намъ предосужденія, ничего не произвела. Здѣсь же, по сей *матеріи*, слѣдуетъ копія съ письма Графа Г. Гр. Хотя, въ самомъ дѣлѣ, за будущее ручаться не возможно, однако Турецкое изнеможеніе, вступленіе Австрійцевъ въ общее съ нами согласіе и самая справедливость дѣла нашего подаетъ причину надѣяться, что миръ заключенъ будетъ по положенному основанію, какимъ бы *самодуромъ* на Конгрессѣ поступлено не было.

Вамъ, Милостивый Государь, изъ прежнихъ писемъ моихъ уже извѣстно мнѣніе мое, о воздаваніи справедливости отъ публики великимъ людямъ. Сколь то правда, что безпокойство Ваше, въ разсужденіи сего, происходитъ отъ нѣжности братскаго дружества; столь, если смѣю сказать, мало основательно сіе безпокойство Ваше и потому одному, что вся Европа, не говоря уже объ Отечествѣ нашемъ, знаетъ, *кто правитъ дѣлами и кто миръ дѣлаетъ*. Словомъ, какъ бы Фаверъ не обижалъ прямое достоинство, но слава перваго исчезаетъ съ льстецами въ то время, когда *самъ Фаверъ исчезаетъ;* а слава другаго — никогда не умираетъ.

Stanford University Libraries
3 6105 007 588 895

PG
3313
F6Z9

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(415) 723-1493

All books may be recalled after 7 days

DATE DUE

MAR 2 8 2000
MAR 2 7 2000

JUN 1 8 2000

MAY 0 4 2000

DEC 2 7 2001
DEC 2 2 2001